Р. Белоусов

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ: XX ВЕК

Книга III

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ РОСТА И ОБНОВЛЕНИЯ

МОСКВА
ИздАТ
2002

ББК 63.3(2)
Б 43
ISBN 5-86656-132-8

Б 43 **Белоусов Р.А.**
Экономическая история России: XX век. – М.:
ИздАТ, 2002. – с. 400

В третьей книге речь идет о периоде, очень важном для дальнейших судеб России. Завершился переход к индустриальной цивилизации. Произошла третья культурная революция в ее истории – практически почти вся масса молодежи получила среднее образование и значительная ее часть – высшее. Все это имело решающее значение для освоения новейших технологий, динамичного развития науки и культуры, а также создания современной армии. Вместе с тем, в тридцатые годы было разрушено то хрупкое равновесие между интересами города и крестьянской Россией, которое с большим трудом было создано в период НЭПа. Произошла обширная деформация экономики и общества, последствия которой сказываются до сих пор.

ББК 63.3(2)

ISBN 5-86656-132-8

© Белоусов Р.А., 2002
© Оформление ИздАТ, 2002

Содержание

Введение 5

Глава 1. Новая перестройка механизма управления и хозяйствования 14
1.1. Очередной виток борьбы за власть 15
1.2. План становится основным инструментом управления экономикой 30
1.3. Изменения в организационных структурах 53
1.4. Формирование нового поколения «командиров производства» 71

Глава 2. Строительство и реконструкция тяжелой промышленности – главное направление экономической политики 90
2.1. Первая пятилетка промышленности 91
2.2. Вторая пятилетка учитывает ошибки первой 114
2.3. Подготовка к войне – основное направление третьей пятилетки 136

Глава 3. Неудачная модель кооперирования крестьянства .. 164
3.1. Локальная война с крестьянством 165
3.2. Запоздалый ход «железным конем» 192
3.3. Сельское хозяйство – слабое звено предвоенной экономики 213

Глава 4. Финансы, кредит, торговля и цены 232
4.1. Перестройка финансовой и кредитной системы 233
4.2. Торговля переживает не лучшие времена 259
4.3. Движение цен, как результат взаимодействия политики и экономики 282

Глава 5. Россия становится индустриальной державой, но с трещинами в социальном каркасе 307
5.1. Социальные итоги трудных лет 312
5.2. Деформация общества 331
5.3. «Оригинальные» подходы к интеллигенции 355

Вместо заключения 377

Примечания 381

Приложение 396

Введение

Неполные три пятилетки перед войной, пожалуй, самый сложный и противоречивый период в истории Советского государства. Его невозможно охарактеризовать и оценить однозначно – слишком много в нем нелогичных событий. Эти годы трудно понять и объяснить человеку, который руководствуется здравым смыслом и общепризнанными ценностями. Они отличаются от других периодов советского времени и в чем-то напоминают эпоху Петра I, когда обновление и возмужание страны сопровождалось жесткой «чисткой» элитного (боярского) слоя общества... Но главное состоит в том, что *тридцатые годы были переломными в современной истории России – крестьянская страна в сжатые сроки превратилась в одну из ведущих индустриальных держав мира.*

Ломка привычных устоев жизни была неизбежна. Но невозможно целиком оправдать те формы и методы, которые применялись для достижения этих целей. Задачи были поставлены грандиозные и одновременно чрезмерно напряженные.

Во-первых, в течение одного десятилетия, не имея достаточных финансовых и материальных ресурсов, предстояло осуществить огромную по масштабам технологическую революцию – многократно расширить, модернизировать и обновить производственный аппарат всех основных отраслей народного хозяйства. Таково было обязательное исходное условие для того, чтобы преодолеть более чем полувековое отставание экономики России от наиболее развитых стран Европы и Америки.

Во-вторых, все более осязаемое приближение новой мировой войны заставляло торопиться с укреплением обороноспособности страны.

В-третьих, интенсивный характер индустриализации и ускоренное развитие военных отраслей потребовали мобилизации огромных накоплений за счет внутренних источников, поскольку на иностранные кредиты рассчитывать не приходилось. Решение такой задачи было самым трудным. И все же ее удалось решить. В стране, которая только-только восстановила экономику на уровне 1913 года,

суммарный объем капитальных вложений в промышленность за 12,5 лет был больше, чем за всю предыдущую историю России.

В-четвертых, и это тоже главное, острый дефицит кадров руководителей, специалистов разного профиля, квалифицированных рабочих, – вынуждал выдвигать на вакантные должности наиболее активных, но нередко профессионально неподготовленных работников, что существенно снижало качество управления и эффективность совместного труда миллионов людей, занятых в народном хозяйстве. Закономерно, что в первой пятилетке были провалены плановые задания по росту производительности труда, снижению себестоимости и увеличению прибыли. В такой обстановке партийные органы слишком часто подменяли хозяйственных руководителей, что нередко заканчивалось отрицательными результатами.

Другая важная особенность этого периода состояла в том, что поспешное, непродуманное изменение экономической политики по отношению к крестьянству разрушило то хрупкое равновесие между интересами города и деревни, которое с таким трудом удалось установить в период НЭПа. Это вызвало перебои в снабжении горожан хлебом и другими продуктами. Очереди за продовольствием и настроения людей во многом напоминали период Гражданской войны, хотя все это происходило в мирное время...

Еще одна отрицательная черта 30-х годов – переход партийной элиты к крайне жестким методам в борьбе за власть, вплоть до физического уничтожения своих бывших соратников, которые стали реальными или мнимыми врагами. Эта опасная болезнь старения действовавшей системы возникла из-за отсутствия четко установленной процедуры смены лидера партии. Болезнь, которую иногда, не без оснований, называют «самоедством», дала тяжелые осложнения, последствия которых полностью преодолеть не удалось до сих пор.

Однако самое удивительное состоит в том, что, несмотря на многочисленные ошибки и волюнтаризм, программа реконструкции и обновления народного хозяйства встретила поддержку «снизу» В той или иной степени проявились позитивные качества новых социальных и экономических отношений. Все это позволило стране не только устоять на ногах, но и успешно двигаться по пути смелых преобразований и быстро наращивать свои производительные силы. Об этом свидетельствуют конкретные факты.

Объем выпуска промышленной продукции в 1940 году превысил уровень 1928 года в 6,5 раза, в том числе по группе «А» – в 10 раз и по производству товаров для населения – в 4,2 раза.

Производство электроэнергии за этот же период увеличилось с 5 до 48,3 млн кВт-ч, то есть в 9,6 раза.

Все это дает основания назвать третий цикл индустриализации России электротехническим. Резко сократилось ее отставание от развитых стран не только количественно, но и качественно.

Динамика потребления электроэнергии в народном хозяйстве[1]

Год	На двигательную силу		На технологические нужды	
	млрд кВт-ч	Доля к итогу, %	млрд кВт-ч	Доля к итогу, %
1928	2,8	83,3	0,1	2,0
1940	22,0	68,8	5,8	18,1

Общее потребление электроэнергии в промышленности за две с половиной пятилетки возросло в 9,7 раза, в том числе на технологические нужды – почти в 60 раз, что отражало массовый характер освоения в тот период новых технологий. Характерно почти прямое влияние произошедших изменений на эффективность производственных процессов. Так, энерговооруженность труда рабочих в промышленности за этот период повысилась в 4, а его производительность – в 3,4 раза.

Использование электроэнергии в сельском хозяйстве за те же годы увеличилось в 15,4 раза, в основном, в связи с электрификацией деревень, а также колхозов, совхозов и МТС. Главное направление технологической реконструкции этой отрасли состояло в том, чтобы максимально механизировать ручной труд и заменить конную тягу на тракторную. Общая энерговооруженность труда крестьянина в 1940 году по сравнению с уровнем 1929 года увеличилась в 4 раза, то есть так же, как в промышленности.

Крупномасштабные качественные изменения, полученные в результате технической реконструкции хозяйства, позволили России придать устойчивый характер ее экономическому росту и превзойти перед войной наиболее развитые страны мира по динамике промышленного производства.

Динамика промышленного производства в отдельных странах
Уровень производства 1928 года принят за 100

	СССР	США	Великобритания*	Франция*
1940 г.	645	126	130	87

* 1939 г.

Как уже отмечалось, важным материальным фактором такого успеха выступал гигантский объем капитальных вложений в ключевые отрасли народного хозяйства, что, в свою очередь, обеспечивалось преимуществами общественной собственности и плановым характером управления производством и строительством.

Но, нельзя упускать из вида тот факт, что в конечном итоге, все решали десятки миллионов людей, которые, проявляя стойкость, выдержку и терпение, вопреки всем невзгодам, в массе своей работали с энтузиазмом. Они верили в то, что стали хозяевами своей судьбы и от них зависело качество жизни и будущее их детей. Поэтому трудности не пугали. Люди творили чудеса: за двенадцать лет было построено 9 тысяч предприятий. Часто рядом с ними вырастали новые города или поселки городского типа.

Так, первые сотни молодых парней и девчат, которым предстояло строительство нового города Комсомольск-на-Амуре, высадились на таежном берегу реки с небольшого корабля «Колумб». Они не только открыли новую землю, но и своими руками построили на Дальнем Востоке крупный центр металлургии и машиностроения. Сказать, что было трудно – еще ничего не сказать. Не хватало жилья и тепла, а зима там суровая и долгая. Случались перебои с продовольствием. Не все выдержали зимние вьюги и стужу. Болели. Многие вернулись домой. Ну, а кто прошел все, сразу стал «бывалым человеком», закаленным и стойким.

Не всем дано понять духовную культуру и жизненные ценности строителей Магнитки, тех первопроходцев, которые оставили после себя Турксиб и завод по производству синтетического каучука, тысячи других объектов, послуживших опорными точками для победы в Отечественной войне и формирования России как великой державы в послевоенный период.

Большинство молодежи всегда искало и ищет возможность проявить характер, выразить себя в трудном и опасном деле: одни прыгают с парашютом, другие карабкаются в Гималаях, третьи отправляются в одиночку на яхте вокруг «шарика» или идут на лыжах к Южному полюсу. Другой исторический факт: в начале XX века ежегодно каждый четвертый пилот, поднимавшийся в воздух на самолете, раньше или позже попадал в аварию, часто со смертельным исходом. Это значит, что средняя продолжительность жизни летчика после того, как он впервые поднялся в воздух, резко сокращалась. Тем не менее, желающих получить эту профессию было очень много...

Конечно, период первых пятилеток не похож на гаревую дорожку, по обеим сторонам которой разместили портреты героев.

Слишком часто трагические эпизоды обрушивались на большие группы людей без всякого повода к тому с их стороны. Так, в 1928–1932 гг. – 2–4 млн крестьян (из 120 млн их общего числа) официально были причислены к кулакам, и против них была объявлена война на уничтожение.[2]

Начало интенсивной индустриализации обнажило острую нехватку квалифицированных технических специалистов. С позиций здравого смысла трудно объяснить, зачем и почему в такой обстановке начался по существу показательный процесс членов так называемой «Промышленной партии». Среди осужденных было немало пассивных противников курса на ускоренную индустриализацию, но с ними нужно было идти на компромисс, как это делал В. Ленин, а не загонять в тюрьмы. Вскоре партийное руководство поняло свою ошибку и отпустило вожжи, но шрамы на теле и в душе интеллигенции остались...

Перед началом Отечественной войны в тюрьме оказались многие талантливые авиационные конструкторы. Среди них особенно выделялись А.Н. Туполев, В. Петляков, В. Мясищев, будущий генеральный конструктор космических ракет С. Королев и другие. После проведенных нескольких лет в «шарашках» они были реабилитированы. Но для многих пребывание в заключении стало личной трагедией, и глубокие раны кровоточили до конца жизни.

Накануне войны была проведена также «большая чистка» среди командного состава Красной армии, что послужило одной из причин ее слабости в первый период войны.

Когда все эти факты, искалечившие судьбы миллионов людей, выстраиваются в один ряд, невольно возникает страшный вопрос: кто же был настоящим врагом народа? Ответить на такой вопрос однозначно очень трудно. Ведь в это же время под руководством Сталина и его «соратников», в России был осуществлен рекордный рывок в технической реконструкции хозяйства. Многократно вырос научный, культурный и организационный потенциал.

На каких весах можно взвесить то добро и то зло, которые оставила после себя в истории эта незаурядная личность? Видимо, по аналогии с памятью о Петре Великом, у Сталина есть и будут свои активные защитники и не менее энергичные противники. Конечно, исторические аналогии всегда относительны, неточны, а потому спорны. У науки нет пока методики, которая помогла бы максимально правдиво написать портрет исторического героя как целостной личности. Известно, что фотография иногда лучше, а чаще хуже, чем человек «в жизни». Написанный художником портрет

обычно приукрашивает «натуру». Еще более субъективны исторические портреты, поскольку авторы не могут воспроизвести реальное соотношение добра и зла в человеке, которое к тому же меняется во времени в зависимости от развития конкретной обстановки.

«Дьявольское начало, – отмечает русский философ Иван Ильин, – имеет в жизни человеческого рода свою историю...Эпоха европейского «просвещения» (начиная с французских энциклопедистов XVIII века) подорвала в людях веру в бытие личного дьявола. Образованному человеку не верится в существование такого отвратительного человекообразного существа «с хвостом, с когтями, с рогами», никогда не виданного...

С начала XIX века Европа вновь увлекается противобожественными обликами. Появляется демонизм сомнения, отрицания, гордости, бунта, разочарования, горечи, тоски, презрения, эгоизма и даже скуки. Поэты развертывают целую галерею «демонов» или «демонических» людей и настроений, причем эти «демоны» – «умны», «остроумны», «образованы», «гениальны», «темпераментны», словом «обаятельны» и вызывают сочувствие. А «демонические люди» являются воплощением «мировой скорби», «благородного протеста» и какой-то «высшей революционности».

Одновременно с этим возрождается «мистическое» учение о том, что «темное начало» имеется даже и в Боге».[3]

Не берусь комментировать Ивана Ильина. Пускай читатель самостоятельно обдумает свою точку зрения относительно «демонических» людей. Точно также не готов дать обобщающую характеристику фигуры И. Сталина, который на протяжении трети века во многом определял судьбы россиян. Ему тоже были присущи черты добра и зла («демонизма»), соотношение которых существенно менялось в отдельные периоды советской истории.

А. Микоян несколько десятилетий находился рядом с «хозяином Кремля» в самых различных ситуациях. Пользовался его доверием, проводил его линию, прежде всего, в хозяйственной сфере. После смерти Сталина Микоян делал попытки отмежеваться от своего прошлого, в том числе от близких отношений с ним. Поэтому оценки Микояна двойственны, и в этом смысле – полные. Среди сильных сторон Сталина он выделяет «незаурядные организаторские способности, феноменальную память и работоспособность, твердость и целеустремленность» К отрицательным относит «непомерную жестокость, грубость, черствость, коварство, лицемерие, цинизм».

«Запомните, – подчеркивает Микоян, – Сталин в конце 30-х годов – это совершенно изменившийся человек: до предела

подозрительный, безжалостный и страшно самоуверенный. О себе нередко говорил уже в третьем лице»[4].

Чтобы лучше понять Сталина как человека, следует выделить две основные группы его интересов: личные и государственные. В личном плане Сталин никогда не стремился к роскоши, богатству, деньгам. Был сдержанным к спиртному и женщинам. Фактически жил без семьи. Как Иван Грозный и Петр Первый, он пережил семейную драму – смерть жены и сына. Для детей и внуков у него не хватало времени. Светлана Аллилуева, его единственная дочь, так описывает свои чувства, которые нахлынули на нее у гроба отца: «Как странно, в те часы, когда передо мною лежало уже тело, а душа отлетела от него, в последние дни прощания в Колонном зале, – я любила отца сильнее и нежнее, чем за всю свою жизнь. Он был очень далек от меня, от нас, детей, от всех своих ближних. На стенах комнат у него на даче в последние годы появились огромные, увеличенные фото детей, – мальчик на лыжах, мальчик у цветущей вишни, – а пятерых из своих восьми внуков он так и не удосужился ни разу повидать. И все-таки его любили, – и любят сейчас, эти внуки, не видевшие его никогда. А в те дни, когда он успокоился, наконец, на своем одре, и лицо стало красивым и спокойным, я чувствовала, как сердце мое разрывается от печали и от любви...

Я чувствовала, что я – никуда не годная дочь, что я никогда не была хорошей дочерью, что я жила в доме как чужой человек, что я ничем не помогла этой одинокой душе, этому старому, больному, всеми отринутому и одинокому на своем Олимпе человеку, который все-таки мой отец, который любил меня, – как умел и как мог, – и которому я обязана не одним лишь злом, но и добром...»[5].

Над всеми чувствами Сталина господствовала страсть к абсолютной власти, то есть его личные и государственные интересы тесно переплетались друг с другом. При этом государственные интересы были главными, определяющими. Это не гарантировало его от мелких и крупных ошибок. Но, в рамках своего понимания обстановки и реальных возможностей он стремился всячески укреплять государство, прежде всего в военном и экономическом отношении. Он хорошо понимал также важную роль культуры и образования в модернизации и обновлении страны. Сталин ценил людей, по его мнению, нужных и полезных государству, умел быть по отношению к ним радушным хозяином, внимательным слушателем, готовым быстро помочь, если это требовали обстоятельства дела.

Так, он поверил в способности авиаконструктора А. Яковлева и всячески помогал ему создать новый истребитель. В июле 1939 г.

сам еще находился в стадии становления и обкатки. Отсюда многочисленные ошибки, сбои, отказы, поломки, то есть слишком высокая доля технологического и управленческого брака в работе большинства предприятий.

Все это вызвало повышение нижнего предела цен – издержек производства. Вместо запланированного снижения себестоимости выпускаемой продукции почти повсеместно отмечалось ее довольно значительное повышение.

Изменение себестоимости товарной продукции промышленности
% снижения (прироста) к предыдущему году

1928/29	1929/30	1931	1932	1933	1934	1935
– 5,2	– 6,9	+ 6,8	+8,1	+ 0,7	– 3,6	–3,9

Только в 1929 и 1930 годах, когда доля новых заводов в товарной продукции промышленности была еще относительно невысокой, а среди ее производственного персонала преобладали опытные, квалифицированные кадры, в том числе среди руководящего и инженерно-технического состава (время А. Рыкова), – отмечаются высокие темпы снижения себестоимости выпускаемой продукции. Затем последовали три года освоения новых производственных мощностей и технологий на вступивших в строй промышленных предприятиях. По существу, это был период массового обучения новых промышленных кадров непосредственно на рабочих местах. Естественно, качество труда и готовой продукции было невысокое.

К тому же начиная с 1931 года ситуация в промышленности меняется: безработица ликвидирована. Она уже не довлеет на рынке труда и не сдерживает рост заработной платы. Напротив, повсеместно требуется рабочая сила. Ее можно привлечь на стройки и пускаемые в эксплуатацию предприятия, где преобладают низкая организация труда, необустроенное жилье, не налажено нормальное общественное питание, – только за счет энтузиазма молодости и высокой зарплатой для тех, у кого уже есть семья и дети. В таких условиях приходиться повышать оплату труда даже неквалифицированным рабочим, не увязывая ее с динамикой производительности труда. Доля неопытных работников, чаще всего по разным причинам приехавших из деревни, быстро растет. Им нужно время, чтобы освоить новые для них инструменты, привыкнуть к совершенно новым требованиям, научиться читать чертежи и делать, причем качественно, ранее незнакомые предметы. Для учебы нужно время, а его нет. Отсюда неизбежна невысокая производительность

слушал внимательно, не перебив ни разу. А когда я смолк, он приостановился, словно что-то решая про себя, и после небольшой паузы начал глухим и негромким голосом задавать вопросы...

Я подробно перечислил все наши дела и задумки, сказал и о «тормозах».

И опять Сталин, сделав несколько шагов по кабинету, не откладывая дело на потом, принял соответствующее решение...Никогда, ни разу не принимал он пустых или расплывчатых директив, а с особой тщательностью продумывал и определял все пути к безусловному, верному решению и его выполнению»[8].

Аналогичных высказываний можно привести много, как и противоположных. В данной книге читатель найдет достаточно фактов и разных материалов, чтобы сформировать или уточнить свою позицию относительно роли И. Сталина в истории России.

Но, еще раз хочется подчеркнуть: главными героями этой истории были рабочие и крестьяне, инженеры и финансисты, ученые и учителя, директора предприятий и наркомы, врачи и военные, писатели и артисты. Каждый на своем месте самостоятельно трудился над тем, чтобы решить свою задачу. Но, независимо от того, сознательно или нет, все вместе они реализовали единую национальную идею – обновить страну и сделать ее сильной во всех отношениях. Сталина они видели издалека. Большинство знало его только по портретам, газетам и выступлениям по радио, но доверяло ему, поскольку связывало свои надежды с общими планами и деятельностью руководства. А иначе – как жить?

Глава 1. Новая перестройка механизма управления и хозяйствования

Восстановление основных показателей здоровья довоенной экономики России в течение пяти лет после тяжелой Гражданской войны, означало, что ее воспроизводственный поток вернулся в русло 1913 года. Это позволило решить ряд неотложных проблем, прежде всего, накормить более 130-миллионное население, вдохнуть жизнь в остановившиеся заводы и фабрики, вернуть крестьян на заброшенные поля, наладить торговлю и транспорт. Но одновременно возникли новые трудности и противоречия:

- макроэкономические показатели 1913 года фиксировали многократное отставание народного хозяйства России от наиболее развитых стран, что послужило одной из главных причин ее поражения в Первой мировой войне. Поэтому уровень экономического развития 1926 года не принес успокоения – это был лишь начальный, хотя и важный этап хозяйственного строительства;
- технологическое оборудование и транспортные средства в течение последних 13–14 лет обновлялись в крайне ограниченных масштабах, поэтому сильно износились физически и морально. Фактическая загрузка производственных мощностей достигла в 1926–1927 годах почти предельного уровня, превышение которого без их обновления, реконструкции и расширения представлялось практически невозможным;
- первая (1891–1899 гг.) и вторая (1909–1916 гг.) волны интенсивной индустриализации России финансировались в значительной мере за счет иностранного капитала. Для Советской республики этот важный источник накопления был перекрыт;
- семь лет войны основательно сузили, а в ряде регионов развалили систему народного образования и подготовки квалифицированных кадров, что заметно снизило качество рабочей силы во всех отраслях народного хозяйства;

- перегибы в темпах индустриализации в тридцатые годы и фактический отход от курса НЭПа, направленного на решение крестьянского вопроса и связанной с ним продовольственной проблемы, – были серьезными стратегическими ошибками. Это, в свою очередь, нарушило шаткое равновесие в развитии промышленности и сельского хозяйства, создав ненужные дополнительные трудности и напряжения;
- начиная с середины 30-х годов быстро нарастала угроза новой мировой войны, что вынуждало Россию тратить на укрепление своей обороноспособности все большие объемы материальных и денежных ресурсов.

Наряду с этими, напряженную обстановку жизнедеятельности многомиллионного населения России осложнял ряд субъективных факторов.

1.1. Очередной виток борьбы за власть

Хорошо известно, что политика является концентрированным выражением экономики. Но экономическим реформам, как правило, предшествует смена политической власти. К сожалению, за весь период Советской власти не удалось создать надежный механизм легитимной, «плавной» смены первого руководителя государства, а также выявления, подготовки и выдвижения талантливых или хотя бы способных людей на ключевые должности в управлении страной и экономикой. В большинстве случаев группа лиц, оказавшаяся в силу стечения тех или иных обстоятельств на верхней ступени управленческих структур, подбирала кадры в свою команду и аппарат по критерию лояльности, то есть личной преданности, а затем уже рассматривалась профессиональная пригодность работника для конкретной должности. При этом смена первых лиц чаще всего происходила болезненно, с неприятными осложнениями, последствия которых сказывались на протяжении многих лет, а иногда и десятилетий. Лидером становился тот, кто побеждал в «вольной борьбе», допускавшей широкий диапазон различных приемов, в том числе «удары ниже пояса».

Так, В. Ленин стал общепризнанным лидером после нескольких покушений на его жизнь с применением огнестрельного оружия. А сколько было всякого рода интриг, провокаций, мелких и крупных подлостей, чтобы оттеснить его от руководства страной? Постоянные перегрузки и стрессы, последствия ранения относительно быстро подорвали здоровье Ленина, с начала 20-х годов он все чаще стал чувствовать недомогание. Головные боли мешали работать.

В мае 1922 года серьезное заболевание сосудистой и нервной системы проявилось в острой форме: нарушилась речь, перестали «слушаться» правые нога и рука. Несколько месяцев отдыха и лечения позволили вернуться к работе, но не надолго. В середине декабря – второй удар, опять по правой стороне. Но голова работает. Ленин с трудом и болью, медленно, по кусочкам диктует свои последние статьи и так называемое «завещание» – письмо к съезду, в котором предсказывает предстоящую схватку в борьбе за власть между Троцким, Зиновьевым, Каменевым и Сталиным. При этом он отмечал:

Троцкий, «пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий (может быть, «страдающий» – *Р.Б.*) самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

«Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека».

«...Не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью...»

«Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским...»

«Пятаков – человек, несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе». [1.1.]

Не видя среди своих ближайших соратников ни одного достойного преемника (о кандидатуре А. Рыкова в «завещании» даже не упоминалось), Ленин рекомендовал «предпринять ряд перемен в сложившимся политическом строе». В частности, имелось в виду расширить состав ЦК до 50–100 человек за счет представителей рабочего класса, объединить государственный и партийный контроль и др. Эта часть завещания вскоре была выполнена.

Шесть упомянутых в письме съезду политиков, так или иначе, познакомились с его содержанием.[1.2.] Каждый для себя сделал соответствующие личные выводы. В первую очередь, они занялись укреплением своих позиций в партии, предчувствуя, что для них наступают нелегкие времена.

9 марта 1923 года у Ленина случился третий инсульт, в результате которого он лишился речи, то есть последней возможности работать и хоть как-то влиять на обстановку в партии и правительстве. Это событие активизировало борьбу среди его политических наследников за самую трудную и ответственную должность в стране, которая, тем не менее, завораживает и притягивает к себе многих желающих попробовать покрутить руль государственной машины.

Еще в середине октября 1917 года состоялась конфиденциальная встреча Ленина и Троцкого, результатом которой стала их договоренность о сотрудничестве в период предстоящего вооруженного восстания.[1.3.] Эта договоренность автоматически пролонгировалась в последующие годы, но не нашла своего продолжения в «завещании». Видимо, Ленин, зная взбалмошный характер Троцкого, опасался непредсказуемых действий с его стороны. В качестве противовеса ему в условиях, когда болезнь резко ограничила его физические возможности самообороны, Ленин приближает к себе Каменева и Зиновьева – людей, которые в недалеком прошлом не только выступали против его позиции, но и, по меньшей мере, дважды предавали в трудный момент. Тем не менее, в 1922 году, не без помощи Ленина, они занимают ряд ключевых позиций в Совнаркоме, Политбюро и Коминтерне. Зиновьев возглавляет партийную организацию Петрограда. В Политбюро под председательством Л. Каменева была создана особая комиссия, которая направляла и координировала все экономические и финансовые ведомства.[1.4.]

В это же время, по всей вероятности, не без участия Каменева и Крупской, давние доверительные отношения между Лениным и Сталиным были разорваны. Можно напомнить, что в 1917 году Сталину было поручено сделать доклад о политическом положении на VI, нелегальном, съезде партии. Он был членом ЦК. Отвечал за выпуск газеты «Рабочий путь». Входил в Партийный центр по руководству восстанием. В декабре 1917, когда Ленин поехал на короткий срок отдохнуть в санаторий, Сталин проводил заседания Совнаркома. С 1919 года, то есть с момента создания Политбюро, он входит в его состав. В апреле 1922 года на пленуме ЦК, по предложению Л. Каменева и очевидно по согласованию с В. Лениным, Сталин был избран генеральным секретарем ЦК. И вдруг все оборвалось – «сосредоточил в своих руках необъятную власть», «слишком груб...»

Троцкий был согласен с оценкой Ленина, что именно он «самый способный человек в настоящем ЦК». Поэтому рассчитывал по справедливости занять освобождающееся место лидера. Но «завещание»

не предусматривало такой вариант. Да и среди членов партии с дореволюционным стажем у него было слишком мало союзников. Поэтому приходилось рассчитывать, в первую очередь, на свои собственные силы, на молодежь, а также на возможную поддержку разного рода оппозиционных организаций, которые в последние годы не раз выступали против Политбюро. Трезво оценивая обстановку, Троцкий выбрал своеобразную тактику своих действий. Осенью 1923 года, когда Ленин был парализован болезнью, он публикует в «Правде» несколько писем, которые объединил в брошюре под общим названием «Новый курс». Выразив свою озабоченность с возникшим «экономическим кризисом» (ножницами цен и трудностями сбыта промышленной и сельскохозяйственной продукции), Троцкий нацелил свой главный удар по двум болевым точкам: первая – взаимоотношения молодых и старых членов партии, вторая – растущий бюрократизм в партийном руководстве.

«Партия живет на два этажа: в верхнем – решают, в нижнем – только узнают о решениях...Старый курс (читай: старшее поколение – *Р.Б.*) именно за последние месяцы обнаружил наиболее отрицательные и прямо-таки нестерпимые черты аппаратной замкнутости, бюрократического самодовольства и игнорирования настроений, мыслей и запросов партии...Если этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы в конце концов вызвать перерождение партии».[1.5.] Против таких оценок трудно было возразить. Бюрократизм – это, прежде всего, уход руководителя или рядового работника от личной ответственности за развитие тех или иных событий. Поэтому бюрократы проявляют минимум инициативы, боятся всего нового, тянут волокиту при принятии конкретного решения, охотно прячутся от противоречий жизни за букву инструкции и закона. На зрелой стадии бюрократ смыкается с коррупцией...

Ленин еще годом раньше, чем Троцкий писал: «*Нас затягивает* поганое бюрократическое болото в писание бумажек, говорение о декретах, писание декретов, и в этом бумажном море тонет живая работа.

Умные саботажники умышленно нас затягивают в это бумажное болото. Большинство наркомов и прочих сановников «лезет в петлю бессознательно».[1.6.] Интересно отметить также, что, выступая с докладом на VIII съезде Советов (декабрь 1920 г.), Троцкий встал на защиту бюрократии, утверждая: «Бюрократия имеет не только отрицательные, но и положительные черты: более специальное знакомство с определенными отраслями управления и хозяйства; четкую

иерархию взаимоотношений; определенные, выработанные долгой практикой приемы работы и т. д. Такого рода аппарат советской бюрократии (партийной и непартийной) приходит на смену самодельщине, кустарничеству, наконец, первобытному хаосу и потому является необходимым этапом в нашем государственном развитии».

Спустя три года, когда задача для Троцкого состояла в том, чтобы максимально очистить ЦК от «старой гвардии» и привлечь к руководству партии своих сторонников из молодежи, его взгляды радикально меняются. Он решил напрямую обратиться к членам партии: «Убивая самостоятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина...Молодежь – важнейший барометр партии – резче всего реагирует на партийный бюрократизм... *Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить «старую гвардию» как революционный фактор.* Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма».[1.7.]

Обсуждение писем Троцкого в первичных партийных организациях показало, что их автор переоценил собственные силы и свое влияние в партии. Массы людей его не поддержали. XIII конференция ВКП(б), собравшаяся за неделю до смерти Ленина, приняла специальную резолюцию «О мелкобуржуазном уклоне в партии», в которой осудила действия оппозиции и предупредила о том, что имеется не опубликованное пока решение X съезда партии, «дающее право совместному заседанию ЦК и ЦКК двумя третями голосов перевести из членов в кандидаты или даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения партдисциплины или «допущения фракционности».[1.8.]

Буквально через несколько дней после конференции почти все партийное руководство собралось в Горках на траурную церемонию прощания с Лениным. Вот как зафиксировал это событие В. Бонч-Бруевич:

«По лестнице, не спеша и словно замедляя шаги, поднимались вожди старой гвардии большевиков, только что прибывшие на автосанях...

Душевная, тихая, без слов, встреча с Надеждой Константиновной...

И дальше туда, в ту зачарованную комнату, где нет ни слез, ни рыданий, а только лишь жуткий покой...

Вот впереди всех Сталин. (Его назначили ответственным за организацию похорон – *Р.Б.*). Он не идет, как все. Походка его принадлежит ему одному...Лицо его бледно, сурово, сосредоточено...

Вот Каменев, ласково тихий, внешне немного взволнованный, идущий спокойно, размерено, туда, куда идти неизбежно, но поэтически встревоженное лицо его дает понять каждому, сколь тяжки, сколь скорбны часы переживаемого им.

Вот Зиновьев, проведший с Владимиром Ильичем, может быть, больше времени, чем кто-либо...Он печален, задумчив и грустен. Приветлив и нежен с Надеждой Константиновной, и как-то интимно близко, просто и сердечно подошел он к тому, с кем долгие годы привык делить и горе поражений, и радость, и счастье все потрясающих побед. Пришел Калинин, взошли все остальные приехавшие. Почти вбежал глубоко потрясенный, взволнованный, раскрасневшийся и не могущий себя успокоить Бухарин, совершенно забывший о себе, о своей болезни...

Все стали вокруг... Все замерло. И тихо, тихо было здесь...

– Да, да, вот оно что... Вот оно что...– первый проронил слова Сталин и стал обходить Владимира Ильича своим размеренным шагом...Порывисто, страстно вдруг подошел к изголовью.

– Прощай, прощай, Владимир Ильич...Прощай!.. Махнул рукой и отошел резко, словно отрубил прошлое от настоящего.

Подошел Каменев, задумался и нежно почти прильнул к груди и лицу Владимира Ильича...

Зиновьев трогательно простился со своим другом...

– Прощай Ильич, – громко прощался и целовал его Бухарин. Подошли остальные...».[1.9.]

Л. Троцкого в Горках не было. Он на Кавказе набирался сил после болезни. Но времени зря не терял – быстро набросал воспоминания «О Ленине» и начал готовить рукопись, где излагал свое видение событий от февраля до октября 1917 года.

23 мая 1924 года, то есть спустя всего четыре месяца после памятных всем похорон, Л. Каменев кратким вступительным словом открыл тринадцатый съезд РКП(б). С докладами о политическом отчете ЦК выступил Г. Зиновьев, об организационном – И. Сталин. Они договорились не затрагивать вопросы разногласий внутри партии, чтобы «не бередить раны, которые, казалось, зажили». Но Троцкий, расценив это как проявление слабости, вновь выступил со старыми обвинениями в бюрократизации партийного аппарата, напомнил о противоречиях между старым поколением большевиков и молодежью, о недостатках планирования народного хозяйства и др.[1.10.]

Логично, что Сталин и Зиновьев, получив заключительное слово, весьма резко отреагировали на его выступление. Критические

замечания в адрес Троцкого прозвучали во многих выступлениях участников съездовской дискуссии. Пожалуй, только один Е. Преображенский решился открыто выступить на его стороне. В итоге съезд целиком и полностью поддержал резолюцию XIII партконференции «О мелкобуржуазном уклоне в партии», приобщив ее к своим постановлениям.

Тем не менее, Л. Троцкий был избран в новый состав ЦК и к осени закончил новый труд в виде предисловия к третьему тому своих сочинений, известный больше под названием «Уроки Октября».

Главное, что хотел показать в этой работе автор – это неблаговидную роль, которую сыграли Зиновьев и Каменев накануне и в первые дни Октябрьского восстания: «Позиция правых, – отмечал Троцкий, – полнее и принципиальнее всего освещается в письме «К текущему моменту» за подписью Зиновьева и Каменева. Написанное 11 октября, то есть за две недели до переворота, и разосланное важнейшим организациям партии, письмо это решительно выступает против вынесенного Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании...Письмо говорит: «Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание – значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции... Тем самым авторы письма радикально расходились с Лениным, который в те дни «настойчиво, неутомимо и непрерывно» торопил ЦК с началом восстания, опасаясь упустить благоприятный момент. Поэтому их вряд ли можно назвать ленинцами». [1.11]

Каменев, Зиновьев и Сталин имели возможность заблаговременно ознакомиться с версткой «Уроки Октября». У них был примерно месяц, чтобы организовать массовые выступления, письменные и устные, против очередного наступательного маневра Троцкого. В самом начале 1925 года вышел сборник «За ленинизм», перед которым была поставлена неразрешимая задача – доказать, что в период Октября Каменев и Зиновьев действовали как настоящие герои-революционеры, а Троцкий был где-то в стороне, на второстепенных ролях... Но в 1925 году важно было не то, *что* писали авторы, а *кто* выступал единым фронтом против упрямого возмутителя спокойствия. Статьи написали (а может подписали?): А. Рыков, Н. Бухарин, Л. Каменев, И. Сталин, Г. Зиновьев, Н. Крупская, Г, Сокольников, В. Молотов, А. Бубнов, А. Андреев. Э. Квиринг, Д. Лебедь, И. Степанов, О. Куусинен, В. Коларов (болгарин), С. Гусев, Мельничанский.[1.12.]

В некоторых местах прошли собрания и митинги, которые требовали исключения Троцкого из партии. На таком решении

настаивали также Каменев и Зиновьев. Но Сталин был против крайних мер, может быть, потому, что рассчитывал иметь этого бойца на своей стороне в неизбежном конфликте на следующем этапе борьбы за власть. Тем не менее, Троцкий лишился постов наркома военных дел и председателя Реввоенсовета, однако, остался членом ЦК и Политбюро.

Прогноз Сталина оправдался, хотя и не полностью. Уже во второй половине 1925 года Зиновьев и Каменев начинают подготовку к решающей схватке с Бухариным, который в Политбюро де-факто занял место Ленина – теоретика и стратега партии. (Совсем недавно на это место примерялся Каменев). Целясь в Бухарина, оппозиция имела в виду лягнуть и Сталина.

Главной ударной силой в этой схватке должна была стать Ленинградская партийная организация, которую в то время возглавлял Зиновьев. Определилось и место сражения – предстоящий XIV съезд партии, который оппозиция предлагали провести «на своем поле», то есть в Ленинграде. Направление главного удара, как уже отмечалось – Бухарин. Однако они не учли, что обстановка в партии изменилась по сравнению с той, что была полтора года назад (на XIII съезде). Теперь с политическим отчетом выступил Сталин, с организационным – Молотов. Зиновьев настоял на том, чтобы сделать содоклад, в котором защищал себя с помощью многочисленных цитат и ссылок на Ленина и активно критиковал Бухарина за его трактовку госкапитализма и высказываний в защиту кулака. (Каменев взял на себя, уже в ходе дискуссии, роль резкого критика Сталина). По реакции зала, а позже при голосовании резолюций, было видно, что большинство делегатов съезда не поддерживают новую оппозицию.

Думается, что суть и характер происходящего на съезде достаточно полно раскрыл в своем выступлении А. Рыков: «Когда мы накануне съезда обсуждали с т. Зиновьевым вопрос о том, что делать, чтобы избежать лихорадки в партии и в стране, т. Зиновьев нам сказал: по его мнению, мы можем сесть за общий стол и единогласно составить проект резолюции по докладу ЦК, что все тезисы т. Сталина они принимают и не возражают. Но, – говорил он, – мы не можем сделать одного – допустить, чтобы произошли изменения в руководстве ленинградской организацией и что-нибудь случилось с ее теперешними лидерами. Они больше всего заинтересованы в том, чтобы Ленинград остался самостоятельным, конкурирующим центром, со своим органом печати и т. п. Следовательно, главным пунктом разногласий является вопрос о том, должен ли в партии быть один центр или два...

Я привел эти переговоры с оппозицией в доказательство того, что она является беспринципной не только в силу разнородности и противоречивости взглядов своих лидеров (Сокольников и Зиновьев, Лашевич и Крупская). Она доказала свою беспринципность в самой дискуссии сменой различных платформ и эволюцией своих взглядов.

...Наши продолжительные разговоры и с тов. Зиновьевым, и с тов. Каменевым показывают, что вся та группа вопросов, которая связана с тем, что мы не так боремся с кулацким элементом, – выдумана. Тут ни малейшей искренности ни у тов. Зиновьева, ни у тов. Каменева нет, так же, как и по вопросу о борьбе с отрицательными чертами нэпа». [1.13.]

Съезд принял специальное обращение ко всем членам Ленинградской организации, в котором обратил их внимание на непоследовательность поведения Зиновьева и других членов делегации от Ленинграда: «Ваше *конференция* голосовала за *доверие* Центральному Комитету...Ваша *делегация* на съезде голосовала *против доверия* ЦК.

Ваша *конференция* считала необходимым *единство* партии. Ваша *делегация* голосовала *против* всего съезда, противопоставив себя съезду партии». [1.14.]

Сразу после окончания съезда Политбюро направило в Ленинград комиссию под председательством В. Молотова для разъяснения принятых съездом решений. Члены комиссии выступали в крупных партийных организациях, в печати, на рабочих собраниях. Им удалось убедить ленинградцев в правомерности позиции съезда – 96 % участников таких встреч голосовали в поддержку принятых решений. Зиновьев был отстранен от руководства ленинградской партийной организацией. На освободившееся место был избран С. Киров.

Потерпев поражение на съезде, Зиновьев и Каменев весной 1926 года сближаются с Троцким и его сторонниками – Преображенским, Пятаковым, Радеком, Сокольниковым, Мураловым и другими, а также с остатками «рабочей оппозиции» и группы «демократических централистов». Изначально объединение, в рядах которого насчитывалось несколько тысяч уже «битых» и еще молодых активистов, получилось рыхлым, так как его участники не очень-то доверяли друг другу, хорошо помня прошлое... Но не было другого выбора, чтобы противостоять Бухарину, Сталину и Рыкову, которые со своими сторонниками имели количественное и качественное превосходство, занимая более выгодные позиции в государственных и партийных структурах...

Не отличались новизной и идеи, с которыми в 1926–1927 годах выступала объединенная оппозиция: ускоренное развитие промышленности, улучшение жизни рабочих, ограничение нэпманов в городах и кулаков в деревне, демократизация руководства партией. Но и этот небогатый идейный багаж очень трудно было донести до первичных организаций, до масс, поскольку печать и радио находились под контролем Центра.

Действия оппозиции не только не встречали поддержки со стороны рабочих, на которых она так рассчитывала, но довольно часто наталкивались на их противостояние и даже враждебные выступления.

Пришлось переселяться в подполье, размещая там нелегальные типографии, склады с листовками и популярными брошюрами, создавать специальные места встреч (явки) и систему связи. Это, в свою очередь, послужило поводом, чтобы к борьбе с оппозицией подключились специальные организации, прежде всего ГПУ. Перспектива неизбежного поражения не устраивала оппозицию, и 16 октября 1926 года шесть ее лидеров: Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сокольников, Пятаков и Евдокимов выбросили белый флаг – опубликовали заявление, в котором признали неправильность своей фракционной борьбы и обещали впредь строго соблюдать партийную дисциплину. Через несколько дней объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) вывел из состава Политбюро Троцкого и Каменева, обратился к руководству Коминтерна освободить Зиновьева от ответственной должности в этой организации (в декабре его место занял Бухарин), предупредил других лидеров о «недопустимости подобного поведения». [1.15.]

Несколько месяцев о деятельности оппозиции ничего не было слышно. Но в сентябре 1927 года ее лидеры передали в ЦК проект новой реформы партийной системы, предлагая обсудить его на предстоящем съезде партии. Суть реформы состояла в том, чтобы расширить права и самостоятельность первичных организаций и ограничить полномочия партийного аппарата. ЦК отклонил это предложение. Тогда ее авторы решили напечатать проект реформы нелегально. ГПУ пресекла эту затею, арестовав нескольких человек, непосредственно занимавшихся организацией тиражирования нового документа оппозиции.

7 ноября, в десятую годовщину Октябрьской революции Троцкий, Зиновьев, Преображенский, Раковский и их немногочисленные единомышленники на праздничных демонстрациях в Москве, Ленинграде и Харькове развернули транспаранты со своими лозунгами и призывами.

Еще через неделю Троцкого и Зиновьева исключили из партии, Каменева и Раковского вывели из ЦК. На XV съезде еще почти 100 активных оппозиционеров были исключены из партии. Около 20 человек, в том числе Каменев и Зиновьев, в очередной раз покаялись, рассчитывая, что через шесть месяцев испытательного срока их вновь восстановят. Троцкий и большая группа его сторонников не согласились на такое унижение. В январе 1928 года Троцкого с женой и сыном, вместе с некоторыми оппозиционерами, высылают в Алма-Ату. Однако, и там он не изменил ни характера, ни направленности своих выступлений. Больше того, в октябре 1928 года Троцкий обратился с призывом к коммунистам всех стран развернуть борьбу против Сталина и Политбюро...В результате в январе 1929 года его вместе с семьей, в сопровождении сотрудника ГПУ, высылают в Стамбул...

Так непросто закончился затяжной раунд борьбы за лидерство в партии между главными претендентами на эту трудную должность. Вспомните:

В 1924 году Троцкий обвинил большевиков с дореволюционном стажем, то есть «старую гвардию», в перерождении. В ответ они образовали единый фронт, и Троцкий проиграл.

На рубеже 1924 и 1925 годов он начинает новую атаку, на этот раз ее острие направлено против Зиновьева и Каменева. И снова промах.

В 1926 года происходит крупномасштабная перегруппировка сил. Уже Зиновьев и Каменев со своими сторонниками, главным образом из Ленинграда, занимают окопы оппозиции и переходят в наступление под лозунгом: «Долой Бухарина». Немного позже к ним присоединился и Троцкий. Результат тот же – поражение. Зиновьев, Каменев, Троцкий с их наиболее активными сторонниками вынуждены сойти с главной политической сцены, чтобы на нее никогда больше не вернуться...

Может быть, покажется странным, но Сталин умудрился в период этих бурных событий держаться как бы в стороне, во всяком случае, не играть главных ролей. Иногда он выполнял функции третейского судьи. Его внимание было сосредоточено на хозяйственных вопросах, а также на подборе новых членов ЦК и Политбюро. При этом он не пропускал удобного случая нанести удар по своим противникам. Так, в апреле 1926 года, выступая на пленуме ЦК, он обвинил Троцкого, который возглавлял комиссию по строительству Днепрогэса, в стремлении нарушить баланс между финансовыми возможностями государства и темпами капитального

строительства: «Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и прогорел».[1.16] После того, как Троцкого отстранили от всех постов, Днепрогэс стал одним из главных объектов строительства в первой пятилетке.

Не без участия Сталина в течение 5–6 лет существенно изменился состав Политбюро, а вместе с тем и его положение в руководящих органах партии. В какой-то степени об этом можно судить по следующим данным:

Члены Политбюро, избранные на пленумах ЦК:

В июне 1924 года после XIII съезда партии: Н. Бухарин, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Рыков, И. Сталин, М. Томский, Л. Троцкий.

В январе 1926 года после XIV съезда: Н. Бухарин, К. Ворошилов, Г. Зиновьев, М. Калинин, В. Молотов, А. Рыков, И. Сталин, М. Томский, Л. Троцкий.

В декабре 1927 года после XV съезда: Н. Бухарин, К. Ворошилов, М. Калинин, В. Куйбышев, В. Молотов, А. Рыков, Я. Рудзутак, И. Сталин, М. Томский.

В июле 1930 года после XVI съезда: К. Ворошилов, Л. Каганович, М. Калинин, С. Киров. С. Косиор, В. Куйбышев, В. Молотов, Я. Рудзутак, А. Рыков, И. Сталин.[1.17]

Как осенью 1917 года острая схватка в борьбе за власть между Керенским и Корниловым расчистила дорогу для большевиков к Октябрьскому восстанию, так во второй половине 20-х годов ожесточенное противоборство между Троцким и группой Зиновьева–Каменева способствовало тому, чтобы на самый верх партийного руководства поднялись Бухарин и Сталин.

Между тем, хозяйственная обстановка как в городе, так и в деревне, а также внешнеполитическое положение страны быстро ухудшались. Высокий уровень безработицы, низкая заработная плата у тех, кто работал, перебои в торговле хлебом – все это вызывало недовольство рабочих, что, в свою очередь, подняло довольно высокую волну забастовок. Так, в 1926 году только в текстильной промышленности было зарегистрировано 115 стачек, в которых участвовало около 12 тысяч человек. В феврале 1927 года о неблагополучном положении ткачей, – самом многочисленном в то время отряде рабочего класса, произошел весьма острый разговор на совещании в Секретариате ЦК с представителями текстильной промышленности. Выступления профсоюзных работников и рядовых текстильщиков звучали резко и тревожно. Указывалось на то, что интенсивность труда ткачей по сравнению с довоенным уровнем

возросла, а условия их жизни ухудшились. Многие рабочие жили в бараках, где на человека в среднем приходилось всего 4–5 кв. метров жилой площади. Удобств никаких. Спали вповалку на нарах. Много жалоб было также на задержку зарплаты, на рост цен. Например, одна из передовых текстильщиц, получавшая 60 рублей в месяц (в среднем по текстильной промышленности зарплата составляла 49 рублей) занимала втроем (она сама, безработный муж и ребенок) небольшую комнатушку 11 кв. метров. В 1926 г. работница платила за нее (включая отопление и освещение) 18 рублей 44 копейки в месяц. С начала 1927 г. на те же крайне ограниченные жилищные условия она должна была расходовать уже 33 рубля 32 копейки, то есть более половины зарплаты...

Вел обсуждение В. Молотов. В президиуме все время сидел И. Сталин, внимательно слушая выступавших. Незадолго до окончания совещания он взял слово: «Волынки растут, и забастовки кое-где имеются», – вынужден был признать генеральный секретарь. Однако неожиданностью для присутствующих была его оценка основных причин таких «волынок»:

«Первая причина – текстильное производство сейчас переживает состояние подъема... Вторая причина – рабочий стал активней... и третья причина – это то, что ... наши аппараты и хозяйственный, и профсоюзный, и партийный маленько обюрократились».

Чтобы окончательно остудить обстановку, Сталин добавляет: «Ведь здесь говорилось, главным образом, о мелочах...Речи выступавших здесь товарищей показали, что у нас нет ни одного факта контрреволюционности – факт ведь это? (голоса с места: «факт!»)».[1.18.]

На первый взгляд выступление Сталина кажется не по делу. Люди буквально кричат, что они не могут так жить дальше, и надеются, что их поймут, им помогут – совещание проходит все же в ЦК партии. А в ответ: «все это мелочи.., текстильная промышленность на подъеме»...

Может быть, Сталин не понял, о чем идет речь? Нет, он был достаточно опытным политиком, чтобы сразу разобраться в обстановке и правильно оценить ее напряженность. Но он не мог предложить что-нибудь конструктивное и конкретное, способное изменить положение к лучшему, и ушел от ответа под прикрытием слов: «рабочие стали активнее.., фактов контрреволюции нет». Однако для себя он сделал другие выводы, о которых скоро заявит на всю страну...

Другая ключевая проблема заключалась в том, что отношения с крестьянством, наладившиеся в последние годы НЭПа, опять

обострились: при относительно стабильных валовых сборах урожая крестьяне почти полностью свернули свободную торговлю зерном, поскольку встречный поток промышленных товаров резко сократился, а ножницы цен еще больше раздвинулись. С каждым годом росли трудности при государственных закупках хлеба.

Третья причина, серьезно осложнившая обстановку, находилась вне пределов России: в 1927 году Великобритания в одностороннем порядке порвала с ней торговые и дипломатические отношения. Франция готовилась последовать ее примеру. В Германии национал-социалисты все громче заявляли о подготовке похода на Восток. Зашевелились антисоветские силы в Прибалтике и Польше...

Сжатые жестким прессом неблагоприятных, потенциально опасных перемен одновременно с трех сторон, советские лидеры вынуждены были внести соответствующие коррективы в стратегию и тактику. Наиболее круто изменил свои взгляды и позицию И. Сталин. То, что он еще недавно критиковал у сторонников Троцкого, теперь было принято на вооружение. Конкретно речь шла о том, чтобы взять курс на сверхвысокие темпы индустриализации и основную тяжесть ее финансирования переложить на крестьянские хозяйства. Это был отказ от ключевой установки Ленина на союз с крестьянством, базирующийся на всестороннем учете его интересов, прежде всего, материальных. И, как покажет будущее, это было главной стратегической ошибкой Сталина за весь период его деятельности как лидера партии и руководителя государства.

Стоит напомнить, что в 1924 году, вскоре после смерти Ленина, на пленуме ЦК, при обсуждении доклада М. Калинина «О работе в деревне», он бросил многообещающую реплику: «Наше государство может держаться только на предположении, что оно источники существования берет на девять десятых у крестьян».[1.19.] В последующие годы он критиковал подобную позицию у других авторов, в том числе, у Е. Преображенского, открывшего «закон первоначального социалистического накопления». Но в 1928–1929 годах Сталин реанимирует эту теорию, встретив жесткое противостояние, особенно со стороны А. Рыкова и Н. Бухарина.

Главное столкновение противоборствующих сторон произошло на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК. Именно здесь докладчик Е. Ярославский впервые обвинил Бухарина, Рыкова и Томского в антипартийном поведении. [1.20.]

Опровергая это обвинение, Н. Бухарин четко заявил: «Мы за индустриализацию. Весь вопрос в том, как ее проводить в жизнь. Никак нельзя мириться с положением, когда беднота сидит без

хлеба, города терпят нужду в хлебе, середняк шатается. Высокий темп, какой мы взяли, а может быть, даже больший, можно сохранить лишь при условии подъема сельского хозяйства как базы индустриализации».

Наконец, понимая, что отмена новой продразверстки сразу хлеба не прибавит, а рабочий класс кормить надо, Бухарин предложил не только отказаться от экспорта зерна, а наоборот, прибегнуть к его импорту.

Выступления Рыкова и Томского на пленуме постоянно перебивали недружелюбные, а порой и злые реплики из зала. Это мешало им говорить, сбивало с мысли, ломало целостность выступления. Бухарин, как опытный оратор, привлек большинство аудитории на свою сторону. Его тоже перебивали разного рода выкрики, но логика, смелость и конструктивность выступления заставляла слушателей сохранять тишину.

Видимо, поняв, что моральная победа на пленуме остается за Бухариным, Сталин решается на открытый поединок. Он пускает в ход своего излюбленного конька – теорию классовой борьбы: «Крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделить из своей среды капиталистов, постоянно и непрерывно».[1.21] Такой аргумент слабоват в полемике с Бухариным. Но когда дело доходит до принятия решения, важны не аргументы – нужны голоса. Этим к концу двадцатых годов Сталин уже располагал. В резолюции Пленума Бухарин, Рыков и Томский названы «оппортунистами», «политическими банкротами, образовавшие фракционную группировку правых уклонистов». В этой связи Пленум постановил: «Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро».[1.22]

1929 год – поворотный пункт, с которого начинается более чем тридцатилетний период «правления» И. Сталина, со всеми его преимуществами и противоречиями. На этом рубеже он не просто оттеснил, но и, по существу «свалил» двух оставшихся соперников: Н. Бухарина и А. Рыкова – сторонников ленинской концепции НЭПа и последовательных защитников интересов крестьянства.[1.23]

Большая политика в деревне завершила очередной виток и вернулась на позиции, которые были левее и опаснее, чем продразверстка 1918–1920 годов (более подробно об этом в главе 3).

1.2. План становится основным инструментом управления экономикой

В экономической истории Советского государства можно выделить три периода, когда перегрузки в хозяйстве зашкаливали за красную черту. Это были годы Гражданской и Отечественной войн, а также первых пятилеток коренной реконструкции и обновления страны. И каждый раз наблюдалась одна и та же картина: резко обострялись кризисные явления, а меры по их преодолению приобретали чрезвычайный характер.

Обычно первой не выдерживает экстремальных условий бюджетная система, поскольку расходы государства растут намного быстрее, чем его доходы. Чтобы залатать образовавшуюся брешь в финансах, правительство, в погоне за эмиссионном доходом, выпускает в обращение избыточное количество бумажных денег. Они довольно быстро обесцениваются и уже не могут выполнять свои обычные функции. Это вызывают серьезные сбои, а затем и разрушения во всей системе товарно-денежных отношений. Закономерно, что, в первую очередь, перебои возникают в наиболее сложном, а потому – слабом звене: в торговле между городом и деревней. Обычно прежде всего появляются затруднения в торговле хлебом. Затем наступает общий кризис продовольствия. Складывается патовая ситуация: промышленность не может полностью удовлетворить своими товарами платежеспособный спрос крестьянства, а крестьяне отказываются продавать хлеб, мясо и сельскохозяйственное сырье за бумажные денежные знаки, на которые нельзя купить ситец, обувь, керосин, металлические и другие нужные им изделия.

В таких условиях государство вынуждено брать на себя выполнение многих функций рынка, в том числе обмена, регулирования цен, стимулирования повышения качества продукции и других. В этой связи значительно расширяются сфера действий народнохозяйственного планирования. Если в период НЭПа план и рынок дополняли друг друга, что уже само по себе давало существенный экономический эффект, то в тридцатые годы план должен был в широких масштабах *замещать* рынок, в том числе выполнять ряд несвойственных ему функций. Такой вариант был не самым лучшим. Хотя, как показал последующий опыт, конечный результат все же был положительным – плановая система помогла осуществить качественную перестройку структуры народного хозяйства. Однако успех был оплачен высокой, далеко не всегда обоснованной ценой – снижением уровня реальной оплаты труда основной массы

работников как в промышленности, так и, особенно, в сельском хозяйстве.

Изменившиеся условия хозяйствования и новая роль планирования потребовали интенсивного развития его теории, методологии и практики. Стоит отметить, что плановые органы еще в первой половине двадцатых годов начали работать над созданием надежной конструкции перспективного плана развития народного хозяйства и соответствующей методологии его обоснования. Однако к началу 30-х годов они оказались неготовыми к решению многих научных и практических проблем, спонтанно возникших при переходе к этапу интенсивной индустриализации страны. Такие проблемы можно объединить в три основные группы: первая – хронический недостаток финансовых, материальных, организационных и кадровых ресурсов, особенно много трудностей создавал острый дефицит времени. Вторая – резко возросшая сложность согласования темпов, пропорций и стимулов в условиях затянувшегося отставания сельского хозяйства и производства промышленных товаров для населения. Третья – трудности преодоления разрыва между плановыми и оставшимися рыночными инструментами при импульсивном движении отдельных секторов экономики.

Дело в том, что народнохозяйственный план – это обобщенная, то есть в большей или меньшей степени абстрактная модель социально-экономического развития страны в обозримой перспективе. В ее параметрах и общей схеме неизбежно усреднение многих пропорций и темпов. Упрощается и укрупняется система взаимосвязей между отдельными предприятиями, отраслями, регионами. Реальная жизнедеятельность людей по сравнению с такой моделью намного разнообразнее, противоречивее, а значит – не во всем предсказуема. В период НЭПа своеобразным переходником между планом и конкретной работой отдельных заводов и фабрик, крестьянских хозяйств, транспортом и других звеньев экономики выступал рынок с его механизмами спроса и предложения, коммерческого расчета, конкуренции, ценообразования, кредита. В этом суть единства плана и рынка.

В начале тридцатых годов рыночный механизм почти целиком вышел из строя. Неважно, сломался ли он сам или его сломали внешние обстоятельства. Важно понять другое: никакой план не в состоянии полностью заменить рыночный механизм. Не случайно ни одна из пятилеток не была и не могла быть выполнена так, как было задумано в Правительстве и Госплане. Наиболее существенно пострадали качественные показатели плана: производительность

труда, себестоимость продукции и эффективность капитального строительства. На такой случай создавались резервы, которых, как правило, не хватало. Поэтому от пятилетнего плана, как общей нормативной программы коллективного труда, пришлось отказаться. Он остался, как далекий ориентир, с которым сверяли общий курс, но не конкретную скорость (темпы) и не пропорции (порядок) движения экономики. В качестве рабочего инструмента, направлявшего и координирующего работу наркоматов и предприятий, очень скоро начали применять годовые планы. Затем перешли к квартальным. Такой подход приближал планирование к реальной хозяйственной и социальной жизни, но перегружал его «текучкой» и затруднял управление и финансирование качественных, структурных сдвигов в масштабе всего народного хозяйства. Выступая в мае 1933 года в Плановой академии, В. Куйбышев самокритично отмечал: «До сих пор в работе плановых органов, в Госплане в особенности, присутствовали элементы, – и в очень большом количестве, – элементы оперативные. Мы составляем квартальные балансы по каждому отдельному виду снабжения капитального строительства и производства. Мы вынуждены были во многих случаях оперативно исправлять в соответствии с ходом производства и работой транспорта. Каждому из вас известно, что Госплан был органом, к которому обращались по чисто оперативным вопросам: выделить несколько тонн металла, десяток тонн цемента, вагон рельсов и т. д.».[1.24] Со второй половины 1933 года составление квартальных планов передали наркоматам и ведомствам. Однако количество оперативных запросов с мест и указаний «сверху» не уменьшилось. Поэтому пришлось перестроить структуру самого Госплана – большую часть его аппарата «бросили» на «текучку», а сводные отделы сосредоточили на проблемах перспективного плана».

Всякий план должен быть реальным, то есть выполнимым, и в то же время – напряженным. На практике найти оптимальную точку полного согласования реальности и напряженности очень трудно, почти невозможно, поскольку в экономике, как и в жизни, все течет и постоянно меняется. Дополнительные трудности возникали в связи с тем, что «сверху» (партийное руководство) требовали повышения темпов, то есть напряжения, которое нередко выходило за границы реального. «Снизу», наоборот, предприятия и наркоматы, стремясь удержаться в рамках реального, занижали свои проекты планов. В такой, достаточно противоречивой обстановке Госплан вынужден был выступать в роли арбитра, к сожалению, не всегда объективного.

Постепенно все три стороны, тесно взаимодействовавшие между собой, – партийное руководство и Совнарком; союзный и республиканские госпланы; наркоматы и предприятия накапливали практический опыт и теоретические основы народнохозяйственного планирования. Это позволило повысить его обоснованность и действенность. Прежде всего, плановые органы научились более результативно управлять структурными изменениями в экономике, сохраняя, хотя бы в основном, ее устойчивость. Для повышения эффективности строительства и производства, а также для укрепления финансовой системы большое значение имели перемены в методах управления, когда плановые работники и хозяйственники, опираясь на накопленный опыт, научились более точно определять сроки, реальные затраты и ожидаемые результаты. Все в большей степени и масштабах им удавалось поддерживать динамическую, то есть меняющуюся во времени пропорциональность, прежде всего, в тяжелой промышленности. Постепенно отремонтировали хозяйственный расчет, а также денежный инструментарий. Сбалансировали бюджет. Медленно, как после тяжелой болезни, вставала на ноги розничная торговля. К концу тридцатых годов восстановили равновесие на рынке промышленных товаров массового потребления. В меньшей степени удалось согласовать темпы и пропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, что отрицательно сказывалось на торговле продовольствием, в том числе хлебом, на протяжении всего предвоенного периода.

Особое внимание постоянно уделялось соотношению между накоплением и потреблением. От того, как делится национальный доход на эти два фонда, напрямую зависит объем капитальных вложений в народное хозяйство, а значит и темпы развития промышленности, других отраслей. В то же время масштаб фонда потребления предопределяет уровень благосостояния и тем самым качество жизни населения страны. Изменение пропорций при распределении национального дохода в пользу накопления создает преимущества в будущем для нынешнего молодого поколения. Если же круто увеличить фонд потребления, то выиграют люди, занятые на производстве в текущий период, а также пенсионеры.

В тридцатые годы, особенно в начальный период, был выбран первый вариант. Однако тогдашнему молодому поколению не пришлось воспользоваться его преимуществами – война украла десять лет, предназначенные для ускоренного экономического и социального роста России. К тому же миллионы молодых парней уже не смогли вернуться к мирной жизни...

Распределение национального дохода на два ключевых фонда предопределяет также пропорции между производством средств производства (тяжелой промышленностью) и производством предметов потребления, включая соответствующие отрасли сельского хозяйства.

Важное народнохозяйственное значение имеет также соотношение между динамикой увеличения номинальной денежной заработной платы и ростом производительности труда. В тех случаях, когда увеличение зарплаты опережает повышение производительности, неизбежно растет себестоимость продукции, что в свою очередь, ведет либо к снижению рентабельности производства, либо к росту цен. В первой пятилетке произошло и то, и другое.

Уровень и движение средней оплаты труда в народном хозяйстве заметно влияет также на параметры денежных доходов населения, а следовательно, и на платежеспособный спрос, то есть на изменение рыночной конъюнктуры.

Приведенные выше несколько примеров из практики балансовых расчетов иллюстрируют значимость и в то же время сложность взаимоувязки основных параметров народнохозяйственного плана. Это, в свою очередь, предполагает высокий уровень профессионализма занятых в этой сфере специалистов, их умения следить за развитием экономики в целом, анализировать и обобщать разнообразные материалы, прогнозировать не только общую траекторию движения народного хозяйства и его ведущих отраслей, но и качественные сдвиги в их структуре.

В центре внимания и забот плановых органов в тридцатые годы находились проблемы обеспечения высоких темпов индустриализации страны материальными, трудовыми и финансовыми ресурсами. Дело в том, что накопленное столетиями экономическое отставание России от промышленно развитых стран можно было преодолеть только за счет преимущества в скорости, то есть в темпах развития как производства, так и потребления. Чтобы придать ускорение стране, значительная часть многомиллионного населения которой было занято ручным трудом, требовались огромные капитальные вложения для механизации производственных процессов в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве. Это потребовало резко увеличить фонд накопления, необходимый для финансирования крупномасштабного строительства.

Как уже говорилось, для того, чтобы вся система могла эффективно функционировать, потребовались квалифицированные, культурные кадры не только специалистов, но и рабочих массовых

профессий. Чтобы их подготовить и воспитать, нужно было существенно поднять уровень жизни народа, а значит – увеличить фонд потребления, создать по существу новую социальную инфраструктуру. Все это ограничивало рамки экономического маневра в сфере перераспределения национального дохода. Поэтому выход из трудностей виделся в том, чтобы добиться высоких темпов прироста всей массы национального дохода – фондов и накопления, и потребления.

Объективная потребность максимально «разогнать» экономику была тесно связана также с третьим очень важным аспектом планирования – необходимостью укрепления обороноспособности страны. Таким образом, все три аспекта экономической стратегии на долгосрочную перспективу, требовали решения исходной, ключевой проблемы – быстрого количественного и, особенно, качественного наращивания производительных сил страны.

Стоит отметить, что в 1925 году, то есть в самом начале периода индустриализации, съезд партии принял взвешенную, умеренную резолюцию о предстоящих преобразованиях в экономике (чувствовалось еще влияние А. Рыкова): держать курс на индустриализацию страны, однако, в строгом соответствии как с емкостью рынка, так и финансовыми ресурсами государства. «Соблюдать строжайшую экономию в расходовании государственных средств, увеличить скорость оборота основных и оборотных фондов госпромышленности, торговли и кооперации для повышения темпа социалистического накопления».[1.25.] К сожалению, при разработке, особенно первой пятилетки, эти указания уже не соблюдались...

Темпы прироста – это показатели ускорения экономического развития, от которой зависят сроки достижения намеченных целей или рубежей. Поэтому, чтобы приблизить решение экономических и социальных проблем, плановики стремились всячески расширить и укрепить факторы экономического роста, прежде всего, производственные инвестиции, качество жизни и квалификации работников, а также системы организации и управления.

Обычно все хотят быстрее достигнуть перевала, откуда начинается путь к высокому благосостоянию и культурной жизни. Поэтому плановые органы нередко шли на риск, то есть на перегрузки в экономике, чтобы максимально поднять темпы строительства и освоения новых отраслей, заводов, транспортных путей. Только так можно было в сжатые сроки круто увеличить объемы промышленного производства, государственного бюджета и потребления населения. Все это отражалось и концентрировалось в магических

цифрах прироста национального дохода, валовой продукции, производительности труда. Динамика звала за собой, увлекала в будущее, порождая своеобразный азарт, подъем настроения. «Какой русский не любит быстрой езды!» А кто сомневается в возможности мчаться в экономике, как на тройке, где еще не все колеса закрепили на нужном месте, тот, в лучшем случае, маловер, перестраховщик, а то и «буржуазный интеллигент».

В правительстве, Госплане и ВСНХ было немало трезвых специалистов, которые не считали необходимым идти на любые риски. Но, они не могли противостоять стремлению многих руководителей страны к сверхвысоким темпам прироста основных параметров народного хозяйства.

Тщательно обоснованные оценки, расчетливость и личная ответственность за качество разработок была характерна для авторов плана ГОЭЛРО – не случайно, что все его задания были выполнены в намеченные сроки: 10–15 лет. Разработанный весной 1923 года пятилетний план восстановления металлургической промышленности был выполнен за два года, при этом потребовалось втрое меньше вложений в оборотные средства. Экспериментальный пятилетний план развития промышленности на 1923/24–1927/28 гг. был выполнен за четыре года. Все эти факты значительного перевыполнения плановых заданий сформировали мнение, что не нужно «бояться» высоких темпов и что при разработке новых пятилетних планов следует ориентироваться на максимальный рост. При этом забывали о том, что во всех предыдущих планах (кроме плана ГОЭЛРО) речь шла о восстановлении промышленности, то есть о том, чтобы вернуть в строй остановившиеся по тем или другим причинам заводы и фабрики.

В период тридцатых годов условия были совершенно другими: почти весь прирост выпуска продукции нужно было обеспечить за счет нового строительства, а также реконструкции и расширения действующих мощностей. Это означало, что производство каждой дополнительной тысячи тракторов или станков, увеличение добычи угля или выплавки чугуна требовали тысячи или даже миллионы рублей новых капитальных вложений, то есть увеличения накоплений за счет сокращения фонда потребления. Неудивительно, что мнения плановиков относительно динамики основных экономических параметров новой пятилетки расходились существенным образом.

В то время в России было два ведущих центра плановых разработок: ВСНХ – огромный наркомат промышленности и Госплан.

Первый в середине двадцатых годов возглавлял Дзержинский, заместителем у него был Пятаков, человек, безусловно, способный, но резкий по характеру, с замашками левого радикала. Обычно он выступал за предельно высокие темпы. В качестве иллюстрации такой характеристики можно сопоставить проектные параметры «пятилеток» комиссий Пятакова и Струмилина – представителя Госплана.

Среднегодовые темпы развития промышленности за 5 лет, % [1.26]

Показатель	Пятаков	Струмилин
Валовая продукция	41,9	29,8
Производительность труда	60,0	50,5
Себестоимость продукции	– 22,0	–17,6
Личное потребление на душу	27,8	12,4

Госплан возглавлял Г. Кржижановский – талантливый инженер, привыкший работать с чертежами, точно воспроизводящими тот или иной механизм. Он и экономическую систему рассматривал, как специфический движущийся механизм. Поэтому любил и требовал применения в планировании балансовых расчетов, убедительных обоснований, повышавших надежность проектировок. При этом Кржижановский больше всего ценил у планового работника качества «борца и творца».

К концу двадцатых годов в Госплане была выработана четкая позиция о *сущности, формах и методологии разработки народнохозяйственных планов:* оперативных, пятилетних и долгосрочных. «Годовой план – это больше всего план эксплуатации, план приведения в действие наличных производственных ячеек, отрядов труда на том балансе, на котором они сейчас находятся. Генеральный план, охватывающий 10–15-летний период, имеет, прежде всего, строительную концепцию, а план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства».

Теоретические основы этих категорий достаточно полно Кржижановский изложил в ходе дискуссии «О пятилетнем плане», проходившей в Коммунистической академии в феврале 1928 года:

«План, над которым мы работаем, – это есть не что иное, как орудие достижения высшей организованности.... Несмотря на нашу количественную слабость, мы имеем громадные шансы для того, чтобы именно нам выявить в глазах всего человечества необычайные формы организованности».

«Мы отвергаем возможность, что план может спуститься на землю откуда-то в виде готового целого и осчастливить человечество.

Мы думаем, что путем практического строительства, путем правильного соотношения между теоретической обобщающей мыслью и практической, хозяйственной работой, что лишь в таком синтезе растет плановая дисциплина, укрепляется единство воли. Только таким путем мы подходим постепенно к тому, к чему мы стремимся, – к созданию такого перспективного плана нашей хозяйственной работы, который органически вырастает из живой действительности».

Уже в то время в Госплане одновременно разрабатывали *систему* взаимосвязанных планов: годовых, среднесрочных и генерального, рассчитанного на 10–15 лет. «Я думаю, что наука о планировании, так же как и всякая другая наука, вырастает на стыке работы теоретической мысли с нуждами практической деятельности. Мы по-разному подходим методологически к задачам, стоящим в разрезе одного года, пяти лет, десяти и более лет. Наряду с этим мы создали свою систему отслеживания колебаний конъюнктуры как хозяйственной вахты. Нужна специальная организация конъюнктурных наблюдений для годового и пятилетнего планов. Для генерального плана требуется подготовка совершенно особого порядка – по целому ряду научно-исследовательских проблем. Здесь огромнейшее поле работы. Нельзя предъявлять пятилетнему плану такого рода запросы, которые можно предъявить годовому или генеральному плану.

Если вы хотите увидеть связь планирования с жизнью, то можно ожидать в ближайшее время, по-моему, решительных успехов выполнения годового плана. Для пятилетнего плана, скажу заранее, быстрых успехов ожидать нельзя».[1.27] В. Куйбышев несколько позже отмечал, что «Госплан *планирует* (и детально), но главное *организует* систему планирования (области, регионы, ведомства). Планирует, прежде всего, под углом зрения решения важнейших задач периода (года, пятилетки, периода генерального плана)

Эти задачи должны быть четко сформулированы. Например, для ближайшего периода: «Урало-Сибирская проблема, обороноспособность страны, освобождение от импортной зависимости, экспорт, резервы (прежде всего, энергетические), кадры, организация: обязательно освободиться от мелочей, от заключений по оперативным вопросам».[1.28]

Определенный творческий вклад в развитие теории и практики планирования вносили и республиканские плановые органы. Например, Госплан РСФСР составлял сводные планы для 25 % предприятий цензовой и всей местной промышленности, расположенных

на территории республики. При разработке контрольных цифр на 1927/28 год он применял: «*1* – метод динамических и статических показателей, *2* – метод балансовых расчетов и сопоставлений, *3* – метод экспертных оценок и *4* – метод сопоставления полученных результатов с довоенными данными, причем последний применялся только в том случае, когда это было возможно по состоянию материалов».[1.29.]

Как показала практика, плановые материалы и индикаторы, в том числе темпы развития промышленности, разработанные в Госплане, были наиболее реальными. Они были относительно ниже, чем соответствующие показатели, предложенные ВСНХ. Такие расхождения еще более увеличились, когда, после смерти Ф. Дзержинского, председателем ВСНХ был назначен В. Куйбышев – человек эрудированный, с большим опытом руководящей работы. Однако, он был слишком увлечен высокими темпами и масштабностью социально-экономического строительства. Нет ничего удивительного в том, что при разработке планов В. Куйбышев, как правило, выступал за максимальные показатели развития промышленности.

А. Гастев – признанный теоретик научной организации труда и вместе с тем поэт обновления страны, обращаясь к В. Куйбышеву с личным письмом, подчеркивал, что в напряженной обстановке тридцатых годов особо «нужен ... пафос, нужно зажечь низы и посеять в них веру».[1.30.]

Для Куйбышева поэзия и пафос народнохозяйственного планирования выражались, прежде всего, в высоких темпах экономического роста: «Вопрос о темпах, – подчеркивал он, – является не только важным вопросом в деле изгнания диспропорций, но и вообще вопросом нашего существования».[1.31.]

Такая точка зрения была широко распространена среди политиков, ученых, практиков. Так, Н. Бухарин, выступая на собрании актива Московской партийной организации, подчеркивал, что в обстановке, «когда мы растем одновременно с нашими ближайшими капиталистическими противниками, вопрос о темпе развития, то есть о быстроте нашего развития, приобретает исключительное значение».[1.32.]

Вместе с тем, многие понимали, что из-за противоречия между низким уровнем развития сельского хозяйства и высокими темпами прироста промышленного производства рано или поздно, но обязательно возникнут серьезные диспропорции в народном хозяйстве и экономические трудности резко обострятся. В такой связи не раз возникал вопрос – не следует ли несколько поступиться

темпами роста промышленности, чтобы укрепить устойчивость народного хозяйства в целом.

Стоит подчеркнуть, что динамика развития экономики имеют свою «тайну» факторов роста. Разгадать ее до конца пока не удалось ни одному плановому работнику. Эта тайна притягивает к себе многих специалистов. Куйбышев тоже занимался разгадкой этой проблемы. Он искал ответ в книгах, в служебных записках, в «простынях» сводных таблиц. В практике планирования темпы роста чаще всего рассматривались как функция увеличения капитальных вложений, точнее, ввода в действие основных производственных фондов. Но такое упрощенное объяснение не удовлетворяло Куйбышева. Выступая вскоре после своего назначения на должность председателя Госплана перед сотрудниками Института экономических исследований, он говорил: «То, что происходит в СССР, прямо чудеса: прирост промышленности 25 % происходит, несмотря на безобразное использование основного капитала... Наши темпы не находятся в прямом соотношении с основным капиталом. Одними вложениями не объяснишь эти темпы. ИЭИ надо заняться выяснением законов темпов развития нашего хозяйства».[1.33.]

Но выяснить законы, определяющие темпы развития экономики, так и не удалось до сегодняшнего дня. Поэтому не следует строго судить плановые органы за то, что они в пионерный период планирования не могли с достаточной точностью обосновать динамику развития народного хозяйства даже в рамках пяти лет.

Единства взглядов по вопросу о показателях динамики развития не было не только среди практиков, но и ученых-экономистов. В этом отношении весьма характерна полемика между С. Струмилиным и Н. Кондратьевым. Профессор Кондратьев выдвинул в те годы гипотезу о «больших циклах экономической конъюнктуры», согласно которой траектория развития народного хозяйства не является и не может быть прямолинейной, постоянно восходящей линией. Процесс воспроизводства осуществляется неравномерно, циклами, волнами. Поэтому суть плана сводится к научному предвидению хозяйственного развития. По существу, речь шла о более или менее обоснованном прогнозе, который, по мнению Кондратьева, лучше ограничить качественными характеристиками, не стремясь к количественному выражению даже наиболее общих тенденций.

Позиция Н. Кондратьева подверглась резкой критике со стороны С. Струмилина: «В отличие от проф. Кондратьева характерной особенностью всякого хозяйственного плана мы считаем не элементы

вкрапленного в этот план научного предвидения, а целевую установку плана как системы хозяйственных заданий и предуказаний».[1.34.]

В данной формулировке отражено очень важное положение методологии планирования, которая практически использовалась в работе Госплана, а именно – положение об активной роли государственного плана, в том числе о нормативном характере его заданий и показателей. Таким образом, народнохозяйственный план рассматривался как направляющая и организующая программа действий для многомиллионных участников общественного производства.

Нельзя не согласиться с тем, что от нормативной установки до волюнтаризма в планировании всего один шаг. Отчетливо понимания эту опасность, Струмилин добавлял: «Это не освобождает нас, конечно, от необходимости реального учета наших объективных возможностей при построении такой системы заданий».

Следует признать, что в начале тридцатых годов ни политическая экономия, ни теория планирования не проводили четкой грани между объективными и субъективными факторами, влияющими на структуру и темпы развития народного хозяйства. Объективное отождествлялось чаще всего со стихийным. Так, в учебнике «Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства», который был в то время основным руководством для вузов, хотя и с известной оговоркой, отмечалось: «Поскольку стихийные законы еще действуют в советском хозяйстве, постольку сохраняется поле для законов политической экономии; поскольку же в нем действует плановое начало, как будто для законов политической экономии места не находится и вступает в свои права экономическая политика пролетарского государства».[1.35.]

Рассматривая вопрос о регулировании советского хозяйства, авторы подчеркивают, что оно осуществляется не стихийно, а через сознательную волю общества. Но тут же делают важное замечание: «Это, конечно, нельзя понимать так, что тот или иной планирующий, руководящий хозяйственными процессами орган может делать все, что ему «бог» на душу положит или что «его левая нога захочет». Действия всякого такого органа обуславливаются известными причинами и подчиняются определенным законам. Это значит только, что он не явится слепой игрушкой этих законов, а что эти законы проявят свое действие через его волю и сознание». И далее: «Советское государство осуществляет свое плановое воздействие на стихию рыночных отношений не только борясь, но и используя действия стихийных законов рынка и заставляя их двигаться по желанному для него руслу».[1.36.]

Тем самым авторы учебника как бы интуитивно, косвенно, но все же признают наличие объективных законов развития экономики (об этом наука «официально» объявит много лет позже) и предупреждают об опасности появления волюнтаризма в планировании и руководстве народным хозяйством.

В условиях разноголосицы среди практических работников плановых органов и ученых, которые широко привлекались к разработке планов, на центральные партийные органы ложилась высокая ответственность при принятии окончательного варианта народнохозяйственного плана на перспективу. Дело в том, что начиная с середины двадцатых годов все проекты хозяйственных планов стали рассматриваться (иногда, по несколько раз) на заседаниях Политбюро, пленумах Центрального Комитета, на партийных конференциях и съездах.

При этом следует иметь в виду, что и среди членов партии и в ее руководстве высказывались иногда разные точки зрения относительно главных направлений и темпов индустриализации. Поэтому многие решения носили компромиссный характер. Так, в резолюции XV конференции (осень 1926 г.) отмечалось, что «народное хозяйство вступает в полосу, когда темп его развития сильно замедляется сравнительно с прошлыми годами». В то же время в эту же резолюцию была включена установка: «Необходимо стремиться к тому, чтобы в относительно *минимальный исторический срок* (подчеркнуто мною. – *Р.Б.*) нагнать, а затем превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».[1.37.] Если учесть, что в «минимальный срок» можно уложиться только при максимальных темпах, то первое положение резолюции противоречило второму. Видимо авторами отдельных разделов резолюции были разные люди.

Чтобы приблизить руководящих партийных работников к «кухне», где делался народнохозяйственный план, впервые в истории страны на февральский (1927 г.) Пленум ЦК был вынесен вопрос о плане капитального строительства в промышленности на предстоящий год. Заслушав доклады В. Куйбышева и Г. Кржижановского, пленум одобрил в основном представленный проект плана, признав в то же время необходимым использовать дополнительные возможности и внутренние резервы для увеличения капитальных работ и «обеспечения более быстрого темпа развития металлургии и машиностроения».

Вместе с тем пленум обязал Политбюро «ускорить разработку ориентированного пятилетнего плана развития народного хозяйства

и в частности, промышленности и транспорта».[1.38] (Интересная особенность: поручение о разработке плана записано не в адрес Госплана и ВСНХ, а непосредственно Политбюро, хотя практически выполнять это задание пришлось именно этим двум ведомствам.)

В конце 1927 г. вопрос о директивах по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства впервые был включен в повестку дня XV съезда ВКП(б). Докладчиками выступили А. Рыков и Г. Кржижановский. К этому времени было разработано уже семь или восемь вариантов пятилетки. Главный их недостаток, как отмечал председатель СНК, состоит в том, что все они мало внимания уделяют эффективности использования имеющихся ресурсов, прежде всего, накоплений. Между тем уже в 1927 г. конъюнктура на внутреннем рынке сложилась весьма напряженная: спрос намного превышал предложение товаров. Поэтому, предупреждал Рыков, реализация пятилетки будет связана с преодолением множества препятствий и трудностей: «При недостаточно умелом руководстве хозяйственной жизнью страны эти трудности в те или другие моменты могут вывести народное хозяйство из состояния равновесия...»

Г. Кржижановский в своем докладе подчеркнул, что «мы должны искать оптимум между тяжелой и легкой промышленностью». Характеризуя наиболее важные проектировки на будущее пятилетие, председатель Госплана, проявляя гибкость и вместе с тем осторожность, предусмотрел «вилку» наиболее вероятного прироста промышленного производства от 92 до 108 %, при фонде накоплений в размере около 22,5 млрд рублей.

Хотя среди официальных докладчиков имени Куйбышева тогда не значилось, но фактически он был третьим содокладчиком по данному вопросу. Председатель ВСНХ особо подчеркнул, что «всем отраслям народного хозяйства мы обязаны придать такой темп развития, который был бы значительно больше темпа развития капиталистических стран. Эта первая директива, первая установка, которая должна быть проведена красной нитью через весь пятилетний план». Развитие тяжелой промышленности намечалось с опережением. Она должна была увеличить выпуск продукции за пять лет на 124 %, промышленность группы «Б» – на 95 %. Расширение общего объема валовой продукции промышленности по варианту ВСНХ намечалась на 107 % (без какой-либо вилки).[1.39]

Таким образом, хотя все три докладчика были едины относительно общей концепции будущей пятилетки, однако нельзя не отметить и определенные акценты в их выступлениях: А. Рыков выразил, прежде всего, тревогу, что при недостаточно умелом руководстве

возрастание напряженности и трудностей «может вывести хозяйство из состояния равновесия». Г. Кржижановский обратил внимание делегатов съезда на необходимость в ходе индустриализации не допустить отставания легкой промышленности (искать оптимум в развитии группы «А» и «Б»). В. Куйбышев на первый план выдвинул проблему темпов, особенно для тяжелой промышленности, и предлагал взять за основу для пятилетки верхнюю границу возможного прироста – 107 %.

Эти оттенки в позиции трех председателей: Совнаркома, Госплана и ВСНХ, – скажутся несколько лет спустя как на их личной судьбе, так и на изменениях социально-экономической и политической обстановки в стране. Но пока они все вошли в комиссию, которой поручили выработать проект директив съезда по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства.

Резолюция, единогласно принятая съездом, была умеренной. В ней указывалось на необходимость «стремиться к достижению наиболее благоприятного сочетания следующих элементов: расширенного потребления рабочих и крестьянских масс; расширенного воспроизводства (накопления) в государственной индустрии на основе расширенного воспроизводства в народном хозяйстве вообще; более быстрого, чем в капиталистических странах темпа народнохозяйственного развития и непременного систематического повышения удельного веса социалистического сектора, что является решающим и главным моментом во всей хозяйственной политике пролетариата...»

В области соотношений между производством и потреблением резолюция предупреждала, что «нельзя исходить одновременно из максимальной цифры того и другого, ибо это неразрешимая задача, как нельзя исходить из одностороннего интереса либо накопления, либо потребления. Необходимо искать оптимальное сочетание обоих этих моментов». То же самое было высказано относительно сочетания интересов города и деревни, социалистической индустрии и крестьянского хозяйства, соотношения между развитием тяжелой и легкой промышленности.

«В вопросе о *темпе* развития необходимо равным образом иметь в виду крайнюю сложность задачи. Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на ближайший год или несколько лет, а из такого соотношения элементов народного хозяйства, которое обеспечивало бы *длительно* наиболее быстрый темп развития».[1.40.]

Таким образом, в директивах XV съезда партии (1927 г.) преобладал всесторонний, сбалансированный подход к определению

траектории движения всего народного хозяйства, что отражало в себе влияние А. Рыкова и Г. Кржижановского. Однако в ближайшие два–три года соотношение сил в высшем эшелоне власти изменилось.

Г. Кржижановского освободили от должности председателя Госплана. Среди его родственников из поколения в поколение передается рассказ, как это произошло. Осенью 1930 года Глеб Максимилианович обратился к Сталину с просьбой об отставке, ссылаясь на свой возраст и ухудшение здоровья. Сталин стал его отговаривать, уверял, что Госплану нужны не только его знания и опыт, но и его огромный авторитет. «Нельзя представить себе Госплан без Кржижановского. Достаточно, чтобы в гардеробе висели Ваши шляпа и пальто», заверял он. Глеб Максимилианович заколебался, а через месяц пришло решение о назначении председателем Госплана В. Куйбышева, который незадолго до этого стал членом Политбюро.

Конечно, Куйбышев был моложе, энергичнее, обладал опытом в разработке планов. Спустя несколько лет его авторитет как специалиста-плановика был не ниже, чем у предыдущего председателя. Однако не эти качества ценил в нем Сталин. Главное заключалось в том, что в Куйбышеве он нашел человека, способного подстегивать темпы индустриализации. Именно новый председатель Госплана стал одним из организаторов досрочного выполнения пятилетки.

Редко бывает, когда новый начальник не начинает работу в новой должности с замены кадров, перестройки организационной структуры и поиска новых методов работы. Куйбышев в этом отношении не был исключением. Легче всего было перестроить структуру: одни отделы ликвидировать, другие объединить, третьи – создать заново. Подобные реорганизации Госплан переживал не один раз. Сложнее было с решением двух других задач. Кржижановский растил и воспитывал своих специалистов почти десять лет начиная с периода разработки плана ГОЭЛРО. Молодых плановых работников не готовили ни в одном вузе. На дворе, как говорится, они тоже не валялись. Пришлось искать в других наркоматах и ведомствах. О том, что это не всегда удается, свидетельствует записка неизвестного автора на бланке заместителя председателя Совнаркома и СТО, председателя Плановой комиссии, то есть на служебном бланке Куйбышева. Записка начинается необычным обращением к Куйбышеву: «Хозяин». Сам этот факт, а также обращение на «ты» говорит о том, что автор записки – его близкий товарищ или даже друг. Обращение «хозяин» было принято в ту пору в узком кругу

по адресу Сталина и его соратников. Подпись «Костя». В архиве не могли назвать его фамилии, в том числе и специалист по почеркам. Поскольку записка интересная, пришлось самому поработать, чтобы высказать предположение – автором записки является Константин Васильевич Уханов, член партии с 1907 года. Одно время он был председателем Моссовета, наркомом местной, затем легкой промышленности.

Получив назначение в Госплан, Куйбышев предложил ему должность заместителя председателя. Вероятно, это произошло в начале 1931 года. Уханов не дал согласия на такое предложение, объяснив свою позицию следующим образом: «Твое назначение в Госплан я понимаю, как твердое решение партии повысить роль и значение Госплана, радикально изменить его облик, коренным образом перестроить систему планирования, активизировать плановую работу и т. д. Короче говоря, сделать Госплан таким, каким он должен был быть по мысли Ленина.

А для этого требуется в первую очередь и раньше всего радикальное изменение личного состава работников Госплана и его Президиума. Выбрось всю ту ветошь и гниль, которые годами «откладывались» в аппарате Госплана. Старое, неспособное к активной творческой работе замени новыми, горящими на работе и работой живущими. Безжалостно разделайся с носителями старого, отжившими свой век – вот тот путь, на который, мне кажется, должен был стать ты, прибыв в Госплан...

Тем более странное впечатление производят на меня события последних дней: новые настроения, которые у тебя появились, новые нотки во взглядах на перестройку аппарата Госплана и его Президиума.

«Революция или реформа?» – вот вопрос, который ты поставил перед Паниным и мною. Мы единодушно «возратовали» за революцию. Но ты дал ясно понять, что нашу точку зрения не разделяешь...

Какие же, однако, наметки «реформы»?

Первоначальный состав Президиума Госплана, за небольшим исключением, остался прежним. Остался в Госплане его злой гений – Квиринг. Остаются Струмилин и Милютин....

«Реформа»? Я не вижу сейчас даже того, что можно было бы назвать реформой. Ты соглашаешься с необходимостью перестроить систему планирования и с тем направлением, которое намечалось взять в этой перестройке. Но ведь перестраивать систему должны люди, а люди остаются прежними...

В теперешней системе Госплана мне места нет. Мои взгляды на аппарат Госплана тобой не разделяются. Я не вижу того места, которое я мог бы занять в существующей системе. Не видишь этого места и ты...».[1.41]

В этом довольно длинном монологе К. Уханова, хранящемся в архивных материалах, приоткрывается атмосфера и характер неформальных отношений, имевших место, наверное, не часто, в начале тридцатых годов в государственном аппарате и, в частности, в руководстве Госпланом. В данном случае Уханов занял принципиальную позицию и отказался от, казалось бы, заманчивого предложения «хозяина» быть у него заместителем. Видимо, из-за своего твердого характера он и пострадал. В 1937 году «Костя» Уханов был расстрелян.

Все же нужно сказать несколько слов в защиту Куйбышева. Уханов еще не ощутил и поэтому не понял тех перемен, которые произошли в верхних этажах власти, в том числе вокруг и внутри Госплана. Это ведомство потеряло тот авторитет, а главное, ту самостоятельность «мозгового центра», которую оно имело при Ленине и за которую в последний период безуспешно боролся Кржижановский.

В этой связи следует отметить, что уже в 1930–1931 гг. ажиотаж вокруг сверхвысоких темпов первой пятилетки вспыхнул с новой силой и в новой форме: «пятилетку в четыре года!» Волевое давление политиков на экономистов возросло многократно, а сопротивляться было некому.

Назначение Куйбышева на новую должность произошло вскоре после XVI съезда, где И. Сталин предложил (по его же выражению) «бешеные темпы», чтобы выполнить задания пятилетки по промышленности за четыре года. Признавая, что некоторые товарищи скептически смотрят на этот лозунг, он, опираясь на итоги первых полутора лет, утверждал: «Мы можем выполнить пятилетку в четыре года». Даже больше того: «мы можем ее выполнить по целому ряду отраслей промышленности в три и даже в два с половиной года. Это может показаться скептикам из оппортунистического лагеря невероятным. Но это факт, оспаривать который было бы глупо и смешно».[1.42]

В 1930 г. выполнение первой пятилетки никак не могло быть «фактом». Действительность же показала, что итоги развития промышленности за пять лет, хотя и были очень высокими, но все же не достигли тех искусственно вздутых цифр, которые были приняты в 1929 году. И это было совсем не «смешно».

Примерно в одно время с кадровыми переменами в Госплане произошла замена председателя Совмина. На место спокойного, расчетливого и слишком самостоятельного А.И. Рыкова был назначен В.М. Молотов, который давно уже среди руководящих работников страны стал верным соратником И. Сталина. Таким образом, личностные факторы, сдерживавшие до начала тридцатых годов поворот к «сверхвысоким» темпам индустриализации, были устранены

Считается, что по объемным показателям первую пятилетку удалось выполнить за 4 года и три месяца. Валовая продукция промышленности по итогам 1932 г. была на 102 %, а в 1933 г. на 113 % выше уровня 1928 г. Эти показатели примерно соответствовали первоначальным наметкам ВСНХ и Госплана, обнародованными на XУ съезде партии. Но они были существенно ниже заданий окончательно утвержденной пятилетки, которая предусматривала прирост промышленного производства за пять лет на 133 % или 18,5 % ежегодно. Особенно большое отставание от плановых заданий было допущено в производстве товаров для населения.[1.43]

Интересно наблюдать за возникновением, необычными приключениями и превращениями плановых показателей. Все они рождаются семьями, связанными родственными отношениями между собой. Иначе они жить не могут. Без взаимной поддержки они быстро, а иногда наоборот, мучительно долго умирают. Так, плановые показатели по машиностроению зависят от развития металлургии, химии, электротехники. Всего не перечислить. Металл связан с коксом. Кокс с углем, транспортом, снова с машинами. Такие круги, ячейки, узлы – все вместе образуют сложный и красивый узор плановой ткани. Но вот план принят, подключен к системе, которая практически направляет и координирует жизнедеятельность миллионов людей.

Сразу же начинается стремительная пляска его показателей, многие из которых разбиваются о неизбежные случайности, но чаще о твердые, объективные основы экономической жизни людей. Их место занимают другие цифры – фактические показатели, образующие свой, значительно более грубый узор, где не все концы сходятся друг с другом...

Следует разобраться в том, кто и как определял крайне сложные и нередко противоречивые цифры и скрывавшиеся за ними жизненно важные процессы в экономике: Госплан? Совнарком? Политбюро? Или сам Сталин?

Начнем по порядку, с процесса разработки *проекта* народнохозяйственного плана, в центре которого находился Госплан, связанный, с одной стороны, через наркоматы и республиканские плановые органы с предприятиями и регионами, а с другой, – с верхним эшелоном власти: Совнаркомом и Политбюро. Именно «сверху» подходили главные «приводные ремни» управления, связывавшие политику, планирование и экономику. Через эти «ремни» передавалось движущее, направляющее, а нередко и волюнтаристское воздействие руководства на развитие народного хозяйства.

Рабочая часть механизма такого воздействия достаточно полно раскрыта в выступлении В. Куйбышева на заседании партийного бюро Госплана летом 1931 г. «Продукция Госплана, – разъяснял Куйбышев, – заключается в предположениях, которые мы даем на рассмотрение правительства, а в большинстве случаев даже на рассмотрение Политбюро. Причем по работе над тем или другим планом, над тем или другим предложением – очень часто от правительства, от Центрального Комитета партии дается какая-нибудь установка, директива. Эта директива еще не окончательная. Она еще может быть изменена. Эта директива для того, чтобы подработать вопрос в таком-то направлении».[1.44.]

Для иллюстрации своей мысли председатель Госплана привел пример о том, как разрабатывались контрольные цифры по объему капитальных вложений на 1931/32 гг. Сначала Госплан внес предложение выделить на эти цели 26 млрд рублей. «Примут ли Политбюро и правительство эти 26 млрд рублей или больше, или меньше? – продолжает Валериан Владимирович. У Политбюро и правительства нет достаточных данных, чтобы судить о достаточности 26 млрд рублей. Но мне дается общая директива – попробовать уложиться в меньшую цифру...Госплан обязан идти от меньшей цифры к большей для того, чтобы в процессе проработки этой цифры установить ту, которая является более приемлемой, народнохозяйственно целесообразной. Я дал задание составить план 1932 года в 22 миллиарда. Нужно иметь в виду, что заявки ведомств, если их сложить вместе, составляют 32 млрд рублей. Вы представляете себе, как трудно было уложить план капитальных работ в 22 млрд рублей против желания ведомств получить 32 миллиарда... Я вчера рассматривал представленный план капитальных работ на 22 млрд рублей, и считаю необходимым увеличить объем работ, доведя его до 24 миллиардов... Забывать о том, что у Госплана неизбежно есть техническая стадия разработки плана – никак нельзя, если не хотите наделать целый ряд ошибок.

Я считаю, что не вправе занимать такую позицию в отношении ЦК партии и СНК: дать план велико возможно больший, а все править в сторону уменьшения. Это была бы очень красивая и ловкая позиция – выставить огромный план. Меня бы никто не стал упрекать за оппортунизм, а потом оказалось бы, что его нужно свертывать.

Но можно и так сказать: нужно сразу выставить такой план, который не будет ни в ту, ни в другую сторону изменен. Но было бы абсолютной утопией думать, что без мозга нашей партии, где эти вопросы подвергаются перекрестному обстрелу со стороны парторганизаций, где к работе по составлению плана прилагаются руки всех партийных бюро и всего ЦК, чтобы без этого у нас в Госплане выработать такой безошибочный план, который не будет скорректирован ни в ту, ни в другую сторону».[1.45] (Да, извинит меня читатель за столь пространную выдержку из выступления В. Куйбышева, но мне не попадалось другого источника, где бы так полно и так откровенно говорилось о формах взаимодействия высших партийных органов, Совнаркома и Госплана по вопросам конкретизации экономической политики в народнохозяйственном плане – *Р.Б.*).

Видимо, на заседании Политбюро, при рассмотрении контрольных цифр на 1932 год, И. Сталин набросал постановление ЦК по данному вопросу, где было записано: «установить размер капитальных затрат по всему народному хозяйству на 1932 год в 21 миллиард рублей».[1.46] Эту цифру уже никто не мог поколебать, и она вошла в окончательный вариант плана.

В выступлении Куйбышева раскрыта лишь одна из сторон, точнее сказать, одна из вершин треугольника: ЦК (Политбюро) – Совнарком – Госплан. А что и как делалось на других его вершинах? Высшие партийные органы очень активно и целеустремленно воздействовали на весь процесс разработки, принятия и выполнения народнохозяйственных планов. Правительство, особенно после того, как его, по прямому указанию Сталина, возглавил В. Молотов, выполнял, в основном, роль посредника, связующего звена между ЦК и Политбюро, с одной стороны, и Госпланом, с другой. Иного аппарата для анализа проектов плана у правительства не было. Строго говоря, именно Госплан выполнял функции экономической комиссии Совнаркома.

Верно и то, что правительство – это Совет народных комиссаров, возглавлявших руководство отдельными отраслями хозяйства. Однако соотношение реальных сил между Госпланом, который распределял капитальные вложения и материальные ресурсы, и

наркоматами, которым всегда не хватало ресурсов, было в пользу «генерального штаба» экономики. Исключение представлял, пожалуй, только один наркомат – тяжелой промышленности, который возглавлял С. Орджоникидзе. Не малое значение имел и тот факт, что он был в то же время членом Политбюро. Это не значит, что Орджоникидзе становился в оппозицию к В. Куйбышеву или к какому-либо другому руководителю. Дело заключалось в другом: Серго был одним из немногих наркомов, кто имел свое собственное мнение по ряду принципиальных вопросов развития экономики в целом, мог отстаивать его при обсуждении проекта плана как в Совмине, так и в Политбюро, опираясь на свои знания и опыт хозяйственной работы. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то немаловажное обстоятельство, что в начале тридцатых годов он поддерживал дружеские, доверительные отношения со Сталиным.

Постепенно стало традицией, что пленумы Центрального Комитета обсуждали проекты годовых и пятилетних планов, проблемы развития отдельных отраслей, республик и всего народного хозяйства. При этом позиция ЦК четко формулировалась в особых тезисах по разрешению той или иной экономической проблемы, разработку которых поручали специальной комиссии из членов Политбюро, а также руководителей наркоматов и ведомств.

Систематически хозяйственные вопросы включались также в повестку дня заседаний Политбюро. Конкретные, в том числе ключевые вопросы, нередко решались «в рабочем порядке» генеральным секретарем, председателями Совнаркома и Госплана, то есть по договоренности между Сталиным, Молотовым и Куйбышевым. Как это происходило, можно себе представить по короткой записке Молотова в адрес Куйбышева: «...Ночью беседовал с Кобой по телефону о заседании, не касаясь существа дела (плана 3-го квартала). Давай сейчас встретимся и уговоримся по всем вопросам».[1.47.] О содержании последующей встречи остается только догадываться, а вот о ее характере можно судить из другого письма Молотова в тот же адрес: «Сталин сообщил, что согласен на 34 год с наметками по капитальным работам не больше 21 млрд, прирост по продукции – не больше 15 %.

Твои наметки как раз отвечают этому.

Сталин сообщил также, что согласен на цифру урожая зерновых в 698 млн. центнеров.

Из этого и надо исходить...».[1.48.]

(Справочно: урожай зерновых в 1934 г. составил 676 млн центнеров).

Иногда председатель Совмина высказывал В. Куйбышеву и свое мнение: «Думаю и о 3-м квартале (1934 г. – *Р.Б.*). Считаю, что нельзя брать план 3-го квартала больше, чем 2-го. Правильным будет, если возьмем еще меньший строительный план, особенно в связи с угрозой засухи.

В.Молотов. 22.У.34».[1.49]

С другими членами Политбюро (кроме трех–четырех человек) Сталин обычно мало считался. Да и они не всегда чувствовали себя достаточно компетентными в сложных и противоречивых проблемах экономики. Трагические события конца 20-х – начала 30-х годов научили их не просто соблюдать, а всячески подчеркивать свою лояльность по отношению к генеральному секретарю. Например, при обсуждении на Политбюро тезисов ЦК по контрольным цифрам на 1929/30 год Сталин собственноручно записывал основные мысли выступавших: «Молотов. Не выпукло поставлены общие задачи. Более крепко о правых (банкротство Бухарина, правых)... Микоян: «Указать лица (группа Бухарина). Банкротство...», Калинин: «О троцкизме крепче». Орджоникидзе: «...На стр. 10 нет классовой борьбы».[1.50]

Как видно из этих реплик, хотя на заседании Политбюро обсуждался социально-экономический вопрос, почти все замечания имели политическую направленность – каждый стремился отмежеваться от «правых» и тем самым засвидетельствовать свою верность победителю очередного раунда в борьбе за власть.

Конечно, было бы неверно представлять членов Политбюро как послушных марионеток Сталина, без собственного мнения и позиции. Каждый из них знал свой участок работы, накопил большой опыт в решении народнохозяйственных и политических проблем, и именно поэтому не торопился «высовываться» со своим вариантом преодоления возникающих трудностей и противоречий. К тому же они понимали, что если Сталин хочет знать их мнение по конкретному вопросу, он спросит сам или найдет возможность выяснить это в разговоре с глазу на глаз. Так, Сталин часто обсуждал народнохозяйственные проблемы с Орджоникидзе, а затем сопоставлял его мнение с позицией Куйбышева, Молотова. Анализируя аргументы разных сторон, Генеральный секретарь либо присоединялся к одной из них, либо находил какой-то синтез, компромиссное решение. Причем и в том и в другом случаях это уже была непоколебимая позиция. Таким образом, сложная смесь объективных начал с субъективизмом, коллективного руководства с единоначалием определяла сущность и конкретные формы политики

индустриализации в целостный комплекс, впрочем, не гарантируя от ошибок и просчетов.

Обобщая итоги функционирования новой системы народнохозяйственного планирования на притяжении довоенных пятилеток, нельзя еще раз не отметить: главная стратегическая цель была все же достигнута – в короткий исторический срок отсталая Россия стала мощной индустриальной державой.

1.3. Изменение организационных структур

Результативность любой совместной деятельности предприятий и отдельных людей во многом зависит от качества ее организации. Поэтому всегда необходимо рациональное согласование взаимосвязанных функций при четком разграничении задач, ресурсов, прав и ответственности каждого звена в общей системе производства и хозяйствования.

На формирование и развитие структуры организации, то есть ее внутреннего строения и территориального размещения, одновременно воздействует ряд факторов объективного и субъективного характера. Среди них оптимизация масштабов специализации, комбинирования и концентрации технологических и управленческих процессов, стремление ускорить оборот не только фондов и оборотных средств, но и разного рода документов и писем. Умелая организация позволяет снизить издержки и налоги, повысить качество готовой продукции. Все это достигается за счет тесного соединения коллективного интеллекта высших органов власти с практическим опытом и знаниями аппарата нижестоящих звеньев управления, непосредственных руководителей производством, а также трудовых коллективов.

Существует тесная взаимосвязь между развитием организационных структур и крупными изменениями в структуре потребностей государства и населения. Такие перемены обычно требует корректировки долгосрочных целей производства, а также перестройки его управления. Переход от периода восстановления народного хозяйства к этапу его технической реконструкции и обновления не был в этом отношении исключением.

Уже к началу тридцатых годов чувствовалось несоответствие между действовавшей структурой управления экономикой и задачами индустриализации. В Резолюции XV партийной конференции, которая дала весьма критическую оценку сложившемуся хозяйственному механизму, отмечалось: «На протяжении 9 лет после Октябрьской

революции создалась очень сложная система организации производства, товаропроводящей сети, кредитных органов и т. п. Различные звенья этой системы часто нарастали стихийно. Сам круг их деятельности был определен при совершенно другой хозяйственной обстановке. Вставшие перед государством и народным хозяйством новые задачи часто не находят в этих органах необходимой опоры. Осуществление принципа централизации, совершенно необходимого при плановом, организованном хозяйстве, проводится в настоящее время теми же методами, которые были необходимы в период первых шагов организации советского хозяйства, но которые устарели в настоящее время. Внутри самих органов недостаточно проведен принцип точного разделения труда и ответственности как между различными звеньями этих органов, так и между отдельными работниками. Несоответствие между системой организации и изменившейся обстановкой с ее новыми задачами неизбежно приводит к растрате средств и усилению бюрократизма».[1.51.]

Поиск конструктивного разрешения возникшего противоречия шел по линии усиления единого планового руководства и децентрализации оперативных функций. В этом отношении весьма характерны решения мартовского (1927 г.) пленума ВСНХ. Они предусматривали, прежде всего, более четкое разграничение обязанностей, ответственности и прав между специализированными подразделениями производства. «...Каждое звено промышленной системы, – отмечалось на пленуме, – должно совершенно точно знать, что и как оно должно делать, какими оно обладает правами и за что несет ответственность».[1.52.]

В то же время предусматривалась передача прав и ответственности нижестоящим звеньям до такой степени, чтобы «каждое вышестоящее звено сохранило у себя только *минимальное количество прав и обязанностей*, которое действительно необходимо ему и достаточно для осуществления тех задач, которые на него возложены».

За центральным органом, направляющим и координирующим развитие всех отраслей промышленности, сохранились лишь функции народнохозяйственного планирования и координации развития отраслей в масштабе всей страны. Как уже отмечалось, ВСНХ разрабатывал проект пятилетки по промышленности, рассматривал и утверждал годовые планы подведомственных организаций, осуществлял оперативный контроль выполнения плановых заданий, в том числе по увеличению объемов производства продукции, снижению ее себестоимости и осуществлению капитального строительства. Важным рычагом целенаправленного воздействия ВСНХ на

промышленное производство была кадровая политика: этот орган назначал членов правления трестов и синдикатов.

Хотя проведенные в 1927–1928 гг. меры по совершенствованию управленческих отношений в целом положительно сказались на работе промышленности, но они были недостаточными для того, чтобы качественно перестроить работу аппарата управления применительно к новым задачам реконструкции народного хозяйства. Особенно мешала недостаточная подготовленность кадров к разработке и проведению в жизнь активной технической политики. В структуре ВСНХ в то время наряду с президиумом всю основную работу выполняли два вида подразделений: планово-экономическое управление и главки. Первое было как бы рабочим штабом президиума. Оно готовило проекты планов и другие сводные материалы по промышленности, разрабатывало нормативные ориентиры для отраслевых главков и ВСНХ союзных республик по важнейшим вопросам промышленной политики, занималось отдельными проблемами организации производства, финансов и кредита, оптовой торговли и снабжения, труда и заработной платы.

Главные управления по отраслям промышленности (главки) непосредственно руководили находящимися в введении ВСНХ трестами, синдикатами и другими организациями союзного значения, утверждали их годовые планы, следили за их выполнением, рассматривали балансовые отчеты. Иными словами, главки направляли и контролировали хозяйственную деятельность в отдельных подотраслях промышленности.

Вопросами технической политики занималось специальное научно-техническое управление. Его функции состояли в разработке общих директив по развитию исследований и разработок в промышленности, а также по вопросам рационализации промышленного производства, научной организации труда, стандартизации продукции. Оно осуществляло также руководство находившимися в его ведении научно-исследовательскими институтами.

Однако при разработке планов развития промышленности Госплан и ВСНХ все чаще и больше стали дублировать друг друга. В то же время, в условиях господства планово-директивных методов руководства, хозрасчетные синдикаты и тресты уже не могли самостоятельно выполнять регулирующие функции в отношении предприятий, перешедших в подчинение главков. Все это потребовало проведения радикальной реформы организационной структуры управления народным хозяйством. Ее задачи состояли в том, чтобы реально активизировать роль политики и государства в экономике,

укрепить централизованные начала в распределении материальных, финансовых и трудовых ресурсов, повысить исполнительскую дисциплину и действенность контроля.

Под таким углом зрения ВСНХ был по существу ликвидирован, путем создания на его основе трех наркоматов: тяжелой, легкой и лесоперерабатывающей промышленности.[1.53.]

Постепенно число наркоматов увеличивалось, что отражало углубление разделения труда в соответствующих отраслях. Местные совнархозы были преобразованы в республиканские наркоматы легкой промышленности и областные (краевые) управления.

У читателя может возникнуть вопрос: почему пришлось ликвидировать ВСНХ? Не лучше ли было бы реорганизовать его и нацелить на решение новых задач? Вопрос не простой, и ответ на него не может быть однозначным. Одной из главных причин, определившей судьбу ВСНХ, были кадры. Многие из специалистов аппарата ВСНХ потратили годы, чтобы освоить определенные методы и формы взаимодействия с промышленностью. Среди тех проблем, которые им приходилось практически решать, 70–80 % повторялись из года в год. Порядок их решения был уже отработан и апробирован на практике. В том его виде он не требовал ни больших усилий, ни риска, ни дополнительных знаний. Однако эти формы и методы сами по себе уже не соответствовали изменившимся требованиям нового времени, тормозили успешное осуществление индустриализации. Поэтому стиль работы кадров управления промышленностью стал выступать носителем устаревших, неэффективных форм и методов работы и нуждался в коренной перестройке. Нельзя не отметить еще одного важного обстоятельства – в аппарате ВСНХ было немало сторонников Троцкого и Бухарина, с которыми Сталин не хотел, да и не мог работать.

В результате организационных преобразований к середине тридцатых годов в отраслях промышленности сложилась трехзвенная (наркомат – главк – предприятие) или четырехзвенная система управления: наркомат – главк – трест (объединение) – предприятие.

Первая схема нашла применение в машиностроении и станкостроении, а четырехзвенная – в металлургической, химической, топливной, а также в легкой и пищевой промышленности. Тресты и объединения сохранились в тех отраслях, где большое количество по преимуществу некрупных предприятий (например, в пищевой промышленности) было разбросано на обширных территориях и главку трудно было обеспечить конкретное руководство ими. Однако общая тенденция проявлялась в ликвидации трестов

и объединений и переходе к трехзвенной системе: наркомат – главк – предприятие.

Так, если в 1933 г. главки Наркомата тяжелой промышленности руководили непосредственно только 32 предприятиями, то к 1936 г. их число возросло до 355. Они выпускали более половины продукции данной отрасли.[1.54] Все это объективно повысило роль и значение созданных в наркоматах главков, которые строились по производственному и территориальному признаку и полностью отвечали за подчиненный им участок работы. Они располагали соответствующими финансовыми и материальными ресурсами, а также широкими правами по руководству подчиненными им предприятиями. Функциональные подразделения наркоматов – плановый, финансовый и другие – осуществляли свою деятельность через главные управления.

Основной задачей главков было оперативное руководство производством и техническим развитием отрасли: внедрение эффективных технологий, освоение новых видов продукции, повышение ее качества, освоение передовых нормативов. Но практически большую часть времени работники главков тратили на решение вопросов, связанных с перебоями в материально-техническом снабжении. «Я не помню такого месяца, – вспоминал бывший начальник Главка спецсталей В. Емельянов, – когда бы с Северного завода не было тревожных звонков о том, что печи завода могут через несколько дней остановиться, так как запасы топлива кончаются, а цистерны с нефтью еще не подошли. Топливо завод получал из Грозного. В такие дни почти все работники главка превращались в диспетчеров и звонили по всем железнодорожным станциям, проверяя, где находится эшелон с нефтью, и умоляли работников железной дороги быстрее его продвинуть. В те годы мы хорошо знали, кажется, все узловые станции на пути следования цистерн с нефтью.

Трудными были и поставки по кооперации. Все совершенно справедливо признавали, что необходимо вводить специализацию предприятий – это значительно удешевляло производство, но плохая организация в снабжении изделиями специализированных предприятий сводила на нет все эти выгоды.

Заводы главка многие полуфабрикаты, узлы и детали своей продукции получали с других предприятий. А там возникали свои трудности, и смежники часто не выполняли обусловленных сроков поставки.

Директор мог еще найти выход из тех трудностей, которые возникали у него на заводе, но влиять на работу своих поставщиков

было трудно. *Отсюда и шла тенденция делать все самим, боязнь кооперации с другими».* (Выделено мною – *Р.Б.*).[1.55.]

Тем не менее, процесс общественного разделения труда продолжался, в том числе, путем разукрупнения главков. Их более узкая специализация способствовала усилению конкретного руководства предприятиями. Постановлением Совнаркома «О специализации и разукрупнении главных управлений Наркомата тяжелой промышленности» в августе 1933 г. из главка машиностроительной промышленности были выделены Главстанкоинструмент, Главсельмаш, Главторгмаш, Главметиз при одновременном упразднении соответствующих объединений и трестов. Подобная реорганизация была проведена также в цветной металлургии, электротехнической и химической промышленности. Всего в системе Наркомтяжпрома в 1937 г. функционировало 53 главка. Процесс разукрупнения главков в эти годы происходил также в Наркомате легкой промышленности.

Важной вехой в развитии главков явилось постановление ЦИК и СНК от 15 июля 1936 г. «О хозрасчетных правах главных управлений промышленных народных комиссариатов».[1.56.]

Наряду с производственными им были приданы также сбытовые и снабженческие функции. Существовавшие ранее самостоятельные конторы по сбыту и снабжению были преобразованы в отделы главков. Они получили право заключать генеральные и прямые договоры по сбыту и снабжению, иметь собственные оборотные средства и самостоятельный баланс, пользоваться банковским кредитом. Они получили также право на финансовый маневр – перераспределение оборотных средств, прибылей и амортизационных отчислений подчиненных им предприятий и хозяйственных организаций. Это решение не только повысило ответственность главков (а тем самым и наркоматов) за качество оперативного руководство предприятиями, но и расширило их возможности при выполнении напряженных плановых заданий.

Особенности управления развитием сельского хозяйства. Административное регулирование деятельности единоличных крестьянских хозяйств осуществляли наркоматы земледелия союзных республик и местные Советы. Производственное руководство, главным образом, совхозами было возложено на специализированные органы: Зернотрест. Свиновод, Маслотрест и др. В 1928 г. было образовано объединение Колхозцентр.

Созданный в конце 1929 г. единый Наркомат земледелия СССР, в который влился Колхозцентр, активно включился в решение сложных и весьма разнообразных проблем, связанных с

коллективизацией, разработкой планов развития сельскохозяйственного производства, электрификацией деревень, организацией материально-технического снабжения сельского хозяйства и кредитного дела, землеустройства и руководством лесным хозяйством.

Кроме того, Наркомзем СССР объединял в своих руках плановое, финансовое, производственное, техническое и административное управление совхозами, а также регулирующее воздействие на единоличные крестьянские хозяйства. Иными словами, он являлся примерно таким же центром руководства сельским хозяйством, каким был ВСНХ для промышленности.[1.57] В 1932 г. Наркомзем СССР был разукрупнен. За ним осталось только руководство колхозами, забота об их организационном укреплении и экономическом росте. Для управления совхозами был образован самостоятельный Наркомат зерновых и животноводческих совхозов.

Индустриализация страны остро поставила вопрос о рациональном размещении производительных сил на территории страны, а вместе с тем и о совершенствовании управления хозяйством на местах. Этого же требовали радикальные преобразования в сельском хозяйстве. Поэтому вполне закономерно, что в 1928–1930 гг. была проведена обширная перестройка системы территориального управления народным хозяйством: вместо прежнего административного деления на губернии, уезды и волости были созданы новые экономические регионы – края и области. Они, как правило, были крупнее старых губерний и представляли собой более или менее сформировавшиеся территориально-производственные комплексы в общественном разделении труда. Края и области делились в свою очередь на округа (в 1930 г. они были ликвидированы) и районы, которые были несколько меньше, чем уезды, и больше, чем волости.

Региональным органам управления были делегированы значительные полномочия по оперативному руководству хозяйственным строительством, что позволило смелее маневрировать ресурсами па местах и находить дополнительные резервы для выполнения заданий пятилетки. Новое экономическое районирование и укрепление местных органов планового управления сыграли также важную роль в индустриализации ранее отсталых национальных республик и областей, в создании более благоприятных условий для выравнивания уровней экономического и культурного развития всех народностей, населяющих страну.

В решении этих задач непосредственное участие принимали вновь образованные областные (краевые) плановые комиссии, в подчинении которых находились окружные и районные плановые

комиссии, действовавшие на правах отделов исполкомов местных Советов. Это позволило сделать определенный шаг вперед в углублении территориального разделения управленческого труда.

Таким образом, в начале тридцатых годов была создана новая *централизованная система управления* как в отраслях, так и в крупных экономических регионах. Для повышения ее действенности потребовалось улучшить качество народнохозяйственного планирования, обеспечивавшего координацию и общую направленность действий всех звеньев нового хозяйственного механизма.

Одновременно были приняты меры по упорядочению работы Совнаркома, Совета Труда и Обороны, а также Госплана СССР. Дело в том, что, несмотря на общую тенденцию делегирования полномочий по оперативному руководству хозяйственным строительством сверху вниз – к наркоматам, местным органам власти и предприятиям, фактическое число проблем, требующих вмешательства центральных органов управления в связи с проведением индустриализации и радикальными преобразованиями в сельском хозяйстве, не только не уменьшалось, но, напротив, увеличивалось. Одновременно росли перегрузки в работе этих органов. Поэтому в 1931 г. вновь пришлось вернуться к вопросу об уточнении функций правительственных органов. Центр тяжести их работы переносился на разрешение наиболее крупных проблем развития народного хозяйства и совершенствование государственного управления в целом. При этом Совнарком сосредоточил основное внимание на исполнительно-распорядительной деятельности и на проверке фактического выполнения принятых решений. СТО перенес центр тяжести своей работы на руководство хозяйственными наркоматами.

В то же время в связи с объективной необходимостью усиления плановой координации действий в масштабе всех отраслей резко возросла роль Госплана СССР, как своего рода генерального штаба в системе управления народным хозяйством.

Как уже отмечалось, в 1930 г. на пост председателя Госплана СССР был назначен В. Куйбышев, имевший за плечами большой опыт хозяйственной работы. В начале двадцатых годов он руководил экономическим отделом ВЦСПС. Вскоре его избрали в состав президиума ВСНХ, где он возглавил работу по перестройке управления промышленностью, был одним из организаторов перевода первых предприятий на самоокупаемость и хозрасчет.

В октябре 1921 г. В. Куйбышев был назначен начальником Главного управления электротехнической промышленности, на которое было возложено руководство как работами по выполнению плана

ГОЭЛРО, так и электротехнической промышленностью и электростанциями Российской Федерации.

На XI съезде партии В. Куйбышев был утвержден секретарем ЦК. Вскоре он возглавил объединенный орган ЦКК – РКИ, включивший в себя партийный, государственный и общественный контроль. Главным содержанием деятельности Рабкрина стало улучшение, упрощение и удешевление всего государственного аппарата. К решению этой задачи вела перестройка форм, стиля и методов работы на основе принципов научной организации труда. В августе 1926 г. В. Куйбышев стал председателем ВСНХ. При этом он выдвинул и последовательно проводил в жизнь принцип: «централизация планирования – децентрализация оперативной деятельности»[1.58]. Таким образом, в начале весьма трудных и напряженных тридцатых годов Госплан СССР возглавил руководитель, опиравшийся в своей деятельности на обширные знания и практический опыт планирования и управления.

Обширные и глубокие структурные изменения народного хозяйства повысили требования к качеству, то есть к экономической обоснованности и сбалансированности народнохозяйственных планов. От Госплана требовалось полнее учитывать достижения мировой науки и техники, шире привлекать к разработке плана всю систему научно-исследовательских учреждений и организаций.[1.59]

Одним из факторов повышения качества плановых разработок, а значит – и самих планов должно – было стать улучшение организации взаимодействия Госплана СССР с плановыми органами наркоматов, союзных республик и областных (краевых) Советов. Несмотря на ряд ранее принятых решений по данному вопросу, здесь все еще сохранялось много несогласованности. Перестройка деловых отношений отставала от крутых изменений организационных структур. Госплану СССР далеко не всегда удавалось добиться необходимого единства, комплексности в подходе к решению конкретных вопросов. Его полномочия по отношению к наркоматам часто были недостаточными, чтобы преодолеть их ведомственные интересы. Для наркоматов были обязательны к исполнению только те распоряжения Госплана СССР, которые касались методологии плановой работы.

Известная раздвоенность в плановой работе была преодолена после назначения В. Куйбышев председателем Госплана СССР. Из комиссии СТО он был преобразован в комиссию при СНК СССР с правами самостоятельного наркомата. Его председатель наделялся правом решающего голоса в правительстве.

Однако потребовалось несколько лет, чтобы привести функции, полномочия и структуру Госплана в соответствие с задачами и условиями масштабной реконструкции всей экономики страны. Важную роль в этом сыграло постановление ЦИК и Совнаркома в начале 1935 года.[1.60] Главная идея документа состояла в том, чтобы сосредоточить всю работу по составлению народнохозяйственного плана в одном органе, поднять ответственность его руководителей за качество и обоснованность всей системы плановых показателей, укрепив ее устойчивость созданием соответствующих резервов.

В структуре Госплана повысилась роль сводных отделов. Их задача состояла в том, чтобы обеспечить устойчивость и эффективность общей модели, воспроизводящей в укрупненном масштабе движение во времени национального дохода, фонда накопления и потребления, других синтетических показателей, а также основные межотраслевые и межрайонные пропорции. К их числу относились сводный отдел, отделы капитальных работ, территориального планирования, материальных балансов и финансового плана; 16 отделов осуществляли планирование конкретных отраслей. В состав каждого из них входили секторы по основным видам продукции, профилирующим в данной отрасли. Так, в состав отдела горной и металлургической промышленности входили секторы черной и цветной металлургии, редких элементов и сектор нерудных ископаемых. В отдел машиностроительной промышленности входили секторы транспортного машиностроения, электропромышленности, общего и тяжелого машиностроения, сельхозмашиностроения, сектор балансов и распределения оборудования.

В 1931 году Центральное статистическое управление было организационно включено в состав аппарата Госплана. Это придало статистике ведомственный характер, но одновременно позволило оперативно и лучше обеспечивать плановых работников информацией о развитии народного хозяйства. Значительно расширился круг отчетных показателей, необходимых как для составления планов, так и для контроля их выполнения.

Сложившаяся в годы первой пятилетки структура аппарата Госплана сохранилась в основном до начала Великой Отечественной войны. В 1936 и 1937 годах в нее были внесены отдельные изменения и дополнения.[1.61]. При этом еще и еще раз подчеркивалось, что «главнейшей задачей Государственной плановой комиссии является обеспечение в плане народного хозяйства Союза ССР правильных соотношений в развитии различных отраслей и необходимых мероприятий по недопущению диспропорций в народном хозяйстве»[1.62]

В соответствии с новыми условиями и задачами перестроилась и организационная наука. При этом наметились два основных направления: *а* – рационализация производства и управления в целом по стране, *б* – разработка более совершенных организационных структур и методов планирования на уровне предприятий.

Рационализация производства рассматривалась, прежде всего, как метод экономии и выявления дополнительных ресурсов. Еще в августе 1927 г. получила одобрение работа Рабкрина в центральных, местных, промышленных, торговых и транспортных учреждениях, которая позволила сократить численность управленческого персонала на 20–40 %, при одновременном сокращении отчетности на 50–70%.[1.63]

В сфере производства главные направления НОТ были сориентированы на овладение и лучшее использование новой техники и технологии. На предприятиях широко стало внедряться поточное производство. В эти же годы были разработаны методики определения экономической эффективности рационализации.[1.64]

Другое направление перестройки организационной науки и практики — организация производства и управления на предприятиях с учетом особенностей функционирования и развития отдельных отраслей. В этой связи институты и лаборатории НОТ были подчинены соответствующим наркоматам. Так, при Наркомате тяжелой промышленности работал Центральный научно-исследовательский институт организации производства и управления (ЦИО) в составе 40–50 человек. Центральный институт труда в годы первых пятилеток «обслуживал» широкий круг отраслей, в том числе машиностроение, металлургию, угольную и легкую промышленность, строительство, железнодорожный транспорт и даже сельское хозяйство. В 1937 г. ЦИТ был передан в ведение Наркомата обороны, а вскоре при разделении этого наркомата вошел в состав Наркомата авиационной промышленности. Не случайно эта отрасль вскоре стала служить образцом внедрения новых форм и методов организации серийного производства военной техники.

В деятельности институтов и лабораторий по научной организации труда объектом разработок стали служить не только отдельные рабочие места, но и весь комплекс производства в цехах и заводах. При этом главными направлениями их деятельности были:

- совершенствование технологии, повышение качества продукции, разработка и освоение новой техники, специального оборудования, инструмента, приспособлений;

- освоение поточного, массового и серийного производства, достижение проектных мощностей на вновь вводимых предприятиях, организация производственного и финансового планирования, а также хозрасчета на заводском уровне. Особое внимание уделялось проектированию организации труда всего производственного персонала в соответствии с технологическими проектами новых и реконструированных предприятий, ликвидация обезлички и установление персональной ответственности за конечные результаты работы;
- переподготовка и повышение квалификации работников массовых профессий и специальностей.

Обобщение исследований и практики первых двух направлений НОТ в период довоенных пятилеток вылилось в специальный учебный курс «Организация промышленного производства». Выпущенное ЦИО учебное пособие для машиностроителей включало следующие разделы: основы организации эффективного производства, отдельные типы производства и работа непрерывным потоком, организация труда, организация работы отдельных цехов (литейных, кузнечных, механических, сборочных и др.) [1.65].

Здесь еще не было разделов по организации заработной платы, планирования, организации технического контроля. Однако вскоре такие разделы появились, а сам курс приобрел еще большую заводскую направленность [1.67].

Закономерно, что особое внимание в это время уделялось вопросам внутризаводского планирования как подсистемы, призванной обеспечить практическую реализацию заданий государственного плана. Уже в первой пятилетке произошло слияние промфинплана (программы по производству, труду, финансам) с планом рационализации (технико-организационные мероприятия) в единый *техпромфинплан*, который представлял собой документ, обобщающий передовую технологию и организацию производства. Он координировал и направлял на выполнение напряженных заданий плана целый комплекс мероприятий по улучшению качества и стандартизации продукции, специализации и концентрации производства, организации потоков, механизации ручных работ и повышению производительности труда, интенсификации использования оборудования, экономии металла и других материалов, топлива и энергии, рационализации планирования и контроля, внедрению диспетчерской службы.

Инициаторами разработки техпромфинпланов выступили ленинградские заводы «Светлана», «Красный путиловец», «Севкабель»,

которые на основе преимуществ такого инструмента добились перевыполнения производственных программ и заданий по снижению себестоимости. Этот опыт быстро распространился по всей промышленности.

Фасадной стороной государственной системы управления экономикой в довоенный период выступали Съезды Советов и их исполнительные комитеты. После образования СССР верховным органом власти стали общесоюзные Съезды Советов и, в перерывах между съездами, – ЦИК СССР. В Конституции 1924 года их компетенции специально не оговаривались. Верховный орган власти мог принять к рассмотрению любой вопрос, имеющий общегосударственное значение. До войны, после образования СССР (1922 г.), было созвано семь очередных и один чрезвычайный съезд Советов. Обычно в их повестку включались отчеты о работе правительства, о положении в промышленности и в сельском хозяйстве. Так, V съезд Советов в мае 1929 года, заслушав доклады Г. Кржижановского и В. Куйбышева, утвердил первый пятилетний план развития народного хозяйства. Правительству было поручено уточнить, а если потребуется, и пересмотреть его отдельные показатели в сторону повышения. По отчету председателя Совнаркома А. Рыкова Съезд «полностью одобрил мероприятия правительства в области хозяйственного строительства» и, вместе с тем, вменил ему «в обязанность уделить максимальное внимание вопросам культуры и добиться осуществления важнейших задач культурной революции путем введения всеобщего начального обязательного обучения, ликвидации неграмотности, повышения уровня как общего, так и профессионально-технического образования масс». В резолюции «О путях подъема сельского хозяйства» Съезд, отметив «настоятельную необходимость упорной и систематической работы по переустройству всего сельского хозяйства», подчеркнул, что «все это отнюдь не исключает, а непременно предполагает необходимость проведения не только в данный момент, но и в дальнейшем ряда мер, обеспечивающих подъем и развитие индивидуального бедняцкого и середняцкого хозяйства, так как его возможности далеко не исчерпаны». Стоит отметить, что это постановление Съезда принято уже после апрельского пленума ЦК, осудившего позицию Бухарина и Рыкова по аграрной политике, как «правый уклон».[1.68.]

На VI съезде Советов СССР в марте 1931 года с отчетом о работе правительства выступил его новый председатель В. Молотов. Своими особенностями отличался третий год пятилетки. Основное

внимание теперь уделялось текущему годовому плану. Это нашло свое отражение и в резолюции съезда Советов: «Выполнение промфинплана текущего года, в первую голову по важнейшим отраслям промышленности (металл, уголь), а также по транспорту, ставшим узким местом всего народного хозяйства, нужно обеспечить во что бы то ни стало в кратчайший срок. Выполнение качественных заданий и, прежде всего, заданий по снижению себестоимости промышленной продукции вместе с безусловным выполнением финансового плана и твердым проведением финансовой дисциплины, имеют решающее значение для всего дела преобразования нашей страны».[1.69.]

Обычно съезды Советов созывались сначала ежегодно, затем один раз в два года, но после VI съезда пауза затянулась. Сталин еще не чувствовал себя хозяином положения: в деревнях волнения крестьян, голод 1932–1933 гг., на несколько лет пришлось ввести карточное снабжение населения продовольствием и промышленными товарами. Обстановка совсем не для докладов об очередных победах.

VII съезд Советов СССР собирается в Москве только в конце января 1935 года, когда появились первые проблески улучшения социально-экономической обстановки. Его постановления немногословны: одобрить внутреннюю и внешнюю политику правительства, признать работу наркомата тяжелой промышленности «вполне удовлетворительной». Основное внимание Съезд сосредоточил на проблемах затянувшегося восстановления сельского хозяйства: «животноводство остается до сих пор наиболее отсталой отраслью сельского хозяйства», «производство кормов и, особенно, пастбищное хозяйство находятся в неудовлетворительном состоянии», «в неудовлетворительном состоянии находится ветеринарное и зоотехническое обслуживание животноводства». Съезд предлагает целую программу конкретных мероприятий, чтобы вытянуть животноводство из кризисного состояния, хотя это совсем непросто.[1.70.]

В декабре 1936 года чрезвычайный и последний Всесоюзный съезд Советов принял новую Конституцию СССР, которая предусматривала всеобщие, равные, прямые и тайные выборы Верховного Совета СССР – высшего общесоюзного органа государственной власти в стране. Первая сессия нового Верховного Совета состоялась в январе 1938 года. Его основные функции в сфере экономики – рассмотрение и утверждение народнохозяйственных планов и государственного бюджета, а также контроль деятельности совнаркома и наркоматов в экономической сфере.

В соответствии с новой конституцией еще раз была перестроена системы высших органов власти и управления как в центре, так и в союзных республиках.

Не менее важной и сложной была проблема перестройки региональных и местных органов власти. Как уже отмечалось, ей предшествовала реформа административно-территориального устройства страны. Практика показала, что округа и уезды – лишние звенья в управлении. Большинство из них упразднили. Освободившиеся кадры специалистов направили на укрепление районных органов власти. О количественных изменениях территориальной структуры управления в тридцатые годы дает представление следующая таблица.

Количество административных единиц на отдельных этапах [1.71]

Административная единица	1923	1928	1941
Области и края	1	5	107
Губернии	75	33	–
Округа	–	128	8
Уезды	766	349	59*
Города	–	709	1241
Поселки городского типа	–	1261	1711
Сельские районы	–	1854	4007
Волости	13 659	3564	1023*
Крупные села	–	72 997	70 034

* Оставались в 1941 г. в прибалтийских республиках

Из таблицы видно, какое сильное влияние оказала индустриализация на рост числа городов и поселков городского типа. Оставшиеся в 1928 году губернии были разукрупнены. Появились новые административные единицы – сельские районы. Во всех новых административных единицах создавались свои региональные или местные органы власти, в том числе в крупных селах действовали «свои» сельсоветы.

Функции региональных и местных органов власти отличались большим многообразием. Им постоянно приходилось разрешать проблемы и даже конфликты, возникавшие при формировании колхозов, совхозов и МТС. Много сил и нервов уходило на то, чтобы найти компромиссы при распределении налогов и норм обязательных поставок зерна, мяса и других видов продовольствия. Нужно было электрифицировать села, прокладывать водопроводы на колхозных фермах. Постоянно заботиться о школах и учителях, о больницах и фельдшерских пунктах. В областях и сельских районах, как правило, действовали представители наркомата снабжения

(он же – наркомат внутренней торговли), которые занимались заготовками и закупками зерна, мяса и других продовольственных продуктов, а также сотрудники наркомата земледелия. Начиная с1932 года, на местах появились работники наркомата земледельческих и животноводческих совхозов. Каждый из них считал себя представителем *правительственного учреждения.* Поэтому он вправе *требовать* от региональных органов власти конкретной и постоянной помощи в решении вопросов, относящихся к компетенции его наркомата.

На все и на всех не хватало ни сил, ни времени, а главное, – специалистов и денег. Обстановка в деревнях была крайне напряженной. Работников районных и сельских советов нередко избивали, а то и отстреливали. Поэтому дело на местах двигалось медленно, со сбоями, но все-таки двигалось.

В промышленности все, в том числе структурные, изменения происходили значительно быстрее и более организовано. Дело в том, что в процессе индустриализации строились на только новые предприятия, но и новые *отрасли.* Зародившись внутри старых структур, они быстро перерастали их масштабы. Им становилось тесно в «детской» скорлупе – возникала объективная необходимость выбраться на свободу.

Еще в 1930 году из большой промышленной семьи, которую называли по-старому ВСНХ, выделилась пищевая промышленность, которую переместили под крышу наркомата снабжения (бывшего наркомата торговли). Он отвечал за нормальное функционирование системы карточного распределения хлеба и других продовольственных продуктов среди населения. Поэтому логично было подчинить ему пищевую промышленность.

В январе 1932 года на базе ВСНХ создаются два общесоюзных наркомата: тяжелой (сейчас можно раскрыть «секрет»: и оборонной), а также лесной промышленности и один союзно-республиканский наркомат легкой промышленности.

В 1934 году в связи с переходом к свободной торговле товарами для населения наркомат снабжения делится на два: торговли и пищевой промышленности.

В декабре 1936 года из наркомата тяжелой промышленности выделяется самостоятельная отрасль – оборонная промышленность с созданием соответствующего наркомата.

Осенью 1937 года из изрядно «похудевшего» Наркомтяжпрома выделяется общесоюзный наркомат машиностроения, куда вошли главки автотракторной, станкостроительной, котлотурбинной

и электротехнической промышленности, а также сельскохозяйственного машиностроения и производства оборудования для легкой и пищевой промышленности. Но этим дело не кончилось.

Нарастание угрозы войны потребовало повышения гибкости и живучести системы управления путем ее дальнейшего разукрупнения и повышения ответственности за конкретные конечные результаты хозяйствования.

В январе 1939 года начался новый, очень нужный этап перестройки системы управления:

Наркомат оборонной промышленностью делится на четыре самостоятельные учреждения: *наркомат авиационной промышленности*, под начало которого перешли самолетостроительные и моторные заводы, производства авиационных приборов и радиостанций; *наркомат судостроения; наркомат вооружения* – артиллерийские заводы, предприятия по производству стрелкового вооружения и оптических приборов; *наркомат боеприпасов* – производства взрывчатых веществ и всех видов боеприпасов. К сожалению, среди них не было *наркомата танкостроения*. Это было грубой ошибкой стратегического характера, исправлять которую пришлось уже в условиях войны, высокой ценой.

В это же время остатки Наркомтяжпрома вновь разделили на шесть частей. После такой операции он перестал существовать. Каждая из его частей послужила основой для создания наркоматов: топливной и химической промышленности, черной и цветной металлургии, электростанций и электропромышленности, а также промышленности строительных материалов.

В течение этого же года управленцы топливной промышленности разделились на два наркомата: угольной и нефтяной промышленности, а машиностроители – даже на три: тяжелого, среднего и общего машиностроения.[1.72]

Весной 1940 года вместо одного было создано два самостоятельных наркомата: электростанций и электропромышленности. Еще через год, накануне войны, химики последовали примеру энергетиков и создали два наркомата вместо одного: химической и резиновой промышленности. Подобные разукрупнения происходили и в управлении другими отраслями.

Каждая реорганизация подобного масштаба парализует системы управления как минимум на 3–6 месяцев. Но, как показали последующие события, вновь созданные органы управления действовали более оперативно и результативно, перекрыв тем самым возникшие в начале потери и остановки. А предприятия на деле

показали, что они стали уже взрослыми и не всегда нуждаются в опеке наркомата. В крайних случаях можно было обратиться в Совнарком, которому в эти годы приходилось работать весьма напряженно.

В его ведении в начале 1940 года находилось:

- 23 союзных наркомата, в том числе 20 хозяйственных;
- 14 союзно-республиканских наркоматов, из них 11 хозяйственных;
- 7 комитетов;
- 11 учреждений экономического назначения: Госплан, Госбанк, Госарбитраж, Комиссия Советского контроля и др.

Особенно прибавилось работы Экономическому совету при правительстве СССР, созданному в ноябре 1937 года вместо Совета труда и обороны (СТО). Новый Совет (ЭКОСО) выполнял функции оперативного хозяйственного руководства, в его состав входили председатель Совнаркома, заместители председателя, председатели Госплана и Комиссии Советского контроля, секретарь ВЦСПС и др.

Этот совет опирался в своей работе на шесть хозяйственных советов, созданных при Совнаркоме в марте 1940 года. Каждый из них курировал небольшую группу наркоматов, для которых его решения были обязательными. Такие советы обычно без долгих дискуссий решали текущие вопросы, чаще всего связанные с материально-техническим снабжением и финансированием отдельных наркоматов. Они работали в составе 3–5 человек во главе с одним из заместителей председателя Совнаркома.

В совете по металлургии и химии были представлены наркоматы черной и цветной металлургии, а также химической промышленности.

В совете по машиностроению – представители тяжелого, среднего и общего машиностроения.

В совете по оборонной промышленности – четыре наркомата: авиационной промышленности, судостроения, промышленности вооружений и боеприпасов.

В совете по топливу и электрохозяйству – три: угольной, нефтяной и электропромышленности.

В совете по товарам широкого потребления – пять наркоматов: легкой, текстильной, пищевой, мясной и рыбной промышленности.

В совете по сельскому хозяйству и заготовкам были представлены наркоматы земледелия, совхозов и заготовок.[1.73.]

Создание экономического совета и шести хозяйственных советов, состоявших из представителей взаимосвязанных между собой

наркоматов, заметно разгрузило Совнарком и Госплан от решения многочисленны текущих вопросов, имевших чаще всего количественное значение. Это позволило правительству в большей степени сосредоточиться на проблемах стратегического, то есть качественного характера.

1.4. Формирование нового поколения «командиров производства»

Практика показала, что напряжение первых пятилеток можно было преодолеть, лишь опираясь на уже проверенный принцип единоначалия, то есть концентрации ответственности и прав у одного лица – хозяйственного руководителя. Он принимал окончательное решение о том, как лучше использовать имеющийся производственный потенциал для выполнения заданий плана, фактически не имея в своем распоряжении достаточных финансовых ресурсов. Это, конечно, резко сужало рамки его хозяйственной инициативы, но внутренняя мотивация делать больше, быстрее и лучше – помогала преодолевать многочисленные препоны и рамки.

Руководитель нового поколения тридцатых годов понимал и чувствовал, что персонально отвечает не только за конечные результаты деятельности своего коллектива, но и за судьбу страны. Такая ответственность имела не только психологический и экономический, но и политический аспекты. Любую крупную ошибку или неудачу всегда могли истолковать как сознательное вредительство, тем более что следователи «оплачивались» сдельно. Вот только один пример:

Директором Ярославского завода синтетического каучука работал Назаров, молодой, но уже умелый хозяйственник. Его уважали в коллективе. Завод работал хорошо, правительство наградило Назарова орденом Ленина.

В июле 1940 г. вышел Указ «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение стандартов промышленными предприятиями». И вот недели через две–три после его опубликования прокурору Ярославской области Шляеву позвонил прокурор Союза: «Почему до сих пор не привлекли никого к ответственности: ведь после выхода в свет указа о борьбе с браком прошло уже около трех недель. Или у вас нет бракоделов? Как это следует понимать?»

После такого звонка «сверху» работники прокуратуры Ярославской области разъехались по предприятиям. Сам Шляев поехал

на завод синтетического каучука. Нужны были результаты – и он решил привлечь к ответственности директора. Суть вопроса была такова. Среди большого объема многотоннажной продукции на заводе забраковали около 17 т синтетического каучука. Для прокурора это была хорошая находка. Он быстро подсчитал убытки, нанесенные государству «злостным бракоделом Назаровым». Каучук производился из этилового спирта, быстро подсчитали, сколько его израсходовано на изготовление 17 тонн забракованного каучука. Дальше: спирт производится из картофеля. Если этот картофель продать на рынке, то сумма убытков составила... и т. д.

Обком партии встал на защиту Назарова, но все материалы уже были направлены в Москву к прокурору Союза. В конце концов, дело дошло до Центрального Комитета партии, который использовал этот случая для того, чтобы приостановить ничем не оправданную страсть некоторых руководителей к показательным процессам, к шумихе, поискам «злостных бракоделов».[1.74.]

Назарову повезло – помог обком, что случалось далеко не всегда. Данный пример иллюстрирует, в каких непростых условиях функционировало единоначалие директора. Тем не менее, оно позволяло с помощью материальных и моральных стимулов, а также административного нажима поддерживать дисциплину и порядок на производстве, координировать коллективные действия и направить их на достижение напряженных целей. Такие отношения соответствовали известному высказыванию В. Ленина о том что «всякая крупная машинная индустрия требует безусловного и строжайшего *единства воли,* направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей».[1.75.] Тем более четкий порядок нужно было обеспечить в чрезвычайных условиях ускоренной индустриализации страны.

Поднять ответственность – не значит взвинтить требования к руководителю и строже наказывать его за всякого рода упущения. Для того, чтобы реально укрепить единоначалие и ответственность, необходимо было, прежде всего, повысить квалификацию руководителя и создать другие необходимые условия для его эффективной работы. «Пока среди нас, среди большевиков, – говорил И. Сталин на конференции работников промышленности в 1931 г., – не будет достаточного количества людей, хорошо знакомых с вопросами техники, экономики, финансов, у нас не будет действительного единоначалия. Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты – толку не будет, единоначалия не будет».[1.76.]

Но где найти таких знающих людей? Их во многих случаях просто не было. Поэтому обстановка с квалифицированными специалистами на протяжении тридцатых годов оставалась сложной. Ввод в эксплуатацию десятков и сотен новых современных заводов и фабрик резко увеличил потребность в руководящих кадрах и инженерно-технических работниках не только количественно, но и качественно. Ведь на строящихся заводах внедрялась передовая по тому времени технология. Нужны были грамотные люди для того, чтобы овладеть новой техникой. Однако набрать их было крайне трудно. Так, в промышленности, находящейся в ведении ВСНХ, на 1 октября 1927 г. было занято всего 42,5 тыс. человек инженерно-технического и 8,3 тыс. экономического персонала. [1.77] На 10 тыс. рабочих в промышленности приходилось 65 инженеров и 68 техников, то есть в несколько раз меньше, чем в Германии или США. Более трети из них были специалистами-практиками, не имевшими высшего или соответствующего специального среднего образования.

К 1929 г. число лиц инженерно-технического состава по сравнению с 1927 г. почти удвоилось, однако и в этот период в значительной степени за счет практиков, что сказалось на качественной структуре руководящих кадров.

Доля специалистов в промышленности по степени образования, % [1.78]
(на 1 октября соответствующего года)

Образование	1927	1929
Высшее	30,4	24,1
Среднее	30,3	27,5
Практики	39,3	48,4

Как видно из таблицы, к началу первой пятилетки почти половину специалистов составляли так называемые «практики», которые учились методом проб и ошибок. Многие из них были способными, «хваткими» людьми, хорошими организаторами, но, как правило, не владели специальными знаниями как системой. Дело в том, что потребности быстро растущей промышленности в квалифицированных кадрах намного обгоняли развитие высшей школы и техникумов. Для этого периода характерно также, что темпы роста инженерно-технических работников отставали от увеличения численности рабочих. Особенно остро ощущается недостаток специалистов в районах нового строительства промышленных предприятий, в том числе в Белоруссии, в Кузбассе, Поволжье, Центрально-черноземной области, не говоря уже о среднеазиатских республиках, Северном Кавказе и ряде других районов.

Ограниченность квалифицированных кадров хозяйственных руководителей и инженерно-технических работников, способных организовать освоение новых производств и управлять сложной технологией, стала сдерживать экономический рост. Например, тракторный завод им. Ф. Э. Дзержинского, первые цехи которого были построены в относительно короткий срок, осваивали в течение года, так как многие инженеры, техники и рабочие завода не умели обращаться с новой техникой и слаженно работать в условиях поточного производства. Когда в 1931 г. на этом заводе у импортного фрезерного станка вышла из строя коробка передач, никто не мог понять, что же с ней случилось. Описание чертежей – на незнакомом английском языке. Да и в самих чертежах никак не могли разобраться, понять что к чему. Тогда приняли волевое «решение»: разобрать другую, нормально работающую коробку передач и, по аналогии с ней, узнать причину отказа сложного механизма.[1.79.]

В то же время недостаточная квалификация работников центральных плановых органов и аппарата наркоматов была другой причиной постоянных сбоев в межотраслевой кооперации труда, а также в технической политике и материально-техническом снабжении.

Следует иметь в виду, что еще в 1929 г. 29 % общего количества инженерно-технических работников и служащих на заводах, 35 % – в строительных организациях и 62 % – в трестах составляли лица, начавшие работать в качестве специалистов еще до Октябрьской революции. Большинство из них до 1917 г. занимали руководящие административно-технические должности вплоть до директоров предприятий. Хотя в этой связи в конце двадцатых годов наломали немало дров, однако руководство страны было против огульных обвинений и подозрительности к старым кадрам. XVII конференция ВКП(б) в своей резолюции, специально останавливаясь на этом вопросе, поставила задачу «проявить максимум заботы и внимания к инженерно-техническому персоналу как старой школы, так и нового поколения, обеспечить техникам и инженерам подобающее место ответственных руководителей порученной работы и поощрять их инициативу в деле постановки новых производств, изыскания и проведения рационализаторских мероприятий по экономии материалов и улучшению качества продукции, в деле улучшения организации производства и т. п.». [1.80.]

Одну из ключевых ролей в успешном осуществлении интенсивной индустриализации России сыграло новое поколение директоров предприятий, выдвинутых, как правило, из числа наиболее инициативных рабочих-новаторов. Они не имели высшего образования,

но прошли трудную школу жизни и на деле проявили свои творческие качества и организаторские способности.

Реальная острота вопроса обуславливала необходимость ускорения процесса формирования новой технической интеллигенции. В первую очередь нужно было осуществить ряд мер, чтобы расширить подготовку специалистов через систему вузов и техникумов, а также через специальные промышленные академии и различные курсы по повышению квалификации хозяйственников.

В 1929–1930 гг. вся система высшего и среднего технического образования была всесторонне перестроена. Сформировалось много новых вузов и техникумов, укрепилась их материально-техническая база, расширился выпуск учебных пособий и материалов.

Для заново создававшихся в стране отраслей промышленности, таких как авиационная, автотракторная, станкостроительная, химическая, сельскохозяйственного машиностроения и ряда других, были созданы специальные вузы, факультеты, а также средние учебные заведения соответствующих профилей. В 1930 г. все высшие технические заведения перешли в ведение хозяйственных наркоматов и объединений. Естественно, что основная масса (примерно 2/3) молодых специалистов готовилась и использовалась в Наркомате тяжелой промышленности.

В результате принятых мероприятий в 1932/33 г. сеть высшей школы (832 вуза) по сравнению с 1925/26 г. расширилась почти в 6 раз, а техникумов и других средних специальных учебных заведений (их насчитывалось 3509) – в 3,6 раза. Численность студентов и учащихся возросла соответственно в три и четыре раза. Такого размаха подготовки квалифицированных кадров в то время не знала ни одна страна мира. Но и производство расширялось примерно такими же темпами. В промышленности дефицит квалифицированных кадров оставался острым на протяжении всех довоенных пятилеток.

Количество ИТР и неудовлетворенная потребность в них [1.81]
в промышленности, тыс. человек

ИТР	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Наличие:							
инженеров	82,5	101,5	127,9	151,4	174,2	200,5	222,2
техников	146,6	201,6	270,3	335,6	397,6	457,1	519,4
всего	229,1	309,1	398,2	486,0	571,8	667,6	741,6
Вакансии:							
инженеров	–	18,9	26,4	23,5	23,8	26,4	21,6
техников	–	55,0	68,7	65,3	62,0	69,5	52,3
всего	–	73,9	95,1	88,8	84,8	95,9	73,9

Весьма характерно для периода предвоенных пятилеток: число инженеров в промышленности возросло за шесть лет в 2,7 раза, техников – в 3,5 раза, а число вакантных мест для специалистов практически не снизилось.

И тогда, и сейчас можно встретить скептиков, которые считают, что в тридцатые годы инженеров «пекли», как блины в заводской столовой: главное – числом поболее, а обучение – чему-нибудь и как-нибудь. На самом деле и организация, и качество подготовки специалистов, как и всегда, зависела от квалификации преподавателей и желания студентов учиться напряженно. Как правило, в учебные заведения поступала молодежь, пережившая гражданскую войну, голодные годы и НЭП. Накопленный жизненный опыт служил крепкой опорой и своеобразным преимуществом такой молодежи. Большинство из них стремилось добавить к этому преимуществу теоретические и прикладные знания – из таких молодых людей получались прекрасные, целеустремленные и творческие специалисты. Многое зависело и от состава преподавателей. Здесь уже действовал фактор везения. Конечно, даже при стечении благоприятных обстоятельств не все выпускники техникумов и институтов вырастали до талантливых «командиров производства». Но, к концу тридцатых годов многие стали ими. И в этом заключается один из главных факторов успеха индустриализации в целом.

В этом отношении весьма показательна судьба крестьянского паренька из Новгородской губернии Володи Новикова. Его родители сделали все от них зависящееся, чтобы он закончил девять классов, то есть получил среднее образование, а затем механический техникум в Новгороде. С группой других выпускников Новикова распределили в Ижевск, на крупный оружейный завод. Ему тогда шел 21 год. Через десять лет Владимир Николаевич станет директором этого завода. Его поднимали «вверх» два двигателя: интересная работа и напряженная учеба, при этом учеба помогала в работе, а работа – в учебе. После нескольких подвижек В. Новиков попал в заводскую лабораторию по резанию металлов. «Работа в лаборатории, – вспоминал он, – велась с размахом, ее результаты признавались не только на нашем, но и на других машиностроительных заводах. Своя металлургия позволяла подбирать или заказывать для лаборатории любой металл, а также любую марку стали для инструментов, которые мы изготовляли сами. Рабочие-инструментальщики оказались такими же умельцами, как и начальник лаборатории, и с ними я быстро подружился.

Нас, молодых, в этом коллективе учили не только рисовать схемы и диаграммы, но и работать на всех типах станков, что мне особенно нравилось и что, могу сказать уверенно, очень пригодилось в дальнейшем, когда перешел на руководящую работу. Для меня и моих товарищей лаборатория по обработке металла резанием стала замечательной школой, дав как бы новое направление в деятельности. Работая на станках, мы внимательно присматривались к «поведению» того или иного инструмента, степени его «содружества» с различными марками металла. Очень часто бывали в цехах, проверяли данные, полученные в лабораторных условиях. Все это позволяло не только глубоко познать теорию резания, но и почувствовать «поведение», узнать возможности тех или иных типов станков. Изучали мы и инструментальные стали, в тонкостях познавая способы их варки и термообработки на металлургическом производстве. Постепенно превращались в высококвалифицированных специалистов...».[1.82.]

По инициативе молодежи, поддержанной дирекцией и наркоматом, вскоре на заводе открылось вечернее отделение одного из ленинградских институтов. Новиков стал студентом, как говорится, без отрыва от производства. Время летело еще быстрее. В 1934 году состоялись выпускные экзамены. Их принимала комиссия из Ленинграда, в которую входили крупные ученые. Некоторые из них преподавали в высших учебных заведениях еще до революции. «Члены комиссии, видимо, не очень были уверены, и не без оснований, в глубине наших знаний. Поэтому защита дипломов начиналась с продолжительных многочасовых бесед с каждым и сразу по всем курсам и предметам, которые мы изучали. К защите дипломного проекта допускались только те, кто успешно выдержал этот исключительно изнурительный экзаменационный марафон.

В числе других со мной беседовал известный преподаватель военно-механического института и крупный специалист в области резания металлов Н.С. Поликарпов. Ему я и доложил о закономерностях фрезерования, а также о полученной нами формуле, учитывающей твердость обрабатываемого металла, качество инструмента, его стойкость при разных скоростных режимах. Рассказал и о другой формуле, связанной с «отрезными» работами. Все эти материалы, закончил я, опубликованы в технических журналах.

«Я с ними знаком, – заметил Поликарпов. Работу вы проделали действительно большую и важную, но позвольте высказать сомнение в правильности формулы, выведенной вами».

Формула правильная, – возразил я. Она подтверждается многочисленными экспериментами и применяется на практике рабочими.

Однако профессор повторил, что он на этот счет имеет свое мнение. Я вновь пытался возразить, привел соответствующие аргументы. Но члены комиссии лишь улыбались, наблюдая за моими попытками «опровергнуть» сомнения профессора.

Решили так: Поликарпов пойдет со мной в лабораторию и познакомится со всеми исходными и экспериментальными материалами. Знакомство это убедило ученного, что все сделанное нами «покоится» на строго научной основе, и мы действительно сказали новое слово в теории и практике резания металлов. Пожав руку, профессор поздравил меня с проделанной работой и подарил новую, изобретенную им логарифмическую линейку, которая позволяла получить ряд дополнительных данных в сравнении с существующей. На защите дипломной работы Поликарпов неожиданно для меня сказал: «Я думаю, что товарищ Новиков давно готовый инженер».

Так я стал инженером, получив диплом с отличием.

На заводе дипломы инженеров получила одна треть из сдававших экзамены. Это объяснялось исключительно строгим подходом государственной комиссии. Остальные товарищи продолжили учебу, углубляя свои знания, и защитили дипломы на следующий год».[1.83.]

Такая требовательная система отбора и подготовки специалистов позволила в сравнительно короткий срок за счет молодых кадров резко поднять количественно и качественно новаторский уровень инженерно-технического руководства индустриализацией страны. Так, например, в машиностроительных отраслях в 1933 г. две трети общего числа работников со специальным образованием составляли лица, пришедшие из советской школы в годы первой пятилетки. Конечно, молодежи не всегда хватало опыта и теоретических знаний, но было страстное желание быстрее овладеть ими, у них было широкое поле для смелых дерзаний, поскольку большинство молодых специалистов после окончания вуза попадали на предприятия. Более опытные кадры со стажем и связями концентрировались в наркоматах и трестах.

Одновременно конструктивно решалась и весьма сложная проблема подготовки кадров хозяйственных руководителей высшего звена. Еще в 1926 г. по инициативе Ф. Дзержинского были созданы специальные курсы, через которые прошли многие тысячи руководящих работников промышленности [1.84.].

В конце двадцатых годов была образована Всесоюзная промакадемия, первый выпуск которой (110 командиров производства) состоялся в 1930 г. Среди выпускников были Н. Хрущев и жена Сталина – Надежда Аллилуева. В принципе в академию принимали только хозяйственников, но Хрущеву, которому исполнилось уже 35 лет, а он к тому времени окончил только рабфак, очень хотелось получить диплом о высшем образовании. «Пришлось побеспокоить Лазаря Моисеевича Кагановича (он был секретарем ЦК) и попросить, чтобы ЦК поддержал меня. Я добился своего: меня поддержал Каганович, и таким образом я стал слушателем Промышленной академии». «В академии люди были разные и по партийности, и по общей подготовки. Многие окончили сельскую школу и знали только четыре действия арифметики, а с другой стороны, там были люди, которые имели среднее образование. А я пришел, окончив рабфак: это считалось – имею среднее образование. Наша группа была подобрана довольно сильной. Но у нас имелись один–два таких товарища, которые отставали по математике, и они нас тянули назад. Народ взрослый, упорный. Поэтому не преподаватель требовал, чтобы человек учился, а человек сам требовал, чтобы преподаватель его учил. Бывало, не его вызывали к доске, а он сам идет к ней, мучает преподавателя, потому что ему не понятны те или иные математические формулы».[1.85]

По образцу Всесоюзной промакадемии аналогичные учебные заведения по ускоренной подготовке высшего эшелона хозяйственников создавались и в других крупных промышленных центрах.

Так, в 1932 г. в 11 промакадемиях училось 2370 хозяйственников (впоследствии число таких академий увеличилось до 25). Один из директоров той поры, И. В. Парамонов, в своей книге «Учиться управлять» вспоминал: «Тяга хозяйственников учиться в Промакадемии была огромна. ВСНХ не мог отпустить на учебу всех желающих. Так, мне было трижды отказано в просьбе послать на учебу в Промакадемию. Тогда были созданы при помощи втузов факультеты особого назначения – ФОНы – для учебы без отрыва от работы» [1.86]

Поскольку коллективизация и механизация сельского хозяйства также создали емкую потребность в квалифицированных руководящих кадрах и специалистах, при МТС были организованы специальные курсы, которые окончили сотни тысяч председателей, бригадиров, полеводов, животноводов и счетоводов колхозов. На руководящую работу было выдвинуто более 250 тыс. молодых колхозников, в том числе около 30 тыс. – председателями колхозов.

Параллельно с расширением и совершенствованием различного рода учебной подготовки и переподготовки специалистов наркоматы стремилась к тому, чтобы работники управления хорошо знали зарубежную практику, новейшие достижения мировой науки и техники, опыт организации производства на крупнейших зарубежных фирмах. С этой целью многие будущие руководители промышленности, в первую очередь из числа способных молодых специалистов, направлялись на практику в зарубежные страны. Так, только в 1929 г. ВСНХ СССР послал за границу 1200 инженеров и техников. [1.87]

Все это положительно сказалось па качестве руководящих кадров, а через них и на результативности политики индустриализации страны, причем многим из них учиться и набираться опыта пришлось непосредственно на производстве. Поэтому не удалось избежать ошибок, что нашло свое отражение в высоких издержках и низкой рентабельности работы новых заводов и фабрик, особенно в первой пятилетке.

О структуре и количестве управленческих кадров в промышленности в начале тридцатых годов дают определенное представление следующие данные:

Рост руководящих кадров промышленности [1.88]

тыс. человек*

Руководящие кадры	Май 1930	Ноябрь 1933	1933:1930, %
Директора и их заместители	8,5	16,9	199
Начальники цехов и отделов	56,8	197,6	348
Руководители НИИ и КБ	4,6	13,7	348
Мастера и десятники	20,8	83,8	400

* Таблица охватывает 72 % состава всех специалистов промышленности в 1930 г. и 86 % соответственно в 1933 г.

Как видно из таблицы, в начале тридцатых годов наиболее динамично увеличивалось число начальников цехов, руководителей отделов и других инженерно-технических работников. Именно на эти должности направлялось большинство выпускников технических вузов и специальных средних учебных заведений, хотя основной прирост этой категории работников в первой пятилетке продолжался по-прежнему за счет практиков. Такая тенденция соответствовала установке XVI съезда ВКП(б) (1930 г.), который призвал смелее выдвигать па должности директоров заводов, начальников цехов, их помощников, а также мастеров и десятников

«отличившихся рабочих и лиц технического персонала, в особенности из ударников». [1.89]

Число директоров и их заместителей в промышленности за три с половиной года удвоилось. Характерно, что из 16,9 тыс. директоров и их заместителей в 1933 г. свыше половины (8,8 тыс.) были выдвинуты из рабочего класса, в том числе 6,4 тыс. (38 %) сменили свои рабочие места на руководящие должности в годы первой пятилетки. Стоит отметить, что возросшая при этом ответственность, а значит и риск, не компенсировались повышением оплаты труда. Орджоникидзе в 1935 году направил Сталину специальную записку. «Директора предприятий, начальники главков и секторов получают значительно меньше, чем технический директор и главный инженер. На директоров, как правило, премиально-прогрессивная оплата труда не распространяется. Поэтому очень часто случается, когда начальники цехов получают больше директора. Жалование, получаемое директором, безусловно недостаточно. Многие об этом не раз мне заявляли». [1.90]

Большинство руководителей предприятий в ту пору не имели высшего образования. В лучшем случае они прошли подготовку на факультетах особого назначения, созданных при технических вузах. Так, в конце первой пятилетки на таких факультетах при втузах трех ведущих наркоматов (НКТП, НКПС и НКЛегпром) обучалось свыше 2900 партийных и хозяйственных работников. [1.91] Следует отметить также, что в годы первых пятилеток среди управленческих кадров в промышленности значительно возросла доля женщин.

В связи с концентрацией и механизацией производства в сельском хозяйстве число специалистов в отрасли к концу 1933 г. увеличилось по сравнению с 1929 г. в 2,8 раза и составило 180 тыс. человек. Если на протяжении многих десятилетий основным типом специалиста в сельском хозяйстве был агроном, то после коллективизации резко возросла численность и соответственно доля новой технической интеллигенции в сельском хозяйстве: инженеров, техников, механиков, а также строителей, мелиораторов. Большинство из них работали в МТС и в районном звене управления. Заметно увеличилась в сельском хозяйстве и группа научных работников, занятых в племенных и семеноводческих хозяйственных, а также в НИИ и опытных станциях.

К концу тридцатых годов острый «голод» на специалистов в народном хозяйстве страны количественно удалось преодолеть. Однако более остро встала проблема улучшения качества их работы и соответственно обучения. Решение данной проблемы наметилось в двух направлениях.

Во-первых, центр тяжести подготовки специалистов переместился из промакадемий в стационарные технические вузы (в 1940 г. все промышленные и отраслевые академии были упразднены). Выпуск специалистов высшей школы во второй пятилетке достиг 369,9 тыс. человек (за первую пятилетку выпущено 170 тыс. человек). Всего в промышленности в 1939 г. было занято 766 тыс. ИТР и 694 тыс. служащих.

Во-вторых, повышалось качество преподавания всех дисциплин в высшей школе как за счет более тщательного отбора профессорско-преподавательского состава, так и путем более широкого и тесного сочетания учебной работы преподавателей с научно-исследовательской деятельностью. В принятом в июне 1936 г. постановлении правительства указывалось, что «без собственной научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях не может осуществляться подготовка специалистов на уровне требований современной науки. Немыслима также подготовка научно-преподавательских кадров и повышение их квалификации». [1.92.]

Постановление сыграло важную роль в более последовательной ориентации высшей школы на новейшие достижения науки и техники, что в свою очередь положительно сказалось на подготовке специалистов для технической реконструкции страны. Именно во второй половине тридцатых годов для развития промышленности характерны качественные сдвиги в освоении новейших достижений научно-технического прогресса и тонких технологий по выплавке электростали, производству новых химических материалов, более производительного и, как правило, сложного технологического и транспортного оборудования, а также военной техники.

Таким образом, происходивший на всем протяжении тридцатых годов интенсивный процесс формирования технической интеллигенции и по существу нового поколения хозяйственных руководителей — «командиров производства» создал очень важную предпосылку для реального повышения личной ответственности руководящих кадров — было с кого спросить.

Важной предпосылкой укрепления плановой дисциплины и результативного функционирования системы управления экономикой послужило ясное и четкое разграничение функций, обязанностей и прав между отдельными звеньями управления и руководителями заводов, фабрик и других предприятий. Велась систематическая борьба против «общего» стиля руководства, необоснованного вмешательства «сверху» в работу первичных звеньев, издания отвлеченных директив, расплывчатых приказов. «Установление

точного распределения работ между исполнителями и ответственности каждого из органов и каждого из состоящих на любой советской должности лиц за выполнение определенных заданий и практических работ, – говорилось в решениях XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.), – является одним из самых важных условий улучшения работы аппарата и обеспечения действительной возможности проверки исполнения».[1.93].

В своей практической деятельности по укреплению ответственности органы управления опиралась на известное положение НОТ о необходимости борьбы против расплывчатости и неясности в вопросе о том, что каждому работнику отдельно поручено, и против вытекающей отсюда полнейшей безответственности. Под таким углом зрения укреплялась линейная схема управления. Функциональные службы и подразделения свертывались, а те, что оставались, воздействовали на управляемый объект не непосредственно, а через первого руководителя. Острой критике подвергалась также практика создания всякого рода межведомственных и внутриведомственных комиссий как порочный метод взаимной перестраховки работников аппарата управления, порождающий их безответственность.

В борьбе против обезлички управления было проведено также более строгое разграничение функций между хозяйственным управлением и общественными, в том числе партийными, организациями в низовом звене. Центральный Комитет решительно выступал против подмены обязанностей хозяйственного руководства заводскими партийными организациями. «Следствием этого является случайное и подчас ошибочное решение хозяйственных вопросов, фактическое прикрытие различных ошибок и недочетов в руководстве и управлении производством решениями ячеек и завкомов и ослабление ответственности директоров за производство». «Опыт показал, что успешная работа партийных организаций была обеспечена там, где первичная партийная организация сумела сочетать партийно-политическую работу с борьбой за успешное выполнение производственных планов, за улучшение работы государственного аппарата, за освоение новой техники, за укрепление трудовой дисциплины с развертыванием стахановского движения, с выдвижением на партийно-хозяйственную работу новых кадров. Наоборот, там, где партийные организации отошли в сторону от хозяйства, ограничив свои задачи агитацией, или там, где партийные организации приняли на себя не свойственные им функции руководства хозяйством, подменяя и обезличивая хозяйственные органы, там работа неизбежно попадала в тупик». [1.94.]

Местные партийные комитеты нацеливались на то, чтобы искать конструктивные пути по устранению недостатков в работе хозяйственных учреждений и предприятий, а не ограничиваться их формально-бюрократической критикой. Еще на начальном этапе индустриализации апрельский (1928 г.) объединенный Пленум ЦК обратил особое внимание на необходимость не только усилить, но и изменить стиль работы с кадрами хозяйственных руководителей. «При подборе работников, – отмечалось на Пленуме, – как правило, отсутствует серьезная проверка прошлой работы. Нередко снятые за плохую работу хозяйственники переводятся на новую и даже большую работу вместо очистки хозорганов от таких элементов и выдвижения новых кадров хозяйственников. При назначении на ответственную работу сказываются нездоровая «семейственность», «дружеские связи» и т. п.». [1.95.]

Спустя год XVI партконференция вновь вернулась к узловым вопросам кадровой политики и предложила Рабоче-крестьянской инспекции с привлечением профсоюзов и под контролем широких масс провести чистку советского аппарата от элементов разложившихся, извращающих советские законы, мешающих бороться с волокитой, от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев и других чуждых социализму людей. *«Чистка должна производиться, прежде всего и главным образом, на основании оценки качества работы, а не только по признакам классового происхождения.* Пролетарское происхождение и принадлежность к Коммунистической партии ни в коем случае не должны превращаться в *страховку от чистки».* [1.96.]

Известно, что единоначалие, как, впрочем, и любой другой элемент управления, имеет двойственный характер. И если не следить за его потенциально отрицательными чертами, не заниматься соответствующей профилактикой, то единоначалие может породить и, как показал опыт, порождает волюнтаризм, чванство, бюрократию. Важнейшее средство против таких «болезней» — действенный контроль, особенно «снизу», со стороны рабочего коллектива. «Чем решительнее мы должны стоять теперь за беспощадно твердую власть, за диктатуру отдельных лиц *для определенных процессов работы,* в определенные моменты *чисто исполнительских* функций, тем разнообразнее должны быть формы и способы контроля снизу, чтобы парализовать всякую тень возможности извращения Советской власти, чтобы вырывать повторно и неустанно сорную траву бюрократизма». [1.97.]

Поэтому вполне логично, что в тридцатых годах обращалось особое внимание на проблемы создания действенной системы контроля

за деятельностью хозяйственных руководителей. «Проблема единоначалия остается решающей проблемой и современного этапа, — писал Н. А. Вознесенский. — Однако этим вопрос не исчерпывается. Единоначалие должно быть дополнено контролем снизу самих масс как за производством, так и за распределением. Единоначалие должно быть связано с дальнейшим развитием творческой инициативы рабочего класса, с дальнейшим привлечением масс через контроль к непосредственному управлению производством и распределением». [1.98.]

Сам Н. А. Вознесенский был весьма требовательным к нравственным качествам работников. Будучи председателем Госплана СССР, он столкнулся со следующим фактом: работники наркомата легкой промышленности предложили начальнику управления оборудования и машин Госплана ордер на заказ в ателье костюма. Это было в трудное время, перед войной, и товарищ не устоял перед соблазном одеться получше. Узнав об этом, Вознесенский тут же пригласил его к себе. «Хочу вам напомнить, — сказал он, — что ценность работника Госплана в немалой степени определяется его способностью и возможностью рассматривать деловые вопросы только с народнохозяйственных позиций, его полнейшей независимостью от наркоматов и ведомств.

— Я знаю об этом, Николай Алексеевич, — ответил тот.

— Очень хорошо, что знаете, — Вознесенский помолчал. — Тогда вас не удивит мое предложение подыскать себе другую, менее ответственную работу... Можно было бы отнестись к этому, как к мелочи, но, простите, не могу. Принимать от организаций, заинтересованных в вас, мелкие услуги — ваше личное дело, но для Госплана отныне вы мертвы».

На этом разговор окончился.

После ухода начальника управления Вознесенский вычеркнул его фамилию из лежащего у него на столе списка руководящих работников Госплана. Затем он позвонил наркому легкой промышленности, рассказал о случившимся и попросил принять меры к тому, чтобы ничего подобного впредь не повторялось. [1.99.]

Важным инструментом укрепления личной ответственности хозяйственных руководителей и повышения качества работы были проверка исполнения принятых решений по конечным результатам, усиление контроля за их деятельностью. При этом основная задача состояла не в том, чтобы зафиксировать недостатки или невыполнение плановых заданий, а в том, чтобы своевременно устранить причины, которые мешают работать, помочь хозяйственным

кадрам в выполнении их управленческих функций в весьма сложной и напряженной обстановке.

Под таким углом зрения проводились рационализация труда руководителя, сокращение отчетности, упрощение структуры аппарата управления. Особенно решительные, как правило, быстрые и крутые меры принимались при выявлении косности, волокиты, бюрократического стиля руководства, случаев круговой поруки и невнимания к нуждам и критическим замечаниям рабочих.

Главные предпосылки высокой действенности контроля – его объективность, конкретность, гласность и систематический характер. Специфическая обстановка начала тридцатых годов – довольно острая политическая борьба внутри партии и трудности хозяйственного строительства — обусловила целесообразность реорганизации структуры контрольных органов.

В целях укрепления государственной и плановой дисциплины в 1930–1931 гг. были созданы комиссии исполнения решений при СНК СССР, а также при соответствующих органах союзных и автономных республиках. На XVII съезде партии было решено вместо объединенного ЦКК – НК РКИ создать два самостоятельных органа: Комиссию партийного контроля при ЦК партии и Комиссию советского контроля при СНК СССР.

На КПК возлагалась функция контроля за исполнением партийных решений, укреплением партийной дисциплины и борьбы с нарушениями партийной этики.

Комиссия советского контроля, созданная на базе Комиссии исполнения решений со своими постоянными представителями в республиках, краях, областях, контролировала реализацию решений правительства и принимала другие меры по укреплению государственной и плановой дисциплины.

Интересно отметить, что в это же время в низовых звеньях управления были ликвидированы специальные органы по проверке исполнения. Первым руководителям всех органов управления сверху донизу было поручено лично проверять исполнение решений и распоряжений соответствующих органов. В то же время сократилась бумажная отчетность и уменьшилось число обследований предприятий со стороны всякого рода комиссий, направляемых центральными и местными органами.

Решающее значение для повышения действенности, объективности и гласности контроля в тридцатых годах имело то, что в его осуществлении заинтересованно участвовали широкие массы трудящихся. Так, в 1929 г. в центральном аппарате ЦКК – РКИ

штатные должности занимали всего 393 человека, как правило, члены партии с дореволюционным стажем и другие проверенные на деле кадры. Небольшой аппарат этого органа был и на местах. Но зато он опирался на массы добровольцев, прежде всего из рядов рабочих. Достаточно сказать, что только в Центральном бюро жалоб в то время работала тысяча добровольцев, а в работе финансовых органов по выявлению и сбору налогов участвовали 50 тыс. общественников.

Организационные формы привлечения рабочих к контролю были самые различные. Так, при всех местных Советах в городах и в селах создавались секции Рабкрина, в состав которых входили рабочие и крестьяне. Трудящиеся привлекались к обследованию дел на предприятиях и в советских учреждениях, результаты которых обсуждались в соответствующих коллективах. Комсомол создал «легкую кавалерию». Для расследования дел о бюрократизме и волоките назначались особые рабочие заседатели. Расширилась сеть рабочих корреспондентов, которые помогали вскрывать недостатки и факты бесхозяйственности, хорошо видные «снизу».

Таким образом, за действиями органов управления и хозяйственных руководителей ежедневно наблюдали многие тысячи внимательных глаз. Это был самый действенный, бескомпромиссный контроль за качеством управления, реально поднявший персональную ответственность хозяйственных руководителей за результаты их работы, что сыграло свою роль в преодолении трудностей периода ускоренной индустриализации.

Вместе с тем руководители предприятий (и других уровней управления) были наделены достаточно широкими правами и возможностями для проявления инициативы и самостоятельного маневра в ходе выполнения заданий плана. Очевидно, что связанный по рукам и ногам человек не может отвечать за нарушение закона, совершенное у него на глазах. Точно так же нельзя многого спросить с хозяйственного руководителя, если указания сверху блокируют его самостоятельные действия. Поэтому ряд решений правительства был направлен на то, чтобы четко очертить полномочия хозяйственного руководителя, оградив его от излишней опеки и вмешательства извне, в том числе со стороны партийных органов. Ему предоставлялась возможность принимать творческие решения и самостоятельно маневрировать людьми, материальными и финансовыми ресурсами, выделенных для выполнения плановых заданий.

Конечно, созданную в тридцатые годы систему повышения личной ответственности хозяйственных руководителей, как своеобразный

противовес существовавшим в то время трудностям и напряжениям, не следует идеализировать. Планы и решения проводят в жизнь люди. Одни из них занимают скромные посты, другие – высокие, но каждый оставляет свой личный отпечаток на конкретных событиях, участником, а тем более руководителем которых он выступает.

Широта и высота позиции человека как руководителя – это широта и высота воплощенных в нем социальных и личных интересов. При этом руководителю, как и любому другому человеку, присущи не только позитивные, но и негативные качества – интеллектуальные, нравственные, физические. Поэтому всякому его решению и действию в большей или меньшей степени присущи субъективные черты, которые иногда настолько существенны, что при положительных качествах выдвигают человека в лидеры, то есть движущую силу общественного развития, а при отрицательных – тормозят его. И в рассматриваемом случае – при укреплении единоначалия и личной ответственности – не обошлось без крайностей, о чем свидетельствуют следующие случай, который произошел с известным авиаконструктором А. С. Яковлевым. В начале тридцатых годов он сконструировал и построил опытный образец весьма перспективного по тому времени истребителя, показавшего скорость 330 км/ч. Однако в расчетах была допущена незначительная ошибка, и в очередном испытательном полете оторвался элерон. «Для расследования аварии, – писал А. Яковлев, – назначили комиссию, которая не сочла нужным поговорить со мной, и я лишь позже ознакомился с актом, в котором говорилось примерно следующее: «Запретить Яковлеву заниматься конструкторской работой». Вскоре заместитель директора завода подписал приказ, в котором предложил ему «освободить занимаемые помещения». Одновременно довел до его сведения, что «допуск на территорию завода всех Ваших рабочих и служащих будет прекращен».[1.100.]

Конечно, это были извращения. К сожалению, не единственные и не самые трагические из тех извращений, которые имели месте в тридцатых годах. Они серьезно мешали развитию и без того перегруженной, напряженной экономике. Однако в целом созданная система отношений способствовала тому, что хозяйственный руководитель знал и чувствовал, что он выполняет не только важную и сложную работу, но и то, что за каждый промах ему придется лично отвечать и по административной, и по партийной линии.

Таким образом, формирование нового поколения хозяйственных руководителей выступает как один из главных результатов первых пятилеток индустриализации России. В то же время – это важнейшая

предпосылка и условие ее успеха. Постоянные напряжения и возросшие трудности происходившей в те годы технологической революции обусловили объективную необходимость появления «командиров производства», а изменившиеся отношения хозяйствования сделали возможным их выдвижение на ключевые посты руководстве промышленностью.

Сам термин «командир производства» подчеркивает, прежде всего, *целеустремленность, стратегический подход и волю* нового поколения хозяйственных руководителей. Но это далеко не исчерпывающая характеристика их нового качества. Другая их важная черта – *высокий уровень профессионализма*, прежде всего, соединение практического опыта (прикладных знаний) с высшим образованием, то есть с основами научной теории. Это качество служило прочной опорой *самостоятельности и предприимчивости* нового поколения хозяйственных руководителей, без которых в условиях постоянного обновления и общей неустойчивости руководить производством было просто невозможно.

Еще одна важная особенность «командиров производства» заключалась в том, что они в своих решениях и действиях *опирались на поддержку трудового коллектива и отвечали ему взаимностью.* Руководители всех рангов заботились о качестве жизни рабочих и инженерно-технического персонала, об их здоровье, повышении квалификации, помогали растить и воспитывать детей и, что особо следует подчеркнуть привлекали коллектив к управлению производством, в том числе, привлекали его представителей к выработке стратегических решений и контролю за их выполнением.

Иными словами, новое поколение руководителей объединяло в себе качества хорошего организатора, социолога, опытного технолога, творческого конструктора и энергичного новатора.

Все эти профессиональные черты служили устойчивой опорой, которая позволяла не только выдержать постоянную качку и бури тридцатых годов, но и динамично повышать производственную и социальную эффективность индустриализации.

Если вернуться к конкретному примеру стремительной карьеры В. Новикова, то главное состоит не в том, что молодой специалист одержал победу в споре с маститым профессором, а том, что его разработки новой технологии позволили в десятки раз повысить скорость обработки стволов стрелкового оружия, что в предвоенные годы имело решающее значение для судьбы всей страны.

Глава 2. Строительство и реконструкция тяжелой промышленности — главное направление экономической политики

Реконструкция всего народного хозяйства с опорой на новые технику и технологии потребовала в короткие 10—12 лет обновить и расширить производственную инфраструктуру страны в 4—5 раз. Достаточно сказать, что только в первой пятилетке было построено свыше 1500 новых промышленных предприятий, в том числе десятки крупных комбинатов, мощных тепловых и гидроэлектростанций, тракторных и автомобильных заводов. На капитальные вложения в народное хозяйство уже в первой пятилетке предполагалось использовать ~ 64 млрд рублей против 26,5 млрд рублей за все годы восстановительного периода. Чтобы осуществить такие планы, кроме денег нужны были дополнительно миллионы тонн топлива, металла, цемента, миллиарды киловатт-часов электроэнергии, пиломатериалы, другое сырье. Наиболее дефицитными были металл, станки, машины и оборудование. Особо следует подчеркнуть, что все эти изделия и продукты могут «жить» и давать пользу только тогда, когда они попадают в руки человека, умеющего и знающего как их использовать с полезным результатом.

Если внимательно оценить ситуацию, сложившуюся в стране в конце двадцатых — начале тридцатых годов, то легко убедиться, что ни одного из нужных ресурсов в достатке в тот период не было. Поэтому, чтобы разработать, а главное, реализовать масштабную программу реконструкции всей экономики страны, нужны были люди смелые, знающие и расчетливые. Что касается людей смелых, готовых идти на риск, иногда граничивший с авантюрой, то таких среди политиков было достаточно. А вот специалистов, умеющих сопоставлять, анализировать, трезво оценивать будущие результаты и сегодняшние затраты, взвешено прогнозировать динамику

взаимосвязанных производственных и социальных процессов, а главное, своевременно предвидеть качественные изменения в их структуре, таких руководителей, к сожалению, было значительно меньше. Поскольку последние мешали первым, от них нередко стремились избавиться иногда правдами, но чаще – неправдами, жесткими приемами, весьма болезненными как для экономики, так и для нравственного здоровья общества. Поэтому тридцатые годы богаты не только замечательными успехами в осуществлении интенсивной индустриализации, но и крупными просчетами, а также неблаговидными, трагичными деяниями, о которых не хочется, но нужно все же помнить...

2.1. Первая пятилетка промышленности

Первая пятилетка развития промышленности, как и положено первому блину, получилась «комом». Она родилась в муках, жила не по средствам, кончилась досрочно. Что значит «родилась в муках»? Во-первых, как на стадии ее разработки, так и в период осуществления не прекращались споры о скорости (темпах) развития отдельных отраслей экономики. Во-вторых, как уже отмечалось, ключевые плановые задания не были сбалансированы между собой, особенно, с точки зрения финансовых ресурсов. Финансовый раздел пятилетки так и не удалось согласовать ни к началу, ни к концу пятилетки. В-третьих, и это самое главное, план предусматривал крутой подъем сельского хозяйства, а в реальности к концу пятилетки оно оказалось в состоянии кризиса.

Г. Кржижановский все это объяснял просто: «Мы от старых берегов отплыли. Нам довоенные масштабы, довоенные отношения – уже не указка. А новые берега, конечно, нам еще не ясны. Мир не знает еще планового строительства нашего масштаба».[2.1.]

Новое всегда трудно. С этим не приходится спорить. Но пятилетка была деформирована и получилась «комом» из-за волюнтаризма и произвола политиков, грубо нарушивших основные принципы и методологию разработки народнохозяйственного плана. Выше уже говорилось, что такой план выступает как теоретическая и одновременно количественная модель развития многочисленных, взаимосвязанных между собой социально-экономических процессов, меняющихся и развивающихся во времени и пространстве. Несущий каркас модели образуют устойчивые связи между капитальными вложениями, производством и потреблением. Эти и другие межхозяйственные связи, число которых измеряется

миллионами, должны быть сбалансированы между собой, чтобы обеспечить пропорциональность динамичных качественных изменений в структуре народного хозяйства, благосостоянии и культурных условиях жизни населения.

Вместе с тем, все многочисленные межхозяйственные связи, хотя бы один раз, пересекаются друг с другом в весьма важных для планирования точках – их называют *коэффициентами удельных затрат ресурсов на полезный результата*, при этом их количественные изменения в перспективе, например, сокращение удельного расхода кокса на тонну чугуна или бензина на один километр перевозки тонны грузов, довольно трудно определить с высокой достоверностью. Но от точности оценки снижения или роста таких коэффициентов зависит обоснованность объемов производства соответствующих видов топлива, сырья, материалов, необходимых для удовлетворения потребностей конкретных производств и отраслей. Скорость изменения объемов различных производств – это и есть темп их развития...

Нет смысла углубляться дальше в дебри плановых разработок. На этом отдельном примере хотелось еще раз показать, что никакой план не может с абсолютной точностью воспроизвести будущие объемы и структуру производства многих миллионов конкретных видов товаров и услуг. Поэтому народнохозяйственное планирование – не только наука, но одновременно и политика, и искусство. При этом очень важна *мера* влияния каждого из таких факторов на формирование плана. На рубеже двадцатых и тридцатых годов наука и искусство народнохозяйственного планирования были еще очень молоды. Поэтому их влияние было относительно ограниченным, в то время как политика успела уже накопить много разного опыта, в том числе из области волюнтаризма и прожектерства.

Если еще в декабре 1927 года ВСНХ в своем проекте плана развития промышленности предусматривал прирост ее продукции за пять лет на 107 %, то в варианте, рассмотренном в апреле 1928 года, этот уровень поднялся до 122,5 %, а еще через полгода пленум постоянного совещания ВСНХ дал установку своим главным управлениям ориентироваться при составлении своих пятилетних планов на рост валовой продукции промышленности на 134,6 % (группа «А» – на 150,2 %, группа «Б» – на 121 %.).

Госплан не мог не считаться с разработками ВСНХ, поскольку этот Совет выполнял функции наркомата промышленности, и на него возложили ответственность за разработку проекта пятилетнего плана развития отрасли.

Выступая на пятом съезде плановых работников, Г. Кржижановский говорил: «Сопоставьте годовые контрольные цифры, издаваемые из года в год Госпланом, и вы ясно увидите, как мы все выше и выше поднимались, начиная с первоначальных элементарных концепций, с очень несовершенных методов. Несмотря на то, что таким путем мы уже прошли целый ряд лет, мы до сих пор еще не можем сказать, что путь этот достаточно пройден. Вероятно, придется еще немало поработать над перспективным планом для того, чтобы он отвечал соответствующим нуждам времени».[2.2]

О том, насколько существенно отличались друг от друга расчеты параметров экономического роста на отдельных этапах подготовки первой пятилетки, свидетельствует следующая таблица некоторых проектных разработок различными плановыми органами:

Варианты темпов прироста продукции промышленности [2.3]
(отношение к предыдущему году, %)

Вариант плана	1929	1930	1931	1932	1933	Рост за 5 лет
Госплан, декабрь 1927 г.	12,4	10,9	10,6	10,0	–	177
ВСНХ, январь 1927 г.	13,1	13,7	10,5	10,0	–	172
ВСНХ, ноябрь 1927 г.	16,4	17,4	13,7	12,9	–	207
Госплан, апрель 1929 г.	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2	223
Фактически	20,0	22,0	20,0	15,0	5,0	212

Как видно из таблицы, ни один из вариантов первой пятилетки, разработанных разными плановыми органами, не «угадал» будущую траекторию развития промышленности.

Как уже говорилось, к концу двадцатых годов было разработано несколько вариантов пятилетки. Поскольку в то время Госплан возглавлял ученый и инженер Г. Кржижановский, а ВСНХ В. Куйбышев – больше политик, чем плановик, первоначальные варианты пятилетки Госплана отличались сдержанностью и осторожностью. Для вариантов ВСНХ характерна дерзость с примесью определенного риска. Работники Госплана несколько ниже оценивали вероятный рост сельского хозяйства, более трезво подошли к заданию по себестоимости, а также к возможности получения внешних кредитов. Компромисс нашли в том, чтобы представить в Совнарком два варианта проекта плана: один отправной и второй, более напряженный – оптимальный.[2.4]

Правительство, как и следовало ожидать, поддержало второй вариант и с некоторыми поправками внесло его на рассмотрение XVI

партконференции (апрель 1929 г.), где с докладами о пятилетнем плане выступили А. Рыков, Г. Кржижановский и В. Куйбышев.

Рыков выступал первым как председатель Совнаркома с «заглавным» докладом, но был страшно расстроен, подавлен и скомкал свое выступление, больше заботясь о регламенте, чем о содержании доклада. Его можно понять: только что, утром 23 апреля 1929 года, закончился объединенный пленум ЦК и ЦКК, и в этот же день вечером открылась партконференция. На пленуме ЦК с резкой критикой «группы Бухарина» выступил И. Сталин. Он обвинил ее участников в организации антипартийной фракции: «Тут и платформа имеется, тут и фракционная замкнутость, тут и политика отставок, тут и организованная борьба против ЦК». Среди участников группы названы А. Рыков и М. Томский, но главный удар был нацелен против Бухарина. Это была обычная тактика внутрипартийной борьбы Сталина: ликвидировать противников постепенно и, по возможности, мелкими группами. Объединенный пленум осудил заявления тт. Бухарина, Рыкова и Томского «как несовместимые с генеральной линией партии и совпадающие в основном с позицией правого уклона» и постановил «снять Бухарина и Томского с занимаемых ими постов («Правда», Коминтерн, ВЦСПС)», но оставил их пока в составе Политбюро. Относительно Рыкова никаких оргвыводов не последовало.[2.5]

Однако Алексей Иванович хорошо знал, что это дело времени. Не случайно Сталин в своем выступлении на пленуме ЦК и ЦКК обвинил его в ряде государственных нарушениях, в том числе в несоблюдении установленного порядка о вывозе золота: «У нас имеется решение о том, что золото не может быть вывезено (за границу – *Р.Б.*) без санкции ЦК. Однако это решение было нарушено. Кто же разрешил его вывоз? Оказывается, золото было вывезено с разрешения одного из замов Рыкова, с ведома и согласия Рыкова».[2.6] Из «золотой» искры обычно легко раздуть большое пламя. Все понимали скрытую угрозу произнесенных слов.

Сразу же после окончания такой незаслуженной нервотрепки председатель Совнаркома направился на первое заседание XVI партконференции. Не знаю, успел ли он пообедать и хоть немного передохнуть. Сталин и Молотов на конференцию не приехали, но в ее президиум были избраны. Их представитель – Л. Каганович все внимательно слушал. Сам не выступал.

Первый пункт повестки дня: о пятилетнем плане развития народного хозяйства; второй – о путях подъема сельского хозяйства и налоговом облегчении середняка; третий – о борьбе с бюрократизмом.

С докладом о первой пятилетке выступает А. Рыков. Он старается делать вид, что ничего особенного за несколько часов до этого не произошло. Но трудно скрывать острую боль и обиду, тем более, что многие, если не большинство участников конференции, пришли вместе с ним с заседания пленума.

«Строго говоря, – отмечает докладчик, – только с выработкой пятилетнего плана, мы приступаем по-настоящему к углубленной плановой работе. До сих пор у нас была общая установка, изложенная в плане электрификации, у нас были годовые наметки хозяйственной работы. Иногда мы составляли план на несколько лет для отдельных отраслей промышленности, Но вся эта работа страдала прежде всего от того, что мы не могли с достаточной четкостью увязать нашу работу во времени. Каждый год определяет следующий, а мы очень часто лишены были возможности заглянуть в него. Каждый год развития производил значительные перегруппировки в соотношении экономических и классовых сил, но мы не могли с точки зрения длительной установки подойти к этим передвижкам. Не могли по-настоящему оценить их значение и *наилучшим образом использовать их для организации нового общества.* Благодаря пятилетнему плану этот недостаток устраняется.

Пятилетний план дает возможность каждому, кто ознакомился с ним, на любом собрании объяснить, как далеко продвигается социалистическое строительство на протяжении пяти лет, как улучшается положение рабочего класса и крестьянства. Однако достижения могут быть большими или меньшими в зависимости от роста производительности труда, в зависимости от того, насколько умело удастся организовать научно-технические силы, насколько успешно организуем деревню в борьбе за повышение урожайности, иначе говоря, – в зависимости от роста качественных показателей работы».[2.7.]

Рыков особенно подчеркнул, что «наиболее острый и актуальный вопрос, поставленный теперь перед нами...– это вопрос о необходимости так усилить подъем сельского хозяйства, чтобы наметившаяся угроза расхождения в развитии основных отраслей народного хозяйства – промышленности и сельского хозяйства – была снята с очереди в кратчайший срок. Мы все исходили и исходим из того, что промышленность должна и впредь развиваться быстрее сельского хозяйства...Суть дела заключается не в том, что сельское хозяйство вообще отстает в темпе развития от промышленности, а в том, что отставание является теперь чрезмерным.

Сельское хозяйство стало настолько отставать в своем развитии, что это создает угрозу развитию самой промышленности».[2.8.]

В этой связи он предложил разработать в рамках пятилетки специальный двухлетний план, сориентированный на преодоления отставания сельского хозяйства от металлургии, топливной промышленности и химии.

Г. Кржижановский вновь подчеркнул, что «рассмотрение строительства и промышленности, транспорта и сельского хозяйства под углом зрения энергетики являлась научной осью плана. Соблюдение этого условия и позволяет нам назвать план с технико-экономической стороны научно обоснованным».[2.9.]

В. Куйбышев начал свой доклад словами: «Одним из важнейших вопросов пятилетнего плана является вопрос о темпах развития народного хозяйства и промышленности в особенности... Мы живем в стране технически отсталой, мы живем в стране с мелким раздробленным крестьянским хозяйством, мы находимся в обстановке враждебного капиталистического окружения... Нам нужно, во что бы то не стало, в короткий исторический период догнать и перегнать своих капиталистических противников... Поэтому нужны сверхвысокие темпы».[2.10.]

Куйбышев среди этой тройки был фаворитом. Сверхвысокие темпы индустриализации сравнительно недавно предлагали сторонники Троцкого. Но тогда их категорически отвергли. Теперь Троцкий был далеко. Главным соперником стал «умеренный» Рыков. И это была не последняя причина, почему Сталин стал сторонником самых высоких темпов.

Явно завышенные задания «оптимального варианта» по темпам прироста продукции промышленности (на 136 %) и сельского хозяйства (на 55,4 %) были представлены в виде проекта первого пятилетнего плана на рассмотрение XVI партконференции. С учетом обсуждения всех трех докладов конференция приняла резолюцию «О пятилетнем плане развития народного хозяйства», основные установки которой можно свести в следующую таблицу.

Народный доход и его использование в первой пятилетке (план) [2.10]

Показатель	1927/28 млрд рублей	1932/33 млрд рублей	1932/33:1927/28 темпы роста, %
Народный доход	24,4	49,7	203,4
Реальная зарплата рабочих			171
Доходы крестьянства			167
Капитальные вложения всего в том числе:	26,5*	64,4**	243,0
в промышленность	4,4*	16,4**	372,7
в сельское хозяйство	15,0*	23,2**	154,7
в транспорт	2,7*	10,0**	370,4
на электрификацию	1*	5**	500,0

* за пятилетие 1923/24–1927/28,
** за пятилетие 1928/29–1932/33

Анализируя таблицу, следует отметить ряд особенностей производства и распределения народного дохода в этот период. Во-первых, удвоение его физического объема за пять лет, что являлось весьма напряженным заданием. Во-вторых, крайне большую долю в народном доходе, почти треть всех его ресурсов, намечалось использовать на капитальное строительство. В-третьих, очень высокие темпы накоплений были намечены для промышленности и транспорта: рост за пятилетие в 3,7 раза. При этом первое место по абсолютному объему капитальных вложений оставалось за сельским хозяйством. Одновременно считалось возможным в 1,7 раза увеличить доходы рабочих и крестьян. Даже неспециалисту понятно, что эти нормативы не сбалансированы между собой и напряженны до предела.

Высокая динамика капитального строительства должна была служить главным фактором ускорения процессов индустриализации. Но, такой размах инвестиций требовал дополнительно огромного объема металла, оборудования, энергии, цемента и других видов материалов, полезная отдача от которых начнет поступать только через три–пять лет. Поэтому и для развития производственного сектора также предусматривались сверхвысокие темпы развития:

Динамика промышленности и сельского хозяйства в первой пятилетке [2.11]
(план, млрд рублей)

Показатель	1927/28	1932/33	1932/33:1927/28, рост, %
Вся промышленность	18,3	43,2	236
Группа «А»	–	–	330
электроэнергия, млрд кВт-ч	5	22	440
чугун, млн т	3,5	10	286
уголь, млн т	35	75	214
машиностроение	–	–	350
минеральные удобрения, млн т	0,2	8,0	40 раз
Сельское хозяйство	16,6	25,8	155

Числа сами, если не кричат, то во всяком случае громко говорят о том, что промышленность, которая наполовину еще только строилась, получила трудно выполнимые задания. К тому же перед ней была поставлена задача: повысить производительность труда более чем вдвое и снизить себестоимость продукции на 35 %.

Состоявшийся через месяц V съезд Советов, практически, без каких-либо существенных поправок одобрил представленный ему правительством первый пятилетний план, и он вступил в действие как официальный документ.[2.12]

Сразу же начались сбои, трудности со снабжением и финансированием, срывались сроки ввода в строй новых предприятий и освоения их мощностей. Чрезмерно много было брака и некачественной продукции. Для опытных хозяйственников все это не было неожиданностью: широкомасштабное строительство в условиях острого дефицита специалистов и квалифицированных рабочих, отсутствия резервов и устойчивости в работе смежников не может не нарушать плановой дисциплины и общего порядка в экономике. План из инструмента регулирования и координации нередко превращался в источник сбоев в организации межхозяйственных связей и создания неожиданных трудностей...

Высшее партийное руководство растерялось. Сталин, не понимая реальных причин возникших трудностей, стал искать виновных среди технических специалистов и директоров предприятий, а также в правительстве. Он давно с опаской и подозрением приглядывался к Рыкову: слишком умный, осторожный и самостоятельный. Пользуется не просто авторитетом, но и настоящим уважением среди хозяйственников, массы партийных работников,

интеллигенции, да и среди простых крестьян и рабочих. Многие помнили, что он сумел в труднейших условиях Гражданской войны наладить производство вооружений и других нужных вещей для воюющей армии. Как глава правительства успешно руководил восстановлением народного хозяйства после окончания Гражданской войны. Сейчас он выступал с особой позицией относительно ускоренной индустриализации и налаживании смычки города и деревни. Слишком часто он оказывался прав...

Сталина это тревожило, прежде всего с политической точки зрения. Дело в том, что до 1927–1928 гг. главную роль в борьбе за власть играл не он, а Троцкий, Зиновьев, Каменев. Все это время Сталин оставался на главной политической сцене, но как бы в тени, старательно выполняя вторые роли, что какое-то время его вполне устраивало. Так, еще в августе 1924 года шесть членов Политбюро вместе с председателем Центральной контрольной комиссии В. Куйбышевым создают орган, не предусмотренный уставом – так называемую «семерку», куда вошел и Сталин. Они заранее обговаривали решения и мероприятия по всем принципиальным вопросам, часто ставя Троцкого перед совершившимся фактом. Об этом, в частности, свидетельствует переписка между ними. Например, в июле 1925 года Сталин в письме Молотову высказывает несколько соображений относительно размещения по территории страны новых заводов и добавляет: «хорошо бы узнать на этот счет мнение семерки». Спустя два месяца в письме, где затрагивается судьба строительства Днепрогэса, он подчеркивает: «вопрос надо решать в семерке».[2.13.]

Короткое время существовала и особая «тройка» – Зиновьев, Каменев и Сталин. Однако она быстро распалась из-за расхождения интересов участников.

После разгрома троцкистской и зиновьевской оппозиции борьба за место лидера в партии, которое все еще оставалось вакантным, несколько поутихла. Но, как известно, «свято место пусто не бывает». В своих воспоминаниях А. Микоян приводит факт, который позволяет лучше понять последующие события. Начались они летом 1928 года.

Как-то вечером Орджоникидзе, Киров и Микоян «собрались на даче у Сталина, ужинали. Ночью возвращались обратно в город. Машина была открытая. Сталин сидел рядом с шофером, а мы с Серго и Кировым – на заднем сиденье. Вдруг ни с того, ни с сего в присутствии шофера Сталин говорит: «Вот вы сейчас высоко

цените Рыкова, Томского, Бухарина. Считаете их чуть ли незаменимыми людьми. А вскоре вместо них поставим вас, и вы лучше будете работать».

Мы были поражены. Как это может быть? Одно дело – разногласия с Троцким. Но Рыкова, Томского, Бухарина, и даже Зиновьева и Каменева мы не хотели отсекать».[2.14.]

Все дело было в том, что А. Рыков без каких либо интриг, можно сказать стихийно, оказался в роли лидера. Верно, биография у него была надежная: член партии с 1899 года; восемь раз его арестовывали; четыре раза бежал из ссылок. Февральскую революцию встретил в Нарымском крае... Русский. Родом из крестьян. (Отец его какое-то время занимался и торговлей.) С малых лет сирота. Умеет и любит много работать. Еще при жизни Ленина Рыков фактически возглавил хозяйственную деятельность правительства. Член Политбюро. С февраля 1924 года председатель Совнаркома. По сложившейся традиции он стал председательствовать и на заседаниях Политбюро. Рыкову поручают открыть XIV и XV съезды партии.

Хотя он и не делает никаких амбициозных попыток стать «первым среди равных», его реальные успехи на посту председателя Совнаркома, растущие авторитет и уважение не за слова, а за дела, все больше и больше тревожат Сталина. Последний видит в нем прежде всего реального соперника, которого не так-то легко «свалить».

Второй возможный претендент – Н. Бухарин, не так опасен. Он – политик, теоретик, талантливый пропагандист. Член Политбюро. Главный редактор «Правды». Создал свою школу в Институте Красной профессуры.

Но в сфере политики и идеологии Сталин – «на коне». В период многолетней борьбы со сторонниками Троцкого и Зиновьева ему удалось заполнить многие освободившиеся места в ЦК и Политбюро «своими» людьми. Неслучайно именно пленум ЦК он выбрал для генерального сражения за желанное место лидера. Еще совсем недавно, в заключительном слове на XIV съезде партии Сталин утверждал, что «без Рыкова и Бухарина...руководить партией невозможно».[2.15.]

В 1929 году, на апрельском и ноябрьском пленумах ЦК, острие его первой, тщательно подготовленной атаки было направлено против Бухарина. Удар по Рыкову можно рассматривать пока только как предупреждение. Обвинив их в стремлении «снизить темпы индустриализации», в «либеральном толковании нэпа», в «недооценке роли совхозов и колхозов, при явной переоценке возможностей

развития мелкого индивидуального крестьянского хозяйства», в ставке «на развитие кулацкого хозяйства», – пленум присвоил группе Бухарина классификацию «правого уклона». Однако пока только одного Бухарина, «как главного застрельщика и руководителя правых уклонистов», вывели из состава Политбюро, освободили от должности редактора «Правды», отозвали из руководства Коминтерна. Относительно Рыкова ограничились осуждением и предупреждением. Формально оставаясь председателем Совнаркома и членом Политбюро, Рыков очень сильно переживал свое унижение и полное бессилие защитить свою правоту. «По натуре, – вспоминала его дочь, – Рыков был человеком жизнерадостным, веселым, остроумным... В последние годы жизни характер его заметно изменился. Появилась некоторая раздражительность, замкнутость, видна была неудовлетворенность».[2.16.]

Какое-то короткое время казалось, что волнение вокруг него несколько поутихло. Но скрытая интрига продолжалась. В этом отношении показательна его поездка в Свердловск в июне 1930 года с докладом перед областным активом накануне предстоящего съезда партии. Видимо, не без указаний из Москвы несколько подготовленных ораторов, среди них особенно выделялся некто Румянцев, обрушились на докладчика с нападками и требованиями очередного «покаяния». Рыков, сохраняя спокойствие, с достоинством ответил: «Я здесь являюсь докладчиком Политбюро и доклад свой делал как член Политбюро, уполномоченный на вашей конференции защищать линию ЦК... Если приходит человек сюда и спрашивает меня: как относишься к генеральной линии партии? – то в ответ могу сказать только одно: я решительно не понимаю, какие есть основания для такого рода вопросов. Опасность же их мне кажется совершенно ясной. Потому что уже сам факт, что ко мне обращаются, как к какому-то лидеру какой-то группировки-...означает внушение партии уверенности, что группировка, созданная при моем участии, в партии существует. Зачем сеять такие сомнения?.. А если кто неправильно говорит такие вещи, то наносит этим величайший ущерб единству партии... Поэтому я должен потребовать объяснения – как, почему, на основании каких данных-...тов. Румянцев может предъявить ко мне вопросы, как к лидеру какой-то существующей организации, ставит вопрос, как я отношусь к генеральной линии партии и т. д.» Это высказывание Рыкова встретила поддержку аудитории, а окончание речи сопровождалось «продолжительными бурными аплодисментами».[2.17.]

Сталину, естественно, сообщили об этом эпизоде, и он посчитал нужным ответить на него в заключительном слове на XVI съезде: «Недавно т. Рыков был на Уральской партконференции. Был у него самый благоприятный случай исправить свои ошибки. И что же? Вместо того, чтобы открыто и решительно порвать со своими колебаниями, он стал там финтить и маневрировать. Понятно, что Уральская конференция не могла не дать ему отпора...».[2.18] Кроме этого замечания, разоблачение и критика «правого уклона» заняли много места в отчетном докладе генерального секретаря.

Однако главное значение съезда заключалось в другом – он провозгласил «начало социалистического наступления по всему фронту», суть которого состояла «в усилении темпа развития нашей промышленности, усиления темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа вытеснения капиталистических элементов города и деревни...».[2.19]

Весьма примечательно, что назначение В. Куйбышева председателем Госплана произошло вскоре после XVI съезда, где И. Сталин предложил еще больше повысить темпы, чтобы выполнить задания пятилетки по промышленности за четыре года.[2.20] Одновременно произошла замена председателя Совмина. Таким образом, личностные факторы, сдерживавшие до начала тридцатых годов поворот к «сверхвысоким темпам» индустриализации, были устранены.

Считается, что по объемным показателям первую пятилетку удалось выполнить за четыре года и три месяца. Валовая продукция промышленности по итогам 1932 г. была на 102 % выше уровня 1928 г. Эти показатели примерно соответствовали первоначальным наметкам ВСНХ и Госплана, обнародованными на XV съезде партии. Но они были существенно ниже заданий окончательно утвержденной пятилетки, которая предусматривала прирост промышленного производства за пять лет на 136 %. Особенно большое отставание от плановых заданий было допущено в производстве товаров для населения.

Тем не менее задания по промышленности были скорректированы в сторону значительного повышения по сравнению с показателями первой пятилетки, принятой всего год назад. Трудно объяснить, почему В. Куйбышев, который сам непосредственно участвовал в разработке и обоснования народнохозяйственного плана, угодливо поддержал нереальные поправки. Например, по пятилетнему плану намечалось довести выплавку чугуна в 1932/33 году до 10 млн тонн. Сталин от имени ЦК предложил увеличить это задание до 17 млн тонн.[2.21]

Куйбышев, выступая с докладом «О выполнении пятилетки», безоговорочно поддержал такие изменения: «Центральный комитет был *абсолютно прав* (выделено мною – *Р.Б.*), когда он поставил перед нами, перед всей страной, перед рабочим классом величайшую историческую задачу – добыть в 1932/33 г. 17 млн т чугуна, то есть превысить проектировку пятилетки на 70 %...

Уровень последнего года пятилетки, то есть 10 млн т чугуна будет достигнут уже в 1931/32 году».

Как известно, точность любой плановой установки проверяется практикой. В этой связи можно воспользоваться данными официальной статистики, которые свидетельствуют о том, что в 1933 г. в СССР было выплавлено всего 7,1 млн тонн чугуна, а отметку «17 млн тонн» металлурги преодолели только в 1950 году.[2.23] Думается, что эта справка не нуждается в дополнительных комментариях.

Об обоснованности других поправок, внесенных И. Сталиным в принятый V съездом Советов пятилетний план развития народного хозяйства, свидетельствуют следующие отдельные показатели, сведенные для удобства в таблицу.

Производство отдельных видов продукции машиностроения в 1933 году [2.24]

тыс. штук

Продукция	Принятый вариант первой пятилетки	Исправленный вариант в 1930 г.*	Выполнение в 1933 г.
Тракторы	55	170	74
Автомобили	100	200	24
Комбайны, зерновые	–	40	10

* 1932 г. XVI съезд ВКП(б). М., 1930, с. 49.

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о том, что внесенные от имени ЦК в 1930 году поправки в крайне напряженный народнохозяйственный план не способствовали ускорению индустриализации. Они несли на себе, прежде всего, политическую нагрузку дискредитации группы Рыкова. Задача состояла в том, чтобы выставить председателя Совнаркома чуть ли не противником социалистического строительства.

Путем грубых фракционных маневров противники группы «правых» достигли своих целей. 20 декабря 1930 г. ЦИК СССР удовлетворил просьбу Рыкова А.И. об освобождении его от обязанностей председателя СНК и СТО СССР. Через несколько дней

объединенный пленум ЦК вывел его из состава Политбюро. Однако экономика не согласилась с такими решениями: кризис в сельском хозяйстве вступил в новую, более острую фазу, а промышленность продолжала двигаться по траектории, намеченной Рыковым, а не Сталиным. В 1933 году Госплан опубликовал «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР». Они свидетельствовали о том, что план развития промышленности за четыре года и три месяца, несмотря на значительные дополнительные капитальные вложения, выполнить полностью все же не удалось.

Капитальные вложения в промышленность в первой пятилетке [2.25]
(выполнение за 4,25 года, млрд рублей в текущих ценах)

Показатель	План на 5 лет	Выполнеио за 4,25 года	Выполнение, %
Вся промышленность	19,1	24,8	129,8
В том числе группа «А»	14,7	21,3	144,9

Как следует из этих данных, ускорение процесса индустриализации в первой пятилетке обеспечивалось, прежде всего, за счет форсирования капитальных вложений. По всей промышленности, несмотря на большие трудности с финансами, пятилетний план в сфере инвестиций был перевыполнен почти на одну треть, в том числе по тяжелой промышленности – в 1,5 раза. Тем не менее, задание по увеличению объема валовой продукции промышленности полностью выполнить не смогли.

Динамика продукции планируемой промышленности в первой пятилетке [2.26]
(млрд рублей в ценах 1926/27 г.)

Показатель	1928	1932/33 по пятилетке	1932 выполнение	Выполнение пятилетки, %
Вся промышленность	15,7	36,6	34,3	93,7
Группа «А»	7,0	17,4	18,0	103,4
Группа «Б»	8,7	19,2	16,3	84,9
Удельный вес группы «А»	44,3	47,5	52,5	–
Удельный вес группы «Б»	55,7	52,5	47,5	–

В этой таблице отражены основные особенности ускоренной индустриализации в напряженный период первой пятилетки. Прежде всего следует отметить, что одностороннее форсирование роста тяжелой промышленности деформировало структуру всего народного хозяйства, и оно потеряло устойчивость. Производство товаров

народного потребления существенно отстало и от заданий пятилетнего плана, и от потребностей населения. Это неизбежно привело к нарушению товарооборота между промышленностью и сельским хозяйством, а также к отставанию предложения товаров от возросшего платежеспособного спроса в городе. Пришлось опять восстанавливать карточную систему распределения дефицитных продуктов и промышленных изделий.

И еще одно маленькое замечание. Итоговый документ о выполнении первой пятилетки был подготовлен отделом статистики, который, если мне не изменяет память, в те годы административно входил в состав Госплана, то есть непосредственно подчинялся его руководству. Естественно, статистики стремились, по возможности, «помочь» в выполнении заданий пятилетнего плана. Позже «независимое» ЦСУ несколько подправило их данные по выполнению пятилетки.

Рост продукции промышленности в первой пятилетке [2.27]
отношение к предыдущему году, %:
а – данные Госплана 1933 г., *б* – данные ЦСУ

Показатель		1929	1930	1931	1932	1932:1928
Вся промышленность:	*а*	126	127	123	111	218,5
	б	120	122	120	115	202,0
Группа «А»:	*а*	129	141	126	113	257
	б	129	138	129	119	273
Группа «Б»:	*а*	124	116	119	109	187
	б	114	110	113	110	156

Видимо чрезмерный рывок тяжелой промышленности в первой пятилетке, нарушивший шаткое равновесие не только на розничном рынке, но и во всем народном хозяйстве, смущал само руководство Госплана. Поэтому оно решило с помощью отдела статистики подправить хотя бы внешнюю картину итогов своей деятельности: несколько осадить темпы роста тяжелой промышленности и подтянуть динамику производства предметов широкого потребления.

К счастью для страны, развитие народного хозяйства в первой пятилетке вяло реагировало на указания вождей. Как уже отмечалось, практически итоговые показатели были близки к первоначальным плановым разработкам Госплана и ВСНХ. Главный итог состоял в том, что промышленность за четыре года действительно удвоила выпуск своей продукции. Такой результат материализовал

в себе подвиг миллионов строителей, промышленных рабочих, специалистов разного профиля и формирующегося на ходу нового поколения руководителей предприятий – «командиров производства». Им досталась трудная судьба, но они мужественно выдержали очень многое, как будто готовили себя к еще большим невзгодам приближающейся войны...

Можно спорить относительно того, насколько оправдан был в то время сбой в производстве товаров для населения. Но независимо от результатов спора такое отставание имело место и стало уже историческим фактом, сопутствовавшим индустриализации страны.

Динамика отдельных отраслей промышленности в первой пятилетке [2.28]
(млн рублей в ценах 1926/27 г.)

Отрасль народного хозяйства	1928	1932/33 План по пятилетке	1932 Выполнение	1932:1928, %
Топливная	1 079	2 387	2 383	221
в том числе: угольная	375	740	660	176
нефтяная	583	1 309	1 413	243
Электроэнергетика	5 003	–	13 100	263
Черная металлургия	706	1 869	1 264	179
Машиностроение	1 822	4 688	7 362	402
в том числе:				
общее	1 406	2 899	5 253	374
сельскохозяйственное	177	893	890	503
электротехника	239	896	1 218	509
Химическая	378	1 413	1 040	299
Лесная	837	2 803	2 400	287
Легкая	5 408	12 233	8 997	166
Пищевая	1 544	3 326	3 485	226

Из этих данных видно, что ниже среднего уровня промышленности в первой пятилетке развивались добыча угля, черная металлургия и легкая промышленность. Они же не выполнили заданий пятилетки, к ним примкнули лесная и химическая промышленность, чуть-чуть не дотянулось до плана сельскохозяйственное машиностроение.

В те годы промышленность России состояла из четырех крупных блоков: топливно-энергетический комплекс, сырьевая группа, машиностроение и производство товаров для населения. Все они отставали от возросших потребностей народного хозяйства и населения.

Базовым, во многом определяющим масштабы и скорость движения всего народного хозяйства, выступал *топливный блок*. Он добывал первичную энергию, сконцентрированную в горючих материалах. А дальше уже дело техники – превратить эту потенциальную возможность в действующую производительную силу. Поэтому логично, что первая пятилетка придавала первостепенное значение, с одной стороны, резкому увеличению добычи всех видов топлива, а с другой, – снижение его удельных затрат примерно на одну треть.

Развитие топливной промышленности в первой пятилетке [2.29]
(добыча, млн тонн)

Вид топлива	1927/28	1932	Задание пятилетки	1927/28:1932, %
Уголь каменный	35,3	64,4	75,0	182,4
Уголь бурый	3,1	6,9	–	222,6
Нефть	11,6	21,4	21,7	184,5
Газ природный	0,3	1,1	–	366,7
Торф	5,3	13,5	12,3	254,7
Дрова, млн $м^3$	25,3	65,3	59,8	258,1

Из таблицы видно, что угольная промышленность не смогла справиться с заданием пятилетки и отстала от средней динамики развития промышленности. Доля угля в топливном балансе страны снизилась с 52 % в 1928 году до 48 % в 1932 году. Потребности в топливе удовлетворялись не полностью. Сохранившийся дефицит пришлось перекрывать за счет менее качественных местных углей и, главным образом, с помощь дров и торфа, доля которых за тот же период возросла по дровам – с 12,7 до 16,3 %, по торфу – с 4 до 5,3 %. Не случайно в одном из постановлений ЦК в 1931 году угольная проблема приравнивалась по своей остроте и значимости с зерновой.

Основную часть каменного угля – 52 млн тонн или 70 % всего планового задания в конце пятилетке имелось в виду добывать в Донбассе. Соответственно на его долю приходилось почти две трети капитальных вложений, выделенных на реконструкцию и развитие угольной отрасли. Ежегодно здесь закладывались 10–12 крупных шахт. Уровень их механизации и электрификации не уступал в то время соответствующим показателям угольной промышленности Рура. А полезная отдача была существенно ниже. Основная причина – низкая квалификация шахтеров, технических специалистов и руководителей. Добыча угля под землей – тяжелая и опасная

работа. В 1932 году более трети угля добывалась и подвозилась к подъемнику (в том числе в вагонетках) вручную. Люди не задерживались на такой работе. В период 1930–1932 гг. в Донбассе состав шахтеров обновлялся за год дважды. Рабочей силы, в том числе инженерно-технического состава, хронически не хватало. При этом, например, в 1932 году только 7 % дипломированных инженеров и 25 % горных техников трудились на участках и лавах под землей, остальные были заняты в аппарате управления. Это главная причина, почему новая техника часто была загружена не полностью, а иногда подолгу простаивала. Так, в 1932 году по угольной промышленности в эксплуатации находилось только 78 % врубовых машин и 56 % отбойных молотков. Потери угля только из-за неполного использования механизмов в Донбассе оценивались в 9 млн тонн в год.[2.30] Все это и привело к тому, что угольная промышленность и в конце первой пятилетки оставалась «узким местом» российской экономики.

В лучшем положении находилась *нефтяная промышленность*. К началу первой пятилетки она в основном уже завершила техническую реконструкцию *нефтедобычи*. Вместо старых технологий было освоено вращательное бурение. При обработке пласта широко стала применяться закачка воздуха под высоким давлением. Доля старых скважин, оставшихся еще с дореволюционных времен, снизилась к 1932 году до 5 %. Одновременно возросли масштабы разведки новых месторождений. Это позволило увеличить фонд действующих скважин за пятилетку на 26 %, а также повысить производительность труда как при бурении, так и при эксплуатации скважин. Динамичный рост производительности сопровождался заметным увеличением заработной платы, что, в свою очередь, способствовало привлечению в отрасль необходимых технических специалистов и квалифицированных рабочих.

В течение первой пятилетки происходил интенсивный процесс технической реконструкции *нефтеперерабатывающей* промышленности. Нефтяники быстро освоили новейшие в то время перегонные установки – трубчатые батареи по первичной переработке нефти и оборудование для крекинга, то есть более глубокой ее перегонки. Это позволило круто увеличить выход бензина и керосина – новых видов топлива для начавшегося быстрого роста парка автомобилей и тракторов. Был освоен также выпуск высокосортных, в том числе авиационных масел, нефтяного кокса, сажи, парафина и других продуктов.[2.31]

Динамичное расширение топливной отраслей служило базой для опережающих темпов *электрификации* страны. Несущим каркасом этого процесса служила быстро растущая сеть крупных районных электростанций, работавших, как правило, на местных углях или штыбе (угольной крошке), которые можно рассматривать как малоценные отходы угледобычи.

Развитие электроэнергетики в первой пятилетке [2.32]

Показатель	1928	План 1932/33	Факт 1933	1933:1928, %
Мощность электростанций, тыс кВт	1 905	4 842	5 583	293
Производство электроэнергии, млн кВт-ч	5 007	17 120	16 357	327

Следует отметить, что в 1931 году, то есть спустя десять лет после принятия плана ГОЭЛРО, его задания были перевыполнены как по наращиванию мощности электростанций – 3 972 тыс. кВт, так и по выработке электроэнергии – 10,7 млрд кВт-ч. За это время было построено не тридцать, а сорок крупных и средних электростанций в Центральном промышленном районе (в основном, на торфе и подмосковном угле), в Северо-Западном (на торфе и гидроресурсах), а также на Украине, Урале и в других регионах. При этом задание пятилетки по вводу в эксплуатацию новых мощностей было перевыполнено, а по производству электроэнергии было ниже намеченного объема. Это свидетельствовало о том, что преимущества работы крупных районных станций, на долю которых к концу пятилетки приходилось уже более половины всей выработки электроэнергии, использовались недостаточно эффективно, в частности из-за того, что не все они были связаны высоковольтными линиями электропередачи. Поэтому свободные мощности, например, ночью, оставались незагруженными, в то время как в соседнем временном поясе ощущался недостаток электроэнергии. Однако это был поправимый недостаток. Главное заключалось в том, что электроэнергетика развивалась опережающими темпами – производство электроэнергии за пять лет увеличилось более, чем в три раза. Это, в свою очередь, служило прочной опорой для повышения энерговооруженности труда и все более широкого использования новых технологий.

Особую тревогу в первой пятилетке вызывала обстановка, сложившаяся в *черной металлургии*, которая даже в 1928 г. по производству чугуна, стали и проката не достигла уровня довоенного 1913 года. При этом мощности действующих заводов были загружены до предела. Потребности в металле промышленности (прежде всего, машиностроения), капитального строительства, транспорта, сельского хозяйства росли очень высокими темпами. Поэтому выход можно было найти только за счет строительства новых крупных металлургических заводов и комбинатов. Для этого нужны были деньги и время. Деньги удалось, хотя и с большим трудом, но все же наскрести – 5 миллиардов рублей на пятилетку. А время не растянешь. И в кредит его никто не дает. Пятилетка по металлургии осталась невыполненной.

Производство черного металла в первой пятилетке [2.33]

млн тонн

Металл	1928	План 1932/33	1932	1933	Выполнение плана за 4 года, %
Чугун	3,3	10,0	6,2	7,1	62,0
Сталь	4,3	10,4	5,9	6,9	56,7
Прокат	3,4	8,0	4,4	5,1	55,0

Первую пятилетку часто называют пятилеткой тяжелой промышленности. И это действительно так, хотя В. Куйбышев, выступая с докладом на VIII съезде профсоюзов, в разделе «Легкая промышленность» особо подчеркнул, «что промышленность, производящая предметы потребления, должна довести количество и качество этой продукции до таких размеров, которыми было бы обеспечено значительное повышение душевой нормы потребления». «Развитие отраслей легкой индустрии, как наиболее рентабельных, позволяет, путем перераспределения внутрипромышленных накоплений, обеспечить финансирование тяжелой индустрии». «Легкая индустрия играет огромную роль в нашей стране, смешно было бы думать, что мы не должны заботиться о максимально возможном ее развитии». [2.34.]

Нет оснований сомневаться в том, что председатель ВСНХ в то время лукавил. Он верил в то, что утверждал. Однако экономику регулируют и направляют не только люди, занимающие высокие посты в аппарате управления, но и объективные законы, которые проявляют себя независимо оттого, что думают и хотят политики.

В первой пятилетке объемы выпуска продукции и динамику развития легкой промышленности определяли, в первую очередь, два фактора: ограниченные ресурсы сырья и устаревшие производственные мощности. Отечественного хлопка и кожевенного сырья было недостаточно, чтобы расширить производство до уровня, намеченного планом. Пришлось запланировать покрытие дефицита за счет импорта. Налога с оборота, который поступал в бюджет при реализации тканей и кожи, было бы достаточно, чтобы обновить и реконструировать весь производственный аппарат легкой промышленности, но бюджетные деньги в первую очередь использовались для финансирования тяжелой промышленности, которая своей прибыли пока не научилась получать. В таких условиях легкая промышленность не смогла полностью выполнить задания пятилетнего плана, в частности, по товарам, которые пользовались широким спросом населения.

Выпуск важнейших видов продукции легкой промышленности [2.35]

Продукция легкой промышленности	1928	1932/33 План	1933 Факт	Выполнение плана, %
Ткани хлопчатобумажные, млн м	2678	4588	2732	59,5
Ткани шерстяные, млн м	83,7	200	86,1	43,0
Ткани льняные, млн м	177,8	450	140,5	31,2
Обувь кожаная, млн пар	58,0	80	90,3	112,9
Галоши, млн пар	36,9	65,0	62,2	95,5

Как видно из приведенных данных, плановые задания первой пятилетки по увеличению выпуска важнейших для населения промышленных товаров были выполнены всего на 30–60 %. Только задание по производству кожаной обуви удалось перевыполнить. Даже задание по выпуску галош, которые крестьяне охотно носили вместо лаптей, особенно в дождливую погоду, резиновая промышленность не смогла одолеть полностью.

Из этих фактов не должно сложиться впечатление, что первая пятилетка прошла мимо легкой промышленности. В действительности, отрасль начала реконструкцию своей производственной базы, хотя ее масштабы значительно уступали работам, которые развернулись в тяжелой промышленности. Так, за четыре года были приняты в эксплуатацию 13 крупных хлопчатобумажных комбината, три трикотажные фабрики, 13 швейных, четыре обувных, 11 кожевенных заводов, другие предприятия. По существу заново были

созданы трикотажная и швейная промышленность. Наладилось отечественное производство оборудования и запасных частей для легкой промышленности. Одновременно была ликвидирована зависимость от импорта по ряду важных для легкой промышленности материалов и полуфабрикатов: красителей, дубителей, трикотажной иглы, кордной ленты и других изделий. Их производство наладили российские химики и металлисты внутри страны.

Современные для того времени технологии и организацию производства освоила обувная промышленность. Так, на многих обувных фабриках ввели конвейерный способ «сборки» мужских и детских ботинок, а также женских туфель. Это позволило существенно повысить производительность труда и снизить издержки. Поскольку узким местом для развития легкой промышленности оставалось сырье, много внимания уделялось расширению выпуска химических волокон и коже заменителей.

В *пищевой промышленности* преобладали свои заботы, хотя было и много схожего с легкой промышленностью. Здесь тоже происходила реконструкция и увлечение заводами-гигантами, которые стремились разместить в городах и промышленных центрах. Переработка зерна, молока, скота осуществлялась не на месте их производства, а в черте города-потребителя или на его окраинах. В результате большую часть года крестьяне не были полностью загружены, молодежь не находила интересной работы и уезжала из деревни. Скот при перевозках и перегонах «своим ходом» терял в весе и качестве мяса. Отходы при его переработке в городах частично терялись. Установка на индустриализацию не всегда считалась с выгодами и потерями – для нее часто важнее была форма. Такой подход к делу не давал высоких результатов при выполнении «красивых» планов.

Развитие пищевой промышленности в первой пятилетке [2.36]

млн тонн

Продукция пищевой промышленности	1913	1928	1932/33 План	1933 Факт	Выполнение плана, %
Сахар-песок	1,30	1,28	2,45	1,00	40,8
Масло растительное	0,47	0,45	0,79	0,32	40,5
Мясо	1,04	0,68		0,53	–
Улов рыбы	1,02	0,84	0,76	1,30	171
Консервы, млн усл. банок	116	125	550	619	533

Анализируя таблицу, не следует забывать о том, что в ней речь идет о продукции пищевой промышленности, то есть лишь о части переработки продовольственных ресурсов России. В то же время производство сахара и масла растительного было практически целиком сконцентрировано в этой отрасли. Плановые задания по выпуску сахара, масла растительного, мяса были выполнены всего на 40 %. Даже в 1933 году не удалось достигнуть уровня довоенного 1913 года, в то время, как численность населения, особенно городского, существенно возросла. Частично выручала рыбная промышленность, но только частично.

Таким образом, развитие и тяжелой, и легкой промышленности в первой пятилетке – это непрерывный процесс напряженной борьбы всех слоев населения как с объективными, так и с субъективно созданными трудностями. Такое напряжение могли выдержать только русские люди.

Первая пятилетка индустриализации страны имела и свой международный аспект. В архиве С. Орджоникидзе хранятся интересные расчеты о месте промышленности России на мировом рынке в 1931 году (для сравнения взят докризисный уровень производства (1929 г.) капиталистических стран):

Удельный вес промышленности СССР в мировом производстве, % [2.37]

Продукция	1913	1925	1931
Электроэнергия	–	2,4	3,6
Нефть	17,5	10,8	14,7
Каменный уголь	2,4	1,3	5,1
Марганцевая руда	48,1	22,3	21,7
Асбест	13,8	4,0	18,8
Платина	92,5	59,0	50,1
Чугун	5,3	1,7	5,0
Сталь	5,5	2,4	7,3
Прокат	5,7	2,1	5,5
Медь	3,3	1,3	5,2
Алюминий	–	–	2,1
Суперфосфат	0,5	0,5	4,3
Бумага	1,8	1,7	3,3
Цемент	5,3	5,2	5,1
Сахар	6,6	4,9	6,7

Из этих данных видно, что, если в середине двадцатых годов по объему промышленного производства Россия достигла *свой* уровень довоенного 1913 года, то по итогам первой пятилетки ей удалось восстановить в основном свои довоенные позиции (долю) в мировом производстве. В следующие две пятилетки задача состояла в том, чтобы выйти по этому важному количественному показателю на первое место в Европе.

2.2. Вторая пятилетка учитывает ошибки первой

Развитие промышленности во второй пятилетке сохранило основные черты и тенденции, сложившиеся в 1929–1932 годах: высокие темпы роста капитальных вложений и промышленного производства, качественные структурные сдвиги, освоение новых технологий и выпуска продукции, которая раньше не производилась в России. Еще больше расширилась массовая подготовка и переподготовка технических специалистов и рабочих высокой квалификации. Процесс индустриализации страны в период 1933–1937 годов имел ряд важных особенностей. Прежде всего, речь шла о том, чтобы полностью освоить те новые заводы и фабрики, которые ввели строй в годы первой пятилетке. Теперь предстояло выйти на уровень их проектной мощности, при этом необходимо было достигнуть высоких не только количественных, но и качественных показателей: плановых заданий по росту производительности труда, высокой отдачи от основных фондов, снижения себестоимости продукции. Одновременно продолжалось новое строительство многих сотен крупных комбинатов и заводов, оснащенных новой техникой и технологией.

Все это вместе означало «завершение технической реконструкции народного хозяйства и на этой основе – мощное развертывание производительных сил страны».[2.38] Задача освоения новых, более эффективных машин и технологий была выдвинута перед всеми отраслями промышленности, сельского хозяйства, транспорта, что должно было «поставить их на уровень передовых по технике капиталистических государств».

Горький опыт – ценный продукт, своего рода уникальный ресурс, который с пользой для дела используют умные политики и практики. Поэтому можно было ожидать, что при составлении второй пятилетки удастся избежать просчетов и волюнтаризма, допущенных при разработке и реализации первого пятилетнего плана.

Поначалу было решено снизить напряжение в экономике и установить средний годовой прирост промышленной продукции на уровне 13–14 %.

Трудно объяснить, чем руководствовался Госплан, когда он предложил повысить этот показатель до 18,9 %, то есть до уровня заданий на первую пятилетку, которые, однако, выполнены не были. Хотя разработки Госплана по второй пятилетке не раз рассматривались на Политбюро, уже в ходе работы XVII съезда партии в представленный проект пятилетки были внесены важные поправки – в отличие от первой пятилетки предусматривалось опережающее развитие группы «Б» при замедлении темпов ежегодного прироста продукции тяжелой промышленности.

Однако на практике развитие этой отрасли пошло другими путями, в основном, из-за провала в траектории движения промышленности в 1933 году, когда темп ее прироста составил всего 5 %. Фактически в течение второй пятилетки ежегодный прирост выпуска промышленной продукции составил в среднем 17,1 %. При этом группа «А», вопреки первоначальному замыслу, вырвалась вперед – 19 %, а группа «Б» едва дотянула до 14,8 %, то есть по сравнению с плановой установкой все получилось ровно наоборот.

С такими поправками задача завершения реконструкции народного хозяйства была в основном решена. Некоторые авторы опускают слова: «в основном», не желая видимо умалить историческое значение второй пятилетки. Но такая оговорка только подчеркивает более трезвый характер оценки ее итогов, очищенной от романтики того периода, когда все казалось достижимы: только нужно захотеть, поднажать и «ухнуть дубинушкой еще разик, да еще раз...». Исторический опыт показал, что «поставить все отрасли народного хозяйства на уровень передовых по технике капиталистических стран» физически невозможно не только в течение одной, но и двух, и трех пятилеток. Тем более значимыми и необычными представляются те качественные сдвиги в социально-экономической истории России, которые произошли в тот трудный и напряженный период. Решающую роль при этом сыграли крупномасштабные объемы капитального строительства.

Капитальные вложения в годы второй пятилетки [2.39]
(в текущих ценах)

Отрасль народного хозяйства	Капитальные вложения, млрд рублей	Удельный вес, %	Рост за пятилетие, %
Обобществленный сектор	137,5	100	272
Промышленность	65,8	47,8	265
Группа «А»	54,6	39,7	256
Группа «Б»	11,2	8,1	320
Сельское хозяйство	16,7	12,2	173
Транспорт	25,4	18,5	285
Торговля	3,2	2,4	344

Из таблицы видно, что около 40% инвестиций во второй пятилетке было использовано на развитие тяжелой промышленности. Меньше всего получили торговля и производство товаров для населения, хотя по сравнению с первой пятилеткой темпы роста капитальных вложений в эти отрасли были самыми высокими; значит, в предыдущий период положение этих отраслей было близко к критическому. Доля сельского хозяйства в сфере капитального строительства выглядела весьма скромной, и темпы увеличения инвестиций в эту отрасль оказались самыми низкими.

Известно, что капитальные вложения выступают главным фактором, определяющим динамику процесса воспроизводства. Поэтому закономерно, что политика форсированной индустриализации подкреплялась концентрацией инвестиций, в первую очередь, в промышленности. Это предопределяло высокие темпы наращивания ее производительной силы и соответствующие структурные изменения. Как уже отмечалось, вначале во второй пятилетке имелось в виду резко ускорить динамику группы «Б», поскольку миллионам строителям, реализующим планы индустриализации, нужны были продукты питания и другие предметы повседневной надобности. Однако на рынке таких товаров стало не хватать. Ввели карточное снабжение хлебом и другими продуктами, то есть уравниловку на весьма невысоком уровне.

Чтобы насытить розничный рынок, пришлось круто менять структуру промышленного производства, что стало одной из важных особенностей плана второй пятилетки. Причем заранее стоит сказать, что задуманный стратегический маневр на практике осуществить было не суждено.

Курьезы начались уже на съезде. С основным докладом «О втором пятилетнем плане», как это требовали давно сложившиеся традиции, выступил председатель Совнаркома В. Молотов. В его доклад вошел раздел о промышленности, который предопределял главные показатели ее развития в 1933–1937 годах. Содокладчиком выступил председатель Госплана В. Куйбышев. На его долю пришлись разделы о развитии сельского хозяйства, транспорта, жизненного уровня населения, а также вопросы ликвидации отставания отдельных отраслей тяжелой промышленности, прежде всего, черной и цветной металлургии. Прямо скажем, не самые легкие вопросы. Но дело не в этом. Как вскоре выяснится, к обсуждению этого вопроса на съезде готовился еще один «содокладчик», который существенно изменит второй пятилетний план, то есть скорректирует доклад Молотова.

Ежегодные приросты промышленного производства во второй пятилетке [2.40]
(плановые задания, %)

Отрасль народного хозяйства	Среднегодовые темпы	1937 (план): 1932
Из доклада Молотова:		
Промышленность, в целом	18,9	237,0
Группа «А»	16,0	209,4
Группа «Б»	22,0	268,8
Директивы XVII съезда:		
Промышленность, в целом	16,5	214,1
Группа «А»	14,5	197,2
Группа «Б»	18,5	233,6

На первый взгляд эти сведения вызывают по меньшей мере недоумение: установки из доклада председателя Совнаркома В. Молотова, одобренные Политбюро, не получили поддержки съезда. Высший партийный орган внес существенные поправки в нормативные показатели развития промышленности.

А произошло следующее: на другой день после выступления главы правительства в обсуждении его доклада принял участие С. Орджоникидзе. «Да будет мне дозволено, – скромно начал он, – в противовес выступившим здесь товарищам, требовавшим еще большего увеличения (темпов – *Р.Б.*), внести маленькую поправку к проекту постановления, которая будет сводиться к тому, чтобы произвести небольшое уменьшение...В проекте резолюции, который

вам предложен, ежегодный прирост по всей промышленной продукции намечается в 18,9 %. В абсолютных цифрах это значит, что если мы имели продукции в конце первой пятилетки на 43 млрд рублей, то на 1937 г. намечается – 103 млрд рублей, то есть 237 процентов к 1932 г. Моя поправка сводится к тому, чтобы вместо 103 млрд рублей промышленной продукции установить задание в 92,7 млрд. При этом ежегодный прирост продукции всей промышленности составит 16,5 %.»[2.41]

Делегаты съезда дружно поддержали поправку Серго, тем более, что он добавил: члены Политбюро с такими изменениями согласны. (А как быть с позицией члена Политбюро Молотова?)

Скорректированная соответствующим образом резолюция съезда о втором пятилетнем плане была принята единогласно. Однако, как уже говорилось, выполнение плана пошло своим путем – нужно было закончить уже начавшееся строительство предприятий тяжелой промышленности и освоить их проектные мощности. Экономика еще раз показала, что она, а не политика, определяет реальное положение дел и их динамику.

План развития промышленности в 1933–1937 гг. и его выполнение [2.42]

Отрасль народного хозяйства	Среднегодовые темпы прироста, %	1937 : 1932, %
Вся промышленность:		
план	16,5	214,1
фактическое выполнение	17,1	220,0
Группа «А»:		
план	14,5	197,2
фактическое выполнение	22,2	273,0
Группа «Б»:		
план	18,5	233,6
фактическое выполнение	14,8	199,0

Как видно из таблицы, динамика развития промышленности в целом в 1933–1997 годах оставалась весьма высокой. По общему объему выпуска продукции напряженный план был даже несколько перевыполнен, но задуманный структурный маневр – наращивать производство товаров для населения опережающими темпами не удался. Причин было несколько. Главная причина заключалась в том, что травмы, нанесенные сельскому хозяйству принудительной коллективизацией и массовыми репрессиями против наиболее старательной и трудоспособной части крестьянства, продолжали кровоточить.

В результате легкая и пищевая промышленность частично остались без сырья, а для значительной части горожан забота о хлебе насущном вновь стала первоочередной (об этом более подробно в следующих главах).

Положение, сложившееся во второй пятилетке в отдельных отраслях промышленности, имело свои особенности.

Материально-техническая база реконструкции и обновления народного хозяйства непосредственно держалась на трех китах: Первый – машиностроение, электроэнергетика и химическая промышленность. Второй составляли угольная и нефтяная промышленность, а также черная и цветная металлургия. Третий – легкая и пищевая. Первая группа, двигаясь с очень высокой скоростью, нередко отрывались от своих сырьевых и энергетических источников развития, что создавало ненужные трудности и неприятности. К сожалению, вторая пятилетка их не убавила.

Машиностроение играло ведущую роль в технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства. Во второй пятилетке перед ним выдвинули весьма напряженную задачу: обеспечить за счет собственного производства резкое ограничение импорта машин и оборудования, а при возможности, – вообще отказаться от него. В таких условиях спрос на машины и оборудование постоянно опережал предложение. Поэтому закономерно, что задание второго пятилетнего плана машиностроители выполнили со значительным опережением. В 1937 году валовая продукция этой отрасли достигла 27,5 млрд рублей, что в 2,9 раза превысило уровень 1932 года и в 1,4 раза – задание второго пятилетнего плана. Показательно, что свыше половины парка станков, задействованного в конце 1937 года в различных отраслях народного хозяйства, было новым, то есть выпущено в период второй пятилетки.

Станкостроение – ключ к массовой и дешевой обработке металла и, тем самым, к широкому внедрению машинного производства. По плану предусматривалось изготовить в 1937 году 40 тыс. металлообрабатывающих станков (против 19,7 тыс. в 1932 г.). Летом 1933 года С. Орджоникидзе подписал приказ «О развертывании станкостроения», в котором наряду с определенными успехами отметил, что «наиболее узким местом в станкостроении является крайняя ограниченность номенклатуры выпускаемых станков... Производимые в Союзе станки преимущественно универсального типа. Еще не производится шлифовальных станков, автоматов и полуавтоматов, специального типа станков узкого назначения, все более применяемых в массовом производстве».[2.43.]

Выступая спустя два года на конференции станкостроителей, он самокритично признал: «если перейти к вопросу станкостроения, тут, надо прямо сказать – мы отсталая страна. Мое глубокое убеждение, что наше станкостроение – самая отсталая отрасль во всей нашей тяжелой промышленности и, в частности, в нашем машиностроении».[2.44]

Дело было не в том, что кто-то недооценивал роль этой отрасли или ее недостаточно финансировали. Причины трудностей заключались в том, что отрасль еще только формировалась. В дореволюционной России собственного станкостроения не было. Отсутствовала также собственная национальная научная и конструкторская школа в этой области. Все приходилось создавать заново. Но для этого требовалось, прежде всего, время и квалифицированные кадры, то есть еще раз – время. В течение первой пятилетки удалось заложить больше, чем фундамент новой отрасли. Производство станков увеличилось за четыре года с 2 до 19,7 тыс. станков, то есть почти в 10 раз. Но их номенклатура насчитывала всего 40 типоразмеров.

Второй пятилетний план предусматривал выпуск в 1937 году 40 тыс. металлорежущих станков – в 2,7 раза больше, чем в 1932 году по их количеству и в пять раз по стоимости, что свидетельствовало о значительных изменениях номенклатуры продукции этой отрасли в пользу сложных и специальных станков.

Фактически в 1937 году их было выпущено 48,5 тысяч. Это позволило развивать опережающими темпами, прежде всего, само машиностроение. Одновременно резко увеличился удельный вес сложных, наиболее эффективных станков – фрезерных, шлифовальных, зуборезных, автоматов и полуавтоматов. По плану предусматривалось освоить за пятилетие 200 типоразмеров новых станков. Фактически машиностроители освоили 270 типоразмеров, в том числе тяжелые и специальные станки для транспортного и горного машиностроения, авиационной и автомобильной промышленности.[2.45]

Производство оборудования для тяжелой промышленности [2.46]

Оборудование	1932	1937	1937: 1932, %
Металлургическое, тыс. т	6,9	18,4	266,7
в том числе: прокатное, тыс. т	3,7	11,2	302,7
Врубовые машины, шт.	298	572	191,9
Электровозы рудничные, шт.	87	301	346,0
Нефтеаппаратура, тыс. т	1,9	5,3	278,9

Сведения свидетельствуют об *особом внимании машиностроителей к нуждам металлургов, шахтеров и нефтяников.* Неменьшее значение придавалось и заданиям, связанным с *электрификацией страны.* Для удовлетворения потребностей качественного развития энергетического хозяйства был освоен выпуск новых мощных паровых котлов, турбин, генераторов и трансформаторов, масляных выключателей для линий электропередач высокого напряжения, электромоторов.

Производство энергетического оборудования [2.47]

Энергетическое оборудование	1928	1932	1937
Турбины паровые, тыс. кВт	35,7	239	1 068
Турбины гидравлические, тыс. кВт	8,4	59,5	88,3
Котлы паровые, тыс. $м^2$	87,9	163,3	268,2
Генераторы к паротурбинам, тыс. кВт	75,0	826,0	514,0
Генераторы к гидротурбинам, тыс. квт	–	259	47,1
Электродвигатели свыше 100 кВт, тыс. шт.	0,4	1,3	3,4
Электродвигатели до 100 кВт, тыс. шт.	32,8	202,2	275,5
Трансформаторы силовые, млн кВА	0,4	3,4	2,7

Бросается в глаза тот факт, что во второй пятилетке снизилось производство генераторов для новых электростанций и силовых трансформаторов. Одна из причин такого маневра, по всей видимости, заключалась в смене руководства Госплана: на место Г. Кржижановского – активного фанатика форсированной электрификации пришел В. Куйбышев, которого в данный момент больше всего заботило отставание черной и цветной металлургии. Но, если сравнивать показатели 1937 года с уровнем 1928 года, запаса энергомашин, созданного при первом председателе Генерального штаба экономики, еще хватало для динамичного роста электроэнергетики.

Развития *химического машиностроения* во второй пятилетки характеризовалось (наряду с высокими темпами роста выпуска специального оборудования) широким использованием новых материалов, стойких против разрушительного воздействия кислот, щелочей и других химических реагентов. Для этих целей металлурги освоили производство специальных сплавов и металлов, в том числе, жаро- и кислотоупорных легированных сталей.

Прочный фундамент *сельскохозяйственного машиностроения в* СССР был заложен еще в годы первой пятилетки: четыре завода

начали выпускать трактора: Харьковский, Челябинский, Сталинградский и «Красный путиловец» в Ленинграде. К числу пусковых объектов первой пятилетки относилось и строительство завода-гиганта по выпуску сельскохозяйственных машин под Ростовом. В 1933–1937 годах рабочие коллективы этих заводов осваивали и расширяли созданные мощности, быстро наращивая выпуск продукции, которая должна была помочь преодолеть последствия тех потрясений, которые обрушились на сельское хозяйство на рубеже двух десятилетий. В деревне особенно круто сократилось поголовье лошадей. Основной тягловой силой в сельском хозяйстве становился трактор.

Производство тракторов и сельскохозяйственной техники [2.48]

Сельскохозяйственная техника	1928	1932	1937
Трактора	1,3	48,9	51,0
Комбайны зерновые	–	10,0	43,9
Плуги тракторные	0,5	61,1	96,4
Сеялки тракторные	0,6	28,4	62,9
Молотилки	4,5	18,9	6,6
Веялки	–	0,01	1,0

Стоит отметить, что в течение второй пятилетки промышленность поставила сельскому хозяйству 142 тыс. грузовых автомобилей. Однако задания плана по выпуску тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники были выполнены не полностью: постоянно мешали дефицит металла и низкий уровень организации управления. Но и то, что было сделано, позволило создать в сельском хозяйстве по существу новую материально-техническую базу крупного производства, механизировать все основные работы по производству зерна, существенно снизить его себестоимость.

Важную роль сыграли машиностроители и в *реконструкции железнодорожного и автомобильного транспорта*. Это позволило несколько сократить отставание объема грузовых перевозок от быстро увеличивающихся объемов промышленного производства и строительства.

Производство паровозов, грузовых вагонов и автомобилей [2.49]

тыс. штук

Продукция	1928	1932	1937
Паровозы	0,479	0,832	1,172
Вагоны грузовые	7,9	15,2	30,0
Автомобили грузовые	0,7	23,7	180,3
Автомобили легковые	0,1	0,03	18,2

Надо отметить, что во второй пятилетке, наряду с увеличением производства всех транспортных средств, происходило быстрое улучшение их качественных характеристик. Так, вместо устаревших типов товарных и пассажирских локомотивов стали выпускаться мощные паровозы «ИС» и «ФД». Создан новый тип паровоза с тендер-конденсатором. В конце пятилетки было освоено производство четырехосных вагонов большой грузоподъемности. В это же время был налажен выпуск подвижного состава для московского метро, показавшего высокие эксплуатационные характеристики. Автозаводы перешли на массовый выпуск новых грузовых и легковых автомобилей, троллейбусов и автобусов.

Для того, чтобы весь парк имеющихся машин и механизмов продуктивно работал, нужно огромное количество энергии. Это исходная предпосылка технической реконструкции народного хозяйства. Ее суть состояла в том, чтобы завершить переход от ручного труда к машинному и заменить устаревшее оборудование на новое, более производительное. Чтобы интенсивно осуществлять такие процессы, возникла необходимость резкого увеличения ресурсов энергии, в том числе в ее наиболее удобной и экономичной форме – электрической. Поэтому стратегическая задача второй пятилетки состояла в том, чтобы «создать новую *энергетическую базу* для завершения реконструкции всех отраслей народного хозяйства и образовать во всех энергетических узлах резервы мощностей, обеспечивающих бесперебойное энергоснабжение». При этом для 1937 года рост общих потребностей промышленности в электроэнергии оценивался на уровне 26,4 млрд кВт-ч, транспорта – 1,6 млрд кВт-ч. Потребление электроэнергии в сельском хозяйстве, как считали в Госплане, должно было увеличиться за пятилетие в 10–15 раз. Общая потребность народного хозяйства в этом виде ресурсов в 1937 году оценивалась в 38 млрд кВт-ч.

Создание надежной энергетической базы, кроме динамичного наращивания мощностей электростанций, предусматривало также

формирование крупных энергетических узлов, где все мощные электростанции соединялись в единую систему высоковольтными линиями электропередачи. Такая схема существенно повышала надежность энергоснабжения и давала заметную экономию за счет более рационального использования «ночной» электроэнергии.

Установленная мощность и выработка электроэнергии [2.50]

Показатель	1928	1932	1937 План	1937 Факт
Мощность электростанций, тыс. кВт	1 905	4 677	10 900	8 235
Выработка электроэнергии, млн кВт·ч	5 007	13 540	38 000	36 173

Хотя рост производства электроэнергии (в 2,7 раза) опережал динамику промышленности (2,2 раза), задание пятилетнего плана было выполнено не полностью (95,2 %). Это создавало определенные напряжения в межхозяйственных связей. Так, промышленность вместо 26,4 млрд кВт-ч, как это было заложено в расчетах Госплана, получила только 24,4 млрд транспорт соответственно вместо 1,6 млрд имел возможность использовать лишь 1,2 млрд кВт-ч. Намного задержалась электрификация деревень. Еще долго миллионы крестьян будут освещать свои избы с помощью керосиновых ламп и таскать воду из колодцев на своих плечах.

Главной опорой электрификации народного хозяйства и во второй пятилетке служила топливная, а в ее структуре – *угольная промышленность*. Доля этой отрасли в топливном балансе страны увеличилась с 48 % в 1932 году до 58 % к концу пятилетки. По темпам роста добычи топлива шахтеры обогнали нефтяников. При этом себестоимость тонны угля (в пересчете на условное топливо) была несколько ниже себестоимости добычи тонны нефти. Спрос на продукты переработки нефти рос очень высокими темпами в связи быстрым расширением парка автомобилей, тракторов и самолетов. Поэтому уголь стал замещать нефтепродукты там, где это было целесообразно с экономической и технологической точки зрения. Так, основная масса электроэнергии производилась на тепловых электростанциях, где до 80 % в качестве топлива использовались энергетические угли и отходы его добычи – крошка высококачественных углей.

К числу основных факторов успеха угольной промышленности следует отнести:

а – высокие темпы механизации угледобычи и роста энерговооруженности труда шахтеров. Так, мощность двигателей, установленных

на рабочих машинах в угольной промышленности в 1937 году достигла 914 тыс. кВт, что в 2,1 превышало уровень 1932 года. Коэффициент электрификации силовых процессов (по мощности) повысился до 95 %. Наиболее механизированными были процессы зарубки и доставки угля от забоя к шахтному подъемнику;[2.51]

б – улучшение качества управления и организации производства на уровне как главка, так и угольных бассейнов, а также конкретных шахт. Изменилась структура размещения угледобычи. Опережающими темпами развивался Кузбасс, обеспечивавший коксом заводы черной металлургии и химической промышленности. Карагандинский бассейн занял третье место по добыче коксующихся и энергетических углей, причем себестоимость добычи тонны условного топлива в этих двух бассейнах была значительно ниже, чем в Донбассе. На первый взгляд может показаться странным, что во второй пятилетке форсировали также добычу местных дорогих и не очень качественных углей (под Тулой, на Урале, на Дальнем Востоке и др.) Но, если к себестоимости добычи угля добавить стоимость его транспортирования, то получалось, что при выработке электроэнергии выгоднее использовать местное топливо;

в – повышение общего уровня квалификации как шахтеров, так и инженерно-технических работников. Инженеры и техники чаще стали спускаться в забои, чтобы непосредственно на рабочих местах внедрять научные основы организации коллективного труда и более эффективно использовать машины и другие технические средства. Именно на базе более рационального соединения новой организации рабочих мест и применения современной техники родилось стахановское движение.

В ночь на 31 августа 1935 года молодой забойщик шахты «Центральная-Ирмено», что в Донбассе, – Алексей Стаханов за смену нарубил 102 тонны угля, превысив норму в 14 раз. Рекорд был установлен благодаря принципиально новой организации труда. Забойщик, в данном случае Стаханов, как наиболее квалифицированный, физически сильный и умелый работник, только отбивал уголь с помощью пневматического молотка, в то время как двое его помощников крепили за ним выработанное пространство. Прежде забойщик сам подтаскивал и устанавливал крепь, на что уходила половина его рабочего времени.

Все три фактора (механизация, повышение квалификации кадров и организация производства), действуя одновременно, позволили резко поднять производительность труда, Это стало отличительной чертой

развития угольной промышленности во второй пятилетки, поскольку у Стаханова появилось много последователей, которые нередко перекрывали его рекордные показатели.[2.52]

Среднемесячная добыча угля на одного рабочего [2.53]
по наркомату угольной промышленности, т

Регион	1928	1932	1937
Всего по наркомату	12,7	16,2	26,9
Отн. ед.	100	128	212
По Донбассу	12,0	14,8	23,7
Отн. ед.	100	123	197
По Кузбассу	19,7	24,2	41,2
Отн. ед.	100	123	209

Из приведенных данных видно, что главный центр добычи высококачественного угля в России – Донбасс еще до войны перестал быть лидером, как по уровню, так и по динамике роста производительности труда шахтеров. Его место прочно занял Кузбасс, где в крупных масштабах добывались относительно дешевые и качественные коксующиеся угли. Это обстоятельство сыграет важную роль в снабжении топливом и сырьем оборонной промышленности Урала, в том числе танковой в годы Отечественной войны.

Стоит отметить еще одну особенность развития этой отрасли во второй пятилетке – 83 % расширения добычи угля было получено за счет роста производительности труда, то есть качественных факторов ее развития. Этого, однако, было недостаточно, чтобы полностью выполнить задания второго пятилетнего плана. Слабым утешением было, что и другие отрасли топливной промышленности не сумели справиться с высокими заданиями плана.

Добыча важнейших видов топлива во второй пятилетке [2.54]
млн тонн

Топливо	1928	1932	1937 План	1937 Факт	Выполнение плана, %
Уголь	35,5	64,4	152,5	128,0	84,0
Нефть	11,6	21,4	46,8	28,5	60,9
Торф	5,3	13,5	25,0	24,0	96,0

Таблица свидетельствует о том, что с заданиями пятилетки лучше всех справились добытчики торфа, хуже других – нефтяники. Прежде всего сказалось невысокое качество планирования.

Работники Госплана по опыту знали: если план перевыполнят – попадет им. Если не выполнят – виноваты производители. На самом деле виноваты были и те, и другие. Особенную тревогу вызывало отставание нефтяной промышленности. По остроте проблемы среди отраслей тяжелой промышленности она переместилась на второе место – после черной и цветной металлургии. Выступая на XVII съезде партии, В. Куйбышев с тревогой говорил: «Отставание нефтяной промышленности очень больно отзывается на народном хозяйстве как в области мазута, так и в области светлых нефтепродуктов. Все вы знаете, с каким напряжением мы проводим посевную и уборочную кампании в сельском хозяйстве из-за недостатка керосина. Все вы знаете, как трудно приходится автомобильному парку при теперешнем объеме производства бензина. Нужно поэтому во второй пятилетке увеличить добычу нефти более, чем в 2 раза, бензина – в 3 раза, керосина – почти в 2 раза, масел – в 2,5 раза».[2.55.]

Для достижения этих целей он наметил шесть главных направлений:

- форсировать развитие новых нефтяных районов на Востоке страны;
- осваивать глубокое бурение и его высокую скорость;
- осваивать новые методы переработки нефти, применяемые в США;
- широко развивать новые производства в нефтепереработке;
- решить проблему дизельного топлива;
- ускорить сроки строительства нефтеперерабатывающих заводов.

Однако достигнуть всех этих целей к концу пятилетки, как уже отмечалось, не удалось.

Одним из важных методов технологической революции в народном хозяйстве служила *химизация* производственных процессов. В этой связи продукция *химической промышленности* в 1937 году выросла по сравнению с 1932 годом в три раза, несколько превысив задание второго пятилетнего плана. Особенно динамично развивались основная химия, а также такие новые отрасли, как азотная промышленность, промышленность искусственного волокна, синтетического каучука и пластических масс. Усилилась комплексность использования исходного сырья и так называемых отходов черной и цветной металлургии. Началась многотоннажная переработка апатитов, нефелинов, соликамских калийных руд, добыча

которых была освоена в первой пятилетке. Таким образом, химическая промышленность стала одним из лидеров второй пятилетки.

Производство важнейших химических продуктов в 1928–1937 гг. [2.56]

Химическая продукция	1928	1932	1937
Серная кислота, тыс. т	211	552	1 369
Сода каустическая, тыс. т	58,6	80,8	163,7
Сода кальцинированная, тыс. т	217,3	287,8	528,2
Химические волокна, тыс. т	0,2	2,8	8,6
Азотные удобрения, тыс. т	11,2	55,6	761,6
Фосфатные удобрения, тыс. т	114,2	863,3	2 122,6
Калийные удобрения, тыс. т	–	1,9	355,8
Автопокрышки, тыс. шт.	85	553	2 209
Обувь резиновая, млн пар	36,3	64,7	84,6

Эта таблица, пожалуй, как ни одна другая, демонстрирует в натуре прорывной характер первых довоенных пятилеток. Темпы роста производства отдельных видов продукции измеряется уже не разами, а десятками раз. Именно в то время было налажено промышленное производство синтетического каучука. Это был прорыв в мировом масштабе. Ярославский завод СК-1 вступил в строй летом 1932 года, быстро рос как одна из сырьевых баз шинной и резинотехнической промышленности. Узнав об этом событии, американский изобретатель Т. Эдисон в интервью журналистам заявил: «Известие о том, что Советскому Союзу удалось получить синтетический каучук, невероятно. Этого никак нельзя сделать».[2.57]

Не только из-за интервью Эдисона, характерного для уровня понимания реконструкции России западной интеллигенцией, стоит несколько подробнее остановиться на истории Ярославского завода.

Начали его строить на пустыре, но не на пустом месте в науке и технике.

Еще перед Первой мировой войной в США, которые потребляли примерно 75 % получаемого в мире естественного каучука, и в Германии предпринимались попытки получить искусственный каучук в промышленным масштабе. Результаты были отрицательными. Первыми в мире ключ к решению этой проблемы нашли русские ученые. Опираясь на труды академика А. Бутлерова – крупного

ученого в области органического синтеза, группа молодых исследователей настойчиво проводила свои опыты, меняя исходное сырье и режимы его обработки. Особенно повезло С. Лебедеву. В 1910 году он открыл способность дивинила к полимеризации и синтезировал несколько граммов каучука. Успехами ученых заинтересовались производители резиновых изделий. На заводах «Богатырь» в Москве и «Треугольник» в Петербурге были созданы специальные лаборатории, которые были призваны найти формы и методы промышленной реализации достижений науки в области получения синтетического каучука. Пройти этот путь быстро не удалось, и начавшаяся мировая война остановила все работы.

Советское правительство, понимая, что без резины далеко не уедешь, в сентябре 1918 года рассмотрело вопрос о возможностях получения искусственного каучука в промышленных масштабах. Однако вскоре все застопорилось, на этот раз из-за начавшейся Гражданской войны.

В 1926 году ВСНХ объявил всесоюзный конкурс на разработку промышленных методов получения СК. Через два года победителем конкурса стала группа профессора С. Лебедева, что позволило создать при Ленинградском университете специальную лабораторию по проектированию и сооружению опытного завода синтетического каучука. В феврале 1931 года на таком заводе в полузаводских условиях была получена первая партия желаемого продукта. Вскоре ВСНХ принял решение о строительстве трех заводов по производству СК: в Ярославле, Воронеже и Ефремове.

В самом начале лета 1931 года началось и стремительно разворачивалось строительство первенца из этой тройки – Ярославского СК-1. Вот что рассказывает о тех днях С. Педерухин, впоследствии аппаратчик завода: «Я пришел на стройку в середине 1931 года. К этому времени рыли котлованы цехов: контактного, конденсации и ректификации спирта, механического и других. Начал работать разнорабочим, позже стал бригадиром на бетономешалках. В то время механизации не было. Все строительные материалы возили исключительно на лошадях. Основными орудиями труда были топор, лопата, лом и тачка. На стройке преимущественно работала молодежь, у которой энтузиазма был непочатый край. Очень часто были субботники, где нередко можно было видеть и начальника строительства, который брал тачку и хорошо работал, показывая пример».[2.58.]

Поскольку стройка началась в спешном порядке, в середине года, она не попала в годовые планы материально-технического

снабжения. Поэтому «фондируемые», то есть основные материалы поступали на стройку с хроническими перебоями. Жаловаться и просить помощи «в центре» было бесполезно. Приходилось проявлять «инициативу» и искать ресурсы на месте. И как-то выкручивались. Например, к месту стройки необходимо было проложить железнодорожную ветку, но где взять рельсы? Пришлось разобрать запасные пути на ближайшей станции. Немного нашли на соседних складах. Ветка протяженностью полтора километра была построена за 10 дней. С перебоями поступал на стройку кирпич. Разбирать старые кирпичные постройки? Не подходит. Но нашли по соседству остановившийся полузаброшенный кирпичный завод. Быстро восстановили его, помогли деньгами и рабочей силой. И, как камень с плеч свалился, – кирпич на стройку пошел. Не хватало транспорта – добавили лошадей с подводами. Трудней всего было преодолеть дефицит рабочей силы – специалистов и просто рабочих, а также жилья, столовых, продуктов питания для тех, кто уже трудился на стройке, явно не хватало.

Прошел всего год. На заводе получены первые тонны синтетического каучука. На состоявшемся по этому поводу торжественном заседании в ярославском театре имени Ф. Волкова нескончаемые поздравления и приветствия, шквалы аплодисментов и слезы академика Сергея Васильевича Лебедева.

Так рождалось производство синтетического каучука. А кто оценил гигантский скачек в добыче минеральных удобрений? Или освоение массового выпуска химических волокон?

Намного сложнее сложилась обстановка в области *черной и цветной металлургии*. Эти отрасли были узким местом в структуре промышленности в годы Первой мировой войны. Трудно вставали на ноги в восстановительный период. Продолжали тормозить экономический подъем в условиях первой пятилетки. Во второй пятилетке, наконец-то, но только в основном была завершена техническая реконструкция этих, в буквальном смысле слова, тяжелых отраслей. Иными словами – решена очень сложная и дорогостоящая задача. Однако возросшие потребности в металле, особенно качественном, полностью удовлетворить не удалось.

Дефицит *черных металлов*, прежде всего листового проката, труб, проволоки, а также брони разных видов, не только сохранился, но в ряде случаев даже обострился. Однако структура и масштабы дисбалансов, в том числе в масштабе отрасли, заметно изменились. Если в первой пятилетке узким местом было доменное производство,

то есть чугун, то во второй – среди отстающих оказались прокатное производство и рудная база металлургии.

Еще одна особенность развития черной металлургии во второй пятилетке заключалась в том, что резко возросли масштабы и сложность нового строительства. За пять лет намечалось ввести в эксплуатацию 45 новых доменных печей, 152 мартена, 107 прокатных станов. При этом речь шла о сооружении современных в техническом отношении и, нередко, самых крупных в мире металлургических агрегатов. Так, Кузнецкий рельсобалочный стан должен был давать больше продукции, чем все действовавшие в первой пятилетке рельсовые станы. На Запорожском заводе пустили тонколистовой непрерывный стан, который по мощности был больше всех, вместе взятых аналогичных станов в стране. Строящиеся доменные печи по своим параметрам, в том числе по механизации трудоемких работ, не уступали уровню, достигнутому в металлургии США. [2.60.]

Проблемы высокого качества выпускаемого металла стали приоритетными на всех переделах его производства, начиная с подготовки руды и агломерата. В этой связи особую актуальность приобрел вопрос о расширении добычи вольфрама, молибдена, марганца и других добавок, необходимых для получения новых сортов стали, а также производства ферровольфрама, феррованадия и т. п.

Кто хоть немного знаком с особенностями металлургического производства с его горячим, сложным и, можно сказать, капризным характером, тот лучше поймет причины, почему черная металлургия и в первой, и во второй пятилетках была трудно управляемым объектом. В. Емельянов, возглавлявший перед войной главк броневой стали, рассказывает, как непросто была разгадана одна из тайн ее производства. Все началось, когда для строительства военных судов, потребовалось изготовить 100-тонную отливку такой стали. Первая попытка кончилась неудачей – поверхность слитка была «грязной», с многочисленными трещинами и раковинами.

«На совещании, созванном главным инженером завода, царила зловещая тишина. Никто не мог объяснить, почему получился такой отвратительный слиток. Завод уже хорошо владел разливкой довольно крупных слитков, а вот нате же – отлили такого урода, что и смотреть противно. Как будто бы все делали правильно, а путного ничего не получилось, – с сокрушением произнес старший мастер.

Кто-то предложил пригласить для консультации ветерана завода, которому приходилось раньше удачно отливать крупные слитки.

Он согласился прийти. На вопрос: может ли он помочь, последовал неожиданный ответ: «Помочь-то, конечно, можно, но дело это сурьезное. Без молитвы здесь никак нельзя. Много я плит изготовил, а плохих не было. За каждую плиту я особую награду получал. Если плиты такие изготовлять будем, – свечи мне потребуются, восковые, церковные. Без свечей и пробовать нечего – все равно проку не будет».

Не без споров, но его условия приняли.

Через два дня у подготовленной к приему стали огромной изложницы снова собрались руководители завода, партийной организации, ведущие заводские и цеховые инженеры, мастера и цеховые рабочие, которые не были заняты на своих обычных местах.

Старый мастер пришел вовремя. Он был в черном сюртуке и белоснежной рубашке, с картузом, покрывавшем его седую голову. Видно было, что старик волнуется... В цехе стояла тишина, все взоры были устремлены на старого мастера. Тем временем он снял картуз, перекрестился и дал сигнал крановщику подавать ковш со сталью... Струи жидкого металла устремились в изложницу. «Чародей» перекрестился еще раз и, взяв пучок свечей, стал бросать их по несколько штук в изложницу. Он делал это уверено, и все время что-то шептал, видимо, молился...

Народ не расходился. Все с нетерпением ждали результата. К концу дня слиток из изложницы вынули. Его поверхность была серебристой, гладкой и без изъянов...

На следующий день у изложницы собрались те же люди. Пришел и старый «чудотворец». Он гневно смотрел в мою сторону. Я занял место, на котором вчера стоял он. Крановщику дал сигнал, и ковш с жидким металлом опустился над изложницей. Как только расплавленный металл полился в изложницу, я стал бросать в нее кусочки стеарина. До конца смены я ощущал какую-то зловещую напряженность. Со мной не разговаривали. Но вот, наконец, вынули слиток. Поверхность его была такой же серебристой, как и у предыдущего, отлитого старым мастером. На ровной поверхности не было ни одного дефекта.

Вечером в заводском клубе я сделал небольшой доклад, объяснив, в чем же «святой секрет» отливки. Все было довольно просто: в период отливки крупного слитка процесс заполнения изложницы жидким металлом идет долго. За это время на поверхности металла образуется корочка окислов. По мере заполнения изложницы эта корочка, плавая на поверхности жидкой стали, касается стенок, что

и ведет к образованию грязной поверхности слитка. Когда же в изложницу забрасывается воск или стеарин, то они, сгорая за счет кислорода воздуха, предохраняют металл от окисления».[2.61]

Улучшение качества техники и технологий в соединении с повышением уровня квалификации кадров, организации и управления производством позволили повысить его эффективность, что в металлургии нашло свое выражение в улучшении коэффициента использования полезного объема доменных печей до 1,1 в 1937 году против 1,75 в конце первой пятилетки. Только за счет этого фактора в 1937 году было получено дополнительно 1,3 млн т чугуна. Съем стали с 1 м^2 площади пода мартеновских печей увеличился за пять лет до 4,35 тонн или более чем в два раза по сравнению с уровнем 1932 года.[2.62]

В результате итоговые показатели выполнения заданий второй пятилетки в черной металлургии выглядели лучше, чем первой.

Развитие черной металлургии во второй пятилетки [2.63]

млн тонн

Продукция	1928	1932	1937		Выполнение плана, %
			План	Факт	
Железная руда	6,1	12,1	34,0	27,8	82
Кокс	4,2	8,4	–	20,0	–
Чугун	3,3	6,2	16,0	14,5	91
Сталь	4,3	5,9	17,0	17,7	104
Прокат	3,4	4,4	13,0	13,0	100

При некотором невыполнении заданий по чугуну металлурги выполнили пятилетку по конечным результатам – стали и прокату. Это имело решающее значение на фоне растущей угрозы войны.

Цветная металлургия за годы второй пятилетки во всех основных производствах перешла на использование передовых технологий. В результате выплавка червонной меди за этот период удвоилась. Заново была создана мощная алюминиевая промышленность, которая в 1937 году дала 37,7 тыс. т первичного белого металла против 0,9 тыс. т в 1932 году, то есть больше чем в 41 раз. При этом в цветной металлургии существенно улучшилось использование основных производственных фондов, повысился коэффициент выхода металла из первичного сырья.

По прежнему в сложных условиях во второй пятилетке развивались *легкая и пищевая промышленность.* Здесь пересекались отрицательные действия сразу нескольких факторов. Главный фактор – не хватало сырья из-за сокращения его импорта и из-за хронических трудностей закупок сырья на внутреннем рынке. Второй фактор – высокая степень физического и морального износа производственного аппарата, особенно в легкой промышленности. Третий фактор – отношение к легкой промышленности как к отрасли, которая может подождать с обновлением и реконструкцией своего парка станков и другого оборудования.

В дореволюционной России текстильная промышленность была главной по объему выпускаемой продукции и получаемой прибыли, а по уровню оплаты труда – одной из ведущих. В период технологической революции закономерно, что на первое место по значимости выходит тяжелая промышленность. В этом отношении показательна новая расстановка отраслей по уровню средней зарплаты работников: накануне первой пятилетки шахтер зарабатывал меньше обувщика. С середины тридцатых годов ситуация стала меняться. Уже к концу пятилетки первое место по уровню зарплаты среди промышленных рабочих заняли угольщики, которые в двадцатых годах были на 14-м месте. На второе место вышли работники черной металлургии, занимавшие относительно недавно 13-е место. На третье – нефтяники. Из 17 промышленных отраслей семь первых позиций занимали представители тяжелой индустрии. Замыкали ряд пищевики.[2.64] Примерно такие же соотношения возникали при распределении капитальных вложений и сырьевых ресурсов. Нельзя забывать и о том, что среди факторов, вызывавших трудности в развитии группы «Б», не последнюю роль играли провалы в сельском хозяйстве.

Следует подчеркнуть, что такая ситуация возникла в значительной мере стихийно. Первоначальные замыслы были иными. Выступая на съезде профсоюзов, В. Куйбышев ответственно заявлял: «Легкая промышленность играет огромную роль в нашей стране, и смешно было бы думать, что мы не должны заботиться о максимально возможным ее развитии. Другое дело, когда мы говорим о необходимости обеспечить за отраслями, производящими средства и орудия производства, больший темп развития, поскольку эти отрасли в нашей стране находились на низком уровне развития и поскольку от них зависит развитие всего народного хозяйства в стране, в том числе и легкой промышленности. Но отсюда делать

какой-нибудь вывод о второстепенности, неважности задач, лежащих перед нами в области развития легкой индустрии, было бы глубоко ошибочно».[2.65]

Понимание важности устойчивого и сбалансированного роста выпуска товаров для населения (в том числе продукции легкой промышленности) у руководителей ВСНХ и Госплана без всяких сомнений было, и это нашло свое отражение в соответствующих показателях первой и второй пятилеток. Однако эти задания полностью выполнить не удалось.

Динамика развития легкой промышленности во второй пятилетке [2.66]
(ткани – млн м, обувь – млн пар)

Продукция легкой промышленности	1928	1932	1937		Выполнение плана, %
			План	Факт	
Ткани хлопчатобумажные	2678	2 694	5 100	3 448	67,8
Ткани шерстяные	86,8	88,7	220	108,3	49,2
Ткани льняные	174,4	133,6	600	285,2	47,5
Обувь кожаная	58,0	86,9	180	182,9	101,6
Обувь резиновая	36,9	64,7	100	84,6	84,6

Оценивая эти данные в целом, можно сказать, что легкая промышленность во второй пятилетке развивалась более динамично, чем в первой. Однако плановые задания были выполнены только по кожаной обуви. Обращают на себя внимание явно завышенные задания плана на 1937 год. При этом увеличение выпуска льняных тканей более, чем в два раза, позволило выполнить задание менее, чем наполовину. Видимо, у разработчиков таких заданий сфера неизвестного и вероятного была столь широка, что они включили в план не результаты своих расчетов, а экспертные оценки, в реальность которых они сами мало верили.

Сырьевая база *пищевой промышленности* была еще в более худшем состоянии, чем легкой.

Пищевая промышленность во второй пятилетке [2.67]
млн тонн

Продукция пищевой промышленности	1928	1932	1937		Выполнение плана, %
			План	Факт	
Сахар-песок	1,28	0,82	2,45	2,40	98,0
Масло растительное	0,45	0,49	0,79	0,54	68,4
Мясо и мясопродукты	0,68	0,60	1,2	1,00	83,3
Улов рыбы	0,84	1,33	1,80	1,61	89,4
Молочные продукты	1,9	1,9		5,00	

Пищевая промышленность в 1933–1337 годах развивалась крайне неравномерно. Во-первых, ее подъем начался в последние годы пятилетки, когда удалось преодолеть социально-экономический кризис в сельском хозяйстве. Видимо, прежде всего, этим можно объяснить «дружное» невыполнение плана всеми основными производствами отрасли. Во-вторых, две ведущие отрасли – сахароварение и маслобойная очень круто (в 2,6 и 2,9 раза) расширили производство своей продукции, что заметно сказалось на рынке продовольственных продуктов.

Подводя общий итог развитию промышленности в 1933–1937 годах, надо отметить, что именно в этот период в экономике России произошел тот качественный скачек, опиравшийся на новые технологии, зрелые кадры инженерно-технического персонала, новое поколение директоров предприятий и увеличившийся «костяк» квалифицированных рабочих. Именно в эти годы сформировалась мощная и эффективная производительная сила страны, которая позволила в последующие годы оснастить армию современной военной техникой и победить в очень трудной, затяжной войне. К сожалению, в этот же период сельскому хозяйству был нанесен такой жестокий удар, от которого оно уже не смогло оправиться...

2.3. Подготовка к войне – основное направление третьей пятилетки

В январе 1938 года, то есть в точке отсчета третьей пятилетки, до нападения Германии на Советский Союз оставалось всего три с половиной года. Тогда этот срок достоверно назвать не мог никто. Однако очень многие понимали и чувствовали, что война приближается. Она уже не за горами, где-то рядом, хотя и не хотелось этому верить...

С середины тридцатых годов экономика России стала переходить на режим интенсивного перевооружения армии новой военной техникой. К началу сороковых процесс перестройки был все еще далек от завершения. Руководство страны понимало эту горькую истину. Поэтому оно, с одной стороны пыталось разными политическими и дипломатическими маневрами оттянуть начало трагедии, а, с другой, – всячески торопило, подстегивало экономику, ориентируя ее не только на увеличение объемов, но и на повышение эффективности производства и потребления.

Весной 1939 года на XVIII съезде партии был одобрен третий пятилетний план развития народного хозяйства в 1938–1942 годах. Оба докладчика на съезде – Сталин и Молотов подробно остановились на *главной экономической задаче – догнать и перегнать развитые страны по производству продукции в расчете на душу населения.* «Экономическая мощность промышленности, – разъяснял Сталин, – выражается не в объеме промышленной продукции вообще, а в объеме промышленной продукции, взятом в его прямой связи с размером потребления этой продукции на душу населения».[2.68.]

По существу это была новая редакция (не лучшая: из сферы внимания выпало сельское хозяйство, строительство, транспорт) ленинского положения о том, что переход к социализму возможен только при условии создания общественного уклада, обеспечивающего более высокий уровень производительности в национальном масштабе, чем развитые капиталистические страны.[2.69.]

Сталин в полемике с Рыковым отказался от такой установки, но спустя 10 лет логика строительства нового хозяйственного уклада заставила его вновь вернуться к ней. «Только в том случае, если перегоним экономически капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе».[2.70.]

В. Молотов был более последовательным. Он четко определил: «В СССР построен социализм, но построен только в основном» и на цифрах показал, как много скрывается за оговоркой «в основном».

Производство отдельных видов продукции на душу населения [2.71]
СССР – за 1937 г., другие страны – по последним данным

Продукция	СССР	США	Германия	Великобритания
Электроэнергия, кВт·ч	215	1 160	735	698
Сталь, кг	105	397	291	279
Уголь, кг	757	3 429	3 313	5 165
Хлопчатобумажные ткани, кв. м	16	58	–	60
Шерстяные ткани, кв. м	0,6	2,8	–	7,4
Обувь кожаная, пары	1	2,6	1,1	2,2
Бумага, кг	6	48	42	42
Сахар, кг	14	12	29	8
Мыло, кг	3	12	7	11

Из приведенных данных следует: чтобы достигнуть экономического уровня развитых стран второй половины тридцатых годов, России необходимо увеличить производство важнейших видов продукции в 3, 4 и большее число раз. Поскольку в течение каждой из двух прошедших пятилеток объем промышленного производства удваивался, Молотов считал, что главную экономическую задачу Россия сможет решить не раньше, чем через 10–15 лет.

Третья пятилетка рассматривалась, как первый этап этого долгого и трудного пути. План предусматривал, что в 1942 году объем промышленного производства составит к уровню 1937 года 192 %, в том числе группы «А» – 207 % и группы «Б» – 172 %. Машиностроение должно было подняться до отметки «229», производство электроэнергии – удвоиться, выплавка стали – «158», добыча нефти – «177». Выпуск тканей и обуви намечалось расширить в 1,4–1,7 раза.

Начавшаяся в Европе в 1939 году мировая война заставила пересмотреть эти задания. Пришлось радикально скорректировать курс промышленной политики и существенно сузить ее приоритетные направления. В то время часто повторяли: «современная война является войной моторов. Моторы господствуют везде: на земле, в воздухе и на море». Происходящие изменения в вооружениях нельзя было не учитывать в экономической политике. «Мотор, – подчеркивал Н. Вознесенский, – требует высокой техники, много нефти и цветных металлов».[2.72] Перемены началась даже в легкой промышленности – многие фабрики перестроились на выполнение крупных заказов по пошиву обмундирования и обуви для армии.

Среднегодовые темпы прироста продукции промышленности [2.73]
в %

	1-ая пятилетка	2-ая пятилетка	3 предвоенных года
Вся промышленность	19,2	17,1	13,2
Группа «А»	28,5	19,0	15,3
Группа «Б»	11,7	14,8	10,1
Оборонная промышленность	–	–	39,0

Из этих данных видно, что подготовка промышленности к войне частично происходила за счет гражданских отраслей, хотя из-за дефицита металла пострадали и некоторые предприятия тяжелой промышленности.

Наиболее глубокие структурные изменения произошли в номенклатуре продукции, выпускаемой машиностроительными и химическими заводами. От металлургов требовали резко увеличить выпуск качественных сталей и брони, от нефтяников – керосина и бензина, а также различных сортов масла для автомобильных и авиационных моторов. Эти изменения частично нашли свое отражение в динамике выпуска важнейших видов промышленной продукции.

Выпуск отдельных видов продукции промышленности [2.74]

	1937	1940	1940:1937 %
Сырье и топливо			
Чугун, млн т	14,5	14,9	102,8
Сталь, млн т	17,7	18,3	103,4
Прокат, млн т	13,0	13,1	100,8
Уголь, млн т	128,0	165,9	129,6
Нефть, млн т	28,5	31,1	109,1
Газ, млн куб. м	2 317	3 392	146,4
Электроэнергия, млрд кВт-ч	36,2	48,3	133,,4
Серная кислота, тыс. т	1 369	1 587	115,9
Минеральные удобрения, млн т	3,2	3,2	100,0
Машиностроение			
Станки, тыс. шт.	48,5	58,4	120,4
в том числе: крупные, шт	23	212	921,7
Кузнечно-прессовые, тыс. шт.	3,1	4,7	151,6
Металлургическое оборудование, тыс. т	18,4	23,7	128,8
Турбины паровые, тыс. кВт	1 068	972	91,0
Генераторы для них, тыс. кВт	514,0	313,5	61,0

Данные свидетельствуют о том, что руководство страны недооценивало значения транспорта, как впрочем, и радиосвязи в предстоящей войне, за что, уже через полгода, пришлось расплачиваться по повышенным ценам.

В 1940 году производство хлопчатобумажных тканей в расчете на душу населения составило – 21 м, шерстяных – 0,6 м, обуви кожаной – 1,1 пары, бумаги – 4,2 кг, сахара – 11,3 кг.[2.76.]

За всеми цифрами видна поспешная мобилизация ресурсов для укрепления военной мощи страны. Она началась много раньше, но в последние год–два перед войной приобрела спонтанный, иногда даже нервозный характер, что увеличивало число ошибочных решений. Но неизменным было одно – при решении трудных

вопросов финансирования и снабжения, – а их было много, приоритет имели оборонные отрасли.

Предметом особого внимания стала *авиационная промышленность.* Еще в начале XX века был создан новый род войск – военная авиация. Значительная, иногда решающая часть боевых действий переместилась в воздушное пространство. Если говорить о развитии теории, то Россия была подготовлена к такому изменению обстановки, может быть, даже лучше, чем другие страны. Еще до Первой мировой войны в Московском университете, а затем в Московском высшем техническом училище сформировалась группа энтузиастов во главе с профессором Н.Е. Жуковским по разработке научных основ воздухоплавания. Осенью 1918 года, в условиях начавшейся Гражданской войны они обратились в научно-технический отдел ВСНХ с предложением создать Центральный исследовательский институт аэродинамики (вскоре внесли уточнение – аэрогидродинамики). Инициатива встретила поддержку.

С 1 декабря ЦАГИ, возглавляемый Николаем Егоровичем Жуковским (научная часть) и Андреем Николаевичем Туполевым (техническая часть), официально начал свою исследовательскую и конструкторскую деятельность в относительно молодой области науки и практики. Заведующим общетеоретическим отделом стал В. Ветчинкин. Винтомоторный отдел возглавил В. Стечкин. Позже через этот институт «прошли» многие ведущие в тридцатых годах конструкторы самолетов: А. Архангельский, С. Ильюшин, В. Мясищев, В. Петляков, П. Сухой и другие.

На первом этапе центр тяжести исследований в ЦАГИ находился в сфере фундаментальных и прикладных проблем аэродинамики самолета. Среди открытий ученых можно назвать, например, разгадку тайны подъемной силы крыла, возникающей в результате более высокой скорости обтекания воздухом его верхней, выпуклой поверхности. Здесь же была создана методика расчетов прочности самолетов, решены многие другие проблемы, что стало достоянием мировой науки и исходной опорной базой для создания самолетов принципиально новых конструкций. Важно подчеркнуть также, что все творческие разработки опирались на обобщения экспериментальных данных, полученных в многочисленных лабораториях, а также продувки моделей самолетов и их отдельных деталей в аэродинамических трубах различных видов и размеров.

До двадцатых годов практически почти все типы самолетов строились из дерева и фанеры с использованием многочисленных

стоек и проволочных растяжек. Готовые каркасы крыльев и фюзеляжа обтягивались перкалью и окрашивались стойкими лаками. Самолет получался легким, но не очень прочным. На основе теоретических разработок и экспериментальных опытов в ЦАГИ сделали два принципиальных вывода: первый – наиболее экономичным, а следовательно, и скоростным является моноплан, то есть самолет с одним несущим крылом. Второй вывод – цельнометаллическая конструкция самолета имеет ряд преимуществ по сравнению с деревянной. Поскольку в России в то время легкого и одновременно прочного металла не выпускали, институту пришлось самому заняться экспериментальной металлургией и создать вместе со специалистами алюминиевого завода товарищества Кольчугина особый сплав, получивший название кольчугалюминий, основные характеристики которого не уступали немецкому дюралюминию. Свойства нового металла проверялись в процессе строительства и эксплуатации аэросаней и глиссеров. Вершиной таких экспериментов стало создание быстроходных торпедных катеров, которые были взяты на вооружение военно-морским флотом и приняли активное участие в Отечественной войне.

Накопление огромного запаса различных знаний, многократно проверенных на практике, позволило создать по сегодняшним меркам небольшой, но высококвалифицированный коллектив творческих конструкторов, инженеров, других специалистов. Каждый из них имел относительно узкую специализацию и был непревзойденным мастером своего дела. Только после этого конструкторское бюро А. Туполева приступило к решению своей главной задачи – созданию самолетов, которые в короткое время стали лучшими в мире. Первая проба (1923 г.) была игрушкой для взрослых – легкий спортивный самолет, моноплан, собранный в основном из дерева, с мотором в 35 л.с. Через год родился АНТ-2 – советский цельнометаллический самолет, в котором два места отвели пассажирам. Он был выпущен небольшой серией.

В 1925 году в воздух поднялся АНТ-3, тоже из кольчугалюминия. В ВВС он использовался как разведчик (Р-3). Этот самолет для всего коллектива послужил дипломом об окончании начальной ступени школы конструкторов, причем диплом был с отличием: демонстративные перелеты позволили показать самолет с лучшей стороны слегка удивленной Европе и Японии.

Затем, под давлением сверху, в ЦАГИ было создано несколько цельнометаллических истребителей. Из общего, небольшого ряда

подобных машин они особенно не выделялись. Настоящей сенсацией в 1928 году стал АНТ-4 – первый советский двухмоторный бомбардировщик. Через год он совершил перелет из Москвы в Нью-Йорк под именем «Страна Советов». Американцы встретили русских с цветами, овацией и восторгом. А конструкторы ведущих самолетостроительных фирм США с интересом изучали смелые новинки своих московских коллег, которые в создании тяжелых многомоторных цельнометаллических машин вырвались на несколько лет вперед.

Еще через год зарубежных конструкторов ждал новый сюрприз – первый четырех моторный, тяжелый бомбардировщик ТБ-3 (АНТ-6). В середине тридцатых годов ему не было равных в мире. Из таких машин была сформирована воздушная армия особого назначения (АОН). В тот период каждый праздник 1 мая и 7 ноября рано утром вся армада массивных и грозных машин поднималась в воздух со своих аэродромов под Воронежем, и строем направлялась в сторону Москвы. Севернее Тушина она разворачивалась и, держа курс по Ленинградскому шоссе, появлялась над Красной площадью к концу парада, наглядно демонстрируя народу и гостям важные результаты двух пятилеток... Посадка в Воронеже завершала многочасовой полет.

Практически каждый год КБ Туполева заканчивала разработку одной-двух новых машин, которые служили вехами в развитии не только советской, но и мировой авиации. Так, в 1933 году был построен один из наиболее известных самолетов в мире – АНТ-25 или РД (рекорд дальности). На таком самолете экипажи В. Чкалова и М. Громова без посадки через Северный полюс перелетели из Москвы в Америку. В 1937 году на нем был установлен мировой рекорд дальности полета по прямой – 10 148 км.[2.77.]

Нельзя не напомнить также, что в 1934 году из КБ Туполева поступил на вооружение ВВС двухмоторный скоростной бомбардировщик СБ, который обеспечивал себе защиту от истребителей равной с ними скоростью, высоким потолком полета и мощным вооружением.

Таким образом, в середине тридцатых годов Советский Союз в области бомбардировочной авиации, главным образом, благодаря напряженной работе КБ Туполева и трудовых коллективов соответствующих авиационных заводов, имел значимые преимущества при сравнении с развитыми странами. К сожалению, этого нельзя было сказать относительно истребителей.

История первых советских истребителей начинается с создания специализированного конструкторского бюро на 1-м московском авиазаводе (бывший «Дукс»). Короткое время его возглавлял Н. Поликарпов. Затем его сменил Д. Григорович, известный как создатель летающих лодок М-5 и М-9. Теперь оба они, соперничая друг с другом, взялись за создание нового истребителя. В 1923–1924 гг. опытные экземпляры были переданы на испытания. Благодаря более совершенной аэродинамики ИЛ-400 Поликарпова достиг скорости 274 км/ч против 230 км/ч у И-1 Григоровича. Однако полеты самолета Поликарпова сопровождались рядом аварий из-за ошибок в расчетах центровки самой конструкции. Поэтому в серию был запущен И-1.

Одна из причин отставания России от мирового уровня в создании истребителя состояла в том, что в стране не было собственной школы и заводов по производству авиационных моторов. Стоит напомнить, что паровой двигатель изобрели и первыми освоили англичане, бензиновый двигатель внутреннего сгорания и дизель – немцы. В России вскоре после окончания Гражданской войны увлечение авиамоделями и настоящими планерами приобрело массовый характер. Общество друзей воздушного флота поддерживало такое увлечение и нередко финансировало инициативные начинания. Почти все известные конструкторы самолетов в юности занимались планерным спортом. Отсюда высокие характеристики планера самолета. Но, для того, чтобы он летал, – нужен еще хороший мотор. Таких моторов явно не хватало. Вначале практически все установленные на самолетах двигатели были импортными. Так, в 1920 году завод «Гном и Рон» в Москве начал выпускать морально устаревший французский двигатель «Испано-Сюиза» под символом М-4, лицензию на него приобрело царское правительство еще в 1916 году. Еще через четыре года, в Москве и Ленинграде запустили в серию М-5 (копию американского «Либерти», без лицензии).

В эти же годы фактически на пустом месте интенсивно формировалась научная и конструкторская база российского авиамоторостроения. В 1925 году с немалыми муками родился М-8, первый советский авиационный двигатель, созданный под руководством А. Швецова. Но «на ноги» он так и не встал из-за низкого технологического уровня заводского производства, отсутствия специального качественного металла и оборудования. Другая, долгая и по-своему счастливая судьба ждала его брата – М-11, родившегося в том же 1925 году от того же «отца» – А. Швецова. Разные судьбы

ожидают не только людей, но и моторы. М-11, усовершенствованный и набравший дополнительную мощность, не только прожил, но и напряженно работал в авиации более 25 лет, поднимая в воздух различные типы легких самолетов и летчиков, независимо от их веса. В то же время большое количество более мощных моторов закупалось за рубежом.

В начале тридцатых годов авиамоторный комплекс России начинает быстро расти количественно и качественно. Так как творческий потенциал конструкторов в этой области по сравнению с самолетостроением был значительно меньше, его динамичное расширение пошло по двум направлением: первое – создание специализированного научно-исследовательского центра (ЦИАМ) и ряда новых КБ. Подготовка молодых квалифицированных специалистов для них осуществлялась через МАИ. Второе – закупка лицензий на современные иностранные двигатели. При этом их не просто копировали, а дорабатывали и совершенствовали наши конструкторы. Так, КБ А. Микулина создало М-17 и М-34. Конструкторское бюро Черемского выпустило дизельные двигатели М-30 и М-40. Бессонов создал М-15 и М-26, который был установлен на АНТ-9. КБ В. Климова использовало французскую лицензию новой «Испано-Сюизы» для создания целого семейства мощных авиадвигателей с водным охлаждением: М-105, 106 и 107. Из двойной звезды двигателя «Гном и Рон» талантливый А. Швецов сотворил семью мощных моторов для бомбардировщиков М-85, 86, 87, 88, 89 и М-90.

Неустойчивое равновесие в создании новых типов самолетов и моторов позволило уже в середине тридцатых годов совершить мощный рывок в качественном развитии как истребительной, так и бомбардировочной авиации.

Начало было весьма оригинальным. Как известно, в 1929 году большая группа технической интеллигенции была репрессирована в связи с делом Промпартии. НКВД «окрестило» их «агентами иностранных разведок». В число таких «агентов» попали авиаконструкторы Н. Поликарпов и А. Григорович. Вскоре они оказались в печально знаменитой Бутырке. Из заключенных было организовано закрытое конструкторское бюро, известное позднее как Внутренняя тюрьма 11 (ВТ-11). Им было поручено разработать новый маневренный истребитель. Поскольку у многих из них был накоплен большой опыт, а в голове – много новых идей, через три–четыре месяца макет истребителя-биплана с двигателем воздушного

охлаждения передали на рассмотрение специальной комиссии. Проект понравился. Его быстро утвердили и дали месяц на постройку опытного образца. Все это похоже на невыдуманную сказку. С помощью волшебных сил (НКВД ?) герои совершают подвиги, невозможные в нормальной обстановке... Прошел всего месяц, и новый истребитель успешно совершил свой первый полет над Центральным аэродромом столицы. На хвосте машины кто-то поставил фирменный знак: «ВТ-11». Второй экземпляр, в связи с предстоящим показом самолета самому наркому обороны, был скромно назван «Клим Ворошилов». Посмотрев истребитель на земле и в воздухе, высокий гость остался довольным. Третий экземпляр, поднявшийся в воздух в июле 1930 года, в дни работы очередного съезда, был назван «Подарок XVI партсъезду». Авторы опять проявили скромность и не добавили: «от заключенных ВТ-11». Но поскольку все прошло хорошо, конструкторский коллектив, создавший И-5, вскоре получил свободу – самую высокую награду.[2.78.]

Стоит напомнить, что в первое десятилетие XX века максимальная скорость самолетов не превышала 100 км/ч. В следующее десять лет этот важный параметр развития авиации утроился, то есть возрос еще на двести километров. И-5, поднявшийся в воздух в конце апреля 1930 года, достиг скорости 286 км/ч. Это достижение перевернуло последнюю страничку истории развития истребителей в уходящем десятилетии. В тридцатые годы конструкторам предстояло создать машины, которые летали бы еще в два раза быстрее.

В 1933 году КБ Поликарпова сконструировало истребитель, известный под маркой И-15, на котором летчик-испытатель Валерий Чкалов развил скорость до 360 км/ч и показал самое малое время выполнения виража, то есть высокую степень маневренности. В 1935 году другой известный летчик Владимир Коккинаки на таком самолете установил мировой рекорд высоты – 14 575 м.

В том же 1933 году в конструкторском отделе опытного самолетостроения ЦАГИ бригада П. Сухого выпустила истребитель-моноплан И-14, который после долгой доводки и установки мощного двигателя М-25 достиг скорости 444 км/ч. Прирост скорости был бы еще большим, если бы конструкторы не пошли навстречу просьбам летчиков убрать закрытый фонарь кабины. Сидеть «взаперти» в самолете при такой скорости поначалу было страшновато. Дело в том, что из открытой кабины в случае аварии в воздухе или на земле летчик мог легко выбраться сам. Закрытую кабину по разным причинам могло заклинить, и пилот в острой ситуации

оказался бы беспомощным. Поскольку почти каждый летчик со стажем 7–10 лет не менее одного раза побывал в аварии, легко было понять, почему конструкторы пошли на уступку.

В это же время в КБ Поликарпова родился еще один истребитель – моноплан И-16, который с двигателем М-25 показал скорость 454 км/ч. На несколько лет И-16, конструкцию которого постоянно совершенствовали, а вооружение увеличивали, – стал лучшим истребителем ВВС.

Интенсивная работа продолжалась и над созданием новых моделей бомбардировщиков. Так, в 1935 году бригада П. Сухого завершила разработку двух моторного дальнего бомбардировщика ДБ-2, на котором женский экипаж во главе с В. Гризодубовой установил рекорд дальности полета. В том же году был испытан скоростной ДБ-3 конструкции С. Ильюшина. Этот самолет стал основным для дальней авиации в период Отечественной войны.

Нельзя не отметить также, что в 1936 году в воздух поднялась советская «летающая крепость» – самолет ТБ-7. Это был высотный скоростной бомбардировщик, способный поражать цели, удаленные на тысячи километров за линией фронта. «Впервые в истории самолетостроения тяжелый самолет дальнего действия превосходил по скорости не только однотипные машины, но и лучшие по тому времени одноместные иностранные истребители». К тому же он имел мощное стрелково-пушечное вооружение. Высота полета – более 10 км – выводила его из зоны зенитного огня.[2.79.] Такой самолет могло создать только КБ Туполева.

Можно утверждать, что именно во второй половине тридцатых годов советская конструкторская мысль и авиационная промышленность достигли уровня, который в конечном итоге обеспечил трудную победу за господство в воздухе уже к середине Отечественной войны. Этот вывод подтвердил и опыт гражданской войны в Испании, начавшейся летом 1936 года. Советское руководство приняло решение оказать помощь республиканцам боевой техникой и добровольцами. Так, в небе Испании появились маневренные И-15 («курносые»), скоростные И-16 («мушки») и бомбардировщики СБ («Катюши»). Там они встретились с новыми немецкими истребителями Мессершмитт 109 и бомбардировщиками Юнкерс 88. На первом этапе в боевой обстановке советская техника не только не уступала, но, чаще, превосходила немецкую. Но такой неустойчивый баланс сохранялся недолго. Немецкие конструкторы и авиапромышленность в оперативном порядке модернизировали свои

самолеты, увеличили мощность моторов и калибр стрелкового вооружения. В результате обновленный «Мессершмитт» легко догонял И-16 и открывал огонь на поражение из пушки с дальнего расстояния. Его превосходство над устаревшей «мушкой» было явным...

Победа немецкой военной техники в небе Испании для Сталина, быстро привыкшего к рапортам о нескончаемых рекордах, была полной неожиданностью. Но к чести высокого руководителя надо сказать, что он не растерялся и, критически проанализировав обстановку, вскрыл причины неудач, в том числе собственные ошибки, прежде всего в расстановке кадров. Немедленно последовали быстрые и решительные действия. Как обычно бывает, в спешке рождаются новые ошибки, но главное было сделано. В кадровой политике четко проявились два новых направления: первое – на ключевых постах управления экономикой началась массовая замена старых заслуженных работников, прошедших в свое время через тюрьмы и ссылки, но по понятным причинам не имевших ни специального, ни высшего образования. Прошлый богатый жизненный опыт в изменившейся технологической и организационной обстановке далеко не всегда мог служить надежной опорой. Поэтому был взят курс: выдвигать на руководящие должности в промышленности профессионалов, чаще всего, инженеров. Преимущества имели специалисты, окончившие соответствующие вузы и имевшие опыт работы по специальности. Второе направление – опора на молодые кадры, которые более склонны к инновациям и не так уж крепко держались за сложившиеся порядки, которые еще недавно давили хорошие результаты, однако в изменившихся условиях пробуксовывали или даже тормозили дело.

Таким образом, на руководящих постах в промышленности появились новые люди – новаторы по характеру, знающие дело, волевые руководители и умелые организаторы. Сред них можно назвать Н. Вознесенского, Н. Байбакова, Б. Ванникова, А. Горегляда, В. Емельянова, А. Завенягина, А. Косыгина, А. Малышева, Д. Устинова, М. Хруничева, А. Шахурина и многих других.

Авиационная промышленность одной из первых стала объектом новой кадровой политики. Примерно пять лет этой сложной отраслью руководил М.М. Каганович, партийный работник с дореволюционным стажем, к тому же – старший брат Лазаря Моисеевича. Он когда-то давно, окончил начальную школу. А руководить приходилось не только производством, но и научными исследованиями, Учеными с большой буквы. В январе 1940 года

его освободили от должности наркома, как не справившегося со своими обязанностями, этот акт прокомментировал Сталин: «Какой он нарком? Что он понимает в авиации?».[2.80] Тем не менее, М.М. Кагановича направили директором авиационного завода. Менее чем через год он застрелился...

Новым наркомом стал Алексей Шахурин, инженер-экономист, хорошо знакомый с военной авиацией. Последняя должность – секретарь Горьковского обкома партии. Новое назначение было для него полной неожиданностью. «В первых числах января 1940 года, – вспоминает он, – позвонили из ЦК. Мне был задан один вопрос: Товарищ Шахурин, можете ли вы сегодня выехать в Москву? Ответил, что сейчас идет сессия областного совета, я председательствую на ней, продлится она весь сегодняшний, а возможно, и завтрашний день.

– Тогда объясните товарищам, что вас срочно вызывают в ЦК.

– Хорошо.

– А возможность выехать немедленно есть?

– Через два часа отходит поезд.

– Тогда выезжайте.

Утром 10 января, к началу рабочего дня, был в ЦК. Очень хорошо, – сказали мне, – побудьте здесь... Так прошел весь день... Наконец, около пяти часов мне сообщили, что нужно ехать в Кремль, к товарищу Сталину... Сталин предложил нам сесть, и некоторое время молча продолжал ходить. Потом остановился около меня и сказал:

– Мы хотим назначить вас наркомом авиапромышленности. Нужны свежие люди, хорошие организаторы и знающие к тому же авиационное дело.

В это время к Сталину подошел его секретарь Поскребышев и что-то доложил. Сталин сказал:

– Пусть заходит!

Поскребышев вышел и вернулся с молодым человеком в военной форме. Обращаясь ко мне, Сталин спросил:

– Вы знакомы?

– Нет, – ответил я.

– Тогда познакомьтесь. Это конструктор Яковлев. И показав на меня, а это новый нарком авиационной промышленности товарищ Шахурин.

Я понял, что вопрос о моем назначении решен. Сталин спросил меня:

– Сколько вам лет?

– Тридцать пять, – отозвался я.

– Ну, вот видите, – бросил он Яковлеву, – какой молодой у нас нарком. Это хорошо.

Подойдя снова ко мне, Сталин сказал: Товарищ Яковлев будет вашим заместителем по опытному самолетостроению. О других заместителях поговорим потом...

Разговор подошел к концу. Я попросил разрешения съездить в Горький, чтобы сдать дела. Сталин немного помедлил, а затем сказал, что сделать это вряд ли удастся:

– Дела передать нужно в Москве. Работа, которая вас ждет, не терпит отлагательства. Всех, кого нужно, пригласим сюда. А в Горький мы пошлем представителя ЦК, который доложит обкому о принятом решении. Вам же нельзя терять ни одного дня, ни одного часа».[2.81]

Вот так вершились судьбы наркомов...

Конструктор С. Ильюшин еще раньше был назначен начальником главка наркомата авиационной промышленности, но его тянуло назад, на конструкторскую работу. Он решился написать Сталину заявление с просьбой освободить его от административной должности.

« Раз назначили, надо работать, – ответил он при встрече с Сергеем Владимировичем. Вы человек не случайный, а очень подготовленный. Если уйдете вы, уйдут другие, кто же будет на этих постах?». На глазах Ильюшина Сталин бросил его заявление в корзину.

Спустя некоторое время конструктор вновь обратился с той же просьбой, но лучше ее аргументировал: «При современной глубине обороны и организованности войск, огромной мощности их огня, штурмовая авиация будет нести очень крупные потери, – писал Ильюшин. Поэтому назрела необходимость создание бронированного штурмовика, или, иначе говоря, летающего танка, у которого все жизненные части забронированы... Задача создания такого самолета исключительно трудна и сопряжена с большим техническим риском, но я с энтузиазмом и полной уверенностью за успех берусь за это дело».[2.82] На этот раз просьба Ильюшина была удовлетворена.

Если вспомнить, что в это же время большая группа выдающихся конструкторов, среди которых были А. Туполев, В, Петляков и В. Мясищев, находились в тюрьме, и в таких «тепличных» условиях они создали лучшие фронтовые бомбардировщики Пе-2 и Ту-2

(подробнее см. гл. 5), то надо еще и еще раз низко поклониться этим людям, которые, несмотря ни на что, на своем месте упрямо боролись за будущую Победу.

Особый российский сплав творческой конструкторской мысли и трудового напряжения всех работников авиационной промышленности, позволил в течение 2—3 лет создать и поднять в воздух новое поколение боевых самолетов, основные параметры которых превосходили показатели немецкой авиации, в том числе по скорости, маневренности и вооружению. К сожалению таких самолетов не доставало. Так, в первой половине 1941 года было выпущено всего две тысячи истребителей МиГ-3, ЛАГГ-3, ЯК-1, пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2 соответственно лишь 458, штурмовиков ИЛ-2 – 249 экземпляров. Требовалось время, чтобы летный состав освоил новую технику. Однако его не хватило. И советским летчикам почти в течение года после начала войны пришлось сражаться с немецкими «мессерами» преимущественно на устаревших «ишаках» и «чайках».

Танковая промышленность оказалась в более трудном положении, чем авиационная. В первом десятилетии после окончания Гражданской войны в ее распоряжении не было ни зрелой научно-конструкторской, ни достаточно крупной производственной базы. Используя в качестве образцов трофейные французские танки, в 1920 году на заводе «Красное Сормово» было изготовлено, с большими издержками, несколько бронированных машин («Русское Рено»). Эти танки имели впереди броню 16 мм, по бокам – 8 мм. Скорость по шоссе – 8,5 км/ч. Запас бензина – на 60 км хода. Таким было начало, которое никогда не бывает легким.

В 1927 году на вооружение Красной армии был принят отечественный легкий танк МС-1, схема которого и вооружение напоминали «Русское Рено». Но, он имел более мощный мотор, по шоссе танк мог передвигаться со скоростью до 16,5 км/ч; до конца первой пятилетки было выпущено около тысячи таких машин.

На протяжении первой и второй пятилеток производство легких и средних танков быстро росло: к концу 1938 года их количество в частях достигло 15 тысяч боевых единиц. Успех был впечатляющий. Но в середине тридцатых годов на вооружение зарубежных армий были приняты противотанковые пушки 37 и 45 мм. У наших легких танков даже лобовая броня защищала только от пуль и осколков снарядов. Так, у модернизированного легкого танка БТ- 7М образца 1939 г. лоб корпуса имел броню 20 мм, борт и корма – 13 мм.

Противотанковые пушки пробивали их броню почти как фанеру. При этом стоит напомнить, что на 1 января 1941 года на вооружении армии находилось 7463 легких колесно-гусеничных танка БТ различной модификации. На их долю приходилась треть всего танкового парка.[2.83] Отсюда следовал вывод: нужно срочно менять материальную часть танковых соединений, чтобы защитить экипаж противоснарядной броней. Однако это связано с увеличением веса танка. Поэтому потребуется новый, более мощный мотор, желательно дизельный, поскольку бензиновый был слишком пожароопасным.

Ряд танкистов, участвовавших в военных действиях в Испании, подтвердили целесообразность таких перемен, как необходимого условия укрепления живучести наших танков в условиях современного боя. Многие понимали, что при этом потребуются серьезные изменения всей системы танкового движителя. Но большинство военных считало, что главное для танка – высокая скорость. При этом противники нововведений приводили два основных аргумента: во-первых, тяжелые танки менее маневренны, их невозможно за одну ночь перебросить на сотни километров своим ходом. У легких колесно-гусеничных машин в этом отношении большое преимущество: быстро сняв гусеницы, танковые части могут по шоссе передвигаться на колесах со скоростью свыше 70 км/ч. Такая высокая маневренность должна позволить в сжатые сроки сконцентрировать на узких участках фронта большую ударную силу.

Другой контраргумент казался еще более убедительным: в конце тридцатых годов в России была принята программа наращивания военно-морского флота – только в 1938–1940 гг. начали строительство пяти новых линкоров и тяжелых крейсеров, восьми легких крейсеров, 20 лидеров и эсминцев, 83 подводных лодок, других кораблей.[2..84] Такой размах расширения ВМС потребовал огромного количества броневой стали. Логично, что ее не оставалось для развертывания серийного производства средних и тяжелых танков. Показательно также, что в начале 1939 года при разукрупнении наркомата машиностроения на три самостоятельных ведомства: среднего, общего и тяжелого машиностроения производство танков не получило статуса самостоятельного комиссариата. Это будет сделано уже после начала войны – в сентябре 1941 года, то есть с опозданием на два года...

Конструкторы продолжали разработку, опытное строительство и выпуск небольшими сериями новых средних и тяжелых танков. Так, еще в 1930 году был принят на вооружение танк Т-24 весом

18 тонн. Через три года появился Т-28 весом 25 тонн. Еще через три года был создан Т-29 весом 29 тонн. Все они были вооружены пушками, защищены лобовой броней 30 мм (кроме Т-24), оснащены более мощными моторами и гусеничным движителем.

Параллельно велись разработки и строительство сверхтяжелых машин. Так, в 1932 году был принят на вооружение Т-35. Его иногда называли сухопутным крейсером: он имел пять башен, в трех из них – по пушке, а также шесть пулеметов. Лобовая броня – 50 мм, экипаж – 11 человек, вес – 50 тонн. На парадах такой танк производил особо сильное впечатление, а испытания в Финляндии не выдержал, хотя его срочно нарядили в более толстую броню. Ему на смену на Кировском заводе в Ленинграде под руководством ведущего конструктора А. Ермолаева был создан тяжелый танк СМК (Сергей Миронович Киров), опытный образец которого принимал участие в боевых действиях на Карельском перешейке в 1939 году. Хотя он и подорвался на фугасе, его рекомендовали принять на вооружение. Однако, эта рекомендация не была реализована, поскольку вскоре подоспел КВ – тяжелый танк с лучшими тактико-техническими характеристикам. Интересно, что его проект разработала группа дипломников Военной академии механизации и модернизации, проходившая практику на том же Кировском заводе в период интенсивной работы конструкторов над созданием танка СМК. Они имели возможность использовать наработки профессиональных конструкторов, и кое-что добавили от себя. В результате их «копия» получилась лучше оригинала, что подтвердили испытания боем на том же Карельском перешейке. После доработки и некоторых усовершенствований КВ запустили в серийное производство. Такой танк образца 1941 г. весил 47,5 тонны, экипаж – 5 человек. Лобовая и боковая броня – 75 мм, корма – 65 и 75 мм. Вооружение: 76 мм пушка и четыре пулемета. Дизель мощностью 500 л. с. По плану в 1941 году предусматривалось выпустить 1200 таких машин, в том числе одну тысячу в Ленинграде и 200 – в Челябинске. Это задание выполнить не удалось. Серьезный боевой экзамен КВ пришлось держать уже в годы Отечественной войны. К сожалению, он уступал немецкому «Тигру».[2.85.]

Более счастливая судьба ждала Т-34, который признан лучшим средним танком Второй мировой войны. Рождался он в муках на Харьковском паровозостроительном заводе. Иногда его не без оснований называют «подкидышем». Дело в том, что группа конструкторов ХПЗ под руководством А. Фирсова давно уже

специализировалась на совершенствовании легких колесно-гусеничных танков типа БТ. В конце 1936 года этот конструктор был арестован. На его место пришел Михаил Кошкин, которому не исполнилось еще 40 лет. Он к этому времени успел закончить Ленинградский политехнический институт и поработать в танковом конструкторском бюро при разработке Т-29 и Т-46. В октябре 1937 года коллектив, который уже чуть больше полгода возглавлял Кошкин, получили от Наркомата обороны заказ – разработать усовершенствованный колесно-гусеничный средний танк, вес которого не должен превышать 18 тонн. Предусматривалось поставить на него дизельный мотор и хорошо освоенную 45-мм пушку. Такое задание не позволяло существенно увеличить толщину броневой защиты танка, что противоречило замыслам заводских конструкторов. Спорить с НКО было бесполезно. Поэтому пошли на компромисс – решили параллельно проектировать два танка: один, строго придерживаясь задания «сверху» (он получил заводское обозначение А-20). Другой – инициативный (отсюда кличка «подкидыш») – гусеничный средний танк с усиленной броней. Официально он значился как А-32. Через три месяца оба проекта были представлены на рассмотрение Главного военного совета при НКО. Большинство высказалось за привычный колесно-гусеничный вариант. Но присутствовавший на заседании Сталин предложил построить и испытать оба танка.

В мае 1939 года опытные образцы были построены и к августу прошли испытания. Однако государственная комиссия не решалась отдать предпочтение ни одной из двух новых машин. Руководство КБ обратилось в Главное автобронетанковое управление. Многозначительное молчание... Пришлось обращаться в правительство. Была создана еще одна комиссия во главе с К. Ворошиловым, которая, наконец-то, дала добро новому Т-34. Вскоре было принято решение СНК выпустить до конца 1940 года 600 таких танков. По своим боевым и маневренным качествам эта модель превосходила все известные в то время средние танки. Тридцать четвертка была менее уязвима благодаря особой форме сварного корпуса – оптимального наклона лобовой и бортовой брони, толщина которой составляла 45 мм (в 1943 г. она была увеличена до 70 мм). Имела мощное вооружение – длинноствольную пушку 76,2 мм и дизельный мотор 500 лошадиных сил.[2.85.]

Осенью 1940 г. М. Кошкин во время испытаний танка простудился, серьезно заболел и вскоре умер. Его заменил Александр Морозов, которому пришлось также преодолеть немало препятствий

для того, чтобы накануне войны завершить все работы по созданию среднего танка нового поколения. Т-34 успешно сыграл свою важную роль для достижения будущей Победы.

«К маю 1940 года, – считает один из специалистов военной истории Н. Попель, – реорганизация советских танковых войск была в основном завершена. Однако в этом же месяце грянул немецкий «блицкриг» во Франции. Весь мир был в шоке – танковые клинья наглядно продемонстрировали свою мощь и способность решать исход войны. Под влиянием опыта применения немецких танковых войск НКО в июне 1940 года принял решение о восстановлении в Красной Армии механизированных корпусов.

До конца года было создано 9 таких соединений. Полный штат каждого из них должен был насчитывать 36 080 человек, 1031 танк, 484 бронеавтомобиля, 100 полевых орудий и гаубиц, 36 противотанковых пушек и столько же зенитных орудий, а также 186 минометов калибра 50 и 82 мм.

В феврале-марте 1941 года началось формирование еще 20 механизированных корпусов, но укомплектовать их не успели. Главной бедой оказалась острая нехватка даже не танков, а вспомогательных средств – маневренной артиллерии на автотяге и колесного транспорта. Крайне не хватало бензозаправщиков, а имеющаяся артиллерия на тракторной тяге, как выяснилось уже во время боев, передвигалась со скоростью не выше 6 км/ч...»[2.86].

Несколько лучше обстояло дело с производством *артиллерийских орудий*. Его корни в России уходят в глубину веков, во времена Дмитрия Донского. Начав с изготовления примитивных железных труб, которые стреляли камнями и кусками железа, в XV веке русские мастера освоили производство медных и бронзовых пушек методом литья. Следующий шаг – изготовление чугунных орудий. Петр I сократил число образцов орудий, упорядочил их калибры, что, в свою очередь, позволило упростить отливку ядер и снарядов. Впервые были введены конные упряжки, что позволило быстро менять позиции батарей на поле боя. Именно при Петре артиллерия стала «богом войны».

В Бородинском сражении русские артиллеристы не уступали французским.

Очередной качественный скачек в артиллерии был связан с внедрением нарезных стволов. В результате дальность стрельбы возросла до 3,5–4 километров, повысилась кучность попаданий. Важное значение имел также переход к производству пушек из стали.

Орудия получились легче, надежнее и мощнее. В период Первой мировой войны русская артиллерия в качественном отношении в основном соответствовала уровню пушек других участников военных действий. Показательно, что знаменитая трехдюймовка образца 1902 года была на вооружении армии почти 30 лет. После Гражданской войны создание новых артиллеристских систем из-за ограниченности финансовых средств остановилось почти полностью. Несколько небольших артиллеристских КБ занимались в основном модернизацией находящихся на вооружении пушек: удлиняли стволы, увеличивали заряды, совершенствовали прицелы и другие детали. За счет этого, например, дальность стрельбы у пушки образца 1902 года увеличилась с 8,5 до 13,3 км. Модернизация 107-мм пушки образца 1910 года позволила улучшить этот же показатель с 11,7 до 16,3 км.[2.87]

В третьей пятилетке в развитии производства артиллеристских систем отмечен количественный и качественный рывок. Опираясь на успехи индустриализации, прежде всего, на производство качественных сталей, современного технологического оборудования и новых боеприпасов, а также на возросшее мастерство специалистов и рабочих массовых профессий, созданные на нескольких заводах конструкторские бюро «завалили» заказчика – Главное артиллеристское управление (ГАУ) многочисленными разработками новых полевых, корабельных, танковых, авиационных, зенитных и других специальных пушек. Так, в 1938 году появились новые 122- и 152-мм гаубицы. В 1939 г. – 210-мм пушка и 280-мм мортира, 305-мм гаубица, 37-мм зенитная автоматическая пушка. В 1940 г. – зенитная 25-мм пушка. В этот же период конструкторское бюро В. Грабина интенсивно работало над новой 76-мм дивизионной пушкой. Соответственно расширилось изготовление таких орудий для армии.

Производство артиллеристских орудий перед войной [2.88]

тыс. ед.

1938	1939	1940
12,3	17,3	15,0

Очевидна нелогичность снижения выпуска орудий в канун Отечественной войны. Однако виноваты в этом не производственники и конструкторы, а руководство армии и, в частности, Главное артиллеристское управление, возглавлял которое маршал Кулик Г. Дело в том, что оборонная промышленность и ее интеллектуальные центры – конструкторские бюро практически начинают борьбу

с вероятным противником на несколько лет раньше, чем начнутся открытые военные действия. Причем непреодолимые барьеры и замаскированные ямы на их пути возникают в самых неожиданных местах. Первый этап такой борьбы КБ – с собственной дирекцией. Руководство завода всегда несет на себе тяжелый груз, и, что вполне логично, предпочитает двигаться по наезженной колее, то есть четко выполнять заказы военного ведомства, а не выдумывать самой что-то новое. А конструктор должен прогнозировать характер и особенности будущих военных действий и развитие боевой техники на пять–десять лет вперед. Конечно, все конкретно предвидеть невозможно, но главные направления предстоящего обновления боевой техники, а также ее основные изменения обосновать нужно и можно.

Особенность тридцатых годов заключалась в том, что заводские конструкторы видели перспективу лучше и дальше, чем военный заказчик, в роли которого в данном случае выступало Главное артиллеристское управление (ГАУ).

И здесь начинался второй этап трудной борьбы, который далеко не всегда заканчивался победой творческого интеллекта. Некоторые конкретные формы такой борьбы можно и целесообразно показать на примере конструкторского бюро, сформированного в середине тридцатых годов на недавно созданном артиллеристском заводе в Сормово. Возглавлял бюро, тогда еще, молодой Василий Гаврилович Грабин. Следует отметить, что из 140 тысяч полевых орудий, с помощью которых оборонялись и наступали наши солдаты в годы Отечественной войны, более 90 тысяч были сделаны на заводе, где главным конструктором был В. Грабин, и еще 30 тысяч изготовлены по проектам его КБ на других предприятиях.[2.89] Без преувеличения можно сказать, что пушки Грабина остановили танки Гудериана под Москвой и помогли усмирить немецкий звериный из «тигров» и «пантер» на Курской дуге.

Итоги работы КБ Грабина впечатляют. Но весь пройденный путь талантливого конструктора был усыпан шипами и минами, разбросанными теми, кто по долгу службы призван был ему помогать.

В 1933 году Грабин, недавно закончивший ВУЗ, попал в одно из самых крупных артиллерийских конструкторских бюро – ГКБ-38. Здесь хорошо понимали, что армии нужна новая, мощная, легкая и недорогая полевая 76-мм дивизионная пушка. Но практически выполняя заказы ГАУ, пришлось разрабатывать проект универсальной пушки, которая по замыслу военных могла бы одновременно сопровождать огнем пехоту и выполнять задачи зенитной

и противотанковой пушек. Теоретически такой вариант был возможен, но пушка получалась сложной, тяжелой и дорогой.

Другим камнем преткновения служила безоткатная пушка, действовавшая на динамореактивном принципе. Ее непреклонным сторонником выступал начальник вооружений РККА М. Тухачевский. Конструкторы соглашались с тем, что такая пушка имеет ряд преимуществ и ее целесообразно использовать в конкретных системах. Однако в большинстве случаев, пока более эффективно выступает классическая пушка типа русской трехдюймовки образца 1902 года. Классический принцип был положен в основу разработок универсальной и полу универсальной пушек. В конце 1933 года, когда работа по их проектированию подошла к завершению, «сверху» пришел приказ: ГКБ-38 ликвидировать, а его здания и оборудование передать конструкторскому бюро, которое будет выполнять задание М. Тухачевского.

Так, в поисках творческой работы тринадцать упрямых специалистов оказались в начале 1934 в Сормово, на новом заводе, где с большими трудностями осваивали валовое производство полу универсальной пушки. Помощь пришла вовремя. Но, конструкторы стремились продолжить разработку новой дивизионной пушки, что не устраивало директора, который совсем не стремился взвалить на завод дополнительные нагрузки. Руководствуясь пословицей «Лучше воробей в руке, чем синица в небе», он предложил Грабину отобрать несколько наиболее способных специалистов для конструкторского обслуживания текущего производства, а оставшихся отправить в Москву, где им найдется интересная работа.

Только с помощью наркома тяжелой промышленности С. Орджоникидзе удалось сохранить творческий коллектив и получить внутренний заказ на разработку и создание опытного образца дивизионной пушки. В таких условиях появилась *инициативная* «незаконнорожденная» Ф-22. Среди своих ее ласково называли «желтенькая». Она была на 350 кг легче полууниверсальной, проще в обслуживании и дешевле. Теперь предстояло получить добро от военных на ее валовое производство. Как раз в ближайшее время предстоял показ новой артиллеристской техники руководству страны. Вместе с двумя другими заводскими пушками «желтенькую» повезли на полигон под Москву. Однако военные не разрешили выставлять ее для показа правительству. Когда на полигон приехал Тухачевский, главный конструктор обратился к нему с просьбой дать все же соответствующее разрешение. Получил отказ.

«Почувствовав всю безвыходность положения, – вспоминает Грабин, – я осмелился заявить Тухачевскому, что вынужден буду сказать об этом факте руководителям партии и правительства. И еще о том, что обращение лично к начальнику вооружения не возымело действия.

– Так и скажете? – спросил Тухачевский.

– Так и скажу.

– Хорошо, мы поставим вашу третью пушку, но стрелять из нее не будем.

– Согласен.

Не мог я настаивать на стрельбе, потому что прочность ствола мы не успели проверить. Мало ли что может случиться».

Во время осмотра Сталин особо заинтересовался «желтенькой». Его интересовала дальность и кучность стрельбы, бронепробиваемость, вес пушки, численность орудийного расчета и другое. В конце он добавил: «Красивая пушка, ею можно залюбоваться. Но главное, что она и мощная, и легкая».[2.90.]

После дополнительных испытаний, устранения выявленных дефектов и выполнения различных требований ГАУ, Ф-22, как теперь стали называть «желтенькую», приняли на вооружение Красной Армии. Заводу поручили освоить ее валовое производство.

Вернувшись на завод, Грабин, как говорится, зарядил людей, четко распределил их обязанности, запустил все механизмы на полную мощность, оставил вместо себя заместителя, и слег в больницу. Болезнь изматывала его не меньше, чем работа.

Отсутствовал он примерно два месяца. За это время вновь назначенный директор уволил его с завода и назначил главным конструктором заместителя. Грабина об этом никто не известил. Первая встреча с новым начальством запомнилась ему на всю оставшуюся жизнь.

«Я доложил директору, что прибыл из больницы и приступаю к исполнению своих обязанностей.

Молчание.

– А где вы намерены работать?

– Как где? В КБ.

Опять молчание. Директор собирался с мыслями:

– На должность начальника КБ я назначил бывшего вашего заместителя.

– Чем вызвано мое отстранение? – спросил я как можно спокойнее.

– Вы мне не подходите. И вообще завод проживет спокойно без вас.

– Но мы не работали вместе ни одного дня. Как вы определили мою непригодность?

– Это уж позвольте мне, как директору, не разъяснять... Я здесь хозяин, а не вы... Вы мне совершенно не нужны, и нечего допытываться... Можете уходить и оформлять расчет, мое решение твердо, и никто не заставит его изменить».

В Москве Грабина, хотя и не сразу, но поддержали. Из Совнаркома в наркомат поступило распоряжение оставить Грабина на прежнем месте и создать ему необходимые условия для работы.

Естественно его вторая встреча с директором носила совсем иной характер:

– Так что же, Грабин, будем работать вместе? – сказал примирительно Дунаев.

– Придется, хотя в этом приятного мало и для вас, и для меня.

– Приступайте к своим обязанностям. Я уже подписал приказ о вашем возвращении после болезни.

– Вернее после болезни и изгнания, – съязвил я.

Он вынужден был промолчать».[2.91.]

Это пример того, что дорога конструктора усыпана совсем не цветами, но впереди его ждали еще ягодки, и это повторялось ни один раз.

Военные не забыли дерзость Грабина. Спустя короткое время, они выдали задание Кировскому заводу создать новую дивизионную 75-мм пушку для замены Ф-22. Об этом горьковчанин узнал на совещании в Кремле, где обсуждались результаты испытаний новой пушки Кировского завода. Замечаний было много, в том числе, серьезных. Соперница Ф-22 нуждалась в основательной доработке. Спросили мнение Грабина. Он выступил с конструктивным предложением: попросил разрешения принять участие в состязании на создание новой дивизионной пушки. Ворошилов, который вел обсуждение, проигнорировал предложение конкурента. Когда совещание закончилось, и народ стал уже расходиться, Сталин остановил Грабина: «Вы не уходите, сейчас мы будем решать ваш вопрос».

«Почему Вы не разрешили Грабину заниматься новой пушкой?», – обратился он к Ворошилову.

«Пушка Маханова требует только доработки, а Грабину нужно начинать с проекта, изготовлять опытный образец. Он не успеет и только зря потратит время и силы»

Ответ Ворошилова не удовлетворил Сталина:

«Давайте разрешим. Может, успеет...»

«Ну что ж, не возражаю, – неохотно уступил нарком. Занимайтесь, только поторапливайтесь, Хотя я, признаться – сомневаюсь...».

«А Вы не сомневайтесь, – сказал Сталин. Если бы он не был убежден, не стал бы рисковать, слишком серьезное дело...».[2.92.]

КБ Грабина оказалось на высоте. За десять месяцев была создана по существу новая дивизионная пушка Ф-22 УСВ, которая по своим характеристикам превзошла разработки Кировского завода и после трудных испытаний была принята на вооружение. Но в массовом порядке выпускали ее недолго, только один год. На следующий, 1941 год ГАУ не сделало соответствующего заказа со ссылкой на то, что армия полностью вооружена дивизионными пушками и мобилизационный запас пополнен до нормы. Все производственные мощности предлагалось перепрофилировать на изготовление орудий большого калибра, поскольку по данным разведки Германия готовится к изготовлению тяжелых танков с очень прочной броней. Конструкторы и производственники Сормовского завода не были согласны с таким прогнозом и по своей инициативе, тайно от военных и своего Главка проектируют и изготовляют лучшую дивизионную 76 мм пушку ЗИС-3. Как показала практика первых же месяцев войны, такой поступок был вполне оправдан. Пехота получила в свое распоряжение оружие мощное, скорострельное, надежное и легкое. Умелое его использование создавало превосходство над противником и в обороне, и в наступлении. У немцев такой пушки не было.

Качество боевой техники зависит от трех основных факторов: *а* – новизны и обоснованности конструкции, то есть от уровня коллективного интеллекта, на основе которого проведены соответствующие расчеты и экспериментальные проверки взаимодействия отдельных элементов и определена эффективность всей системы, *б* – качества исходных материалов, *в* – квалификации производственного персонала, изготовляющего готовые изделия. Из недоработанной конструкции даже самые умелые производственники хорошей вещи не сделают, а вот отличную конструкцию загубить могут.

Как и всякий другой товар, любой вид вооружений имеет две стороны: совокупность полезных свойств, разрушительных для противника, и стоимость его изготовления. На их уровень и динамику активно воздействуют конструкторы, технологи и производственники. Но если качество готового изделия, как сложной

системы в наибольшей степени зависит от уровня квалификации коллектива КБ, то уровень издержек во многом предопределяется профессионализмом технологов и организаторов производства.

На ведущих предприятиях оборонной промышленности, как одна из важных особенностей развития их перед войной, сформировалось тесное сотрудничество между конструкторами, технологами и организаторами производства, что позволяло экономить время и ресурсы. При этом главный конструктор в период освоения серийного выпуска новой модели военной техники нередко выполнял и роль главного технолога. В то же время по просьбе-требованию технолога часто менялись форма и размеры конкретных деталей, чтобы сделать их более удобными для производства. Как правило, конструкторы в таких случаях без лишних споров вносили поправки в соответствующие чертежи – люди в своих действиях руководствовались не групповыми, а государственными интересами.

Закономерно, что в таких условиях радикальный качественный сдвиг накануне войны проявился не только не только в создании самолетов, танков и пушек нового поколения, но и в широком внедрении более эффективных технологий и организации поточного производства всех основных видов вооружения. Выступая в феврале 1941 года на последней перед войной партконференции, новый председатель Госплана Н. Вознесенский на конкретных примерах ориентировал партийный и хозяйственный актив на широкое использование целого ряда новаторских достижений. Особого внимания заслуживала:

- автоматизация литейного производства: заливка металла в постоянные металлические формы, установленные на специальной машине роторного типа, состоящей из 12 секций. Непрерывная разливка на такой машине в сочетании с механизацией других операций и применением высокопроизводительных автоматов для обработки полученных заготовок позволяла сократить производственные площади в 6 раз, повысить производительность труда рабочих в 2,5 раза, снизить брак литья вдвое, сократить количество оборудования в четыре раза, вдвое снизить себестоимость изделия;
- широкое распространение штампов при изготовлении различных металлоизделий вместо их ковки. Эффект также рос скачкообразно – в «разы»;
- автоматическая сварка под слоем флюса по методу Института электросварки АН УССР;

– применение станков с приборами автоматического контроля. Такие приборы (прообраз нынешних систем ЧПУ) позволяли независимо от рабочего, без снятия детали и остановки станка автоматически проверять качество и готовность детали, при этом обеспечивалась большая точность обработки, резкое сокращение брака. Уменьшались также простои оборудования, и создавалась возможность обслуживания одним рабочим 3–4 станков вместо одного.[2.93]

К этим примерам следует добавить также широкое использование унифицированных деталей при разработке однотипных видов боевой техники. Например, Грабин «посадил» свою 76 мм пушку на колеса от грузовика ЗИС-5. Все это ускоряло проектирование и производство новых видов вооружения, удешевляло их.

Одно из новшеств в организации оборонной промышленности состояло в том, что каждый специализированный наркомат и даже крупные заводы стремились создать у себя достаточно мощное производство специальных станков, инструмента, крепежа и оснастки. Это смягчало напряжение в сфере материально-технического снабжения, но главное – позволяло сократить сроки развертывания валового производства новых образцов вооружения. С этой же целью некоторые директора заводов начинали подготовку производства к выпуску такой техники (перестановку оборудования, создание запаса дефицитных материалов и комплектующих деталей, оснастки) еще до того, как правительство примет окончательное решение о принятии ее на вооружение армии. Сроки устанавливали всегда крайне сжатые. Конечно, они рисковали. Но дело от этого выигрывало.

Важным результатом развития оборонной промышленности в предвоенные пятилетки явилось создание отечественных минометов. На вооружение армии поступили 50-мм ротные, 82-мм батальонные и 120-мм полковые минометы. Ни в одной другой армии мира не было миномета, подобного российскому полковому.

Накануне войны (также впервые в мире) было создано новое мощное боевое оружие – полевая артиллерия залпового огня, знаменитые «Катюши».[2.94]

К сожалению, не совсем благополучно обстояло дело с боеприпасами. Военные заказчики повторили ошибку их коллег перед Первой мировой войной – производство боеприпасов намного отстало от динамичного развития артиллерии и стрелкового оружия. В первый период войны (до середины 1942 года) Действующая армия нередко испытывала недостаток орудийных снарядов

и патронов к стрелковому оружию. Прежде всего, сказались трудности, возникшие в связи с тем, что около 40 % предприятий Наркомата боеприпасов, в том числе три четверти заводов производящие пороха, из-за угрозы оккупации, пришлось срочно эвакуировать на Восток. Другая причина – неверная оценка масштабов и «прожорливости» новой войны. Так, общий расход боеприпасов в битве за Сталинград (июнь 1942–январь 1943) составил примерно треть таких расходов всей русской армии за четыре года первой мировой войны, а среднесуточный расход боеприпасов в битве под Курском в три раза превышал соответствующий показатель на Волге.[2.95.] Несмотря на объективные трудности и серьезные ошибки разного рода, которые еще более усугубили остроту положения, военная промышленность в целом была подготовлена к тяжелым боям.

Познакомимся с мнением тех специалистов, которые каждый день в те годы непосредственно занимались вопросами вооружений и военной промышленностью:

«...Все-таки, несмотря на трудности и недостатки в деятельности оборонных предприятий и отдельных отраслей военной промышленности, – писал маршал артиллерии Н. Яковлев, занявший в первый день войны должность начальника Главного артиллерийского управления, – 1937–1939 годы стали переломными в деле оснащении нашей армии разнообразным вооружением, полностью отвечающим требованиям времени».[2.96.]

Такой же точки зрения придерживался нарком вооружений Б. Ванников: «Крупная и комплексная промышленность вооружения – детище индустриализации, к началу Великой Отечественной войны имела большую и прочную материально-техническую базу. Несмотря на трудности и множество неполадок, она была хорошо подготовлена к предстоящей войне».[2.97.]

«В целом созданные за две довоенные пятилетки и особенно в три предвоенных года огромные производственные мощности, – отмечал маршал Г. Жуков, – обеспечивали основу обороноспособности страны...Война застигла страну в стадии реорганизации, перевооружения, переподготовки вооруженных сил и создания мобилизационных и государственных резервов».[2.98.]

Таким образом, не случайно вероломно вторгшиеся в Россию немецкие войска очень скоро почувствовали существенную разницу в характере противоборства на Востоке по сравнению с Западом. Но об этом в следующей книге. Отсчет времени до трагедии шел уже по неделям и дням...

Глава 3. Неудачная модель кооперирования крестьянства

В жизни любого общества четыре проблемы особенно тесно переплетаются между собой: продовольственная, крестьянская, земельная и ценовая (рыночная). Человеческий организм – особый, довольно эффективный тип химического реактора и одновременно двигателя. В качестве «топлива» используются разные виды продовольствия. Чтобы работать, двигаться, жить, люди должны питаться каждый день.

Продовольствие крестьяне производят на земле за счет ее плодородия, своего труда и капитальных вложений для повышения производительности и урожайности. Часть урожая они потребляют сами, часть отдают безвозмездно властям в виде налогов или продают заготовителям по твердым или договорным ценам. Остаток реализуют на рынке по свободным ценам, покупая на вырученные деньги, в основном, промышленные товары и услуги.

Уже отмечалось, что история отвела России XIX век для решения продовольственной, а значит и крестьянской проблемы. Царское правительство не сумело этого сделать – в результате две крестьянские революции сначала расшатали, а затем и сломали устаревшую социальную систему. Временное правительство, где ключевые позиции занимали эсеры – крестьянская партия, считало, что победа в войне важнее, чем решение крестьянского вопроса. В результате и оно оказалось в мусорной яме истории. В. Ленин обосновал модель преодоления противоречия между городом и деревней с помощью НЭПа. А. Рыкову – его преемнику на посту председателя Совнаркома, удалось реализовать эту идею на практике. За пять лет была восстановлена производительная сила крестьянских хозяйств, основательно разрушенная в течение семи военных лет. Круто повысилось благосостояние селян. Лучше стали

жить и горожане. Так, потребление хлеба в 1926 году по сравнению с уровнем 1922 года возросло в расчете на одного городского жителя почти на 30 %, мяса, жиров, сахара – в 2,5–3 раза. Однако успех был непрочным и далеко неполным. Нельзя забывать о том, что восстановлению подверглось отсталое земледелие и примитивное животноводство, использовавшие, в основном, ручной труд, устаревший рабочий инвентарь и технологии. Так, в 1927 году 28,3 % крестьянских дворов обходились без своего рабочего скота, 31,6 % – без плугов и другого пахотного инвентаря, 18,2 % не имели возможности держать корову.[3.1.]

Восстановление довоенного уровня сельскохозяйственного производства во второй половине двадцатых годов могло служить только первой ступенькой к выходу из обширного аграрного кризиса в России. Но то, что было сделано, доказывало на деле, что в стране есть реальные возможности для дальнейшей модернизации и обновления всего комплекса сельской жизни. К сожалению, вопреки назревшим потребностям и здравому смыслу, едва вставшие на ноги, ослабленные после затяжной войны крестьянские хозяйства неожиданно для них самих подверглись новой волне насилия и потрясений.

3.1. Локальная война с крестьянством

В такой стране как Россия сельское хозяйство в течение двух столетий служило опорой для развития промышленности. Оно поставляло для нее работников, хлеб, другие продукты питания, а также сырье для производства тканей, одежды и обуви. Аналогичные связи сохранились и в тридцатые годы. Поэтому широкомасштабная реконструкция и модернизация индустрии объективно потребовали соответствующих преобразований, обновления производства и образа жизни в деревне. Прежде всего, речь шла о том, чтобы механизировать такие сложившиеся веками крестьянские технологии как пахота, сев, уборка и обработка урожая. Предстояло электрифицировать быт и трудоемкие процессы в животноводстве. Для повышения эффективности хозяйствования на земле нужно было также расширить использование минеральных удобрений, сортовых семян, племенного скота, других достижений науки и техники. Все это, в свою очередь, предполагало существенный рост благосостояния и культуры сельского населения. Чтобы практически удовлетворить меняющиеся и растущие потребности

села, требовались крупные финансовые ресурсы, квалифицированные кадры и время – как минимум 5, но более вероятно – 10 лет. Ни того, ни другого, ни третьего в распоряжении России в достаточном размере не было. Село в очереди за получением ресурсов, как всегда, оказалось на одном из последних мест. Поэтому из крайне тяжелой ситуации, в которой оказалось сельское хозяйство в период первых пятилеток, удалось вырваться с большими потерями и болезненными осложнениями лишь перед самой войной.

Иногда говорят: история повторяется дважды – первый раз как трагедия, второй – как фарс. Однако еще хуже, когда и вторично она повторяется как трагедия. В предыдущей книге уже отмечалось, что в октябре 1917 года большевики в борьбе за власть столкнулись не только с буржуазией, но и с правыми эсерами, представитель которых – А. Керенский возглавлял Временное правительство. Если смотреть глубже, это было столкновение двух социалистических течений: крестьянского и рабочего, послужившее толчком, исходным моментом большой трагедии России – затяжной Гражданской войны.

Вторая трагедия разразилась на рубеже двадцатых–тридцатых годов. По существу это была новая вспышка конфликта между теми же силами, хотя и в новых формах, но с применением не менее жестоких методов. На этот раз его главная причина находилась в экономике – хлеба на всех не хватало. Власти пришлось делить зерно между городом и деревней с помощью административных рычагов. Иногда «резали по живому».

Что же конкретно произошло в сельском хозяйстве в период первых пятилеток?

Надо отметить, что 1926–1927 годы стали для крестьянства переломными. После относительно устойчивого подъема валового сбора зерна в течение пяти лет, позволившего достигнуть его довоенного уровня (с учетом новых границ), произошел сбой – началось падение (кроме 1930 г.) урожая зерновых, а затем его стагнация. В 1932 году валовой сбор хлеба составил всего 91 % соответствующего уровня 1926 года. За этот же период численность населения в стране увеличилась на 13 %. Таким образом, производство зерна в расчете на душу населения сократилось примерно на 20 %.

За те же шесть лет население городов и поселков городского типа возросло на 40 %. Особенно быстрый рост городского населения – 18,5 % наблюдался в конце первой пятилетки – в 1931 и 1932 годах, когда он составил 6,7 млн человек (главным образом, за счет молодых мужчин, переселившихся из сельской местности).[3.2.]

Новая ситуация означала, что уменьшившееся число крестьян, оставшихся на земле, должно было обеспечить продовольствием города, где в 1932 году проживало на 11 млн человек больше, чем шесть лет назад.[3.3.] Такую сложную задачу можно было решить только путем технологической революции в сельском хозяйстве. Но ее начало откладывалось из-за отставания в создании новой современной производственной базы по выпуску сельскохозяйственных машин и удобрений. Например, Сталинградский тракторный и Россельмаш начали строить еще до принятия первой пятилетки. В 1929 году на еще не освоенной заводской площадке под Ростовом пустили первые цехи. Но потребовалось еще несколько лет, чтобы предприятие достигло проектной мощности. Примерно такая же история повторилась со строительством первого в стране тракторного и некоторых других заводов. Но самим строителям, а их насчитывалось десятки миллионов, потребовался хлеб, много хлеба, задолго до того, как они наладили массовый выпуск своей продукции. В такой ситуации не мог не возникнуть острый дефицит зерна и других видов продовольствия в народнохозяйственном масштабе.

Положение обострялось в связи с двумя обстоятельствами: во-первых, продолжающимся дроблением крупных, наиболее крепких хозяйств, которые давали значительную часть товарного хлеба. Так, в 1912 году в России насчитывалось 15,2 млн самостоятельных крестьянских семей, в 1916 году – 18,1 млн, а в 1926 году – 25 млн.[3.4.] В мелких хозяйствах в большинстве случаев было занято всего 2–3 трудоспособных работника, которые могли вывести на рынок весьма ограниченное количество своей продукции. Во-вторых, в торговле между городом и деревней не хватало промышленных товаров, в которых нуждались крестьяне. Выступая на XV съезде партии (декабрь 1927 г.) А. Рыков раскрыл конкретные причины возникшего дисбаланса между спросом и предложением на рынке товаров для населения и затруднений со снабжением хлебом. Производство промышленных товаров широкого потребления в последнем квартале 1927 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года (с учетом проведенного снижения цен) возросло всего на 0,5 %. При этом «фонд заработной платы рабочих госпромышленности увеличился на 16 %, выручка крестьянства по плановым заготовкам (за вычетом налогов) возросла на 31 %. Весь покупательный фонд города и деревни увеличился более, чем на 20 процентов... При анализе экономических отношений города с деревней обычно оперируют только цифрами хлебных заготовок,

в то время как доходы от последних в общей сумме всех доходов крестьянства едва составляют больше 20 %. Остальные доходы крестьянство получает от реализации продуктов животноводства и технических культур, а также от отхожих промыслов...По линии непосредственных заработков от отхожих промыслов крестьянство в этом году тоже получило больше, чем в прошлом. При рассмотрении планов капитальных работ и расходов на них мы зачастую упускаем из виду, что значительная часть средств, ассигнуемых на постройку железных дорог, фабрик и т. д. переливает – через зарплату сезонным и пришлым рабочим – в деревню».[3.5.]

Примерно в это же время В. Куйбышев серьезно занялся анализом товарообмена с деревней и пришел к таким же неутешительным выводам: уже в 1925/26 г. из-за отставания в производстве сельскохозяйственных машин, металлических орудий труда, кровельного железа, гвоздей, ситца, посуды, обуви, других предметов потребления крестьянских семей, – превышение денежных доходов крестьян над их расходами составляло более 400 млн рублей. [3.6.] То есть, даже имея деньги, крестьянин не всегда мог удовлетворить свои потребности в промышленных товарах.

Размеры товарного покрытия централизованных заготовок продуктов в 1928/29 г. [3.7]

по плану, млн рублей

Продукты	Заготовки, млн рублей	Товарное покрытие	
		млн рублей	%
Хлеб	1 131	659	58,2
Мясо	449	40	8,9
Шерсть	66	24	36,4
Лен-волокно	144	46	32,0
Табак	33	8,4	25,4
Свекла	85	40	47,3
Кожсырье	197	5,0	2,5
Хлопок	57	22	38,8
Каракуль	4,5	1,0	22,0

Несмотря на то, что в 1928/29 году почти все ресурсы промышленных товаров, предназначенные для села, были переданы в распоряжение заготовительных органов, их явно не хватало для полного отоваривания сдатчиков хлеба и других продуктов по контрактным договорам.

В таких условиях установление надбавок к закупочным ценам, снижение налогов на доходы отдельных категорий сельских тружеников не могли оказывать стимулирующего воздействия на расширение производства продовольствия и сырья. На руках у зажиточных крестьян и так накопились большие суммы денег, которые довольно быстро обесценивались. Для расширения рыночного обмена нужны были промышленные товары, пользующиеся спросом в деревне, а их не было. Поэтому часть товарных ресурсов продовольствия пошло на корм для животных и улучшение питания самих крестьян. В 1926 году по сравнению с 1922 годом потребление хлеба в расчете на одного деревенского жителя увеличилось в два раза, животных жиров – в 1,8 раза, растительных жиров – 4 раза, сахара – 18 раз.[3.8.]

У крестьянина пропал интерес везти продукты в город. В начале двадцатых годов суммы государственных заготовок и объем неорганизованной торговли на рынках относились друг к другу примерно, как 1:1. Теперь же (1927/28 г.) соотношение стало 3:1. Дело осложнялось тем, что изменение этого соотношения происходило не только за счет увеличения заготовок, но, в основном, за счет свертывания свободной рыночной торговли хлебом. Поскольку в это же время численность городского населения быстро увеличивалась, спрос на хлеб намного опережал предложение, что, в свою очередь, вело к быстрому росту рыночных цен.

Соотношение заготовительных (*а*) и базарных (*б*) цен [3.9]
март–апрель, в коп. за центнер

Регион	1928			1929		
	а	*б*	*а* : *б*, %	*а*	*б*	*а* : *б*, %
Рожь						
Поволжье	4,69	5,34	113,9	5,42	21,25	329,1
Украина	4,66	5,71	125,2	5,81	21,62	372,1
Сибирь	3,38	3,95	116,9	4,81	7,34	152,6
Пшеница						
Поволжье	7,31	7,12	97,4	8,55	21,71	253,9
Украина	6,72	8,97	133,5	8,11	38,02	468,8
Сибирь	5,28	6,15	116,5	6,54	10,24	153,1
Северный Кавказ	–	–	–	8,19	15,04	183,6

Таблица достаточно четко отражает конъюнктуру рынка зерна в 1928 и 1929 гг. в основных производящих регионах страны. Относительно спокойно цены на зерно вели себя только в Сибири, то есть вдалеке от центров потребления товарного хлеба.

В Европейской части страны обстановка была иной: базарные цены на рожь и пшеницу за один год выросли в несколько раз и намного оторвались от заготовительных цен. Еще совсем недавно контрактационные договора между заготовительными организациями и крестьянскими хозяйствами, как правило, выполнялись. Обычно их заключали накануне сева. Крестьянину выплачивали аванс, иногда выделяли семена, оказывали иную помощь. Весной 1929 года, когда базарная цена в 3–4 раза превысила заготовительную, система контрактации под напором стихии рынка стала разрушаться, в городах и промышленных центрах пришлось ввести карточное снабжение хлебом.

В такой напряженной обстановке руководство страны методом непродуманных проб и грубых ошибок искало пути выхода из продовольственного кризиса. Нужно было найти решение, прежде всего, трех сложных задач: *а* – увеличить объем реализации промышленных товаров в деревне, *б* – уменьшить денежную массу, скопившуюся у зажиточной части крестьянства, и *в* – получить в свое распоряжение дополнительные ресурсы зерна.

Решить первую задачу было трудно, поскольку развитие группы «Б» в промышленности не поспевало за ростом потребностей и платежеспособного спроса не только сельского, но и городского населения.

Прирост валовой продукции промышленности [3.10]
в процентах к предыдущему году

Продукция	1928	1929	1930	1931	1932
Группа «А»	22	29	38	29	19
Группа «Б»	17	14	10	13	10

Производство товаров для населения в первой пятилетке не только более чем в два раза отставало от динамики тяжелой промышленности и номинальных денежных доходов населения, но и постепенно замедляло свою динамику. Ни правительство, ни Госплан не смогли оперативно изменить эту тенденцию.

Чтобы изъять «лишние» деньги у зажиточной части сельского населения, центральные органы власти круто изменили направленность и характер своей аграрной политики, прежде всего, в сфере налогообложения. Формально смена курса по отношению к деревне касалась только кулачества. Но ни в законодательных актах, ни в партийных документах не был четко определен признак, по которому то или иное хозяйство следовало относить к кулацкому.

Этот вопрос перепоручили решать местным органам власти. А. Рыков, выступая в конце 1928 года на пленуме ЦК, считал нужным специально остановиться на этом вопросе: «Мы должны установить и провести в жизнь всей нашей работы, что рост культуры, наличие радиоприемника, хорошая вспашка земли, постройка нового дома, – все это не является признаками кулацкого хозяйства».[3.11.]

В социальной практике двадцатых годов для определения кулацких хозяйств чаще других применяли два признака: размер хозяйства (земли) и использование наемного труда. Но враждебное отношение властей к крупным, как правило, крепким, зажиточным хозяйствам способствовало их дроблению и усреднению размера хозяйств. В своем докладе на XVI партконференции (апрель 1929 года) М. Калинин привел весьма характерные данные: «До революции бедняцкие и середняцкие хозяйства, которых было 80 %, владели 60 % земли. А кулаки, которых было 20 %, владели 40 % земли. После революции бедняки и середняки составляют уже 96 % и пользуются 94,5 % всей земли, а кулаки, которые составляют 4 %, пользуются только 5,5 % земли».

Таким образом, в конце двадцатых годов размер земли, находившейся в распоряжении так называемых кулацких хозяйств, по свидетельству «главного сельского старосты», мало отличался от средней площади земли всех остальных хозяйств. Что касается наемного труда «батраков», то их производительность в условиях крепкого хозяйства, где были свои лошади и конная механизации, была значительно выше, чем на собственном наделе, где приходилось пользоваться, в основном, устаревшими орудиями ручного труда. Поэтому работать на «чужом» поле становилось выгоднее, чем на своем. Не случайно наемный труд в сельском хозяйстве до начала тридцатых годов разрешался законом.

Чтобы более четко обозначить главный признак своего классового врага, Сталин ввел в оборот понятие «кулацко-зажиточные» семьи.[3.12.] Но возник новый вопрос: какой признак служит мерилом «зажиточности»?

Стоит отметить, что колебания, а затем и изменения политического курса по отношению к крестьянству имели свою долгую историю, начало которой было частично освещено уже во второй книге.

Весной 1923 года, вскоре после введения НЭПа XII съезд партии дал четкую установку: «Сила Советской власти – в союзе рабочих и крестьян».[3.13.] Речь шла о союзе, который учитывал бы интересы всех слоев крестьянства и был взаимовыгодным и для города, и для деревни.

После смерти Ленина начался период острых дискуссий и постепенной корректировки принятой политики по отношению к крестьянству, в том числе к так называемому кулаку. Поскольку четкого критерия не было, одни авторы считали «кулацкими» 3–4 % крестьянских хозяйств, другие – 5 %, третьи – значительно больше.

Социальный состав деревни в 1925–1927 годах [3.14]
удельный вес в общем составе, %

Социальный состав	1925	1926	1927
Сельскохозяйственные рабочие	9,7	10,9	11,3
Бедняки	25,9	23,7	22,1
Середняки	61,1	61,7	62,7
Кулаки	3,3	3,7	3,9

Из приведенных данных видно, что в восстановительный период сократилась только доля малоземельных, бедняцких хозяйств – часть из них стала рабочими совхозов. Этот период незначительно сказался на развитии крепких, «кулацких» хозяйств, на долю которых приходилось примерно 15–20 % производства товарного зерна.[3.15]

С этим фактом приходилось считаться. Поэтому многие аграрники призывали не торопиться с мерами, которые подрывали бы экономику зажиточных хозяйств. В этом отношении весьма показательно выступление М. Калинина на мартовском (1924 г.) пленуме ЦК. Подчеркивая особую значимость сбалансированной аграрной политики, он характеризовал отношения между городом и деревней, как «компромисс между двумя классами – крестьянством и рабочими...». «Мне лично кажется, – продолжал он, – что если мы особенно деревню беспокоить не будем, то страшного она нам ничего не несет». И, как будто предвидя события начала 30 годов, он предупреждал: «Но мы не должны делать каких-нибудь ошибок, которые могут навредить делу вообще».

Вот так, еще весной 1924 года М. Калинин призывал быть максимально осторожным в отношении с крестьянством, искать компромисса с ним, ничего не ломать в деревне. Он с тревогой отмечал, что некоторые члены партии боятся растущей социальной активности «крепких» крестьян, так как считают, что такая активность повернется против них. «Думаю, – продолжал председатель ВЦИК, – что бояться этой активности не следует, потому что первый запас активности ... пойдет на увеличение производительности».

Хорошо понимая психологию крестьянина, М. Калинин предложил сформулировать соответствующий пункт в резолюции конференции не «прямо в лоб» о том, что «Советская власть стоит за увеличение производительности». Я бы сказал это не так. Я бы сказал, что Советская власть стоит за увеличение благосостояния крестьянства. Крестьянину это более понятно».[3.16.]

Сталин был не согласен с Михаилом Ивановичем. Но промолчал. Как гибкий тактик, стремящийся не увеличивать число своих противников, он приучил себя по возможности воздерживаться от реплик-возражений по отношению к выступающему. Но, когда Г. Петровский стал жаловаться на то, что государство не выполняет своих обещаний по помощи селу, что крестьян обманывают, и они ругают партию, Сталин не выдержал и с места бросил реплику, которая приоткрыла его позицию по отношению к селу, трагически проявившуюся для крестьянства через 5–6 лет. «Не бывало в мире государства, – говорил он, – где бы господствующий класс содержал себя и государство за свой счет. Тем более не может претендовать на это рабочий класс, который у нас в меньшинстве и который беден. Значит, за счет кого по преимуществу живет наше государство? За счет главным образом крестьянства. Такова неизбежность, от которой не может уйти наше рабочее государство. Это может быть печальный, но это факт». И чтобы не было никаких недопониманий, Сталин повторяет еще раз: «Наше государство может держаться только на предположении, что оно источники существования берет на девять десятых у крестьян». [3.17.]

Напомню, что эта позиция была сформулирована весной 1924 года. Еще не был провозглашен курс на индустриализацию, еще не возникли трудности с заготовками хлеба. Расходы государственного бюджета были сбалансированными с доходами. Но Сталин уже решил для себя: на первом плане стоит не увеличение благосостояния крестьянства, – как это предлагал наивный романтик М. Калинин, а покрытие за счет сельского хозяйства основных финансовых потребностей государства.

В апреле 1924 года мало кто всерьез принял эту реплику, истинное значение которой в полной мере проявилось в начале тридцатых. Пока «романтики» продолжали заниматься своим делом – искать пути и форму улучшения отношений с крестьянством.

Состоявшийся вскоре XIII съезд РКП(б) вновь указал на то, что при решении вопросов дальнейшего развития деревни необходимо «исходить из основной задачи для целого исторического периода – осуществление союза рабочего класса с крестьянством».

Через год, в конце апреля 1925 года в Москве происходило необычное явление: параллельно заседали Пленум ЦК и XIУ конференция ВКП(б). Выступая на конференции, А. Цюрупа говорил: «Мне кажется, что значительная часть спора о кулаке и хозяйственном мужике» может быть устранена, как совершенно беспредметная, если признать неизбежность при современном восстановительном процессе роста в деревне отношений буржуазного типа... Наше отношение к этому строю должно строиться по аналогии с отношениями к частному капиталу в городе, в торгово-промышленной сфере. Административными методами с частным капиталом мы теперь не должны бороться. Взаимоотношения между государством и частным капиталом складываются на основе экономического соревнования, конкуренции... В связи с этим стоит предложение, вносимое мной на конференции о допущении этого крестьянского слоя (то есть кулацких хозяйств – *Р.Б.*) в кооперативное строительство».[3.18.] Таким образом, А. Цюрупа поддержал и конкретизировал положения, высказанные ранее М. Калининым.

Да, и Сталин решил пока не пропагандировать свои взгляды на крестьянство, как на главный источник доходов для пролетарского государства. Выступая с политическим отчетом ЦК на ближайшем съезде партии, он осудил оба уклона, как в сторону преуменьшения кулацкой опасности, так и в сторону ее преувеличения. «Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия, – к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только, – и мигом разденут кулака. А вот, что касается того, чтобы не раскулачивать, а вести более сложную политику изоляции кулака через союз с середняком, то это дело не так ясно переваривается. Вот почему я думаю, что в своей борьбе против обоих уклонов партия все же должна сосредоточить огонь на борьбе со вторым уклоном».

В первоначальной стенограмме его выступления была еще одна фраза, перекликающаяся с идеями М. Калинина и А. Цюрупы: «Наша линия состоит в том, чтобы ... включить крестьянское хозяйство через кооперативы в общую систему социалистического строительства. Чтобы всю массу крестьянских хозяйств (подчеркнуто мною. – *Р.Б.*) взяла на буксир наша государственная социалистическая промышленность ... при помощи кредита, при помощи транспорта, при помощи своей продукции через кооперацию». Однако эти слова, видимо, противоречили его внутреннему убеждению. При правке

стенограммы Сталин вычеркнул всю фразу, и она, естественно, не попала в стенографический отчет съезда. [3.19.]

Между тем снабжение городов и промышленных центров, начиная с 1927/28 года, стало заметно обостряться. Почти повсеместно стали расти затруднения с заготовками зерна и других продуктов. В таких условиях часть руководства видело выход в том, чтобы «нажать» на крестьянство с помощью административных методов.

Вокруг этого принципиального вопроса развернулась настоящая битва между двумя группами в Политбюро, занявшими диаметрально противоположные позиции. С одной стороны, выступали Н. Бухарин и А. Рыков, поддержанные Томским, Сокольниковым. С другой, – И. Сталин, В. Молотов, А. Микоян, Л. Каганович, поддержанные большинством членов ЦК. М. Калинин и ряд других товарищей, разделявших по существу позицию Бухарина–Рыкова, не решились открыто вступить в борьбу со Сталиным. А. Цюрупы не было уже в живых.

Н. Бухарин давно подошел к решению крестьянского вопроса с позиций последовательного проведения в жизни НЭПа. Он с горечью отмечал, что даже в 1925 г. сохранялись остатки «военного коммунизма» – боязнь наемного труда, боязнь накопления. «Мы излишне усердно наступаем на ногу зажиточному крестьянину. Но из-за этого середняки боятся улучшать свое хозяйство, подвергаться сильному административному нажиму; а бедняк ворчит на то, что мы мешаем ему применять рабочую силу у богатого крестьянина».

Из такого анализа логически следовал вывод, о том, что надо снять ряд ограничений для зажиточного крестьянства, с одной стороны, и для батраков, которые продают свою рабочую силу, с другой. И здесь Н. Бухарин выпустил в свет «крамольную» фразу, о чем ни раз пожалел позже: «В общем и целом всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство. Только идиоты могут говорить, что у нас всегда должна быть беднота». [3.20.]

Экономически это положение подтверждается следующими данными:

Эффективность производства зерновых в 1926/27 году [3.21]

Социальная группа	Затраты, руб./га	Урожай, ц/га	Себестоимость, р/ц
Бедняки	42,8	7,5	5,1
Середняки	44,3	8,1	4,7
Кулаки	42,0	8,6	4,1

В крупных, крепких хозяйствах удельные затраты по обработке земли и себестоимость зерна были самыми низкими среди других хозяйств, при наиболее высоком урожае с гектара. У бедняков самая низкая урожайность и высокая себестоимость. Если спросить здравомыслящего человека, какой тип хозяйства он выбрал бы для развивающегося общества в условиях дефицита хлеба, то его ответ вероятнее всего поддержал бы позицию Бухарина. К сожалению, политики далеко не всегда руководствуются здравым смыслом.

Стоит подчеркнуть, что ни Бухарин, ни Рыков никогда не идеализировали образ кулака, видели его разные стороны. Кулак – прежде всего глава *большой* семьи, объединявшей два–три поколения людей, связанных родственными отношениями. Такая семья обрабатывала относительно крупный надел земли, выделенной ей в соответствии с установленным порядком. В рамках общего хозяйства существовало гибкое разделение труда и ответственности, то есть функционировала своеобразная *семейная кооперация*, которая служила основой для рационального использования всех ресурсов и получения более высоких результатов по сравнению с хозяйствами середняков. Здесь лучше питались, что естественно сказывалось на здоровье и трудоспособности семьи. Одновременно такое хозяйство располагало более широкими возможностями для производственных накоплений. Оно имело 2–3 лошади, несколько коров, свиней, овец, птицу, а также конные машины. Широко применяло органику и минеральные удобрения. Наемный работник реально получал у «кулака» больше, чем на своем маленьком наделе. Иначе он не стал бы здесь работать. В итоге, в таких хозяйствах обычно имелись все необходимые предпосылки для расширенного и эффективного воспроизводственного процесса на земле.

Глава семьи был главным финансистом в семейном кооперативе. Он умел сопоставлять затраты и результаты. Обычно был прижимист. Деньги часто меняют характер человека, рождая в нем жадность, грубость, вседозволенность. Но все же главное, что определяло его натуру и образ жизни – это тяжелый, напряженный труд в страдную пору со всей семьей, от зари до позднего вечера...

В последующих выступлениях Бухарин уточнил и даже скорректировал свою позицию, выделив из всей массы крестьянства три основные прослойки: кулачество, середняки и бедняки. К каждому из этих слоев, считал он, нужен дифференцированный подход. Но во всех случаях Бухарин последовательно защищал тезис: без общего подъема сельского хозяйства невозможно обеспечить успех индустриализации.

Один из бывших середняков вспоминает: «Богатыми считались труженики. Они работали, работали, не покладая рук. У них был хлеб, а богатство по нашей местности составлял в основном хлеб. Если есть хлеб, значит крестьянин богатый. Некоторые нанимали работников. Это во время НЭПа. Я знаю одного гражданина, сейчас его внук работает у нас хирургом, Кононов. Так вот его дедушка переехал от нас из деревни на хутор. Там было пахотной земли только 1 га, одна десятина. Он за три года распахал 11 га пашни! И зажил. А потом его взяли и раскулачили, на Урал сослали. И его брата, старшего. За то, что трудились люди. В нашей деревне, где я жил, было всего пять человек таких, что ... не богатые и не бедные. В остальных семьях всегда кто-то уходил на заработки. Не хватало им зерна до нового урожая».[3.22.]

Чтобы лучше разобраться в дальнейших событиях в деревне, следует еще раз напомнить, что жители городов и промышленных центров в конце двадцатых годов стали все чаще ощущать серьезные перебои в торговле хлебом и другими продуктами питания. Это вызывало среди них недовольство, которое нередко заканчивались активными формами протестов, вплоть до забастовок. Выступая на ноябрьском (1928 г.) Пленуме ЦК, А. Рыков говорил: «Трудности заключаются еще в том, что, например, в Ленинграде в очередь за хлебом становятся не только население города, но и пришедшие из деревни». С места ему бросает реплику В. Чубарь: «Это не только в Ленинграде».

«Если бы была какая-нибудь возможность развить легкую индустрию выше наших планов, – продолжал Рыков, – мы считали бы себя обязанными это сделать. И если мы этого не делаем, то только потому, что не хватает сырья, хлопка, шерсти, льна, кожи, резины».[3.23.]

Все эти трудности усиливались обострившимся финансовым кризисом, поскольку резкое расширение капитальных вложений в тяжелую промышленность требовало все больше и больше средств, а полезной отдачи пока не было. Образовался замкнутый круг или, точнее сказать, сложный клубок переплетающихся между собой раскаленных производственных, экономических и социальных противоречий. Сложившуюся ситуацию можно сравнить с уравнением, включавшим в себя многие неизвестные о будущем развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли, финансов. Математики считают, что такое уравнение не имеет однозначного решения. А правительству предстояло найти такое решение и руководствоваться им в своих практических действиях.

Собственно говоря, активные действия в деревне, получившие название «чрезвычайных», начались еще до того, как была окончательно определена политика и тактика по отношению к крестьянству. Столкнувшись с фактом снижения заготовок хлеба в начале 1928 года и общими финансовыми затруднениями, руководство страны решило резко увеличить налоги на наиболее продуктивную часть крестьянских хозяйств. При этом бедняки (чуть более трети деревни) были освобождены от налогов. Все налоговые платежи поделили примерно поровну между середняками и кулаками.

Налоговая реформа в сельском хозяйстве в 1928/29 и 1929/30 гг. [3.24]
в % к общему итогу

Социальная группа	Число хозяйств		Облагаемый доход		Сельхозналог	
	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30	1928/29	1929/30
Бедняки	36,7	36,8	18,2	16,9	–	–
Середняки	62,4	60,4	77,9	72,9	86,0	70,4
Кулаки	0,9	2,8	3,9	10,2	14,0	29,6

Следует иметь в виду, что сумма налога на третью категорию хозяйств устанавливалась индивидуально, то есть произвольно, по принципу: чем больше – тем лучше. Если учесть, что середняки составляли 60 % крестьянских хозяйств, а кулаки – менее 3 %, то получалось, что налоговые тяготы, которые приходились на одно кулацкое хозяйство были в 7–8 раз больше, чем на хозяйства середняков. Надо отметить также, что в 1930 году, по сравнению с предыдущим годом, размер налога на крепкие хозяйства круто увеличился. При этом в среднем на один двор приходилось сельхозналога: с колхозников – 10 руб. 74 коп. С единоличных трудовых крестьянских хозяйств – 18 руб. 00 коп. С кулацких хозяйств – 172 руб. 40 коп.[3.25].

Далеко не все хозяйства могли выдержать свалившуюся на них вдруг такую экономическую нагрузку. Среди крестьян начались волнения, протесты, митинги, шумными участниками которых были, в основном, женщины. Опираясь на бедноту, милицию, суды, а в отдельных местах и на военные отряды, местные власти иногда с трудом подавляли такие выступления

Сталин, Молотов, Каганович, другие руководители выехали в основные регионы хлебозаготовок, требуя оперативно «арестовывать спекулянтов, кулаков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен». Судить их «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке». Во что бы то ни стало, любыми средствами

обеспечить выполнение плана заготовок. Одновременно тяжелые наказания «за мягкотелость», «примиренчество», «срастание» сыпались на головы работников местных партийных и советских органов власти. Так, на Урале, куда на хлебозаготовки был командирован В. Молотов, за январь–март 1928 года были отстранены от должности 1157 работников окружного, районного и сельского аппарата.[3.26.]

Надо признать, однако, что в результате таких мер в 1928 году удалось все же заготовить 10,8 млн тонн хлеба, то есть почти столько же, как и в предыдущем.

В 1929 году история повторилась, но только в больших масштабах и в еще более острых формах. Полное возвращение к продразверстке стало фактом. Перекошенная, оторванная от реальности налоговая система формально сохранилась. Но она служила только поводом для обысков и арестов тех крестьян, которые «скрывали» сколько-нибудь существенные запасы зерна. Конфискация хлеба проводилась под лозунгом «ликвидации кулачества как класса». Многие хозяйства подверглись настоящим погромам.

Рассказ свидетеля событий тех лет: «Крутов Алексей Васильевич – крестьянин, держал племенного быка. За случку коров брал овсом, за что получил прозвище «Овсянников»... На него наложили продналог – сдать 600 пудов овса за три дня. Он сдал. Ему помогли только с транспортом. На него положили второй налог, но у него уже нечего было сдавать. Приехали ночью и увезли Алексея Васильевича и его жену в тюрьму в Никольск – это было в 1931 году. Так и умерли они в тюрьме». [3.27.]

Стоит отметить, что общая сумма единого сельскохозяйственного налога в 1929/30 году составила 406 млн рублей или 2,9 % доходной части государственного бюджета. [3.28.] Таким образом, речь шла не о деньгах, а о хлебе, баланс которого, в отличие от государственного бюджета, был с большим дефицитом. В то же время непомерные «индивидуальные» налоги на зажиточных крестьян служили одним из инструментов ликвидации кулачества как класса.

Варварски разрушая одну из основных баз по производству товарного хлеба, руководство страны без соответствующей подготовки, не создав необходимых материально-технических и кадровых предпосылок, стало форсировать формирование колхозов, как замену разрушаемого сектора индивидуальных производителей товарного зерна. Еще года не прошло после принятия резолюции XVI партконференции «О плане на первую пятилетку», где предусматривалось, что в 1932/33 году, то есть в последнем году пятилетки, –

доля колхозов увеличится до 11,4 % валовой продукции всего сельского хозяйства.[3.29] Но уже к концу 1930 года аграрную политику развернули в сторону сплошной коллективизация крестьянских хозяйств, применяя для достижения этой цели грубые силовые приемы против тех, кто оказывал хоть какое-нибудь сопротивление. В результате валовой сбор зерновых сократился по сравнению с предыдущим годом на 1,4 млн тонн, но заготовки возросли до 16,1 млн тонн.

Необходимо отметить, что до 1929 года балансы зерна составлялось ЦСУ. Единой точки зрения по данному вопросу никогда не было. В конце двадцатых годов управляющий ЦСУ В. Осинский неоднократно расходился со Сталиным относительно оценки валового сбора и размера заготовок зерна, за что и был освобожден от этой непростой должности. (В 1937 году он был арестован и в 1938 году расстрелян.) Не внес стабильности в это дело и созданный при Совнаркоме межведомственный Экспертный совет, который получил исключительные полномочия давать официальные данные о производстве и расходовании зерна. Оценки этого Совета по 1929 году были отвергнуты СНК и ЦСУ, и ряд ведущих специалистов, в том числе Громан и Вишневский были выведены из его состава.[3.30]

Начиная с 1930 года расчетами и оценками зернового баланса страны занялся также Госплан, конкретно – его Управление национального хозяйственного учета (УНХУ). Но сельскому хозяйству от этого легче не стало.

Председатель Совнаркома А. Рыков еще раньше отмежевался от «чрезвычайных мер» по отношению к крестьянству. «Проведение нашей линии, – говорил он в ноябре 1928 г., – упирается в вопрос о рыночных связях между городом и деревней... Товарное снабжение не должно опускаться ниже той черты, за которой крестьянин начинает терять уверенность в том, что, продав хлеб, он что-нибудь купит». Вместе с тем глава правительства настойчиво разъяснял, что единоличное крестьянское хозяйство еще длительное время останется основным производителем товарного хлеба.

Чтобы не было упреков в правом уклоне, он в самом начале подчеркнул: «Рост обобществленных форм сельского хозяйства нужно максимально ускорить, поддержать и развить. Но надо отдавать себе ясный отчет в том, что на протяжении ближайших лет этот сектор сельского хозяйства решающую роль в снабжении страны хлебом и сырьем сыграть еще не сможет и продовольственно-сырьевой базой на ближайшие годы все-таки останется хозяйство индивидуального типа».[3.31]

Позиция Рыкова была поддержана участниками пленума, что нашло свое отражение в принятом постановлении: «всемерное стимулирование хозяйственного интереса основных масс крестьянства является в настоящее время одной из центральных задач. Сюда относятся... I) вопрос о товарном снабжении деревни, 2) укрепление денежной системы, 3) вопрос о сельхозналоге, 4) вопрос о революционной законности и улучшения форм воздействия на крестьянское хозяйство».[3.32]

Однако спустя всего 2–3 месяца, когда стало ясно, что план заготовок снова под угрозой провала, – о только что принятых решениях как бы забыли. Вновь в ход пошли силовые приемы изъятия хлеба у крестьян.

В это время на главное направление борьбы против чрезвычайных мер (разверстки) выдвинулся Н. Бухарин. Однако соотношение сил, а также голосов, было не в его пользу. В январе 1929 г. Политбюро отклонило его тезисы в защиту товарно-денежных форм обмена между городом и деревней, а в апреле созывается объединенный пленум ЦК и ЦКК, на котором, как уже говорилось, докладчик Е. Ярославский, обвинят Бухарина, Рыкова и Томского в антипартийном поведении.

Категорически отвергая такое обвинение, Н. Бухарин от имени всей тройки заявил: «Мы за индустриализацию..., мы за взятые темпы.., мы за представленный план..., мы за колхозы..., мы за совхозы..., мы за великую реконструкцию..., мы за решительную борьбу против кулака... Весь вопрос в том, как проводить в жизнь все эти установки. Никак нельзя согласиться с теми методами, – говорил Бухарин, – когда все получается наоборот: беднота сидит без хлеба, города терпят нужду в хлебе, середняк шатается. Сейчас, кроме всего прочего, требуется не столько крик и нажим, сколько ум и расчет... Дело заключается в том, что в дальнейшем темп, такой, как мы взяли, а может быть, даже больший, – мы можем развивать, но при определенных условиях, а именно только при условии, если мы будем иметь подъем сельского хозяйства, как базы индустриализации, и быстрый хозяйственный оборот между городом и деревней».[3.33] Итак, первое условие успешной индустриализации – подъем сельского хозяйства.

Бухарин продолжает: «... если бы можно было сформулировать в едином пункте положение вещей в сельском хозяйстве, то это можно сформулировать так: сейчас мелкий товаропроизводитель превратился из продавца хлеба в сдатчика хлеба. Поэтому нарушена

та основная форма смычки, которая долгое время быть должна еще у нас ее главной формой, определяющей формой».

Второе условие: не нажим, не разверстка, а экономически обоснованные рыночные отношения между городом и деревней... «...Форма *рыночных* отношений будет у нас существовать еще долгие и долгие годы. Я бы даже больше сказал: форма рыночной связи долгие годы будет решающей формой экономической связи. Решающей».[3.34.]

Третьим условием успешного решения проблемы он считал «сочетание колхозного и совхозного строительства с подъемом индивидуальных бедняцко-середняцких хозяйств», отметив при этом, что в условиях чрезвычайных обстоятельств и применения чрезвычайных мер «кооперативные органы, в значительной мере, превратились в то же самое средство государственного нажима, в средство государственного «администрирования»».

Наконец, понимая, что отмена новой продразверстки автоматически сразу же хлеба не прибавит, а рабочий класс кормить надо, Бухарин предложил не только отказаться от экспорта зерна, но, наоборот, прибегнуть к его импорту.[3.35.]

Если выступления Томского и Сокольникова на пленуме постоянно перебивали недружелюбные, а порой и злые реплики из зала, что нарушало их логику, четкость мысли и речи, то Н. Бухарин сумел завладеть вниманием слушателей, а если его все же перебивали, то он, как говорится, за ответным словом в карман не лез. Так, на замечание Микояна: «А почему ты за отмену индивидуального обложения кулака?», Бухарин отвечает: «... индивидуальное обложение означает, что местная власть может облагать по произволу».

Тут же, хотя и невпопад, реплика Ворошилова: «это нехорошо, ты и свата своего обложишь». Ответить на подобные реплики Николай Иванович считает ниже своего достоинства. На помощь Ворошилову приходит Сталин: «А кулак все же не любит чрезвычайных мер».

Ему Бухарин не может не ответить: «Но, к сожалению, не любит их и середняк. Этого вы не заметили, тов. Сталин! А вот в этом все дело и в этом вся суть...»

На шумный взрыв смеха Г. Орджоникидзе Бухарин не то устало, не то раздраженно замечает: «Почему ты мне мешаешь? Хохочешь и мешаешь!» [3.36.]

Видимо, чувствуя, что «проработка» Бухарина на пленуме не получилась, что моральная победа остается за ним, Сталин решается на открытый поединок. Но аргументов у него по существу нет.

И он пускает в ход своего излюбленного конька – политику: «...Крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделить из своей среды капиталистов, постоянно и непрерывно... Это значит, что нам нужен не всякий союз с крестьянством, а лишь такой союз, который базируется на борьбе с капиталистическими элементами крестьянства».[3.37.]

Вот и весь сказ. Однако когда дело доходит до принятия решения, важны не аргументы, важны голоса. Этим к концу двадцатых годов Сталин уже располагал. Пленум постановил: «т. Бухарина, как застрельщика и руководителя правых уклонистов, вывести из состава Политбюро».[3.38.]

Это один из примеров, как сталинская группа прокладывала дорогу к чрезвычайным мерам – восстановлению разверстки при заготовках хлеба.

Выступая на конференции аграрников-марксистов (декабрь 1929 года), И. Сталин вновь говорит о крутом повороте в отношениях с крестьянством: «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулака как класса».[3.39.] Этот тезис он дословно включил и в постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозно-совхозному строительству», опубликованному в «Правде» в январе 1930 года.

Политика «ограничения» кулака уже в 1928–29 гг. сопровождалась конфискацией хлеба у зажиточных крестьян, а иногда – их арестами, другими административными метами. Легко себе представить, что стало происходить в деревне после того, как передовая «Правды» от 11 января 1930 г. – в развитие указанного выше постановления, - объявила кулаку войну «не на жизнь, а на смерть» с тем, чтобы «смести его с лица земли».

Положение усугублялось тем, что, как уже отмечалось, существовал большой разнобой и субъективизм при выборе признаков, по которым тот или иной крестьянский двор относили к категории хозяйств. Решение этого принципиального вопроса отдавалось на рассмотрение местных органов власти. Практически они в большинстве случаев относили к бедняцким те хозяйства, где запасов собственного хлеба до нового урожая не хватало. К середняцким – хозяйства, которые кое-как, но все же сводили концы с концами. Кулаками считались те, кто имел «излишки» хлеба. Как уже отмечалось, в 1928 году бедняков освободили от сельскохозяйственного налога. Тогда же ввели самообложение зажиточных хозяйств.

Им оставляли столько зерна, сколько по минимуму нужно для питания, посева и немного – на корм скоту. Остаток – забирали на нужды государства. Если хозяин возражал, начинали описывать имущество, а суд потом решит, кто прав. Большинство не хотело доводить дело до суда, понимая, что справедливости не найдешь. Приходилось отдавать последнее. В 1930 году поступали еще круче, – крестьянина, который начинал спорить, назвав кулаком, чаще всего арестовывали.

Созданная 15 января 1930 г. комиссия Политбюро под председательством В. Молотова подготовила документ, в котором предусматривалось разделить кулачество на три группы по признаку их политической позиции и активности. К первой группе относились «контрреволюционеры» – участники террористических актов и антисоветских выступлений, ко второй – крупные кулаки. Имущество обеих групп подлежало конфискации, а сами они высылалась вместе с семьями в северные и отдаленные районы страны. Третья, самая многочисленная группа, – если так можно выразиться, – «пассивных деревенских богатеев», тоже подлежала раскулачиванию. Но ее предлагали рассеять в пределах данного района на специально отводимые, как правило, малопродуктивные земли.

Официально предусматривалось, что конфискация имущества при «раскулачивании» должна проводиться, хотя и без судебного разбирательства, но в присутствии представителей местных Советов, колхозов, а также батрацко-бедняцких групп.[3.40.]

Чтобы повысить материальную заинтересованность и активизировать участие «сельских пролетариев» в раскулачивании, часть конфискованного имущества передавалась в неделимые фонды колхозов в качестве вклада за бедняков и батраков. Жилые и хозяйственные постройки поступали в распоряжение сельсоветов и колхозов. Большинство домов отдавали батракам и так называемым незаможникам. Мелкий инвентарь, инструменты, хозяйственные пристройки и другие вещи нередко на месте делили между собой непосредственные участники «ликвидации кулачества как класса». Поэтому под раскулачивание попадали очень часто середняки и даже бедняки: достаточно было заниматься мелкой торговлей или иметь лошадь и две-три коровы, а иногда и радиоприемник или дать кому-то взаймы зерно до будущего урожая. Во многих районах число раскулаченных хозяйств достигало 10–15%, хотя раньше эксплуатировали чужой труд максимум 3–4 % хозяйств.

Отношение к раскулаченным со стороны местных властей было примерно такое же, как и уголовникам. Свидетель событий тех лет,

учитель Ф. Покровский из города Обоянь Курского округа, записал в своем дневнике 12 марта 1930 г.: «Посмотрел я на них (раскулаченных – *Р.Б.*) – обыкновенные русские крестьяне и крестьянки, в зипунах, полушубках, поддевках. Многие в лаптях. Вокруг разбросаны домашние вещи – мешки, сумки, сундуки. Зрелище тяжкое – словно беженцы с прифронтовой полосы...

За два дня довелось увидеть море человеческих страданий. Подумать только: семью срывают с насиженного веками места и, не позволив даже взять все необходимые вещи, гонят в неведомые края. Русские крестьяне путешествовать не привыкли, а тут не просто путешествие – разорение родных гнезд. Ладно, еще, когда попадают подлинные кулаки, противники Советской власти. Но ведь в этой суматохе достается и середнякам... Кругом стон и плач. Кричат навзрыд, как по покойнику. Выселяемых провожают родные, обступили дом, тоже кричат. Страшно, тягостно! Из арестантского помещения всех повели на станцию – по рыхлому снегу, по воде. Здесь кулаков посадили в товарные вагоны – теплушки, человек по 40... В вагонах – теснота, духота, вонь... Было нелепое распоряжение коменданта – людей из вагонов не выпускать, оправляться велели в ведро. В вагонах все вместе – девушки, дети, мужчины... Первые, приведенные на станцию, просидели в закрытых вагонах двое суток».[3.41]

1930 год выделялся благоприятными погодными условиями и относительно хорошим урожаем. План предусматривал увеличение сбора зерновых до 88,9 млн тонн. Фактически, по официальным данным, было собрано 83,5 млн тонн, что было самым высоким показателем для первых двух пятилеток. (По экспертной оценке С. Уиткрофта в 1930 году реальный амбарный урожай зерна составил 77,2 млн тонн.) Такой результат послужил основанием для Политбюро в сентябре, то есть в начале уборки, увеличить план заготовок с 22,7 до 24,6 млн тонн. Практически заготовили только 22,2 млн тонн, что также было своеобразным рекордом.

Однако хозяйственную, рыночную и политическую обстановку в стране в значительной степени определяли крайне низкий сбор зерна в предыдущем году. Весной, в наиболее напряженный период заготовок хлеба произошло резкая активизация сопротивления произволу и насилию заготовителей, особенно со стороны зажиточной части крестьян. «С февраля 1930 года, – отмечалось в сов. секретной справке ОГПУ, – повстанческие настроения деревенской контрреволюции растут по возрастающей прогрессии, констатируется резкая активизация деятельности кулачества и перерастание ее

в повстанческие формы...Лозунг партии «Ликвидация кулачества как класса» кулак встречает во всеоружии, стремясь не только к обороне, но и к встречному наступлению. Только за январь–апрель 1930 г. ликвидировано:

- 206 контрреволюционных организаций. Арестовано 8,8 тыс. участников;
- 6827 контрреволюционных группировок. Арестовано 50 тыс. участников, то есть больше, чем за весь 1929 год;

Количество массовых выступлений: в январе 1930 года – 401. Участвовало 110 тыс. человек; в феврале – 1 066 выступлений. Участвовало 214,2 тыс. человек; в марте – 6 512 выступлений. Число участников – 1 435 тыс. человек (выделено мною – *Р.Б.*). Среди них 75 % составляли женщины.

Число террористических актов возрастает с 808 в январе до 1 368 в феврале 1930 года. Резко увеличивается также число распространяемых антисоветских листовок и усиливается контрреволюционная активность их содержания.

Кулачество интенсивно использует перегибы на селе, недостаточность разъяснительной работы и организационные недочеты в работе колхозов и совхозов...Одобренное наглядными результатами своей деятельности оно открыто призывает теперь не только к роспуску советов и изгнания коммунистов и активистов из деревни, но и к прямому вооруженному восстанию (особенно в приграничных районах СССР). [3.42.]

Не случайно в этот же период активизировали свою деятельность и остатки партии эсеров, находившиеся как на территории Союза, так и за рубежом. Эти группы в тридцатые годы не представляли собой единую организацию и не имели прочных опор в российской деревне. Практически в этот период в эмиграции действовали два центра бывшей партии эсеров: один в США, где вокруг А. Керенского с деловым видом постоянно суетилось несколько его сторонников и поклонников. Другой центр расположился в Париже. Здесь старались создать нечто вроде новой крестьянской партии среди остатков белой армии и штатских эмигрантов. У Керенского денег было чуть больше, да и авторитет был настолько же выше. Хотя постоянной координации между ними установить не удалось, но главные направления их антисоветских выступлений по существу совпадали. Первое – внедрение своей агентуры в местные органы власти, общественные организации и потребительскую кооперацию на территории России. Второе – формирование легальной крестьянской партии,

как политической (или профсоюзной) организации, выражающей и защищающей интересы сельского населения. Третье – организация террористических актов, чем всегда славились эсеры, против партийных и советских активистов и других работников. Так, в 1927 году было совершено 901 таких актов (убийства и ранения), в 1928 г. – 1 153, в 1929 г. – 9 137.[3.43.]

Не менее интенсивно развивался процесс создания различных «крестьянских» партий на территории СССР: Крестьянская Россия, Трудовая крестьянская партия, Украинская мужицкая партия и другие. ОГПУ несколько раз основательно «стригла» те места, где члены этих партий начинали проявлять заметную активность. Но, поскольку корни таких организаций находились за рубежом и их достаточно хорошо «поливали» денежными удобрениями, они вновь быстро прорастали и начинали действовать. Особенно выделялась в этом отношении «Крестьянская Россия», которая в начале 1928 года имела за границей 12 местных групп, объединяемых Центральным бюро. В Москве она создала отделение, которое было разгромлено ОГПУ еще три года назад. Но удар не был смертельным. Представитель ОГПУ в октябре 1928 года вынужден был признать: «...В лице «Крестьянской России» мы имеем организацию, создающую широкий антисоветский фронт от монархистов до эсеров включительно».[3.44.]

Таким образом, непродуманная, поспешная ломка относительно устойчивых хозяйственных отношений в деревне, разрушение и ликвидация наиболее эффективного сектора сельской экономики вызвала падение товарного производства зерна, с одной стороны, и растущее силовое сопротивление крестьянства, помощь которому оказывала зарубежная оппозиция, с другой. Все это заставило руководство партии во главе со Сталиным внести определенные коррективы в свою аграрную политику, сохраняя при этом курс на ускоренную коллективизацию и ликвидацию кулачества, как класса.

В этой связи в аграрной политики появились черты двойственности и противоречивости, которые нередко ставили в тупик партийный и советский актив на местах.

В самом начале 1930 года ЦК приняло специальное постановление, в котором с гордостью заявило: «Все намеченные планами темпы развития коллективного движения превзойдены...Коллективизация таких важнейших зерновых районов, как Нижняя и Средняя Волга, а также Северный Кавказ, может быть в основном закончена осенью 1930 или, во всяком случае, весной 1931 года».

Было поручено «в кратчайший срок выработать примерный Устав сельскохозяйственной колхозной артели, учтя при этом недопустимость приема кулаков в колхозы».

Вместе с тем, ЦК со всей серьезностью предостерегал «парторганизации против какого бы то ни было «декретирования» сверху колхозного движения».[3.45.]

Вскоре, в документах о проведении коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных, экономически отсталых районах, – ЦК осудил попытки механического копирования методов и форм борьбы с кулачеством, применявшихся в районах сплошной коллективизации.[3.46.]

Улавливая ветер перемен, коллегия Наркомзема в самом конце февраля 1930 г. поручила «Колхозцентру по всем конкретным случаям принудительного вовлечения в колхозы немедленно назначать соответствующие ревизии или непосредственно, или поручая это областным Колхозсоюзам». [3.47.]

ЦК обязал парторганизации под личную ответственность секретарей районных, окружных и краевых комитетов:

1. «Сосредоточить все внимание на хозяйственном улучшении колхозов...
2. Исправить на деле допущенные ошибки и устранить противоречия с уставом по линии обобществления птицы, коров, мелкого скота, приусадебной земли и т. д., то есть вернуть все это колхозникам в единоличное пользование, если этого требуют сами колхозники.
3. Проведя контракцию сельхоз. продукции, не допускать запрещения рынков, восстановить базары, не стеснять продажи крестьянами и, в частности, колхозниками своих продуктов на рынке.
4. Немедленно прекратить в какой бы то ни было форме насильственную коллективизацию...
6. Немедленно проверить списки раскулаченных и исправить допущенные ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семей красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командиров), вернуть им имущество...
8. Немедленно проверить списки лишенных избирательных прав и исправить ошибки...
9. Решительно прекратить практику запрещения церквей в административном порядке...».[3.48.]

15 марта «Правда» опубликовала с некоторыми сокращениями и редакционными поправками постановление Политбюро, которое вначале имело гриф «совершенно секретно».

На основе этого постановления Сталин написал статью «Головокружение от успехов» и чуть позже «Ответ товарищам колхозникам». Легкие успехи, – писал он, – «иногда прививают дух самомнения и зазнайства: «Мы все можем», «Нам все нипочем». Они, эти успехи, – продолжал он со знанием дела, – нередко пьянят людей. При чем у людей начинает кружиться голова от успехов. Теряется чувство меры, теряется способность понимания действительности, появляется стремление переоценить свои силы и недооценить силы противника, появляются авантюристические попытки «в два счета» разрешить все вопросы социалистического строительства». [3.49.]

Естественно возникал вопрос, а кто же виноват в искривлениях линии партии. В принятых документах все свалили на «головотяпов», «перегибщиков», и даже на «отдельные контрреволюционные элементы». О том, что вопрос об источниках допущенных ошибок имел для Сталина особое значение, свидетельствует характер авторской правки статьи «Ответ товарищам колхозникам». В первоначальном тексте вопрос был поставлен следующим образом: «В чем состоит корень *наших* ошибок в крестьянском вопросе?» Брать на себя эти ошибки Сталин не захотел и решительно вычеркнул слово «наших». Так ошибки стали безымянными. Далее по тексту были слова: «Вина партии состоит в том». Сталин зачеркнул всю фразу и написал: «Все дело в том...». [3.50.] Он понимал, что возложить вину на партию, все равно, что взять ее на себя. Пусть лучше отвечают «головотяпы» на местах.

Маневр этот удался лишь частично. Многие хорошо понимали, что к чему. Рабочий Днепропетровского завода «Пресс» решился даже обратиться к первому руководителю с письмом и бросить ему упрек:

«Тов. Сталин! Я, рядовой рабочий и читатель газеты «Правда», все время следил за газетными статьями. Виноват ли тот, кто не сумел не послушать создавшегося шума и крика вокруг вопроса коллективизации сельского хозяйства и вокруг вопроса, кто должен руководить колхозами? Мы все, низы и пресса, проморгали этот основной вопрос о руководстве колхозами, а т. Сталин, наверное, в это время спал богатырским сном и ничего не слышал и не видел наших ошибок... А теперь т. Сталин сваливает всю вину на места, а себя и верхушку защищает» [3.51.]

Подобные высказывания звучали с разных сторон. Местные партийные и советские работники чувствовали себя незаслуженно обиженными. Исправление допущенных ошибок затягивалось, осуществлялось непоследовательно, поскольку люди, как и машины, не могут на ходу включить заднюю скорость. Для этого им нужно

сначала притормозить и остановиться. Ведь еще несколько месяцев назад «активисты» буквально силой загоняли крестьян в колхозы, а теперь нужно было двигаться в обратном направлении. И они нажимали на тормоза.

Нарком земледелия Яковлев доложил Сталину о большом количестве телеграмм с жалобами на то, что крестьянам, вышедшим из колхозов, не возвращают скот, не выделяют землю. Чтобы поправить дело он предложил дать от имени ЦК или Наркомзема соответствующую директиву на места. Сталин на записке Яковлева написал: «Не нужно никакой директивы».[3.51] Он надеялся, что обойдется и так. Однако напряжение в деревне не только не ослабевало, но даже обострялось. И в начале апреля 1930 г. ЦК ВКП(б) вынужден был вновь обратиться с письмом «О задачах колхозного движения в связи с искривлениями партийной линии», в котором признавались факты повстанческого движения среди крестьян и массовых антиколхозных выступлений во всех основных зернопроизводящих районах страны. Это требовало «решительных и притом немедленных мер против искривления партийной линии в колхозном движении».[3.52]

Тот, кто повторяет ошибки в политике и запаздывает с их исправлением , охотно подбадривает себя: «лучше позже, чем никогда». Но деформированную политическую линию нельзя сделать снова абсолютно прямой. Следы перегибов остаются не только в истории, то есть в человеческой памяти, но и в искалеченных судьбах людей.

Сталин не мог не видеть своих ошибок и перегибов в политике ускоренной коллективизации. Но он был слишком жестким и упрямым, чтобы изменить курс. Он попытался подправить лишь наиболее опасные перегибы в проведении этого курса и по возможности смягчить его отрицательные последствия. Поскольку постановление ЦК от 5 января 1930 г. о темпах коллективизации никто не отменял (все вновь принятые директивы говорили только о преодолении перегибов в колхозном строительстве), новая волна сплошной коллективизации и сопровождающие ее репрессии вновь начались после XVI съезда, где Сталин все же вынужден был признать, что даже в партии «раздаются кое-где голоса о необходимости отказа от политики сплошной коллективизации».[3.54]

Однако он категорически не соглашался скорректировать курс, который, как показала практика тех лет, нуждался в серьезных поправках.

Почти весь 1931 год прошел под знаком нового наступления на так называемые кулацкие хозяйства. Вновь сотни тысяч крестьянских

семей выселялись в отдаленные районы. Причем репрессии в большинстве случаев носили характер санкций против середняков за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, за хищение колхозной продукции, за отказ от работы, которая фактически не оплачивалась.

Новый межведомственный Экспертный совет по оценке урожая зерна в 1932 году, возглавляемый С. Минаевым, В. Немчиновым (от Госплана) и Черновым (от Наркомснаба), сразу же столкнулся с большими трудностями. Весенняя засуха и отсутствие дождей в июне предопределили, что сбор зерна в текущем году будет существенно ниже прошлогоднего (83,5 млн т.). Чтобы заблаговременно подготовить начальство к плохим известиям, 1 июня они дали прогнозную оценку ожидаемого валового сбора зерна на уровне 85,2 млн тонн, а через полтора месяца еще понизили ее. Фактически же собрали еще меньше. Плановое задание по заготовкам хлеба оставалось без изменений – на уровне 26,6 млн тонн.

В 1932 году специалисты Госплана уточнили зерновой баланс первой пятилетки. Хотя его некоторые цифры расходятся с опубликованные позже официальными данными ЦСУ, структура и динамика производства и расходования зерна в этот сложный период, интересны для современного историка-экономиста.

Зерновой баланс первой пятилетки [3.55]

млн тонн

	1928	**1929**	**1930**	**1931**	**1932*****
Запасы на начало года	43,7	46,2	47,0	49,7	45,8
Производство	73,1	71,1	77,2	68,9	67,1
Импорт	0,3	0,1	0,1	0,1	0,1
Всего ресурсов	117,1	118,1	124,3	117,7	113,0
Использование на:					
Семена	12,1	12,8	12,1	12,6	11,2
Корма	20,4	20,3	18,7	14,9	13,8
Личное потребление					
В селах	31,2	30,4	29,9	28,4	26,0
В городах	5,4	5,5	7,0	8,3	9,3
Промышленность*	1,3	1,6	1,6	1,9	1,7
Экспорт	0,1	0,3	4,9	5,2	2,2
Переходящие запасы	46,2	47,0	49,7	45,8	48,4
Всего использовано**	117,1	118,1	124,3	117,7	113,0

* без мукомольной,
** включая потери,
*** предварительные данные

Из этих данных отчетливо проступают две отрицательные тенденции: снижение личного потребления крестьянских семей и падение затрат зерна на корма, что в свою очередь выступало причиной и следствием сокращения поголовья лошадей и домашнего скота.

1932 год, который должен был досрочно завершить первую пятилетку, оказался особенно тяжелым. По пятилетнему плану в том году предполагалось получить от 99,7 до 105,6 млн. тонн зерна. Это было вызывающе много. Поэтому годовой план по рекомендации экспертов решили приблизить к реальностям – 84,8 млн т. Но практика показала, что и такое задание оказалось не под силу избитому, ограбленному и униженному крестьянству. Зерновых собрали всего 69,9 млн тонн, заготовили – 19 млн тонн Конечный результат – начало массового голода и в городах и, особенно, в сельской местности.

Таков был закономерный финал авантюристической аграрной политики последних 4–5 лет. Неверно было бы винить в этом только одного человека. Перед историей за разрушение сельского хозяйства России придется еще отвечать многим людям. Первую группу из них составляют члены Политбюро, избранные в его состав летом 1930 года: К. Ворошилов, Л. Каганович, М. Калинин, С. Киров, С. Косиор, В. Куйбышев, В. Молотов, И. Сталин. Не все названные лица в равной степени несут ответственность за случившееся. В этом еще предстоит тщательно разобраться. Пока из этого списка можно было вывести только двоих: Рыкова А.И. и Рудзутака Я.Э. – они делали, что могли для предотвращения трагедии. Именно за самостоятельную позицию их и вывели из Политбюро, а немного позже расстреляли...

3.2. Запоздалый ход «железным конем»

Первая пятилетка завершилась голодом. Вторая началась с него. Для многих такой поворот событий произошел неожиданно и пугающе. Главными очагами трагедии были Украина и Кубань, хотя люди умирали от недостатка продовольствия и в других регионах огромной страны.

По данным ГПУ только в Киевской области весной 1933 года было учтено 206 тыс. голодающих, среди которых 112 тыс. составляли дети. Количество опухших достигло 47 тыс. Умерло от голода – 13 тысяч.[3.56.]

Политотдел Георгиевской МТС Северо-Кавказского края сообщал 21 апреля 1933 г. в Наркомат земледелия: «Продовольственное

положение очень тяжелое. Сильно возросла смертность...В станице Лысогорской в течение первых 18 дней апреля было 62 смерти, а в 1932 г. умерло 5 человек за весь апрель-месяц. Эти данные не полны, ибо не все смерти аккуратно регистрируются ЗАГСом... Умирают больше всего дети и старики, но 20 % умерших – взрослые от 20 до 40 лет. Причины смертей: истощение, болезни кишок, простуда и т. д. На тысячу колхозников ст. Лысогорской имеется 60 семей, опухших от голода, которым выдано по 4–5 кило муки кукурузной.

В бригадах нет приварка. Варится суп с кукурузной мукой или с пшеном (по 50 грамм на человека), без жиров. По домам варят суп со щавелем...Множество женщин ходит за 12 верст в ст. Незлобную. Там выменивают на одежду и покупают за деньги отруби и другие отходы с мельницы и крупорушки. В поле выходят работать преимущественно девицы от 12 до 19 лет. Взрослых женщин видно мало.... От недоедания люди ослабели и работают вяло, как сонные мухи. В поле питаются только тем, что отпускается в порядке продссуды. Обычный рацион – 400 гр. кукурузного хлеба и один или два раза суп из котла с кукурузной мукой или с пшеном. Несколько лучше питание тракторных бригад. Они имеют через день мясо (по 100 гр. на человека), а приварок такой же. Хлеба 800 грамм». [3.57.]

Несколько по-другому видел эту картину Л. Каганович, который в Политбюро курировал сельское хозяйство. В начале 1933 года он находился в командировке на Северном Кавказе, но массового голода там не заметил: «Отмечен ряд случаев, – писал он, – когда дети пухнут от голода, когда на лицо острое недоедание, а начинают искать, и находят зарытыми по 75–100 пудов хлеба. При допросе глава семьи молчит или говорит: «Нам не привыкать».

В ст. Старо-Минской к одной единоличнице поставили для наблюдения агента. Пока он жил 5 дней, семья ничего не ела и была накануне смерти, а когда агента вынуждены были снять, на другой день опять нашли в доме свежий печеный хлеб». [3.58.]

Пускай это наблюдение останется на совести автора. Спорить с ним раньше было опасно, а сейчас бесполезно – «что воду черпать решетом». Куда важнее разобраться в том, почему после восстановления в конце двадцатых годов довоенного объема валового сбора зерна, в начале тридцатых годов траектория его роста сломалось, и все сельское хозяйство заколебалось между стагнацией и падением вниз. Хлеба в стране стало хронически не хватать, что на рубеже двух пятилеток вылилось в голод для миллионов людей.

Отметим сначала: причины снижения урожаев заключались не только и не столько в погодных условиях. Уже отмечалось, что Рыков и Бухарин на протяжении двадцатых годов после введения НЭПа последовательно и достаточно твердо защищали и проводили в жизнь ее основную идею – деловое сотрудничество с крестьянством с учетом интересов всех его слоев. Сталин, какое-то время молчаливо поддерживал, во всяком случае, открыто не возражал против такой позиции, поскольку она давала положительные результаты на практике, а сам он нуждался в поддержке этих авторитетных лидеров в борьбе с Зиновьевым и Каменевым. Однако, победив своих прямых соперников и вплотную взявшись за реализацию грандиозной программы технической реконструкции страны, он столкнулся с рядом трудно разрешимых проблем. Для задуманных преобразований, как уже отмечалось, не хватало финансовых ресурсов, машин и оборудования, квалифицированных кадров, времени и, ко всему этому, – хлеба. Найти легкое и быстрое решения для каждой из проблем не представлялось возможным.

Поскольку в России хлеб – всему голова, Сталин начал с радикальной корректировки аграрной политики. При этом имелось в виду решить сразу три задачи: *а* – увеличить ресурсы продовольствия для горожан за счет тех крестьян, которые имели и часто скрывали небольшие запасы зерна; *б* – найти дополнительные источники для финансирования индустриализации (впоследствии налог с оборота на муку, сахар, кожи стал одной из основных форм доходной части бюджета) и *в* – высвободить из сельского хозяйства дешевую рабочую силу для строительства и промышленности.

На этой почве у него сразу же возникли разногласия, выросшие до принципиального конфликта с Бухариным и Рыковым. В течение 1929 года Сталину удалось дискредитировать и существенно ослабить их позиции в руководстве партии, особенно Н. Бухарина. Только после этой «победы» он начал действовать открыто и дерзко. Речь, прежде всего, шла о двух мероприятиях: форсированной коллективизации всей массы бедняков и середняков, и, одновременно, ликвидации кулачества.

В отчетном докладе XVI съезду партии (июнь 1930 г.) Сталин указывает на то, что постановление ЦК «О темпе коллективизации» продолжает действовать как директивный документ и отмечает первые успехи в этом деле: задание пятилетнего плана по развитию зерновых совхозах будет выполнено за три года, а пятилетняя программа увеличения колхозного производства зерна реализована в течение двух лет. [3.59.]

Однако съезд поддержал позицию Сталина не полностью. В своей резолюции его делегаты подчеркнули: «Колхозы могут быть построены только *на основе добровольности.* Всякая попытка применения насилия или административного принуждения в отношении бедняцко-середняцких масс с целью их присоединения к коллективам является грубым нарушением линии партии и злоупотреблением властью».

«Съезд предупреждает партийные организации от какого бы то ни было игнорирования единоличного хозяйства, которое в ряде районов страны будет существовать относительно долго».

Съезд поправил Сталина и по вопросу раскулачивания, дав разъяснение, что смысл наступления на кулака заключается не в ликвидации его как класса, а «в дальнейшем ограничении его эксплуататорских тенденций и роста». [3.60.]

Такая резолюция легализовала выход крестьян из колхозов, загнанных туда силой и угрозами репрессий. Вновь начался болезненный раздел земли, скота, конных орудий труда. Однако после небольшой заминки интенсивное вовлечение крестьянства в колхозы вновь возобновилась, то есть курс Сталина взял верх над здравым смыслом и «правым уклоном».

Процесс коллективизации сельского хозяйства [3.61]
в процентах

	1928	1929	1930	1931	1932	1934	1937	1940
По числу крестьянских дворов	1,7	3,9	23,6	52,7	61,5	71,4	93,0	96,9
По посевной площади	2,3	4,9	33,6	67,8	77,7	87,4	99,1	99,9

Из таблицы следует, что уже в 1931 году две трети посевных площадей, находившихся в распоряжении крестьянских хозяйств (то есть без земель совхозов) было обобществлено в форме колхозов, а следующем году – уже почти четыре пятых.

Такая спешка в колхозном строительстве не могла не сказаться на результатах хозяйственной деятельности деревни. Предоставляя в Совнарком «Контрольные цифры развития народного хозяйства на 1929/30 год», специалисты Госплана откровенно признавались, что «невозможно определить насколько выполнена поставленная для предыдущего года задача повысить урожайность на 3 % (фактически валовой сбор зерна в 1929 г. снизился до 71,7 млн тонн против 73,3 млн тонн, полученных в 1928 г.).

По плану в 1930 году намечалось довести валовой сбор зерна до 88,9 млн. тонн, в том числе товарного – 15 млн т. [3.62] Это задание было выполнено частично. Всего собрали 83,5 млн тонн. Но заготовили выше плана – 22,2 млн тонн.

В 1931 г. по сравнению с предыдущим годом валовой сбор зерна сократился еще на 4 млн тонн. Но, поскольку урожай предыдущего года был относительно благополучным, и в крестьянских хозяйствах сохранились еще небольшие остатки зерна, его заготовки, с сильным нажимом «сверху», несколько даже увеличились – до 22,8 млн т.

На следующий 1932 год урожай остался на прежнем низком уровне, но, так как запасы прошлогоднего зерна быстро кончились, его заготовки сократились почти на 3 млн тонн. В регионах, где из-за неблагоприятных погодных условий урожай был значительно ниже среднего, – начался голод.

Дефицит зерна в стране власти решили преодолеть за счет крестьянства: если урожай зерна остался на уровне предыдущего года, а его заготовки сократились на 3 млн тонн, – значит, крестьяне его где-то прячут. Стали искать, подозревая почти каждого и действуя грубо, жестоко, вплоть до применения пыток. Немало тайников с хлебом нашли. Но у большинства колхозников каких-либо существенных запасов зерна не было – голод возник, в буквальном смысле слова, на пустом месте. Но «наверху» этого не понимали. Одно за другим следовали постановления: об обязательном выполнении плана хлебозаготовок, о мерах по их усилению. Ответ «снизу» – активное сопротивление произволу местных властей и рост террористических актов против их отдельных представителей. Одновременно резко возросло число массовых выступлений, в большинстве случаев с требованиями о помощи хлебом. Только в первом полугодии 1932 года по данным ОГПУ было зафиксировано 4 722 террористических акта и 1 525 выступлений. [3.63]

Реакция властей была решительной и быстрой – с 1 ноября по 10 декабря было арестовано почти 17 тысяч человек. Из них кулаков – лишь 3,7 тысячи. Остальные – середняки и бедняки, колхозники и единоличники, члены партии, комсомольцы и беспартийные. [3.64] Это свидетельствует о том, что сопротивление произволу «сверху» в той или иной форме оказывало все или почти все крестьянство. Примечательно, что среди арестованных были 36 председателей сельсоветов и 87 председателей колхозов, 300 членов сельсоветов и правлений колхозов, бригадиры, кладовщики и другие должностные лица. Они отказывались участвовать в выколачивании хлеба из полуголодной массы местного населения,

а по существу – в насилии и издевательствах над сельскими тружениками.

Многие не понимали, что основная причина обострения продовольственной проблемы в России в начале тридцатых годов заключалась в том, что выращенного хлеба на всех: городу, деревни и армии – не хватало. В то же время не следует забывать, что возникший дефицит хлеба – это прямой результат серьезных просчетов и ошибок в аграрной политике.

Успех или провал любого руководства в хозяйственной сфере оценивается по конечным результатам. Критерием такой оценки экономической политики служит динамика производительных сил и эффективность их использования объектом, на который она воздействует. В данном случае такими объектами выступали коллективные и единоличные крестьянские хозяйства, обрабатывающие землю для получения продовольствия и многих важных видов промышленного сырья.

Теоретически крупное коллективное хозяйство должно быть эффективнее мелкого единоличного. Историческая практика, в общем, подтверждает такой вывод. Однако укрупнение хозяйства само по себе большого конечного эффекта не создает. Чрезмерные размеры таких хозяйств вызывает дополнительные транспортные издержки. Требуются лишние звенья в структуре управления и др.

В сельскохозяйственном производстве, как и в любом другом деле, нужно соблюдать разумную меру макроэкономических параметров, а также других показателей качества управления и организации всей хозяйственной системы. Только при таком условии начинают действовать факторы повышения производительности и эффективности экономики в целом. К числу таких факторов относятся: современная техника и технологии; применение минеральных удобрений; специализация, комбинирование, кооперация и мотивация труда. Необходимо занять по интересам все местное трудоспособное население; создать разветвленную производственную и социальную инфраструктуру; улучшить качество жизни и повысить квалификацию всех категорий работников.

В российской деревне в те годы к укрупнению хозяйств часто подходили механически, без учета реальной обстановки в деревне. Большинство из благоприятных факторов кооперирования не действовало, поскольку не было ни финансовых, ни технических, ни организационных предпосылок для их создания.

Следует иметь в виду, что в тридцатые годы поставки зерна государству приобрели обязательный, налоговый характер. Крестьяне-единоличники, а позже и колхозники обязаны были «продавать» зерно и другие продукты заготовительным организациям по нестабильным нормам с гектара. При этом цены были занижены. Они не всегда возмещали затраты на производство конкретных видов продукции. Выращивать зерно стало убыточным делом, и крестьяне не были заинтересованы ни в повышении урожайности, ни в расширении посевов зерновых. [3.65.]

Кроме того, крупные многопрофильные хозяйства для того, чтобы реализовать свои потенциальные преимущества, должны опираться на развитое машиностроение, соответствующую энергетическую базу, а также легкую и пищевую промышленность. Отдельные сельскохозяйственные предприятия могут, на более высокой стадии развития, входить в технологические и финансовые структуры крупных производственно-торговых комплексов.

Колхозы и совхозы в начале тридцатых годов не могли практически раскрыть свои еще только формирующиеся позитивные возможности. Курс на коллективизацию, с ориентацией на сельскохозяйственную артель, как простую форму производственной кооперации крестьянских хозяйств, был правильным, с хорошей перспективой. Но форсирование этого процесса, с использованием методов насилия и массовых репрессий против крестьян, сомневающихся или отказывающих вступать в колхоз, было грубой ошибкой, имевшей неприятные, далеко идущие отрицательные последствия...

Что касается политики ликвидации кулачества как класса методами жестоких ударов, «чтобы оно не могло бы подняться на ноги», ничем нельзя было оправдать. По существу такие удары наносились по людям, наиболее энергичным, инициативным и расчетливым, входившим многие десятилетия в ядро производительных сил аграрного сектора. Именно они сумели в трудных условиях конца XIX – начала XX века создать и эффективно использовать в сельском хозяйстве семейную кооперацию. Теперь же им не только закрыли дорогу в колхоз, но и объявили преступниками, которых нужно уничтожать. Насильственное вытеснение более миллиона таких людей из сельского хозяйства, существенно подорвало его производительную силу, причем возместить такой урон невозможно было никакими машинами и тракторами. Это хорошо понимали не только Рыков и Бухарин. Весьма показательно, что XVI съезд партии, как уже отмечалось, не поддержал полностью позицию Сталина по вопросам коллективизации. «Съезд считает особо важным уяснение

каждым членом партии характера тех ошибок и извращений линии партии, которые имели место весной этого года в практике проведения коллективизации». [3.66.]

Пожалуй, никто не отмахнулся от этих ошибок. Стоит особо подчеркнуть, что тяжелые последствия перегибов и головотяпства, допущенных в начале тридцатых годов, послужили хорошим уроком для разработчиков второго пятилетнего плана. Это нашло свое отражение как в более обоснованных плановых заданиях для отдельных отраслей народного хозяйства, так и в разработке специальных программ подъема и развития аграрного сектора. При этом первостепенное значение придавалось ускоренному развитию тракторостроения и производству широкого набора сельскохозяйственных машин. Дело в том, что в процессе непродуманной борьбы с кулачеством и грубого «нажима» на середняка резко сократилось поголовье лошадей в деревне.

Количество лошадей во всех категориях хозяйств [3.67]
в границах до 17 сентября 1939 г., млн голов

1916	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
34,2	34,1	32,6	31,0	27,0	21,7	17,3	15,4	14,9	15,5	15,9	16,2

За десять лет коллективизации поголовье лошадей в сельском хозяйстве уменьшилось более, чем в два раза. Такой результат красноречивее любых слов говорит о том, что допущенные просчеты в аграрной политике имели долговременные разрушительные последствия. Недаром XVI съезд партии еще в 1930 году предупреждал: «Имея в виду, что сочетание трактора с лошадью на полевых работах будет иметь место еще ряд лет, необходимо добиться бережного отношения к лошади...». [3.68.] Как видно из приведенных данных, этот призыв нисколько не сказался на практике. Для того, чтобы такое отношение к лошади возобладало, нужно было сначала добиться бережного отношения к крестьянину.

В изменившейся ситуации особенно большие надежды возлагались на «железного» коня. Однако его роды проходили с такой болью и муками, которых не знала природа.

Закладка Сталинградского тракторного завода произошла в июле 1926 года. Но уже осенью стройку законсервировали – в центре никак не могли завершить разработку его проекта. Сначала рассчитывали на ежегодный выпуск 10 тысяч тракторов. Спустя немного времени планку повысили до 20 тысяч. Но в процессе строительства решили, что завод должен производить 50 тысяч машин

в год. В результате «еще в начале 1928 года строительная площадка завода представляла собой голую степь на окраине города, окруженную арбузными бахчами. Лишь кое-где виднелись брезентовые палатки, деревянные бараки, сиротливо заброшенная коробка ремонтно-механического цеха». [3.69.]

Долго спорили, какую форму выбрать для организации строительства: подряд или хозяйственный способ. Поначалу остановились на первой. Генеральным подрядчиком стал московский трест с многообещающей вывеской «Госпромстрой». Но вскоре выяснилось, что кроме вывески у него есть еще только контора, которая для практических работ заключает договора с сезонными артелями грабарей, каменщиков, плотников, маляров. Собственных постоянных кадров строителей у треста не было. Поэтому, отказавшись от лишнего звена управления, решили строить завод хозяйственным способом, то есть самостоятельно.

Активные строительные работы широким фронтом развернулись только летом 1929 года. Энергичным, талантливым организатором проявил себя В. Иванов – бывший балтийский моряк, назначенный начальником Тракторостроя. Главное его достоинство – умение направлять и координировать работу нескольких тысяч людей твердо, но без грубости и начальствующего тона. Это было особенно важно, поскольку главной движущей силой строителей была мотивация, понимание того, что трактор крайне нужен крестьянину, и от человека с тачкой и мастерком зависело, как пойдут дела в деревне. Хлеб будет, когда на поля придут трактора. Понимание этой простой зависимости определяло ответственное отношение крестьян-строителей к труду, рождало соревнование и ударничество не только среди молодежи, но и пожилых мужиков, семья и душа которых оставались в деревне.

В наше время даже трудно себе представить, в каких условиях им приходилось работать. «Ведь механизации не существовало почти никакой. Имелись лишь укосины, бетономешалки и некоторые другие простые устройства. Земляные работы по планированию площадок, рытью котлованов под фундаменты цехов, тоннели выполняли артели грабарей. Сегодня это слово почти исчезло. А тогда грабари были на любом строительстве одной из основных фигур. И вся их «техника» состояла из телег-грабарок, в которых впрягали лошадей, и обыкновенной совковой лопаты. Однако они были большими мастерами своего дела....Каждый грабарь снимал за день примерно 10 кубометров земли и отвозил ее на расстояние до полутора километров». [3.70.]

На зиму артели строителей, как правило, отправлялись домой. Поэтому их и называли «сезонщиками». Поздняя осень 1929 года не была в этом отношении исключением. Но традиционный отъезд таких рабочих на зимнее время грозил парализовать развернувшиеся работы, поскольку сезонные артели составляли основную массу трудовых коллективов. Ситуация сложилась напряженная, но ее все же удалось разрешить – убедить людей, что они крайне нужны здесь, на стройке. Большинство, не без колебаний, согласилось с таким доводом.

Зимой 1929/30 года главный фронт работ сместился в пустые коробки будущих производственных цехов – начался монтаж, наладка и пуск технологического оборудования. К лету примерно треть станков, подъемных кранов и другой техники была установлена и опробована, 17 июня главный конвейер пришел в движение, и в конце его заводской тракторист под аплодисменты собравшихся рабочих поехал своим ходом на первом тракторе с маркой СТЗ. Это был долгожданный праздник. Но второй трактор остался на конвейере в полусобранном виде перед сушильной камерой – не хватило 98 деталей.

Заводскую жизнь полупарализовали сразу три «детские» болезни:

- Нарушение целостности технологического процесса. Степень готовности основных цехов была намного выше, чем вспомогательных. Последние и стали «узкими» местами, остановившими главный конвейер.
- «Неожиданно» выяснилось, что *пуск завода* – это самостоятельная, не менее сложная стадия, чем его строительство. Так, за первые восемь месяцев 1931 года на заводе произошло 6 тысяч поломок.
- Оказалось, что сложившийся, дееспособный коллектив строителей невозможно в один день, даже в один месяц превратить в промышленно-производственный персонал тракторного завода. Для этого требуется специальная переподготовка, а на ряде участков – новые кадры высокой квалификации, которые нужно готовить заранее, как минимум за полгода.

В конце апреля 1930 года на завод приехал Г. Орджоникидзе. Выступая перед инженерно-техническим составом, он с горечью признался: «Сталинградский тракторный – это колоссальный завод, махина. Но не мы им владеем, а он нами. Мы пока барахтаемся беспомощно...». Чтобы выполнить плановые задания, завод должен был выпускать 144 трактора в сутки. За вторую половину 1930 года было выпущено всего 1002 трактора. Весь следующий

год завод продолжало лихорадить. Программа первого квартала 1932 года также была выполнена неполностью. Только в апреле завод достиг проектной мощности, и ему тут же повысили задание до 200 машин в сутки. [3.71.]

Примерно по такому же сценарию в конце первой – начале второй пятилетки входили в строй и другие заводы сельскохозяйственного машиностроения. Дело в том, что один трактор в поле – не работник. Ему нужен широкий набор прицепных машин и орудий. Поэтому еще осенью 1925 года ВСНХ принял программную резолюцию о развитии отечественного машиностроения, сориентированного на всестороннее удовлетворение потребностей крестьянства. Особое внимание уделялось флагману новой отрасли – будущему заводу Россельмаш. «Проектирование завода необходимо начать немедленно», указывалось в резолюции. [3.72.]

Это задание было выполнено в сжатые сроки. Всего проектом предусматривалось к концу первой пятилетки ввести в строй восемнадцать производственных цехов разного назначения. Уже летом 1926 года в степи, недалеко от Ростова появились первые строители. Большинство – выходцы из деревни. С земляными работами они справились быстро и, как казалось со стороны, легко. Настоящие трудности возникли при монтаже, пуске и налаживании технологического оборудования. В 1929 году удалось пустить шесть производственных цехов.

Наступило время вспомнить и о бытовых нуждах рабочих. В одном из номеров заводской многотиражки за 1929 год не то с гордостью, не то с некоторым смущением, объявлялось: «В этом году будет выстроена временная кухня для изготовления 5000 обедов для столовой на 200–300 человек. Решено отправлять обеды в термосах на питательные пункты – их будет два–три на территории строительства. Ведутся переговоры, чтобы обеды были двух видов – дешевые и обыкновенные.

У проходных ворот будет в ближайшее время выстроен большой ларек».

Касаясь жилищного вопроса, газета сообщала: «Здесь против прошлого года мы имеем увеличение коек на 1000 штук. Это увеличение произойдет главным образом за счет каменных домов, которые будут приспособлены под общежитие». [3.73.]

На этих примерах видно, как непросто, со скрипом и сбоями, иногда со скандалами, иногда торжественно, формировалась качественно новая материально-техническая база коллективного сельского хозяйства.

Крупные заводы по производству тракторов и сельскохозяйственных машин [3.74]

Заводы	Выпускаемая продукция
Сталинградский тракторный	Колесные тракторы, с 1937 г. – гусеничные
Харьковский тракторный	Колесные тракторы, с 1937 г. – гусеничные
Челябинский тракторный	Гусеничные тракторы
Завод «Коммунар»	Комбайны
Россельмаш	Комбайны, тракторные плуги, сеялки, культиваторы, сенокосилки
Гомельский сельмаш	Молотилки, сортировки
Ташкентский сельмаш	Хлопковые сеялки, культиваторы

В официальном справочнике годом рождения большинства этих заводов назван 1930 год. Среди них и Сталинградский тракторный. Но читатель уже познакомился с его историей. На проектную мощность он вышел только в 1932 году. ХТЗ официально ввели в строй в 1931 году, Челябинский – в 1933 году. Эти события нашли свое отражение и в динамике выпуска тракторов, а также сложных сельскохозяйственных машин.

Производство тракторов и сельскохозяйственных машин [3.75]

тыс. штук

Наименование	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
Трактора	1,3	3,3	9,1	37,9	48,9	73,7	94,0	112,6	112,9	51,0
Плуги тракторные	0,5	3,6	–	–	61,1	67,2	74,8	83,1	–	96,4
Сеялки тракторные	0,6	.2,8	–	–	28,4	11,9	12,1	20,8.	56,4	62,9
Комбайны зерновые	–	–	0,35	3,5	10,0	8,6	8,3	20,2	42,6	43,7
Молотилки	4,5	–	–	–	18,9		13,1	12,8	9,6	6,6
Автомобили грузовые	0,74	1,47	4,0	3,9	23,7	39,1	54,6	76,9	131,5	180,3

Как видно из таблицы, массовое производство тракторов и прицепных машин к ним, а также зерновых комбайнов удалось наладить только в самом конце первой пятилетки. Оно росло в течение почти всей второй пятилетки, затем – пошло на спад. Во-первых, насытили насущные потребности, а, во-вторых, и это было главное, – металл и мощности тракторных заводов переключили на выпуск военной техники.

Чтобы перекрыть остающийся дефицит тракторов и сложных сельскохозяйственных машин, оставался по существу только один

выход: резко увеличить нагрузку на каждую единицу имеющейся в хозяйствах техники. По этому показателю Россия вынуждена была обогнать даже США.

Использование тракторов в СССР и США [3.76]

Показатель	СССР (по МТС)			США
	1933	1935	1936	1930
Тракторный парк, тыс. шт.	96,8	203,0	289,7	920
Его мощность, млн л. с.	1,4	3,3	5,1	11,0
Выработка на трактор в пересчете на вспашку, га/год	363	427	492	90

Высокий уровень выработки на трактор (на комбайн и другую технику) свидетельствовал, с одной стороны, о преимуществах его использования в крупных коллективных хозяйствах, а с другой, – о чрезмерных нагрузках на все его механизмы, что естественно вело к частым поломкам и быстрому физическому износу всей машины. Неслучайно срок службы трактора в России был в два–три раза короче, чем в США.

К сожалению, даже к концу второй пятилетки механизировать все производственные процессы, даже в зерновом хозяйстве, не удалось.

Механизация отдельных работ при выращивании зерновых [3.77]
в процентах

Механизация работ	1928	1932	1936*
Пахота под яровые			
сохой	9,8	-	-
конным плугом	89,2	81,0	49,6
тракторным плугом	1,0	19,0	50,4
Сев яровых			
ручной	74,4	51,7	19,9
конной сеялкой	25,4	28,3	44,1
тракторной сеялкой	0,2	20,0	36,0
Уборка зерновых			
серпом и косой	44,4	35,4	15,0
конным инвентарем	55,4	54,6	48,8
тракторным инвентарем	0,2	10,0	35,6

* Предварительные данные

Из приведенных данных видно, как много было сделано за две первые пятилетки в качественной перестройке основных технологий в сельскохозяйственном производстве. Но это было только начало. Даже в зерновом хозяйстве новые технологии применялись менее, чем на половине полевых работ, в том числе при севе и уборке зерновых только на трети посевной площади. Остальное операции выполняли с помощью конного плуга и лошади, а то и вручную.

Но даже частичная механизация основных полевых работ на зерновом поле позволила увеличить посевные площади под эти культуры. Сократились сроки сева и уборки зерна. Однако произошедшие перемены почти не оказывали никакого воздействия на плодородие почвы и мотивацию труда колхозников. В то же время сокращение поголовья скота и лошадей резко уменьшило ресурсы органики (навоза), а возросшие объемы минеральных удобрений использовались в первую очередь под посевы технических культур. Но без удобрений земля не могла дать прироста урожайности в расчете на гектар.

Урожайность зерновых культур [3.78]
во всех категориях хозяйств, в среднем за год, ц/га

1913	1928	1929–1932	1933–1937	1938–1940
8,1	7,95	7,4	7,1	7,7

Как видно из таблицы, коллективизация и начавшаяся механизация основных работ в зерновом хозяйстве в первой и второй пятилетках не только не повысили плодородие земли, но даже снизили и без того его относительно невысокий уровень, то есть не дали главного желаемого и ожидаемого позитивного результата. Только в третьей пятилетки проявились первые признаки повышения урожайности. Но времени для того, чтобы это приобрело устойчивый и массовый характер, – уже не оставалось.

К тому же производство минеральных удобрений отставало от заданий пятилеток еще в большей степени, чем сельскохозяйственное машиностроение. Это также серьезно тормозило рост урожайности и валовых сборов зерна.

Производство минеральных удобрений [3.79]
в пересчете: азотные – на сульфат аммония,
фосфатные – на 19 % P_2O_5, калийные – на 41,6 % K_5O, млн тонн

Год	Всего	В том числе:		
		азотные	фосфатные	калийные
1928	0,14	0,01	0,12	–
1929	0,21	0,01	0,19	–
1930	0,50	0,02	0,48	–
1931	0,70	0,03	0,67	–
1932	0,90	0,06	0,86	1,9
1933	1,03	0,11	0,88	45,8
1934	1,40	0,23	0,98	196,0
1935	2,32	0,34	1,66	291,6
1936	2,84	0,55	1,88	406,6
1937	3,24	0,75	2,12	355,8
1938	3,41	0,83	2,23	357,9
1939	3,56	0,97	2,22	383,2
1940	3,24	0,97	1,73	532,3

По существу многотоннажное производство минеральных удобрений в СССР было налажено только в конце первой – начале второй пятилеток. Первый завод по выпуску калийных удобрений ввели в строй лишь в 1932 году. В конце второй пятилетки общий размер посевных площадей в стране увеличился до 135 млн га, в том числе под зерновыми – 104 млн. га и под техническими культурами – 11 млн. га. В это время (1937 г.) производство всех видов удобрений составило 3,2 млн тонн или менее 24 кг в расчете на гектар. Это было мало до слез, а может, – до смешного. Поэтому решили, что хотя бы технические культуры, прежде всего, хлопок и сахарную свеклу посытнее покормить азотом, фосфором и калием, а уж зерновым – что достанется или, точнее, – останется. Такой «порядок» сохранялся многие годы и после войны – хлебные гектары не по своей вине давали крайне низкие урожаи.

Технические культуры, прежде всего хлопок и свекла, и в тридцатые годы росли в достатке: земля получала подкормку (удобрения), а крестьяне – относительно высокие доходы, но и трудозатраты здесь были большие.

Производство технических культур в тридцатые годы [3.80]

млн тонн

Техническая культура	1913	1928	1932	1934	1935	1936	1937	1938
Хлопок, сырец	0,74	0,79	1,27	1,20	1,77	2,47	2,58	2,63
Лен, волокно	0,33	0,32	0,36	0,37	0,40	0,33	0,36	0,31
Сахарная свекла	10,9	10,1	6,6	9,9	16,0	16,4	21,6	16,2
Подсолнечник, семена	2,2	2,1	1,1	1,2	1,2	1,1	1,8	1,6

Наиболее динамично развивалось производство хлопка-сырца в республиках Средней Азии, что позволило создать устойчивую сырьевую базу для текстильной промышленности. Значительно хуже сложилась обстановка с производством льна-волокна, которое размещалось, в основном в северо-западной части Нечерноземной полосы. Оно не могло конкурировать по оплате труда с расположенными вокруг промышленными центрами, которые притягивали к себе основную часть трудоспособного населения этого региона.

Выращивание подсолнечника на семена было невыгодно, поскольку не сумели еще создать комплекс машин для механизации связанных с этим работ. Производство сахарной свеклы также отличалось тяжелыми условиями труда. Но его оплата была достаточно высокой, а пропашные трактора взяли на себя пахоту, сев и копку свеклы, что позволило резко увеличить посевы этой культуры и увеличить производство сахара.

Важную роль в широкой механизации растениеводства при ограниченном количестве сельскохозяйственной техники сыграли машинотракторные станции. Еще в восстановительный период почти все немногочисленные трактора, поступавшие по импорту, направлялись либо в совхозы, либо в специальные тракторные отряды, которые обслуживали колхозы и отдельные единоличные хозяйства. Так появились первые МТС, которые с созданием массового производства отечественных тракторов стали одной из несущих конструкций производительной силы колхозного крестьянства.

Развитие МТС и их технической базы [3.81]

тыс. штук

Техническая база	1928	1930	1931	1932	1933	1935	1937	1940
Число МТС, ед.	6	158	1 228	2 115	3533*	4 128	5 818	7 069
Тракторы	1,3	7,1	50,1	69,4	123	255	366	435
Грузовые автомобили	0,1	0,2	1,0	6,0	13,5	19,5	60,3	40
Комбайны	–	0,007	0,1	2,2	11,5	15,2	105,0	153
Обработанные колхозные посевы, %	нет данных	27,4	37,1	49,3	58,7	72,4	80,0	94,1

* 1934 г.

Как видно из таблицы, переломным периодом в развитии МТС выступает конец первой – начало второй пятилеток. Возникнув во второй половине двадцатых годов по инициативе местных органов власти, которые стремились тем самым помочь безлошадным крестьянским хозяйствам, машинотракторные станции превратились в главную производительную силу по выращиванию и уборке урожая. К 1940 году в них было сосредоточено свыше 80 % всего тракторного парка страны, при этом они стали выполнять ряд новых важных народнохозяйственных функций:

– обеспечивать энергетику и тягловую силу при механизации основных работ, связанных с производством зерна, хлопка, сахарной свеклы и некоторых других сельскохозяйственных культур. Так, объем работ, выполненных на колхозных полях тракторным парком МТС в 1938 году, расширился по сравнению с 1933 годом в 5,4 раза. Площадь зерновых культур, убранными комбайнами МТС, увеличилась за тот же период в 75 раз. [3.82] Их возросшие возможности позволили в 1940 году вспахать тракторными плугами 62 % земли, выделенной под яровые культуры, посеять тракторными сеялками 56 % яровых, убрать комбайнами 42 % урожая зерна. С помощью новой техники существенно повысилась производительность труда колхозников.

Урожай зерна в расчете на 1 рабочий день [3.83]

центнер

В единоличных хозяйствах, 1922/23 г.	0,3
В колхозах, 1933 г.	0,6
В колхозах, 1937 г.	1,0

Таким образом, производительность труда в зерновом хозяйстве колхозов, опиравшихся на энергетику и машины МТС, за две пятилетки повысилась в три раза.

– Массовое применение тракторов, комбайнов и тракторного инвентаря потребовало перестройки структуры использования земли, укрупнения полей, внедрения оптимальных севооборотов. Изменилась также организация коллективного труда. Ее основной формой стала постоянная производственная бригада, за которой закреплялись на длительное время отдельные участки земли. Вместе с соответствующей группой работников МТС такая бригада по идее должна была быть заинтересована в получении высоких урожаев на закрепленных за ней земельных участках в течение нескольких лет. Внутри бригады также осуществлялась специализация и кооперация труда отдельных работников, иногда – постоянных звеньев, по возможности, с четким разделением обязанностей, прав и ответственности за конечные результаты их деятельности. Такое взаимное сотрудничество повышало заинтересованность в работе и дисциплину труда.

– Выступая главной энергетической и производительной силой в производстве, прежде всего, зерна, МТС практически стали и его главным организатором, направляя и координируя труд не только своих механизаторов, но и «своих» колхозников. Хотя нередко возникали разного рода конфликты, но в главном – получении высоких урожаев интересы сторон должны были совпадать. Поэтому всегда была почва для достижения компромиссов. В таких условиях парткомы МТС, как и парткомы совхозов, часто сами решали не только производственные, но и социальные, а иногда и административные вопросы, связанные с жизнеобеспечением местного населения. Это нередко означало на практике подмену функций и власти сельских советов. Но, поскольку в распоряжении местных советов реальных ресурсов было значительно меньше, чем у руководства МТС, они мирились с такой практикой так как она не нарушала общих интересов.

– Государство со своей стороны активно поддерживало и помогало МТС, поскольку они служили емким источником поступления хлеба и других продуктов в централизованные фонды. Так, в 1937 году от основных поставщиков товарного зерна – колхозов государственные заготовительные органы получили 25,1 млн тонн зерна, в том числе 10,2 млн тонн или 40,6 % составили обязательные поставки по твердым (низким) ценам, 11,2 млн тонн или 45 % было получено в форме натуроплаты за работу МТС. Остальные

закупки по повышенным ценам после выполнения обязательных поставок – 3,6 млн тонн (14,4 %). Если посмотреть динамику, то размер натуроплаты за работу МТС вырос с 2,72 млн тонн в 1933 г. до 11,23 млн тонн в 1937. За год до этого были отменены карточки на хлеб. Чтобы увеличить централизованные ресурсы продовольствия, государство повысило закупочные цены на зерно на 10 %. В это же время цены на семена подсолнечника возросли на 70 %, а на лен – вдвое. [3.84] Поскольку натуроплата за работу МТС взималась по твердой ставке – 25 % от урожая с гектара, даже относительно невысокое повышение закупочных цен на зерно увеличило его стоимость, а, следовательно, и значимость натуроплаты в расходах государства.

Отмена карточек лишь формально символизировало успехи в развитии сельского хозяйства. Ресурсы товарного зерна в стране увеличились незначительно. «Свободная» торговля хлебом, за исключением столичных городов, породила перебои его поступления в магазины, и как следствие таких перебоев, – длинные очереди, которые формировались с вечера с тем, чтобы утром «купить» еще горячую буханку «в одни руки». Назвать сложившееся положение в торговле хлебом «удовлетворительным» можно было только с большой натяжкой. Первопричина трудностей находилась в деревне, которая так и не смогла оправиться после «головотяпства» коллективизации. Крестьяне вспоминали добрым словом НЭП. «Люди сразу же взялись за дело, и дело пошло в гору. Но он мало просуществовал. В 1929 году, как пошла сплошная коллективизация, все полетело вверх тормашками. Люди стали уезжать из деревни в город... И в три–четыре года сбили все в кучу: единоличное хозяйство нарушили, землю стали обрабатывать как попало, техники не было, только лошадьми, а в колхозе скота не было.

24 дома деревня была, и только шесть коров на скотный двор поставили. Откуда удобрения-то будут? Надо же удобрения в землю класть. Землю измотали в течение трех–четырех лет, и город оказался на голодном пайке. Я как сейчас помню 1934 год, в Ленинграде я жил. Зайдешь в Елисеевский магазин – там соленые опята, грибы. Больше ничего нет. Город на голодном пайке. Да и деревня – сами те, кто производил хлеб, 200 грамм в день зерна им доставалось. Это же смешно. На трудодень получали 10, 20 копеек. А жили весело. Не как сейчас. Праздники справляли религиозные. Пивишко сварят, самогонки нагонят, и гуляют...» [3.85]

«Мне было 12 лет, когда пошла сплошная коллективизация... Не хотели люди в колхоз идти, и что стали делать власти? Стали

облаживать их твердым заданием. Доводится это задание: в этом году ты вносишь льна вот столько-то, ржи вот столько-то, овса, ячменя, картошки вот столько-то... Упрямый человек, труженик, взялся – выполнил. На второй год ему в 1,5 раза добавили. Он и с этим справился. На третий раз как махнули! Все. Его за шиворот, да в тюрьму. А там много людей пропало. А ведь это труженики были, все труженики».[3.86.]

Здесь приведены только два примера. В сельской жизни их было свыше миллиона. Как исправить эту грубую и масштабную ошибку? И можно ли ее вообще исправить? Ведь у крестьянства по существу отрубили руку, и оно потеряло слишком много крови. А главное – так и осталось инвалидом.

Руководство страны пыталось помочь искалеченному крестьянству, интенсивно готовя ему механический протез из тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Но этого было мало. Требовалось еще создать систему экономических стимулов – перейти от разверстки к стабильному сельскохозяйственному налогу, то есть воссоздать нечто похожее на НЭП, причем внедрение элементов НЭПа сочеталось с усилением административных методов воздействия для укрепления порядка и дисциплины в колхозах и совхозах. Так, в мае 1939 года был установлен для каждого трудоспособного колхозника обязательный минимум трудодней в году. Колхозам предоставлялось право исключать колхозников, не выработавших установленного минимума. В результате средний показатель в расчете на одного колхозника в 1940 году достиг 254 трудодня против 194 в 1937 году. [3.87.] В 1940 году был запрещен самовольный уход трактористов и комбайнеров, работавших в МТС.

В то же время колхозам рекомендовали применять разнообразные формы дополнительной оплаты труда работников, получивших высокие конечные результаты, прежде всего, – повысивших урожайность и продуктивность скота. Премии выдавались, чаще всего, натурой (зерном, овощами, сеном, молоком, мясом). Иногда начисляли дополнительные трудодни. Реже премия имела денежную форму. Была разработана также методика для премирования председателей колхозов, специалистов, бригадиров и заведующих фермами.

Изменился также порядок определения размера обязательных поставок зерновых и мяса. Во второй пятилетке такая норма в полеводстве устанавливалась в расчете на плановый размер посевных площадей, в животноводстве – по поголовью общественного скота. В таких условиях хозяйства не были заинтересованы расширять

пашню и увеличивать численность общественного стада. Поэтому в третьей пятилетке размер обязательных поставок зависел от всей площади закрепленных за колхозом сельскохозяйственных угодий. При более результативном их использовании в выигрыше оказывался колхоз. Весной 1940 года этот метод уточнили: нормы обязательных поставок зерна, риса, картофеля, овощей, семян подсолнечника устанавливался на гектар пашни.

В это же время начался пересмотр заготовительных цен на сдаваемые государству сельскохозяйственные продукты, которые не возмещали целиком издержки их производства, что в свою очередь отрицательно сказывалось на экономике коллективных хозяйств. К сожалению, этот процесс так и не удалось завершить до начала войны.

Много внимания в это время уделялось также поддержке МТС. С 1938 года их перевели на финансирование из государственного бюджета. Государство взяло на себя денежную часть гарантированного минимума оплаты труда механизаторов по повышенной норме (ее натуральную часть оплачивали колхозы). В то же время пришлось повысить ставки натуроплаты за услуги МТС. Определенные трудности в их работе возникли перед войной в связи с сокращением выпуска тракторов и сельскохозяйственных машин как раз в то время, когда из-за постоянных перегрузок в работе техники и не всегда квалифицированного ухода за ней, она стала часто выходить из строя. Пришлось срочно налаживать сеть стационарных ремонтных мастерских, которым хронически не хватало запасных частей и специального оборудования.

Несмотря на многочисленные препоны и противоречия, развитие колхозов во второй половине тридцатых годов нашло свою точку опоры – рост производительности труда. В 1940 году выработка сельскохозяйственной продукции в расчете на одного колхозника по сравнению с 1928 годом выросла в 1,7 раза. Это позволило за счет повышения производительности и интенсивности труда сельских жителей перекрыть многомиллионный отток населения из деревни. [3.88.] Думается, что в этом показателе проявились качественных преимуществ кооперативной системы, которые внутренне присущи ей. Именно они помогли преодолеть, к сожалению, только частично, многочисленные внешние удары и насилия над ней.

3.3. Сельское хозяйство – слабое звено предвоенной экономики

Третья пятилетка, как и вторая, для сельского хозяйства началась с неприятностей. 1938 и 1939 годы по погодным условиям были неблагоприятными. Ряд регионов серьезно пострадал от засухи, что снизило средний уровень урожайности по стране. Амбарный сбор зерна составил соответственно 73,6 и 73,2 млн тонн при средней урожайности 7,2 и 7,3 центнера с гектара. Последний мирный год (1940), когда собрали 95,6 млн тонн зерна при средней урожайности 8,6 ц/га, – не мог уже восполнить образовавшийся провал. [3.89.]

Планы были полны оптимизма. Весной 1939 года, когда прогноз на уже начавшийся пятилетний период можно было бы сделать достаточно реалистично, XVIII съезд партии принял резолюцию о третьей пятилетке, которая предусматривала рост продукции во всем сельском хозяйстве в 1,5 раза. При этом была выдвинута задача «по зерновым культурам к концу периода обеспечить ежегодный сбор 8 миллиардов пудов (130 млн тонн) зерна при достижении средней урожайности в 13 центнеров с гектара». [3.90.]

Такое задание было явно завышенным, что подтвердила, прежде всего, практика. (В качестве справки: урожай зерновых 7,8 млрд пудов или 127,6 млн тонн в СССР был получен впервые в 1956 году, после освоения целинных земель. До войны ни разу, даже близко, таких урожаев не собирали.)

Валовой сбор и урожайность зерна во всех категориях хозяйств [3.91]
в среднем за год

Годы	Валовой сбор (амбарный)		Урожайность, ц/га
	млрд пудов	млн тонн	
1913*	4,67	76,5	8,1
1926	4,69	76,8	8,2
1929–1932	4,50	73,7	7,4
1933–1937	4,45	72,9	7,1
1938–1940	4,76	77,9	7,7

* В границах до сентября 1939 г.

На фоне этих динамических рядов 1929–1937 годов логически было трудно согласиться с реальностью планового задания: в оставшиеся три года довести годовой сбор зерна до 130 млн тонн при средней урожайности 13 ц/га. Также трудно объяснить, чем руководствовался Сталин, выдвигая такое задание на съезде партии.

В качестве базы для своих выводов он привел данные, которые существенно расходятся с динамическим рядом ЦСУ, опубликованном, правда, только более сорока лет спустя после выступления Сталина на XVIII съезде ВКП(б).

Валовой сбор зерна во второй половине тридцатых годов по двум источникам [3.92]

млн тонн

Источник	1934	1935	1936	1937	1938
Доклад И. Сталина	89,4	90,1	82,7	120,3	95,0
Справочник ЦСУ	67,6	75,0	55,8	97,4	73,9

Как видно из таблицы, сведения, характеризующие годовые сборы зерна, взятые из двух официальных и, можно добавить, хорошо информированных источников, расходятся между собой примерно на 20 млн тонн. Что это? Случайная ошибка или сознательная корректировка фактов с определенными целями? Второе более вероятно.

Стоит отметить, что в то время точных и достоверных данных о валовых сборах и урожайности зерновых в распоряжении руководящих органов не было, хотя при Совнаркоме создали специальную Центральную комиссию по определению урожайности. Заместитель ее председателя П. Брюханов в записке на имя Л. Кагановича сообщал: «В настоящее время (сентябрь 1933 г. – *Р.Б.*) можно ориентировочно считать, что ... урожайность зерновых хлебов определиться по всему СССР примерно в 9,5 ц/га, а валовой сбор зерновых хлебов – в 96,5 млн тонн (5800 млн. пуд.)». С ним не согласился эксперт Госплана А. Гайстер, хотя и признавал, что «Госплан не располагает самостоятельным источником сведений о размерах урожайности и валовых сборов». По его оценке средняя урожайность по СССР составит в 1933 году 9,2 ц с гектара, а валовой сбор – 93 млн тонн. [3.93] Если бы эти оценки соответствовали действительности еще в 1933 году, то тогда можно было планировать на 1942 год показатели, названные в докладе Сталина.

Но были и другие сообщения. В отчете Наркомзема Казахской АССР, направленному в декабре 1933 года в адрес Сталина и Кагановича, содержались следующие факты: «Посевная площадь по колхозному и единоличному сектору (Казахстана – *Р.Б.*) к весне 1933 г. сократились по сравнению с 1931 г. с 5012 тыс. га до 4428 тыс. га.

Урожайность по всем основным культурам снижалась из года в год. Так, если средняя урожайность по пшенице в 1930 г. была

6 ц/га, то1932 год дал 4,4 ц/га. По овсу снижение с 7–8 ц/га до 4,9 ц/га. По ячменю – с 7,3 до 5,1 ц/га. По просу – с 5,5 до 3,4 ц/га.

В весенний сев Казахстан вступил при следующих условиях:

- обеспеченность семенами только на 49,3 %,
- план осенней паровой вспашки выполнен на 40 %,
- во время весеннего сева нагрузка на одну тягловую силу составила 7,9 га при норме 3,6 га. «Живое тягло доведено до безобразного состояния. Большинство колхозов в начале посевной лошадей и быков буквально поднимали на ноги. Много скота пало». [3.94]

Информации о положении и динамике сельскохозяйственного производства, в том числе по валовому сбору зерна и его урожайности с гектара, поступало много. Но она была разной по содержанию и характеру количественных и качественных оценок. Естественно, аппарат управления выбирал те данные, которые больше устраивали руководство.

Выступая на XVIII съезде с докладом о третьем пятилетнем плане, В. Молотов подтвердил выкладки генерального секретаря: «Наше зерновое хозяйство успешно справилось с выполнением известного Сталинского задания...По окончательным подсчетам урожай зерновых в 1937 году определен в 7 миллиардов 340 миллионов пудов. (120 млн тонн – *Р.Б.*) Задание второй пятилетки по зерну перевыполнено». [3.95]

Фактически, по официальным данным ЦСУ, в 1937 году во всех категориях хозяйства собрали 97,4 млн тонн зерна. Таким образом, чтобы выполнить указание Сталина и задание второй пятилетки – 104,8 млн тонн [3.96] нужно было добавить к отчету всего-то чуть-чуть: около 10 млн тонн. Видимо, руководящая тройка другого решения не нашла. Возможно, вспомнили записку Л. Кагановича 1933 года о том, что крестьяне пухнут от голода, но зерно прячут, укрывают от государства. Теперь такое наблюдение пригодилось: «спрятанное» крестьянами зерно оценили в 20 млн. тонн и включили в валовой сбор. Тем более, что и «солидные» эксперты из центральной комиссии и Госплана были почти согласны с такими цифрами. Это позволило Сталину заявить с трибуны съезда: «Несмотря на засуху в восточных и юго-восточных районах в 1936 г. и в 1938 г. и несмотря на небывало высокий урожай в 1913 году, рост валовой продукции зерна... шел у нас за отчетный период неуклонно вверх в сравнении с уровнем 1913 года». [3.97]

Естественно, что хлеба от этого заявления реально не прибавилось, и положение со снабжением городского населения основным продуктом питания не улучшилось. Хорошо помню зиму 1939/40 года, когда в крупном промышленном центре страны – городе Горьком для того, чтобы купить буханку черного хлеба (карточки к этому времени были уже отменены), взрослые после работы, школьники после занятий, часов в 7–8 вечера шли записаться в очередь, состоящую из нескольких сотен человек. Соответствующий номер чернильным карандашом записывали на ладони. С таким «документом» люди расходились по домам с тем, чтобы вскоре вернуться на перекличку: первую – часов в 12 ночи, вторую – в 6 утра. Горячие ржаные «кирпичики» привозили в восемь часов утра. Остальное было делом торговой техники. Через два–три часа все страждущие, помеченные особым знаком удачи, довольные возвращались с ароматной «добычей» в свои семьи...

Несмотря на приписки в отчетах, провал проводимой в последнее десятилетие аграрной политики был налицо. Созданная хозяйственная система для многотоннажного производства дешевого хлеба не смогла перед войной достигнуть показателей 1913 года и конца НЭПа, как по урожайности с гектара, так и по валовому сбору зерна. Такой финал многим представлялся непонятным, а потому и необъяснимым. Казалось, что для успеха были созданы все необходимые предпосылки: крупные хозяйства, широкая механизация трудоемких работ при обработке земли и уборке урожая. В колхозах и совхозах началось освоение прогрессивных севооборотов и сортовых семян. Наладилась подготовка и переподготовка для деревни миллионов агрономов, зоотехников, инженеров, других специалистов, а также руководителей хозяйств и механизаторов. Тем не менее, конечные результаты всех этих усовершенствований оказались низкими, если не нулевыми.

Бесспорно, что почти все, во всяком случае, основные элементы для создания более эффективной системы по производству зерна были созданы. Но сама система в целом была серьезно перекошена, ее структура – неоднородна и внутренне противоречива. По существу она состояла из трех самостоятельных блоков, не стыкующихся друг с другом по интересам колхозников: первый – большие поля для коллективного выращивания товарного зерна, которые были арендованы колхозами у государства в бессрочное пользование. Второй – государственные МТС, которые за 25 % урожая помогали колхозникам обрабатывать эти поля. При этом труд механизаторов оплачивался по его затратам вне зависимости

от того, какой урожай будет собран с каждого гектара посевов зерновых. И третий – единоличные, так называемые приусадебные хозяйства колхозников, которые обрабатывались, в основном, вручную всей крестьянской семьей и которые служили главным источником доходов и существования этой семьи. Естественно, что главные интересы и заботы крестьян концентрировались вокруг этого, относительно небольшого клочка земли.

В феврале 1935 году, то есть после двух голодных лет, был принят новый примерный Устав сельскохозяйственной артели. С целью создать гарантированный источник продовольствия для крестьянских семей он предусматривал, что « размер приусадебной земли, находящейся в личном пользовании колхозного двора (не считая земли под жилыми постройками), может колебаться от 0,25 до 0,5 га, а отдельных районах – до 1 га...

Каждый колхозный двор в зерновых, хлопковых, свекловичных, льняных, конопляных, картофеле-овощных, чайных и табачных районах вправе иметь в личном пользовании корову, до двух голов молодняка рогатого скота, одну свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, две свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов, и до 20 ульев». [3.98.]

За счет такого приусадебного хозяйства крестьянская семья при интенсивном труде могла прокормить себя, зарабатывая на общественном поле только хлеб. Здесь-то и возникало главное противоречие между общественным и единоличным хозяйствами. На практике получалось, что работать на приусадебном хозяйстве для крестьянина было тяжелее, но, в конечном итоге, намного выгоднее, чем на колхозном поле. Реально ручной труд крестьянина на его приусадебном участке оплачивался значительно выше, чем на коллективном поле. Это определяло его позицию по отношению к труду «на себя» и в «общем» хозяйстве. Соответственно строилось его поведение в конкретной обстановке. Многие стремились устроиться на работу где угодно, только не в колхозе. Так, ежегодно примерно 1 млн молодых колхозников в организованном порядке покидали деревню: на стройках хронически не хватало рабочей силы. Показательно, что по переписи в январе 1939 года, количество сельского населения составляла 114,5 млн человек. В 1940 году в общественном секторе колхозов числилось всего 25,8 млн работников. В МТС и ремонтно-технических станциях было занято 0,4 млн, в совхозах и других государственных сельскохозяйственных предприятиях – 1,6 млн человек. [3.99.]

Из тех работников, что числились членами колхоза, немалая часть систематически уклонялась от труда на коллективных полях. Например, в 1937 году 10,4 % колхозников не выработало ни одного трудодня. Еще около 20 % наработало менее 50 трудодней. В то же время почти половина колхозников самостоятельно увеличила размеры своих приусадебных участков за счет обобществленной пашни. Поэтому в 1939 году для каждого трудоспособного колхозника был установлен обязательный минимум работы в коллективном хозяйстве: 60–80 трудодней в зерновых и животноводческих районах и 100 – в хлопковых. [3.100.]

Размер приусадебных участков привели в соответствие с нормами Примерного устава, чтобы снизить уровень доходов, получаемых со «своей» земли и переключить внимание колхозников на работы в обобществленном секторе. В законодательном порядке, как уже отмечалось, была пересмотрена методика начисления обязательных поставок, в целях стимулирования более интенсивного использования пахотной земли. Усовершенствованы формы натуроплаты за работу МТС. Введены премии за повышение урожайности, надоев на одну корову и других качественных показателей. Все эти частичные поправки и усовершенствования несколько ослабили, но не смогли устранить основное противоречие действовавшего хозяйственного механизма – противоречие между интересами крестьянина, колхоза и государства, которое существенно снижало КПД механизма хозяйствования на земле в целом.

Основной формой такого противоречия, скрытого внешне громкими лозунгами и словами о высокой эффективности коллективного труда, было нежелание колхозников выходить на работу, связанную с севом зерновых, уходом за полями и уборкой полученного урожая. Такой труд очень часто не оплачивался. Поскольку не было стимулов и возможности заработать, такой труд становился принудительным по своему характеру, что естественно сказывалось на его результатах.

На приусадебных участках, как уже отмечалось, результативность и доходность были значительно выше, поскольку весь собранный урожай картофеля, овощей и других культур оставался в распоряжении крестьянской семьи и служил главным источником ее продовольственных ресурсов.

Проявление этого противоречия в животноводстве имело свои особенности, но в конечном итоге его действия имели такой же разрушительный характер, как и в растениеводстве. Это довольно отчетливо видно на динамических рядах, отражающих движение численности скота в хозяйствах всех категорий.

Динамика поголовья скота в тридцатые годы в СССР [3.101]
на 1 января, в границах до 17.09.39., млн голов

Год	Крупный рогатый скот	В том числе: Коровы	Свиньи	Овцы	Козы
1916	51,7	28,8	17,3	89,8	6,5
1928	60,1	29,3	22,0	97,3	9,7
1929	58,2	29,2	19,4	97,4	9,7
1930	50,6	28,3	14,2	85,5	7,8
1931	42,5	24,5	11,7	62,5	5,6
1932	38,3	22,3	10,9	43,8	3,8
1933	33,5	19,4	9,9	34,0	3,3
1934	33,5	19,0	11,5	32,9	3,6
1935	38,9	19,0	17,1	36,4	4,4
1936	46,0	20,0	25,9	43,6	6,1
1937	47,5	20,9	20,0	46,6	7,2
1938	50,9	22,7	25,7	57,3	9,3
1939	53,5	24,0	25,2	69,9	11,0
1940	47,8	22,8	22,5	66,6	10,1

Из приведенных данных видно, что в восстановительный период, после кризиса 1932–1933 годов, козы и, частично, свиньи, стали вытеснять в сфере животноводства крупный рогатый скот, в том числе коров. Это верный признак оскудения крестьянских хозяйств, то есть каких-то внутренних нарушений их структуры, вызывавших снижение качества сельского хозяйства в целом. Выступая на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.), Сталин самокритично признал, «что по поголовью скота мы имеем за отчетный период не подъем, а все еще продолжающийся упадок в сравнении с довоенным уровнем». Тут же он указал виновных: «Очевидно, что наибольшая насыщенность животноводческих отраслей кулацкими элементами, с одной стороны, и усиленная кулацкая агитация за убой скота, имевшая благоприятную почву в годы реорганизации, нашли свое отражение в этом процессе».[3.102]

Через пять лет, на очередном съезде партии он уже говорил об успехах: «Что касается животноводства, то и в этой, наиболее отсталой отрасли сельского хозяйства наметились определенные сдвиги». Цифры были опять раздуты. При этом докладчик не отметил, что позитивные сдвиги в животноводстве за прошедший период были достигнуты целиком за счет единоличных, приусадебных хозяйств. [3.103]

Из официальных данных ЦСУ хорошо видно, что наиболее активный и жесткий период коллективизации 1930–1933 гг. сопровождался массовым забоем скота, даже коз – этих «эрзац-коров» для бедных семей. И только после опубликования нового Примерного устава сельскохозяйственной артели, который подвел правовую базу под развитие мелкого, единоличного хозяйства колхозников, начался быстрый рост поголовья всех видов скота. Причем движущую роль в этом процессе играли потребности владельцев приусадебных хозяйств, то есть крестьянских семей. В этой связи определенный интерес вызывает следующая таблица:

Развитие личных (подсобных) хозяйств колхозников [3.104]

	1932	**1938**
Общие размеры, млн га	2,5	5,3
Поголовье скота в личном пользовании, млн голов		
крупный рогатый скот	10,2	25,1
свиньи	3,0	12,8
овцы и козы	13,1	20,7
На 100 дворов приходилось:		
коров и молодняка КРС	66	138
свиней	20	70
овец и коз	85	169

Таблица в очередной раз наглядно демонстрирует огромную активность и действенность личной заинтересованности крестьянина – динамика поголовья скота, который держали в рамках приусадебных хозяйств, намного опережала развитие колхозных животноводческих ферм. Накануне войны половина крупного рогатого скота и свиней, почти треть овец содержались на крестьянских дворах, на долю которых приходилось всего 3–4 % пашни. На уход за скотом в домашнем хозяйстве затрачивалось 20–30 % рабочего времени колхозников, особенно женщин трудоспособного возраста. Именно здесь, в личном хозяйстве колхозников, за счет огромной перегрузки женского и детского труда, во второй половине тридцатых годов относительно быстро развивалось животноводство России. Однако с точки зрения повышения производительности (эффективности) всего народного хозяйства в национальном масштабе, такое направление «специализации» крестьянства было экономически и социально не оправданным.

В этой связи стоит напомнить, что, когда, вскоре после окончания войны, наши «опытные специалисты-аграрники» стали рекомендовать крестьянам Восточной Германии воспользоваться при

создании производственных кооперативов советской моделью сельскохозяйственной артели, в структуре которой приусадебное хозяйство играло одну из ключевых ролей, немцы решительно отклонили такой вариант. «Зачем нужно возиться у себя дома с одной коровой и поросятами, – говорили они, – когда в кооперативе всегда можно купить дешевое молоко и мясо». В этом суть и смысл кооперации – с высокой отдачей работать в коллективном хозяйстве и получать там необходимые, к тому же дешевые продукты питания. Но в том-то и дело, что наши крестьяне были лишены такой возможности – колхозы были построены на других принципах организации труда, а главное – распределения конечной продукции и доходов.

Так, во второй половине тридцатых годов в колхозах из валового урожая зерна 25 % использовалось на оплату работ МТС. Еще примерно 20 % поступало государству в форме обязательных поставок по низким ценам, что по существу придавало им налоговый характер. Еще 22–25 % откладывали на семена, 27–30 % собранного урожая зерновых расходовалось на корм обобществленным лошадям, свиньям, другим домашним животным. Мизерная доля выдачи хлеба на заработанный трудодень, – довольно часто всего 200–300 грамм, – терялась где-то среди этих больших цифр. В некоторых слабых колхозах зерно на трудодни вообще не выдавали. Колхозы выполняли первую заповедь – сначала нужно рассчитаться с государством. Так, по данным специального обследования почти 2023 колхозов органами ОГПУ по Северному Кавказу «размеры натуроплаты трудодней зерном в этих колхозах характеризуются следующими данными:

ничего не остается на трудодень	– в 150 колхозах (7,4 %),
приходится до 1 кг на трудодень	– в 261 колхозе (12,9 %),
приходится до 2 кг на трудодень	– в 347 колхозах (17,1 %),
от 2 до 5 кг на трудодень	– в 663 колхозах (32,8 %),
свыше 5 кг на трудодень	– в 602 колхозах (29,8 %).

Таким образом, ориентировочно не менее одной четверти учтенных колхозов (в одной из житниц России – *Р.Б.*) или совсем не имеют хлеба для выдачи на трудодни, или зернопродукты, запроектированные к распределению, фактически уже выданы в счет авансов, которые в большинстве мест колхозниками уже израсходованы.

Следует отметить, что в ряде мест расчеты, приводимые в таблице, несколько преувеличены, так как фактическая урожайность

еще неубранных культур была ниже запланированных хлебофуражных балансов». [3.105]

Несмотря на крайне трудные условия жизнедеятельности, российское крестьянство перед войной наглядно демонстрировало свое удивительное терпение и необычную способность к выживанию, огромное трудолюбие и умение результативно пользоваться здравым смыслом в любых условиях. Это позволило в третьей пятилетке ускорить подъем сельскохозяйственного производство и сократить его отставание от роста потребностей населения и его спроса на продовольственные товары.

Среднегодовой объем продукции сельского хозяйства [3.106]
в ценах 1965 года

Годы	млрд рублей
1909-1913	22,5
1924-1928	27,4
1936-1940	29,8
в том числе: 1940*	39,6

* в границах 1940 г.

Статистики сделали небольшую хирургическую операцию на этом динамическом ряду цифр, удалив влияние на него аграрного кризиса 1932–1933 годов. Но и без них известно, что в те годы произошел глубокий обвал в нашем сельском хозяйстве. Данная таблица фиксирует тенденцию вялого роста производства в этой отрасли начиная со второй половины тридцатых годов. Лишь в 1940 году произошел заметный скачек объема сельскохозяйственной продукции вверх, что связано, в основном, с благоприятными погодными условиями в этом последнем предвоенном году, а также с присоединением к СССР богатых хлебом Западной Украины и Западной Белоруссии.

В этот же период на развитие растениеводства, прежде всего, на расширение посевных площадей благоприятно сказалось увеличение парка тракторов и другой техники в МТС, причем одновременно менялась его структура в пользу кормовых и технических культур.

Доля отдельных культур в посевных площадях [3.107]

в %

Посевная культура	1913	1937	1940
Зерновые	90,0	77,2	73,8
Технические	4,3	8,3	8,4
Картофель и овощи	3,6	6,6	6,2
Кормовые	2,0	7,8	11,8

Как видно из приведенных данных, доля зерновых во всей площади посевных площадей в советский период заметно снизилась (при относительно стабильном уровне абсолютного масштаба их посевов – свыше 100 млн га). Наиболее значительно расширился клин под посевами кормовых культур, что отчасти было связано с внедрением травопольных севооборотов. Увеличение посевов картофеля и овощей позволяло частично возмещать снижение потребления хлеба, расширяя в то же время ассортимент продуктов питания. Весной 1938 года правительство приняло специальное постановление, запрещающее перевозки картофеля по железным дорогам. Тем самым стремились, с одной стороны, несколько разгрузить железные дороги, пропускная способность которых была ниже заявок на перевозки грузов, которые быстро росли в связи с высокими темпами развития промышленности и строительства. В то же время картофель, как массовый продукт питания, стал для населения одним из главных источников поступления витаминов. Поэтому было важно, чтобы его выращивали повсеместно. Для этого потребовалось «нажать» на местные органы власти, заставить их более энергично и заинтересовано заниматься решением этой проблемы.

Кроме того, технические и огородные культуры требовали больших затрат труда по сравнению с зерновыми, так как их возделывание связано с проведением ряда дополнительных агрономических операций – прополки, поливки, другой междурядной обработки (хлопок, картофель, овощи) или специальных технологий (лен). Расширение их посевов создавало дополнительные высокооплачиваемые рабочие места для женщин, относительный избыток которых наблюдался в то время в деревне.

Одна из благоприятных и важных перемен в сельском хозяйстве, которая была характерна для третьей пятилетки, заключалась в том, что в этот период темпы роста товарной продукции опережали динамику развития его отдельных отраслей. Такие изменения диктовали быстро растущие потребности городского населения.

Темпы роста объемов валовой и товарной продукции [3.108]
в 1938–1940 годах, %

Продукция	Отрасль, в целом	Земледелие	Животноводство
Валовая	143	156	122
Товарная	166	211	129

Доля товарности зернового хозяйства в 1938–1940 годах поднялась до 44 % против 26 % в первой пятилетке и 40 % – во второй. Основными производителями и поставщиками зерна государству стали колхозы (на их долю в 1940 году приходилось 87 % поставок хлеба) и совхозы (соответственно – 10 %).

Еще одна важная черта третьей пятилетки – интенсивное расширение посевных площадей под зерновыми культурами в восточных районах страны. Удельный вес Сибири, Казахстана и Урала в посевах зерновых в 1940 году составил 27,5 %.

Все эти достижения и позитивные структурные сдвиги смягчили и в какой-то степени помогли преодолеть негативные последствия перегибов аграрной политики в период первых двух пятилеток. С такой точки зрения они отвечали интересам крестьянства, которым нелегко было за несколько лет изменить свой образ жизни, сложившийся на протяжении столетий.

В этой связи можно напомнить краткое описание жизни семьи Грачевых из Нечерноземья. В двадцатые годы они «держали коров, двух овец-маток и лошадь. Лошадь – это все. Если не будет лошади – это уже не крестьяне, а бобыли. Так и называли: бобыль. Кур держали много, до 20 штук.

На огороде сажали картошку, но очень мало, только для себя.

Продукты хранили по-разному. У кого были ледники, погреба сделаны. У нас сооружали специальные шкапы, где обычно держали молоко, молочные и другие продукты.

Делали и творог, квасили его и хранили большими кадками, до зимы. Прежде чем корова перестанет доиться, молоко у нее становится густое, сладкое, хорошее молоко. Творог заливают этим молоком, перемешивают. Но, чтобы творог до осени достоял, за ним надо следить... Его держат под гнетом, сверху заливают холодной водой и закрывают чистой тряпочкой. Периодически воду меняли. Все время следили, чтобы вода не прогоркла, а то может и прогоркнуть. Кадки хранили в кладовке, а зимой творог рубили топором, он замерзал.

Из мяса солонину делали и оставляли на зиму в кадке. При этом ее заливали рассолом, сверху клали гнет. А весной некоторые это

мясо развешивали на чердаке, оно сохло, вялилось. Вяленое мясо можно варить, а можно и сырым есть, Я любил вяленое мясо.

Вот сейчас я страдаю диабетом, а раньше мы не знали, что такое диабет. Мы весь сахар находили в продуктах. Капуста – ну там сахару нет. Брюква, морковь, свекла – это все копили к зиме, и за зиму все это проходило. Готовили кашу, щи. В особенности крестьянские щи с мясом. Это было о–о! Какая прелесть, вкусно! А сахар не видели с субботы до субботы. В субботу в бане вымылись, самовар поставили, напились чаю. В воскресенье тоже могут самовар поставить, а уж в другие дни обходились без сахара.

В деревне жила такая Марья Ниловна, она пекла и продавала баранки. Баранки вкусные были, свежие, только-только из печки. Там у них печка стояла с двойной топкой. В одной они варят эти баранки, ну, сначала тесто разделывают, я не знаю этой технологии, а потом закатывают баранки, опускают их в кипящую воду, варят. Затем из воды вытаскивают, кладут на противень и в печку, Они там уже пекутся. Вкусные баранки».[3.109.]

Коллективизация поломала многие устои и традиции деревенской жизни. Но многое осталось. Однако дефицит продовольственных ресурсов в России приобрел хронический характер, захватив в той или иной степени и город, и деревню. Людей беспокоила забота не о том, как жить, а как выжить. Из примера крестьянской семьи Грачевых видно, что молочные продукты играли очень важную роль в питании как взрослых, так и подрастающего поколения. Поэтому закономерно, что колхозники, получив после принятия нового Примерного устава сельскохозяйственной артели более широкую самостоятельность, взялись в первую очередь за восстановление поголовья собственного домашнего скота. Рассчитывать на то, что эту заботу возьмет на себя колхоз, особенно не приходилось.

Тем не менее, свет в конце и этого туннеля стал проглядываться. Одна из важных новых черт, проявившихся в сельском хозяйстве в период третьей пятилетки, состояла в том, что среди массы колхозов, которые едва сводили концы с концами и где председателей меняли почти каждый год, появились хозяйства нового качества. Они научились использовать преимущества коллективного труда в сочетании с современной техникой, достижениями науки и заинтересованностью колхозников в высоких конечных результатах – повышении урожайности с гектара, надоев молока на каждую корову, настрига шерсти с овцы. Как тогда говорили: «и в деревне зажглись маяки», свет которых освещал начало нового этапа в развитии сельского хозяйства России.

Такие хозяйства могли уже противостоять не только перегибам в политике властей, но капризам природы. Так, в 1938 году, когда в некоторых областях Поволжья за все лето не выпало ни одного дождя, при средней урожайности зерновых по Саратовской области 3,6 ц/га, колхоз «Красный Октябрь» собрал озимой пшеницы 12,3 центнера, овса – 12,5, ячменя – 11,8 центнеров с гектара. В Сталинградской области, при средней урожайности 3,3 центнера, колхоз имени Крупской получил 11,8 центнера, а на семенных участках – 15,6 центнера с гектара. По Московской области, где погода была получше и культура обработки земли повыше, при среднем урожае зерновых 5,4 ц/га, колхоз «Победа» собрал зерновых 17,4 центнеров с гектара, в том числе ржи – 22,3 ц/га. Самый высокий урожай зерновых в 1938 году среди колхозов вырастили в Свердловской области, в колхозе имени М. Литвинова – 25,9 ц/га.[3.110]

Отрыв передовиков от основной массы колхозов – разительный. В чем «секрет» их успехов? Во-первых, в значительно лучшем качестве обработки земли: они сразу же после уборки предыдущей культуры производили лущение поля. Вспашка зяби выполнялась своевременно и глубоко. Умело было организовано снегозадержание. Все это требовало дополнительных затрат труда, но прирост продукции был еще большим. В этом отношении показательна следующая таблица.

Затраты труда на гектар и урожайность свеклы в свекловодческих колхозах [3.111]

Колхоз	Затраты, человеко-день/ га	Урожайность, ц/га	Урожай, кг/человеко-день
Перемога	113,5	307	271
Лозоватка	120,5	343	285
Шпола	137,1	417	304

Расходуя относительно больше рабочего времени в расчете на каждый гектар посева, лучшие бригады свекловодов, приближаясь к оптимальному пределу, получали весомую добавку урожая на каждый дополнительно затраченный рабочий день. Поскольку некоторые резервы трудовых ресурсов в деревне еще были, дополнительные затраты труда на улучшение качества обработки посевов в то время давали заметный не только экономический, но и социальный эффект.

Во-вторых, особое внимание обращалось на подбор семян, учитывающих особенности земли данного колхоза. При этом сортовые

семена перед севом очищали, протравливали, полностью яровизировали. В-третьих, сев проводился в ранние и сжатые сроки, уборку – без лишних потерь. Для достижения таких целей использовалось несколько приемов. Прежде всего, учитывались временные пики при возделывании конкретных культур. Известно, например, что 46 % годового рабочего времени при выращивании зерновых и бобовых приходится на август-месяц. Уборка корнеплодов в октябре использует 40 % годовых ресурсов времени, выделенных на эту культуру. При закладке силоса в сентябре расходуется 21 % таких ресурсов. Сенокос, сушка и уборка сена приходится в основном на июль, когда затрачивается 52 % всего времени, необходимого для заготовки этого ценного корма. Если посмотреть на приведенные данные, как на взаимосвязанные друг с другом отрезки рабочего времени, то видна целесообразность формирования в каждом производственном кооперативе многопрофильного хозяйства. Это позволяет равномерно и наиболее полно использовать во времени всю имеющуюся технику и трудовые ресурсы. Для сокращения сроков уборки очень важно закончить ремонт тракторов, автомашин и сельскохозяйственной техники не позднее июня. Хорошие результаты давало закрепление на несколько лет за конкретными группами механизаторов не только техники, но и посевных площадей, а также поощрение их за высокие урожаи, полученные на таких «именных» полях.

Если бы еще органики и минеральных удобрений внести по оптимальным нормам! Однако этого средства эффективного повышения плодородия земли все еще не хватало.

Но и то, что удалось сделать, дало заметную прибавку урожая. В тяжелом из-за непогоды 1938 году из 187 тысяч колхозов примерно треть хозяйств собрало с гектара в среднем 10,8 центнера зерна, в том числе 35 тысяч (19 %) колхозов – 13 и более центнеров. Таким образом, число колхозов, дела которых, даже при неблагоприятных погодных условиях, пошли вверх, измерялось уже десятками тысяч, хотя они не составляли пока большинства.

Примерно такая же неоднородная картина наблюдалась и в развитии животноводства. В 1940 году средний годовой надой молока от одной коровы составил, по всем категориям хозяйств – 1 185 кг, в том числе по колхозам – 1 017 кг и по совхозам – 1 803 кг. Но уже в 1938 году по всему Луховицкому району Московской области получали от каждой коровы в среднем за год 3025 кг молока. В этом районе насчитывалось 170 доярок-трехтысячниц. В это же время в Раменском районе надоили 3000 кг

молока от коровы. Здесь планку «3000» преодолели 120 доярок. При этом на каждые 100 кормовых единиц они получали 104 кг молока – выше соответствующего показателя животноводов Дании.

Еще более высоких успехов добились в то время отдельные передовые фермы. Например, в колхозе «Красная заря» Луховицкого района надои в среднем на одну из 223 коров достигли 4 199 кг. Ферма колхоза имени Э. Тельмана Раменского района на каждую из 120 коров получила 4 600 кг молока. На ферме колхоза «Призыв» на каждую из 40 коров еще больше – 4 787 кг.

Доярка Александра Кулешова надоила за год в расчете на одну корову 6 606 кг молока. Она одна, обслуживая восемь коров, получила молока в 1,5 раза больше, чем колхозная ферма в селе Аникино, где насчитывалось 46 коров.[3.112.]

Естественно возникает вопрос, что же определяло такие успехи?

Задействовано было много факторов, но главными из них были три: во-первых, порода скота. Это исходная предпосылка. Таких коров в те годы закупали за границей. Во-вторых, качественная и достаточная по количеству кормовая база. Это было, есть и, судя по всему, долго еще будет «узким» местом развития российского высокопродуктивного животноводства. В те годы считалось, что корова живым весом 475 кг, при продуктивности 25 кг молока в день, должна получать разнообразный корм, богатый витаминами, минеральными добавками и калориями. Примерный ежедневный рацион кормов для одной коровы должен включать в себя: сена 5 кг, овсяной соломы – 4 кг, силоса – 10 кг, свеклы – 20 кг, отрубей – 4 кг, овсяной муки – 3 кг и жмыха – 1 кг. Все эти продукты должны быть обработаны и приготовлены с умением, заботой и искусством, не меньшем, чем это делают крестьяне, когда готовят пищу для себя. Отсюда третий фактор – мотивация труда доярки, ее заинтересованность в высоких конечных результатах.

Хотя сенокосов и пастбищ в России всегда было в избытке, сена, силоса и соломы в животноводческих фермах постоянно не хватало. Мало сеяли и кормовых корнеплодов. Зато постановлений по этому вопросу принимали много. Но ими коров, как известно, не накормишь. Им подавай сено и силос.

Русский мужик привык, что травы на лужайках в лесах и естественных лугах, особенно в поймах рек, растут сами по себе. Его забота – покосить их в начале лета и осенью, подсушить и сложить сено таким образом, чтобы оно не намокло от дождя и не сгнило. Создавать культурные луга, да еще с сеянными, высокоурожайными и ценными по питательным свойствам травами, –

он не привык. Поэтому зимой кормили буренку, при общей любви к ней, кое-как и чем-нибудь, в том числе запаренной ржаной соломой, а иногда и еловыми ветками. После такой диеты весной коровенка особой российской породы, приученная жить впроголодь, не всегда могла сама встать на ноги, и если удавалось надоить за год 1000 –1200 литров молока – это уже считалось хорошим результатом. Коллективизация добавила свои трудности, что не могло не сказаться на динамике производств животноводческой продукции.

Производство продукции животноводства [3.113]
во всех категориях хозяйств

Год	Мясо, уб. вес, млн тонн	Молоко, тыс. тонн	Яйцо, млрд штук	Шерсть, тыс. тонн
1926	4,2	30,5	9,6	159
1927	4,5	30,6	10,5	168
1928	4,9	31,0	10,8	182
1929	5,8	29,8	10,1	183
1930	4,3	27,0	8,0	141
1931	3,9	23,4	6,7	98
1932	2,8	20,6	4,4	69
1933	2,3	19,2	3,5	64
1934	2,0	20,8	4,2	65
1935	2,3	21,4	5,8	79
1936	3,7	23,5	7,4	99
1937	3,0	26,1	8,2	106
1938	4,5	29,0	10,5	137
1939	5,1	27,2	11,5	150
1940	4,7	33,6	12,2	161

Это очень важная и емкая таблица, которая обобщает не только количественные, но и качественные, отрицательные и положительные итоги коллективизации в сфере животноводства.

Самый высокий уровень производства мяса, молока, яиц и шерсти был достигнут, если считать все категории хозяйства, в 1928 и 1929 годах. Затем, в связи с введением продразверстки по зерну (кормам) и мясу, начинается крутой спад производства *всех* продуктов животноводства, самый низкий уровень которого зафиксирован в 1934 году.

В 1935 году, после принятия нового Примерного устава сельскохозяйственной артели, который разрешал колхозникам иметь в личном хозяйстве корову, телят, свиноматок, овец и птицу, – начинается подъем животноводства и производства его продуктов, в основном за счет приусадебных участков крестьян. В 1938 году к ним

присоединяются окрепшие колхозные фермы. Но в 1940 году так и не удалось полностью восстановить объем производства мяса и шерсти, достигнутый до коллективизации в 1929 году. Это реально сужало возможности улучшения питания горожан и сельских жителей.

Стоит отметить, что сохранившееся еще отставание в развитии сельского хозяйства накануне Отечественной войны имело опасный негативный военно-стратегический характер. Это отчетливо видно при сопоставлении важнейших параметров развития сельского хозяйства России и Германии.

Производство и урожайность зерновых в России и Германии [3.114.]

Год	Производство зерновых				Урожайность зерновых	
	всего, млн тонн		на душу населения, кг		ц/га	
	Россия	Германия	Россия	Германия	Россия	Германия
1913	76,5	25,7	549	378	8,1	12,1
1926	76,8	17,8	522	278	8,2	14,1
1939	73,2	25,8	429	342	7,3	20,6

При анализе данной таблицы следует различать динамику и уровень производства зерна (в том числе, на душу населения), а также эффективность использования пахотной земли. После окончания Первой мировой войны Россия благодаря НЭПу первой восстановила валовой сбор зерновых, достигнутый в 1913 году. Германия не смогла этого сделать, главным образом, из-за хаоса в экономике, возникшего после поражения в борьбе с Антантой. Первоочередная ее задача состояла в том, чтобы увеличивать урожайность зерна с каждого гектара сократившейся пашни. После 1926 года Германия имела хорошую динамику как по валовым сборам, так и по урожайности зерновых. В России же наоборот: после повторного введения продразверстки и насильственной коллективизации резко снижается сбор зерна с гектара, что в первую очередь связано с несогласием крестьян с новыми порядками, падением плодородия земли и ухудшения качества ее обработки. Расширение посевных площадей с помощью МТС не возмещает потери в урожайности.

Кажущееся опережение России по производству зерна в расчете на душу население обманчиво. Возникшее ее превосходство при сравнении по этому показателю с Германией отражает специфику питания россиян. Они много (пожалуй, слишком много) потребляют хлеба. Немцы вместо него значительно больше потребляют картофеля, овощей, фруктов. Так, в 1939 году в Германии в расчете на

душу населения было произведено 828 кг картофеля против 239 кг, выращенных в России.

Главное превосходство Германии перед войной заключалось в более эффективном использовании земли, домашнего скота, а также крестьянского труда. Так, по урожайности зерновых Германия почти в три раза превосходила Россию, по сбору картофеля с гектара посевов – более, чем в три раза (178 : 58 ц/га). Надои молока на одну корову в 1939 году составили в Германии 2408 кг, в Росси – только 1133 кг.

Все это сказывалось на конечных результатах – создании достаточных ресурсов продовольствия для населения. Относительно невысокий уровень таких ресурсов в России накануне Отечественной войны характеризуют следующие данные:

Производство важнейших видов продовольствия в России и Германии в 1939 г. [3.115]

на душу населения, кг

Государство	Мясо	Молоко*	Яйцо, шт.	Сахар	Мука	Картофель	Овощи	Фрукты
Россия	29,9	159	67	10,6	169	239	56,9	22,9
Германия**	50,0	368	122	24,3	110	828	50,3	27,3

* Молоко и молочные продукты

** Все продукты – потребление, кроме молока и картофеля, где указано производство

Германия не только существенно превосходила Россию по производству важнейших видов продовольствия (кроме хлеба и овощей), но и имела их лучшую структуру, особенно по белку и животным жирам. Россия частично компенсировала свое отставание тем, что потребление свежего молока в расчете на душу (особенно, в деревне) было выше, чем в Германии. У нас почти каждая крестьянская семья имела свою корову. В России традиционно потребляли много капусты (зимой квашеная капуста была одним из основных источников витаминов), лука, огурцов, моркови и свеклы, лесных ягод и меда. Конечно, каждая крестьянские семья жила по-своему, но были и общие черты, сформировавшиеся десятилетиями. Питание в крестьянских семьях в тридцатых годах было ниже по количеству и хуже по качеству, чем в 1926–1927 годах. Естественно, что они не могли в необходимых масштабах помочь продовольствием и горожанам.

Таким образом, ограниченность ресурсов продовольствия была одним из главных показателей неподготовленности экономики страны к надвигающейся угрозе затяжной войны.

Глава 4. Финансы, кредит, торговля и цены

Исторический опыт показывает, что наиболее сильное регулирующее воздействие на развитие экономики кроме рынка и плана, оказывают финансы и кредит, то есть совокупность специальных распределительных и перераспределительных механизмов, с помощью которых формируются конечные фонды возмещения, накопления и потребления. При этом в процессе формирования и использования финансовых ресурсов пересекаются и взаимодействуют противоречивые интересы государства, регионов, предприятий и организаций, а значит и интересы многих миллионов людей. Возникающая борьба объективного и субъективного, сфер реального сектора и обращения сопровождается острыми конфликтами и нередко серьезными сбоями во всем процессе воспроизводства, взятом в целом. При этом характер и роль финансовой системы государства напрямую зависят от того, какие функции оно выполняет в соответствии с объективными требованиями времени в деле улучшения качества жизни населения страны, а значит и повышения эффективности экономики.

Как уже говорилось в предыдущей книге, ориентация развития России на формирование нового общественного уклада, обещавшего коренные преимущества в производительности труда в национальном масштабе, потребовала соответствующей перестройки всей системы экономического и социального управления, в том числе государственных финансов и кредита. Практически приступить к решению этой чрезвычайно сложной задачи страна смогла только во второй половине двадцатых годов. В тридцатые годы финансы, кредит и торговля вновь были серьезно деформированы.

4.1. Перестройка финансовой и кредитной системы

Обеспечение устойчивого финансирования крупномасштабной технической реконструкции всех отраслей народного хозяйства, проводимой к тому же в сжатые сроки, было для экономики России самой трудной и, с позиций формальной логики, практически неразрешимой задачей. Как покажут последующие события, эту крайне сложную экономическую и одновременно управленческую задачу решить все же удалось.

Главную роль при этом сыграли: мобилизация и концентрация на ключевых направлениях основой массы имеющихся ресурсов; экономное и, если это удавалось, наиболее рациональное их использование. Немалое значение имела при этом ликвидация фондового рынка и рентных платежей, связанных с денежным капиталом, частной собственностью на средства производства и землю, а также отказ от выплаты долгов царского правительства и новые займы у населения. Почти весь прибавочный продукт и часть необходимого были трансформированы в фонд производственного накопления. Вряд ли кто-нибудь будет отрицать тот факт, что конечный результат был весьма высоким, – широко объемная индустриализация и модернизация огромной страны. Но трудности и трансформации, возникшие при этом, вышли за рамки сбалансированной экономики, что существенно ослабило ее устойчивость.

В этой связи стоит еще раз напомнить о производственных инвестициях:

Капитальные вложения в народное хозяйство СССР [4.1]
млрд рублей, в ценах на 01.07.55

Годы	Млрд рублей	В среднем за год	
		млрд рублей	1918–1928 принято за 1
1918–1928*	16,5	1,5	1
1929–1932**	67,9	16,0	10,7
1933–1937	157,4	31,5	21,0
1938–1941***	158,3	45,2	30,1

* Без IV квартала 1928 г.
** Включая IV квартал 1928 г.
*** 1941 – I полугодие

Как видно из этой таблицы, уже в первой пятилетке объем капитальных вложений, в сопоставимых ценах, в расчете на год,

превысил показатели предыдущего десятилетия почти в 11 раз. В следующей пятилетке он еще удвоился. Перед войной производственные накопления в народном хозяйстве страны в 30 раз превышали среднегодовой уровень 1918–1928 годов. Таких темпов не знала история России, да и других стран.

Об их высокой результативности свидетельствуют следующие факты: стоимость основных производственных фондов в промышленности и строительстве в 1940 году увеличилась по сравнению с 1928 годом в 11 раз, в сельском хозяйстве соответственно – в 2,4 раза, транспорта и связи – в 3,7 раза. За этот же период основные фонды жилищного хозяйства удвоились.[4.2.]

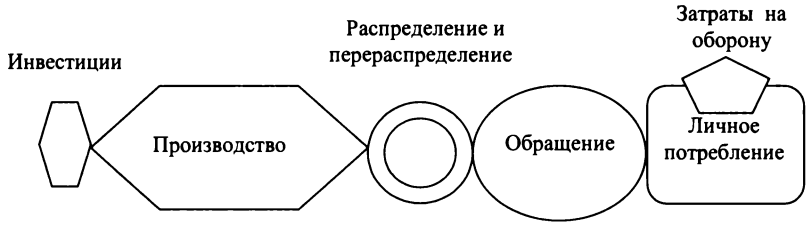
Закономерно возникает вопрос: где же Россия, страна бедная в финансовом отношении, без помощи иностранного капитала нашла достаточно емкие денежные источники, чтобы профинансировать резко возросшие масштабы капитальных вложений и их сверхвысокую динамику в течение целого десятилетия? Ответ на этот непростой вопрос, который предопределил успех и основные трудности первых пятилеток, нашли не сразу. Приходилось рисковать и ошибаться. Поэтому по своим результатам период первых пятилеток не был однозначным, как это требует формальная логика и математика.

Чтобы правильно оценить его результаты, следует иметь в виду два важных обстоятельства: во-первых, финансы, которые в те годы играли одну из главных ролей в перестройке структуры, то есть качества экономики, приняли на себя основную тяжесть перераспределения народного дохода в интересах индустриализации. Для успешного выполнения этой ответственной функции пришлось радикально изменить организацию и методы работы всей финансовой системы. Во-вторых, поскольку такая система выступала инструментом мобилизации, распределения и перераспределения значительной части национального дохода, – своими действиями она не только затрагивает, но и меняет отношения собственности. И, наоборот, смена собственности непосредственно воздействует на характер и цели финансовых форм распределения и присвоения доходов. То обстоятельство, что уже в первой пятилетке закончился процесс национализации и кооперирования основных фондов во всех ведущих отраслях, – значительно облегчило маневрирование финансовыми и материальными ресурсами для концентрации их на ключевых направлениях капитального строительства.

О принципиальном значении новой структуры и характера воспроизводственного процесса в период индустриализации свидетельствует следующая схема:

Прежняя и новая структура расширенного воспроизводства в России

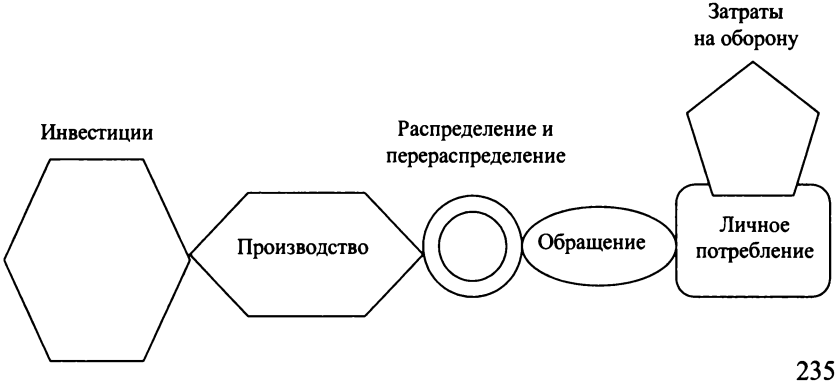
а – Схема расширенного воспроизводства двадцатых годов

Для воспроизводственного процесса двадцатых годов характерны две важные особенности: во-первых, незначительная доля производственных и других капитальных вложений в конечном использовании народного дохода и, во-вторых, крайне низкие затраты на оборону – после окончания Гражданской войны численность Красной армии была резко сокращена. Выпуск новых образцов артиллерийских орудий и других видов вооружения почти полностью прекратился. Все это позволило использовать экономический эффект восстановления народного хозяйства в основном на расширение и улучшение личного потребления широких масс населения.

В тридцатые годы в связи с начавшейся интенсивной индустриализацией и резко возросшими масштабами капитального строительства объем, структура и характер расширенного воспроизводства претерпели существенные изменения. В то же время наползающая угроза новой войны заставила круто увеличить расходы на оборону.

б – Схема расширенного воспроизводства тридцатых годов

Сопоставление схем выявляет существенное качественное расхождение их структур. В двадцатые годы *капитальные вложения* в народное хозяйство производились в незначительных масштабах, поскольку процесс восстановления промышленности происходил главным образом за счет более полной загрузки уже имевшегося, но не работавшего по разным причинам производственного аппарата. Только с середины двадцатых годов здесь стали расширяться капитальный ремонт и частичное обновление машин и оборудования. Новостроек практически не было.

В тридцатые годы объем капитальных вложений и нового строительства во всех ключевых отраслях расширился в несколько раз. Такой скачек послужил главным фактором высоких темпов и широких масштабов технической реконструкции производственного аппарата промышленности, что, в свою очередь, позволило круто увеличить сферу производства материальных и нематериальных благ.

Сфера распределения и первичного перераспределения (с помощью оплаты труда, прямых налогов и займов) претерпела изменения двоякого рода: во-первых, многократно возрос суммарный объем заработной платы как за счет увеличения количества занятых в народном хозяйстве, так и в связи с повышением ее среднего уровня. Во-вторых, почти на нет сошло распределение доходов на частный капитал, дивидендов на акции и других рентных платежей.

Качественно и количественно изменилась структура *сферы обращения и вторичного перераспределения* доходов в связи с перестройкой системы налогов, ликвидации прибылей частных собственников, перекупщиков дефицитных товаров и инфляции. В новых условиях косвенные налоги стали перечисляться в доходную часть государственного бюджета. Почти вся продукция тяжелой промышленности и часть легкой реализовалась по безналичным расчетам в соответствии с плановыми заданиями и заключенными договорами. Крупных спекулянтов и перекупщиков вытеснили с рынка средств производства, кредита и ценных бумаг. Немалое значение имело и то обстоятельство, что государственная и кооперативная торговля была переведена на «диетическое питание» – при относительно твердых прейскурантных ценах в большинстве случаев она получала лишь 15 %-ую надбавку (скидку) к твердой цене. За счет такой надбавки в первую очередь возмещались торговые издержки, включая оплату труда торговых работников, и транспортные расходы. Поэтому торговая прибыль в цене реализации обычно не превышала 5–10 %. (Справочно: прибыль торговли в розничной цене товаров в западных странах в то время составляла 30–50 % и больше).

Сфера конечного потребления расширилась главным образом за счет расходов на оборону (видимо, чрезмерных) и в меньшей степени – в связи с повышением реальных доходов населения.

Формирование, распределение и перераспределение крупных и мелких денежных фондов в процессе расширенного воспроизводства и реализации общественного продукта осуществлялось в основной своей массе с помощью плановой, финансовой, кредитной и государственной рыночной, в том числе ценовой систем.

Перестройка их функций и конкретных форм применительно к развертывающейся индустриализации началась еще за несколько лет до принятия первой пятилетки, точнее – параллельно с ее проектными разработками. К сожалению, в самом начале таких разработок была допущена крупная методологическая ошибка. При прогнозировании вероятного роста промышленного производства на ближайшую перспективу разработчики плана исходили из того, что, когда в 1926 году промышленность вышла по выпуску продукции на уровень 1913 года, была достигнута самая высокая точка ее развития за предыдущую историю. Отсюда делался неверный вывод: в 1926 году имеющиеся в промышленности свободные мощности были якобы полностью загружены и дальнейшее наращивание ее валовой продукции в крупных масштабах возможно только за счет нового строительства при некотором снижении темпов прироста.

Однако в действительности в период Первой мировой войны промышленность России продолжала наращивать производственные мощности и выпуск продукции до 1916 года включительно. В 1926 году часть ее мощностей оказалась не загруженной. Поэтому стало возможным еще в течение двух–трех лет иметь высокую динамику развития промышленности с относительно умеренным ростом капитальных вложений. Все плановые задания были намного перевыполнены, в том числе и в области финансов. Так, по плановым наметкам доходы государственного бюджета в 1930/31 году должны были достигнуть 6912 млн рублей. Фактические показатели оказались значительно выше: уже в 1927/28 году бюджетные доходы составили 6545 млн рублей, в следующем – 8294 млн рублей. [4.3.]

Поскольку эту ошибку расценили как сознательное вредительство, новые разработчики очередного варианта пятилетки ударились в другую крайность – старались максимально повысить параметры роста экономики, в том числе государственного бюджета. Но, как известно, неудобно носить обувь не только на номер меньше, но и на размер больше. Верно, в первом случае больнее – жмет. Поэтому разработчики планов на длительный период, в том числе

в сфере финансов, предпочитали завышать задания – отвечать за их невыполнение приходится, обычно, другим работникам.

О том, что выполнение первой пятилетки будет связано с большими напряжениями не только финансового порядка, предупреждали с разных сторон. Например, XV партконференция (1926 г.) отметила в своей резолюции: «Одна из отличительных особенностей и вместе с тем одна из главных трудностей начального этапа индустриализации потребует значительного напряжения народного хозяйства... Результаты нового строительства: продукция новых фабрик и заводов, лучшая по качеству и более дешевая по цене, – будет поступать на рынок лишь спустя значительный срок, зачастую через несколько лет». [4.4.]

Но противоречия, связанные с выполнением завышенных заданий пятилеток, как в материальной, так и в финансовой сфере возникли более острыми, чем предполагалось:

- строительство новых заводов и фабрик затягивалось. После того, как пускали главный конвейер, до выхода предприятия на проектную мощность нередко проходило еще два–три года. Это тормозило кругооборот товаров и денег, вызывало перебои в материальном снабжении, создавало дефициты и очереди в торговле товарами для населения;
- рост доходной части бюджета отставал от стремительно растущих расходов государства. Приходилось прибегать к дополнительной эмиссии денег, которые относительно быстро обесценивались;
- расстроился сбалансированный товарооборот с деревней. Практика все чаще возвращалась к продразверстке со всеми ее отрицательными последствиями;
- государство теряло контроль над коммерческим кредитом. Большая путаница возникла при выдаче долгосрочных и краткосрочных кредитов. При этом не хватало и тех, и других;
- на предприятиях стремительно росли издержки производства и соответственно при твердых ценах снижалась рентабельность, на глазах таяли оборотные средства.

Список нерешенных финансовых проблем, возникших уже в первый период технической реконструкции народного хозяйства, можно продолжить. Но главное заключалось в том, как найти их решение. При этом некоторые политики, да и хозяйственники не всегда правильно толковали термин «финансирование» капитального строительства. Многие считают, что все дело в деньгах: будут деньги – будет и финансирование. На самом деле вопрос значительно

сложнее. Финансовая и кредитная система – форма движения не только денег, но и товаров. Когда в народном хозяйстве не хватает конкретных товаров, – будь то хлеб или топливо, – финансовые органы и банки не могут одни, сами «заштопать» возникшую прореху. Для этого требуется изменить структуру реального производства или внешней торговли. Однако это уже функция плановых органов и производственников. Нужен ли здесь дублер?

Ответ заключается в том, что в системе регулирования экономики существует своя специализация. Финансы и кредит – это связывающие звенья между производством, планом, рынком и потреблением. План призван обеспечивать балансовое равновесие в народном хозяйстве в целом, в том числе между отдельными отраслями и регионами. Основным инструментом выполнения такой ответственной функции служит система укрупненных натуральных и стоимостных (в неизменных ценах) балансов. Финансовая и кредитная система использует в основном оперативные балансы в текущих ценах, оказывая контролирующее и регулирующее воздействие с помощью денежных средств на конкретные пропорции обмена различных товаров и услуг, реализуемых на рынке обычно в течение короткого периода времени – до месяца, редко до года.

В текущей хозяйственной практике план, финансы, кредит и рынок тесно связаны между собой, активно взаимодействуя друг с другом. Но они не равноправны при выборе стратегических целей и соответствующих действий. В условиях господства рынка финансовая система и банки подчиняются в первую очередь его требованиям. В условиях ведущей роли планового хозяйства ситуация меняется – план, с большим или меньшим успехом, занимает место рыночного регулятора структуры народного хозяйства.

Логично, что начало интенсивной, широкомасштабной реконструкции производительных сил целой страны потребовало качественной перестройки функций, методов, организационной структуры не только народнохозяйственного планирования, но и всей сферы обращения.

Закономерно и то, что на стыке двадцатых и тридцатых годов, в условиях, когда поиск источников накопления стал для хозяйственной практики вопросом номер один, финансовая система, прежде всего доходная часть государственного бюджета, а также финансы государственных предприятий потребовали особого внимания со стороны органов управления. Поскольку на внешние кредиты или помощь рассчитывать не приходилось, реально единственным источником финансирования гигантских по тем

временам капитальных вложений стал национальный доход. Логично, что в этой связи потребовалась новая схема его распределения и перераспределения и соответственно – *существенная перестройка бюджетной системы.* Она использовалась в качестве основного инструмента решения этой сложной и противоречивой операции. На практике такая перестройка в довоенный период очень часто осуществлялась методом проб и ошибок. Ее исходный рубеж (1926 г.) – начавшиеся массовое строительство новых промышленных предприятий и реконструкция железнодорожного транспорта.

Уже на этом этапе в бюджетных ассигнованиях резко возросла доля тяжелой промышленности в финансировании народного хозяйства: с 24 % в 1928 г. до 48 % в 1932 г., в том числе в финансировании промышленности – с 73,5 до 92,5 %. Чтобы реально осуществить такие структурные сдвиги, потребовались деньги, к тому же в крупных размерах. Решить эту проблему без помощи финансово-кредитной системы не представлялось возможным. Напомним, что финансы — это особая, денежная форма движения общественного продукта в процессе его расширенного воспроизводства, распределения и перераспределения. Используя функции денег (меры стоимости, средства обращения и платежа, в том числе при безналичных расчетах), финансовая система обслуживает кругооборот производственных фондов и оборотных средств предприятий. Она участвует также в формировании централизованных фондов накопления и общественного потребления, в финансировании расходов на оборону и управление, контролирует и стимулирует соблюдение режима экономии в народном хозяйстве.

Таким образом, бюджет, как несущая конструкция всех государственных финансов, выступает мощным инструментом реализации экономической политики и народнохозяйственного плана. Особое значение этот инструмент имел в условиях переходного периода. Закономерно, что на стыке двадцатых и тридцатых годов, когда потребности в дополнительных источниках накопления приобрели первостепенное значение, государственный бюджет, а также финансы предприятий стали деформироваться и терять свою устойчивость, которую обрели в середине двадцатых годов.

Увеличение объемов капитальных вложений для нужд индустриализации можно было достигнуть несколькими путями. Главное стратегическое направление – динамичный рост физического объема народного дохода (но для этого требовались время и опять же деньги). Можно, и на первый взгляд проще, увеличить в нем долю фонда накоплений, изменить пропорции распределения капитальных

вложений между производственной и непроизводственной сферами, а внутри производственной сферы — в пользу ключевых отраслей и конкретных объектов.

Для регулирования и координации этих процессов органы управления выбрали более *простую, надежную и действенную модель бюджетной системы.* Ее перестройка происходила тремя этапами, которые в календарном времени не совпадали с довоенными пятилетними планами развития народного хозяйства.

Первый этап (1926–1930 гг.) характеризовался широкими масштабами и высокой динамикой роста капитальных вложений, которые, однако, не выходили за рамки возможного. По началу промышленность сама финансировала свое развитие.

Капитальные вложения и накопления в промышленности [4.5]

млн рублей

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1930
Капитальные вложения	941	1390	1748	2453	4115
Чистая прибыль	647	179	208	355	–
Амортизация	365	368	423	470	–
Сальдо	+ 71	– 843	– 1117	– 1628	–

Как видно из приведенных данных, в 1925/26 году сумма чистой прибыли и амортизационного фонда в промышленности на 71 млн рублей превышала суммарный объем капитальных вложений в эту отрасль. В последующие годы в этом балансе образовался большой, к тому же растущий дефицит. Но это только один аспект финансовых отношений между государством и отраслью. Чистая прибыль – лишь небольшая часть валовой прибыли, полученной предприятиями промышленности за вычетом налоговых и других платежей в государственный бюджет и другие фонды. Хотя данные о чистой прибыли и амортизации за 1930 год автору не известны, есть все основания утверждать, что валовая прибыль промышленности в 1930 году существенно превышала объем капитальных вложений в эту отрасль. Так, только налоговые платежи и другие отчисления в государственный бюджет за упомянутый год составили ~ 6 млрд рублей, то есть в 1,5 раза больше, чем отрасль получила из бюджета для финансирования производственных инвестиций.

Интересы повышения эффективности капитальных вложений и ускорения индустриализации страны обусловливали экономическую целесообразность централизации основной массы народного дохода в едином фонде (госбюджете). Затем из этого фонда финансировалось строительство конкретных объектов в соответствии со

стратегией народнохозяйственного плана. Подобный подход должен был давать максимальный эффект, поскольку препятствовал распылению ограниченных ресурсов, позволяя сосредоточить их на ключевых объектах и сократить сроки строительства. Так утверждает теория. Однако в хозяйственной практике конкретные формы движения финансовых средств оказались слишком сложными и длинными, не всегда управляемыми, а значит и результативными.

Дело в том, что промышленность в первый период индустриализации получала денежные средства из бюджета в основном в форме долгосрочного кредита, то есть в долг, который нужно было возвращать через несколько лет с выплатой небольших процентов. Конкретно этим делом занимался специальный Банк долгосрочного кредитования (БДК), созданный в 1928 году. Через этот банк предусмотренные планом бюджетные средства поступали на крупные и средние стройки. Он же обязан был контролировать использование выделенных государственных средств по назначению. Однако не было четкого разграничения, строительство каких объектов нужно кредитовать, а каких – финансировать. Еще меньше ясности было относительно того, кто и как будет возвращать полученные кредиты через несколько лет за счет прибыли построенных таким образом государственных предприятий, сроки ввода в строй которых, чаще всего, срывались. Растущая кредитная задолженность государственных предприятий государственному Банку долгосрочного кредитования имела, по существу, формальный характер.

Здравый смысл подсказывал, что сложившуюся практику взаиморасчетов нужно менять, сделать ее прозрачнее, а главное – надежнее. Поэтому еще в августе 1928 года всю накопившуюся задолженность по бюджетным ассигнованиям разделили на две части: возвратную и безвозвратную. К первой категории отнесли только 55 млн рублей или 8,9 % всех бюджетных ассигнований. Следующий шаг в этом направлении сделали спустя два года – 23 мая 1930 года было принято постановление, которое предусматривало, что «ассигнования по единому государственному бюджету на финансирование государственных промышленных, торговых, транспортных и сельскохозяйственных предприятий являются безвозвратными». Новое правило распространялось и на ассигнования прошлых лет.[4.6.]

Централизация движения денежных потоков через бюджет резко увеличила нагрузку на всю финансовую систему. При этом физические размеры расходов удваивались каждые четыре – пять лет. Доходная часть бюджета с трудом поспевала за их стремительным ростом.

Основные направления расходов сводного бюджета в 1925/26–1929/30 гг. [4.7]

млн рублей

Направления расходов бюджета	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Развитие народного хозяйства	1224	2085	2815	3810	6814
из них: промышленности	281	685	926	1248	2624
сельского хозяйства	283	298	394	714	1353
торговли, снабжения, заготовок	48	94	172	261	546
транспорта и связи	283	346	712	974	1521
жилищного хозяйства	257	527	474	439	560
Социально-культурной сферы	1371	1810	2199	2627	3518
в том числе: просвещения	520	692	895	1123	1781
здравоохранения	391	520	563	631	814
социального обеспечения	460	598	741	874	922
Управления	552	568	500	515	627
Обороны	569	651	765	880	1046
Всего расходов	4210	5780	7205	8784	13322

В последнее пятилетие двадцатых годов, когда председателем Совнаркома был еще А. Рыков, при общем увеличении расходов сводного бюджета в 3,2 раза финансирование народного хозяйства возросло в 5,6 раза, в том числе промышленности и электрификации – в 9,3 раза. Одновременно высокими темпами увеличивалась бюджетная поддержка сельского хозяйства – рост за пятилетие в 4,8 раза, расходы на просвещение – расширение в 3,4 раза, здравоохранение – более, чем в два раза. Таким образом, начавшаяся техническая реконструкция народного хозяйства во второй половине двадцатых годов осуществлялась весьма высокими темпами одновременно в реальном секторе и в социальной сфере.

Исторический факт: промышленность смогла в тот период финансировать за счет полученной прибыли (с учетом ее оборота и перераспределения через бюджет) не только свои капитальные вложения, но и оказывать существенную финансовую поддержку развитию системы народного образования и бесплатного медицинского обслуживания населения. Этому способствовала также экономия непроизводительных расходов. Так, затраты на управление в течение пятилетия удалось удержать практически на одном уровне при

сокращении их удельного веса в общей сумме бюджетных расходов на две трети. Затраты на укрепление обороноспособности страны, хотя и увеличились абсолютно в 1,8 раза, но их удельный вес в расходной части бюджета сократился больше, чем на треть.

Естественно, что резко возросшие потребности государства в финансовых ресурсах потребовали пропорционального увеличения доходной части бюджета.

Доходы сводного бюджета в 1925/26–1929/30 гг. [4.8]

млн рублей

	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Налоги, сборы и пошлины	2193	3006	3525	4332	6581
Неналоговые поступления	1237	1625	2018	2569	4898
Средства госстраха	670	927	1052	1221	1418
Государственные займы	146	319	726	725	1278
Всего доходов	4246	5877	7320	8830	13879

Основным источником доходов бюджета на протяжении всего пятилетия служили налоги и налоговые платежи. Их было очень много, но главную роль играли акцизы, промысловый и подоходный налоги. На их долю в 1929/30 году приходилось две трети таких платежей, 83 % поступлений по этой статье доходов бюджета приходилось на долю государственных и кооперативных предприятий. Только среди плательщиков подоходного налога около 40 % составляли физические лица, в том числе частники. При этом ставки налогообложения были дифференцированными: работники по найму платили в 1927 году от 68 копеек до 1,8 рубля. Мелкие предприниматели – 24,8 рубля, средние и крупные – 202,2 рубля на каждого. Кроме того, частники платили еще и промысловый налог.

Заметную роль в доходной части бюджета к концу двадцатых годов стали играть поступления из системы государственного страхования и займы, реализуемые среди населения и государственных предприятий. В 1927 году был выпущен первый заем индустриализации, а также заем укрепления крестьянского хозяйства. Затем последовали второй и третий займы индустриализации. Кроме того, были выпущены несколько выигрышных займов. Практически каждый год такие мероприятия проводились один–два раза, что помогало поддерживать покупательную способность рубля. С аналогичными целями быстро развивалось сберегательное дело: только с 1 октября 1926 г. до 1 октября 1929 года число вкладчиков в сберегательных кассах увеличилось с 1,2 млн до

7,2 млн человек. Сумма их вкладов за это время возросла с 90,5 млн до 316 млн рублей. [4.9]

Перестройке подверглись также финансы предприятий и сфера их взаимодействия с государственным бюджетом. Во второй половине двадцатых годов сложилась следующая система распределения прибыли (чистого дохода) предприятий:

- все хозрасчетные предприятия, за исключением мелких (с доходом до 4500–8000 руб.), выплачивали подоходный налог в размере 8 % суммы чистого дохода (в 1929 г. эту норму увеличили до 20 %);
- тресты, синдикаты, комбинаты и другие государственные предприятия, за исключением оборонной промышленности и государственных издательств, облагались промысловым налогом, ставки которого были дифференцированы в зависимости от числа занятых, места расположения и характера промысловой деятельности. Так, льготные ставки промыслового налога были установлены для машиностроения, электротехники и некоторых других отраслей, а также для предприятий, добившихся прироста производства на 25 % и более в год. Повышенные ставки налога выплачивали предприятия, изготовлявшие предметы роскоши;
- примерно на 20 потребительских товаров, главными из которых были сахар, соль, спички, ткани, резиновая обувь, керосин, спиртные и табачные изделия, был установлен акциз, который выплачивали предприятия при реализации соответствующей продукции торговым организациям, минуя складские базы. В другом случае плательщиками акцизов выступали тресты и синдикаты;
- предприятия, расположенные в черте городских поселений, вносили также плату за землю двух видов: основную и дополнительную (ренту). Первая взыскивалась в одинаковом размере со всех подлежащих обложению участков и поступала в государственный бюджет. Дополнительная рента устанавливалась за особо доходные (удобные) участки и поступала в местный бюджет;
- транспортные предприятия вносили плату за занимаемую территорию, даже если она находилась за чертой городских поселений (полоса отчуждения железных дорог);
- государственные предприятия оплачивали также различные сборы, например, в тех случаях, когда они письменно обращались к органам государственной власти (гербовый сбор)

или заключали договор нотариальным порядком (нотариальный сбор). При оформлении актов имущественного характера на сумму свыше 100 руб. взыскивали 1 % стоимости имущества;

– кроме платежей в государственный бюджет предприятия облагались также различными местными налогами. Они выплачивали надбавки к подоходному и промысловому налогам (не свыше 100 %); налоги на строения; сбор с привозимых и вывозимых грузов на станциях и пристанях в портах; налог со сделок, совершаемых или регистрируемых на бирже; попенную плату за древесину, заготовляемую в лесах, и др.

Почти третья часть прибыли оставалась в распоряжении предприятия в виде отчислений: *а* – в резервный фонд – не менее 20 % ее общей суммы, *б* – в промышленный фонд (только для местных трестов), *в* – в фонд улучшения быта рабочих, используемый на строительство жилья, проведение культурно-просветительных мероприятий и улучшение питания членов коллектива.

Если после всего этого оставалась какая-то неиспользованная часть прибыли, то она перечислялась в государственный бюджет. Таким образом, система так называемого свободного остатка зародилась еще в двадцатых годах, хотя и в очень незначительных масштабах.

О структуре распределения прибыли промышленных предприятий в количественном выражении можно получить представление из следующего варианта плана конца двадцатых годов:

Структура платежей общественного сектора в государственный бюджет, % [4.10]
(Вся сумма платежей принята за 100 %)

Акцизы (12 видов)	28,9
Промысловый налог	21,5
Таможенные пошлины	3,9
Попенная плата	4,9
Подоходный налог	4,6
Отчисления от прибылей в бюджет (три вида)	12,2
В фонд улучшения быта персонала	1,9
Отчисления в специальный капитал*	4,3
Займы 1928 и 1929 гг.**	3,3

* Для пользующихся долгосрочным кредитом
** Размещаемые среди предприятий

При большом многообразии платежей общественного сектора в государственный бюджет на долю акцизов и промыслового налога приходилась почти половина их общей суммы. В частном секторе основная доля платежей приходилась на подоходный и промысловый налог: соответственно 46,4 и 28,3 %.

Одна из особенностей финансовой политики конца двадцатых годов – использование 60–70 различных видов налогов, платежей и отчислений от прибылей предприятий. Громоздкость налоговой системы снижала ее надежность и действенность, затрудняла контроль и целенаправленное воздействие на кругооборот фондов в народном хозяйстве. Поэтому закономерно, что среди экономистов постепенно вызревала идея существенной перестройки всей налоговой системы. При этом возникла дискуссия об основных направлениях и конкретных формах осуществления такой перестройки. «В настоящее время, — писал С. Шахновский, — остро противопоставлены две точки зрения: одна сводится к утверждению того, что реконструкция может быть совершена лишь при введении единого платежа обобществленного сектора (замена всех налоговых изъятий и отчислений от прибылей единым начислением на себестоимость). Другая исходит из необходимости введения двух платежей – унификации всех налоговых изъятий и сохранения отчислений от прибыли. [4.11]

Официальную поддержку получила сначала первая точка зрения, хотя практическое развитие налоговой системы пошло по второй схеме.

16 декабря 1929 г. правительство приняло решение, которое предусматривало очередную перестройку системы распределения прибылей государственных предприятий. В частности, устанавливалась следующая структура платежей и образования фондов:

20 % прибыли (в первую очередь) направлялось на уплату подоходного налога. В тех случаях, когда на балансе предприятия числились убытки прошлых лет, они также восполнялись за счет полученного дохода. Оставшаяся после этих отчислений сумма прибыли распределялась как бы вновь следующим образом:

а – 47,5 % – в доходы государственного бюджета, тем самым в бюджет отчислялась не часть прибыли, оставшаяся после всех других обязательных платежей, как было раньше, а заранее твердо зафиксированная, довольно высокая налоговая ставка;

б – 3,5 % – на нужды высшего, среднего и профессионального образования;

в – 11,25 %– в фонд улучшения быта рабочих и служащих:
г – 25 % – в банк долгосрочного кредитования;
д – 12,5 % – в капитал расширения предприятия;
е – 0,25 % – в фонд для выдачи поощрительного вознаграждения [4.12].

Установленные пропорции распределения прибыли в силу ряда причин, прежде всего из-за невыполнения планов по себестоимости, выполнить на практике не удалось.

Примерно в это же время, в основном, эмпирическим путем шел поиск новых методов и форм налогообложения отдельных звеньев народного хозяйства. Например, был отменен ряд мелких акцизов. Введено в виде опыта однократное обложение промысловым налогом сахара, масла, табака. Объединены в один платеж промысловый налог и акциз по текстилю и спирту (для первого сохранился промысловый налог, а для спирта – только акциз).

Второй этап (1931–1935 гг.) реформирования государственной финансовой системы происходил в самое трудное и напряженное время. В этот период вступили в строй десятки тысяч новых промышленных предприятий. Началось мучительное время их освоения и достижения проектной мощности. Острая нехватка необходимых для этого квалифицированных кадров, качественного сырья, некомплект и погрешности монтажа технологического оборудования и многие другие помехи, – все это нарушало нормальный технологический ритм, увеличивало брак, а, следовательно, и издержки. Снизилась рентабельность производства. В пусковой период основная масса новых заводов не получала прибыли и сама нуждалась в финансовой поддержке со стороны бюджета. Его расходная часть быстро росла, и финансисты ломали голову над тем, где найти дополнительные доходы.

Бюджетные расходы* в 1931–1935 гг. [4.13]

млрд рублей

	1931	1932	1933	1934	1935
Промышленность	8,1	13,3	13,7	13,7	15,9
Сельское хозяйство	2,9	3,9	4,1	6,4	7,3
Социальный сектор в том числе:	5,4	7,6	6,1	8,4	5,0
образование	3,0	4,0	4,9	6,3	3,8
здравоохранение	1,2	2,0	1,0	1,8	1,1
Оборона	1,3	1,3	1,4	5,0	8,2
Всего расходов	25,1	38,0	39,9	52,4	64,7

* Союзного, республиканских и местных бюджетов

Из этих данных следует, что в центре внимания бюджетной политики в первой половине тридцатых годов находилась проблема – как с помощью финансовой поддержки преодолеть кризис в сельском хозяйстве: расходы на этом направлении увеличились, опережая по темпам роста промышленность в 2,5 раза. Характерна также быстрая реакция на приход фашизма к власти в Германии – затраты на оборону в 1935 году по сравнению с 1933 годом подскочили почти в 6 раз, что косвенно отразилось и на динамике бюджетного финансирования промышленности. Из-за этого пришлось резко сократить расходы на образование и здравоохранение.

Главным направлением расширения доходной базы бюджета стала *реформа налоговой системы*, начало которой было положено еще в 1930 году постановлением ЦИК и Совнаркома от 2 сентября. Основной замысел реформы состоял в том, чтобы максимально упростить и сократить штаты налоговой системы, сделать ее дешевой, но более действенной. С этой целью были ликвидированы множественность платежей в бюджет и многократность обложения налогом одной и той же продукции в процессе смены ее денежных форм по пути от производителя к потребителю.

Постепенно в доходной части бюджета стали преобладать две основные формы денежных платежей: *налог с оборота* и *отчисления от прибыли*. Размер последних зависел от рентабельности конкретного производства и размера плановых расходов предприятия из прибыли на собственные капитальные вложения и прирост оборотных средств.

Разработчики первой пятилетки и соответствующих ей бюджетов исходили из того, что уровень рентабельности и масса прибыли в промышленности будут расти и чистый доход станет одним из главных источников увеличивающихся капитальных вложений. Однако опережающий рост издержек производства на начальном этапе индустриализации быстро «съедал» прибавочный продукт, и большинство предприятий тяжелой промышленности стало убыточным.

В сложившейся чрезвычайной финансовой ситуации были возможны два варианта решения: повышение оптовых цен или введение государственных субсидий для нерентабельных предприятий. Выбрали второй вариант – перевод таких предприятий на государственную дотацию с сохранением относительно стабильного уровня оптовых цен, выполнявших в основном учетную функцию и позволяющих осуществлять, хотя и в ограниченной мере, хозяйственный расчет.

Прежняя система распределения прибыли автоматически распалась, поскольку резко сократилась или даже исчезла сама прибыль. Одновременно пришлось отказаться от фондов, источником образования которых на уровне предприятий была прибыль: резервного, промышленного и фонда улучшения быта рабочих и служащих. (Через несколько лет на базе роста рентабельности производства был образован *фонд директора*. Он формировался по твердому нормативу от прибыли. Средства этого фонда предназначались на жилищное строительство (не менее его половины), на культурные цели, на премирование персонала и на финансирование расходов, связанных с реализацией мероприятий по рационализации. В некоторых случаях источником образования фонда директора служила экономия, полученная за счет снижения себестоимости.)

Поскольку чистый доход в сфере производства, то есть на уровне промышленных предприятий, не реализовывался вообще или резко сократился, финансовые органы стали искать новые источники формирования доходной части государственного бюджета в сфере обращения и перераспределения доходов.

Основным инструментом мобилизации чистого дохода государства в изменившихся и достаточно напряженных финансовых отношениях стал налог с оборота. Он взимался с ограниченной группы продовольственных и сырьевых товаров, но через сложные связи с системой оптовых и розничных цен реализовал прибавочный продукт, созданный не только в группе «Б», но и в сельском хозяйстве, на транспорте, а также в тяжелой промышленности и строительстве.

Обложению налогом подлежал лишь товарный оборот, то есть товары, реализуемые на сторону по оптовым ценам промышленности. Важнейшая функция налога с оборота состояла в том, чтобы мобилизовать в распоряжение государства денежные ресурсы различных отраслей народного хозяйства для использования их на направлениях, имеющих решающее значение для технической реконструкции реального сектора. Стоит особо подчеркнуть, что именно этот инструмент обеспечивал в тридцатые годы надежность и стабильность поступления основной массы доходов в бюджет.

Налог с оборота – важное экономическое изобретение советских финансистов. Они придали ему ряд новых качеств: обязательность платежа, независимо от финансового положения производителя данного товара; стабильность размера, что придавало устойчивость всему бюджету; уплата налога в установленные сроки, что служило предпосылкой относительно равномерного поступления

доходов и своевременного выделения денежных средств для финансирования мероприятий, предусмотренных планом.

Наконец, немаловажное значение имел и тот факт, что система взимания налога с оборота была предельно простой и потому весьма надежной. Постепенно сфера товарооборота, где взимался этот налог, сузилась до небольшой группы товаров: мука, сахар, ткани, кожа, винно-водочные изделия, табак и парфюмерия. Очевидно, что взимать налог один раз на стадии производства муки проще, надежнее и дешевле, чем на стадии выпечки самого разнообразного ассортимента хлебных изделий. То же самое можно сказать относительно связок: ткани и одежда, кожи и обувь, табак и папиросы.

Прямые налоги на доходы населения в тридцатые годы не имели большого значения как источник доходной части бюджета.

В то же время активное воздействие на распределительные отношения оказывали более гибкие инструменты финансово-кредитной системы: государственные займы, размещаемые среди населения, и вклады в сберегательных кассах, которые широко использовались государством для финансирования хозяйственного и культурного строительства.

Как уже отмечалось, в годы довоенных пятилеток в широком масштабе проводилась подписка па заем индустриализации (1–3-й выпуски), «пятилетка в четыре года», заем укрепления обороны, займы третьей пятилетки (1–4-й выпуски). При этом применялась их новая форма – проведение подписки среди населения с предоставлением рассрочки платежей на 10 месяцев.

О том, как глубоко изменились масштабы и структуры финансовой системы в годы первых пятилеток, свидетельствуют следующие данные:

Структура доходов государственного бюджета [4.14]

% общей суммы

	1929/30	**1932**
Налог с оборота	38,6	51,5
Отчисления от прибылей	19,1	13,1
Налоги с организаций	3,4	2,1
Налоги и сборы с населения	8,1	7,9
Государственные займы	9,2	10,3
Средства соцстраха	10,2	9,4

В изменении структуры доходной части государственного бюджета в тридцатые годы четко прослеживается несколько тенденций. Прежде всего, существенное возрастание абсолютного объема и доли налога с оборота: с 25 % в 1929 г., когда он выступал, главным образом, в виде акцизов и пошлин, до 77 % в 1937 г., когда он включал в себя многие другие формы чистого дохода государства и стал выполнять не только распределительные, но и перераспределительные функции.

Почти параллельно происходило снижение доли прямых отчислений от прибыли. Причем здесь тенденция проступает не так четко, так как скачкообразно менялись норма рентабельности, и порядок распределения прибыли. С 1930 г. промысловый и подоходный налоги были отменены. Одновременно была резко повышена до 81 % норма отчислений в государственный бюджет от прибыли предприятий. Однако в таком случае оставшийся в распоряжении предприятия чистый доход стал недостаточным для финансирования предусмотренных планом капитальных вложений и прироста оборотных средств. Поэтому вскоре для большой группы предприятий нормы отчислений от прибыли в государственный бюджет были уменьшены до 10–20 %. В последующие годы этот норматив еще снизили – до уровня 3–4 %. Только после повышения оптовых цен в 1936 г., а затем в 1939–1940 гг. его размер вновь стал увеличиваться.

Весьма характерно также постепенное снижение доли платежей в бюджет от доходов транспорта. В двадцатые годы они составляли треть его доходной части. Однако в новом десятилетии в связи с тем, что тяжелая промышленность стала малорентабельной, органы управления стремились сдержать рост транспортных тарифов на перевозки сырья и топлива, на долю которых приходилась, как говорится, львиная доля грузопотоков, измеренных в тонно-километрах.

Показательно также сохранение относительно невысокой доли прямых денежных поступлений в государственный бюджет от населения. При этом основной формой мобилизации таких средств оставались государственные займы. Абсолютное и относительное значение прямого налогообложения населения было невелико. Важной формой платежей физических лиц в государственный бюджет оставался подоходный налог. Он был существенно дифференцирован в зависимости от имущественного положения плательщика. Наибольшие льготы имели рабочие и служащие.

Ставки подоходного налога в городах в начале тридцатых годов [4.15]
в рублях

	Годовые доходы и ставки*			
	101–300	**301–600**	**601–1000**	**1001 и выше**
Рабочие и служащие	0,75	1,81	3,44	3,50
Интеллигенция	0,90	1,93	3,58	11,46
Кустари-одиночки	2,50	5,86	11,11	21,05
Домовладельцы	3,75	8,80	16,65	31,57
Кустари с наемными рабочими	4,40	9,83	18,42	35,58
Нетрудовое население	4,80	12,33	23,25	40,74

* Для каждой категории был установлен необлагаемый минимум от 50 до 120 рублей

При уплате подоходного налога наибольшими льготами пользовались рабочие, служащие и работники свободных профессий (литераторы, художники, артисты и др.) Люди, использовавшие наемный труд, не имели никаких льгот.

Третий этап реформирования финансовой системы (1936–1940 гг.) носит на себе глубокий след, оставленный лихорадочной подготовкой к неизбежной войне. Это трансформировало, а иногда и деформировало как доходную, так и особенно расходную части государственного бюджета.

Расходы государственного бюджета в 1936–1940 гг. [4.16]
млрд рублей

	1936	**1937**	**1938***	**1939**	**1940**
Промышленность	14,3	16,1	23,6	31,1	28,6
Сельское хозяйство	8,7	9,0	11,4	13,3	12,2
Социальная сфера	7,0	9,5	35,3	37,4	40,9
Просвещение	5,2	6,3	18,7	20,3	22,5
Здравоохранение	1,7	2,0	7,6	8,2	9,0
Оборона	14,9	17,5	23,2	39,2	56,7
Расходы всего	81,7	93,9	124,0	153,3	174,3

* В 1938–1940 гг. в государственный бюджет включены расходы по бюджетам автономных республик, местных Советов и социального страхования. Это больше всего отразилось на показателях социальной сферы, включая просвещение и здравоохранение, а также на сумме общих расходов.

В последнее пятилетие перед войной главным для бюджета было финансирование разработки и освоения производства новых видов вооружений. «Партия и правительство, – писал в своих воспоминаниях А. Зверев, занимавший тогда пост наркома финансов, – не жалели средств на армию, флот, военные предприятия. Каждый шаг в этом направлении обеспечивался рублем. Финансовым работникам нужно было изыскивать резервы, мобилизовывать и превращать их в денежные средства. Следя за режимом экономии, не бросать на ветер ни одной копейки. Но в нужных случаях быстро и оперативно представлять государству миллионы на укрепление обороноспособности страны.

Наша работа постепенно воспитывает в человеке разумную жестокость, расчетливость. Нередко за глаза нас так и называют: «финансовые сухари». Но мы не обижаемся за это прозвище. За ним стоит верность государственному долгу, чувство высокой ответственности, любовь к четкости и ясности. Без этих качеств хороший финансовый работник невозможен». [4.17]

Что касается военных расходов, то А. Зверев, оставаясь «финансовым сухарем», лишь спустя 45 лет после событий тех лет решается открыть некоторые тайны своего «двора»: «В 1938 году, – вспоминал он, – по смете Наркомата обороны ассигнования достигли 2,7 миллиарда рублей (21,3 % всех расходов), а в 1939 году – 4,1 миллиарда (26,3 % расходной части бюджета), в 1940 году – 5,7 миллиарда рублей (32,2 %)». [4.18]

В. Дьяченко, тоже бывший работник Наркомата финансов, хорошо знакомый с его «кухней», и тоже достаточно осторожный, в приведенной выше таблице называет примерно такие же цифры расходов на оборону, но в масштабе цен довоенных лет: 1938 год – 23,2 миллиарда рублей, 1939 – 39,2 миллиарда, 1940 – 56,7 миллиарда рублей. [4.19] Расхождение с наркомом весьма незначительные. Дело в другом. Они оба раскрывают только затраты по смете Наркомата обороны. Однако значительная масса расходов, связанных с подготовкой к войне в тот период, использовалась для расширения и модернизации инфраструктуры оборонной промышленности и самой армии. Причем такие затраты финансировались из бюджета по статьям на развитие народного хозяйства. Поэтому оба автора писали правду и только правду.

Для того, чтобы сбалансировать быстро растущие расходы с доходной частью бюджета, финансистам пришлось урезать или снизить темпы роста расходов по ряду «мирных» статей. Но все же ключ к решению всей проблемы находился в сфере увеличения

дополнительных источников поступления денежных ресурсов в бюджет. Не без трудностей, но эту цель удалось все же достигнуть.

Доходы государственного бюджета в 1936–1940 гг. [4.20]
млрд рублей

	1936	1937*	1938	1939	1940
Налог с оборота	65,8	75,9	80,4	96,9	106,9
Отчисления от прибылей	3,7	9,3	10,5	15,8	21,7
Налоги на население	2,4	4,0	5,1	7,0	9,4
Средства соцстраха	-	6,6	7,2	7,6	8,6
Государственные займы	4,9	5,9	7,6	8,4	11,5
Всего доходов	83,8	109,3	127,5	156,0	180,2

* В данные за 1937–1940 гг. включены доходы бюджетов автономных республик и местных Советов

За четыре года доходы государственного (союзного и республиканских) бюджета увеличились в 2,2 раза. Наиболее динамично росли отчисления от прибылей. Это было связано с двумя обстоятельствами: во-первых, промышленность, транспорт и торговля стали работать рентабельно. Промышленность в 1940 году получила 16,9 млрд рублей прибыли (в масштабе цен 1940 года, то есть 10:1), транспорт и связь – 0,8 млрд, торговля – 0,3 млрд рублей. Это позволило заметно увеличить отчисления в бюджет от полученой прибыли.[4.21] Во-вторых, почти в четыре раза возросли по сравнению с 1936 годом налоговые поступления от населения. В два раза увеличились доходы от государственных займов, на треть – сумма налога с оборота. За счет всех этих источнков стало возможным сбалансировать государственный бюджет.

Часть перегрузки предвоенных финансов взяла на себя *новая кредитная система,* сформированная еще в начале тридцатых годов в результате *многошаговой реформы.* Поскольку долгосрочное кредитование капитального строительства в обобществленном секторе заменили на прямое безвозвратное финансирование из государственного бюджета, масштабы кредитных отношений в народном хозяйстве сузились. Однако этого было недостаточно для того, чтобы Государственный банк и Наркомат финансов могли контролировать и целенаправленно регулировать все главные денежные потоки. В то время Госплан регулярно составлял сводный финансовый план, точнее сказать – баланс, который достаточно полно воспроизводил финансовые связи между отраслями, регионами

и группами предприятий. С помощью такого инструмента можно было хорошо видеть, что сотни миллионов рублей свободно переливаются из одного звена хозяйства в другое без ведома центральных органов управления. Иными словами – активно функционировал механизм коммерческого кредита, когда предприятия, руководствуясь своими интересами, отпускали товары и оказывали услуги в долг. Кредитор получал в залог вексель.

О масштабах неконтролируемого коммерческого кредита, оказываемого друг другу партнерами по хозяйственному обороту, свидетельствовал тот факт, что на 1 октября 1929 г. кредиторская задолженность промышленности по выданным векселям составила 20 % стоимости ее оборотных средств, то есть почти столько же, как и банковский кредит, на долю которого приходилось 25 %. Еще больший удельный вес (почти 60 %) коммерческий кредит занимал в оборотных средствах торговли. При этом масса векселей в обороте нередко превышала реальный оборот товаров. Тем самым не только ослаблялись плановые начала управления народным хозяйством, но и в той или иной степени дезорганизовывалось денежное обращение. Ни с тем, ни с другим нельзя было мириться в условиях, когда для финансирования индустриализации требовалось учитывать и использовать каждый рубль. Поэтому естественно, что первый пункт постановления ЦИК и СНК СССР о кредитной реформе 1930 г. предусматривал замену товарного кредитования банковским: «Государственным органам, кооперативным организациям и смешанным акционерным обществам... воспрещается отпускать товары и оказывать услуги друг другу в кредит. Этот кредит заменяется исключительно банковским кредитованием».[4.22.]

Госбанк выдавал краткосрочные кредиты государственным промышленным объединениям, трестам и предприятиям в соответствии с заранее согласованным с ВСНХ планом, а также выполнял функции расчетного центра в их межхозяйственных операциях.

Одновременно была реорганизована система сельскохозяйственного кредита. Ее центральные и республиканские банки были соответствующим образом преобразованы и поставлены под косвенный контроль союзного правительства. Районные банковские конторы и сельскохозяйственные кредитные союзы ликвидировались. Сельскохозяйственные кредитные товарищества также должны были частично свернуть свою производственную, сбытовую, снабженческую и торговую деятельность. Их функции ограничивались в основном расчетными операциями и привлечением средств населения, колхозов и других общественных организаций, а также выполнением поручений вышестоящих финансовых органов и кредитных учреждений.

Поскольку Госбанк СССР выполнял функции эмиссионного, кредитного, расчетного и кассового центра, он получил возможность координировать и управлять денежным обращением, безналичными расчетами и кредитом и соответственно составлять взаимоувязанные кредитный и кассовый планы.

Практическое осуществление кредитной реформы столкнулось, однако, с рядом трудностей. Дело в том, что к началу тридцатых годов многие государственные предприятия не имели еще собственных оборотных средств. Поэтому кредит стал выдаваться под план почти автоматически: Госбанк СССР оплачивал счета поставщиков за отгруженный товар независимо от согласия покупателя и наличия у него средств, то есть частично была утрачена контрольная функция кредита. В то же время на практике он часто становился «безвозвратным». Даже если у заказчика лимит задолженности банку был исчерпан, кредит автоматически увеличивался, поскольку, мол, нельзя сдерживать рост производства. На деле довольно часто за счет банковского кредита покрывалось превышение расходов над доходами предприятия, весь недостаток в оборотных средствах, даже если убытки образовывались в результате невыполнения плановых заданий и бесхозяйственности. В результате кредитные вложения банка за 1930 г. возросли почти вдвое, в то время как объем промышленного производства увеличился на 22 %, а розничный товарооборот — на 27 %.

Поэтому весной 1931 г. последовало два новых постановления, предусматривавшие дополнительные меры по улучшению практики кредитной реформы. Новое в этих постановлениях заключалось в том, что платежи поставщикам стал производить не Государственный банк, а сами покупатели (заказчики). Государственному банку СССР было предложено «оплачивать счета поставщиков в пределах установленного для покупателя лимита лишь при наличии его согласия (акцепт счета) или его поручения (аккредитив)».[4.23.]

Акцептной форме, в большей степени обеспечивающей контроль заказчика, отдавалось предпочтение. Вместе с тем были введены расчеты посредством аккредитивов и особых счетов, когда покупатель заранее выделяет средства для оплаты продукции по месту нахождения поставщика. При этом аккредитив предназначался для расчетов с одним поставщиком по определенному соглашению, а также для расчетов с неаккуратными плательщиками. Особые счета служили для расчетов с несколькими поставщиками, обслуживаемыми одним учреждением банка.

Предусматривалось, что «государственные, хозяйственные и кооперативные органы и предприятия в пределах плановых заданий устанавливают свои взаимоотношения по поставкам товаров, производству работ и оказанию услуг путем заключения договоров и выдачи заказов и несут за их выполнение законом установленную ответственность». [4.24.]

Учреждения Государственного банка применяли кредитные санкции к организациям, задерживающим заключение договоров, что способствовало улучшению положения дел в этой области.

Укреплению договорных и хозрасчетных отношений благоприятствовало также то обстоятельство, что в 1931 г. хозяйственные организации были наделены собственными оборотными средствами, а банки при выделении заемных средств в большей степени стали соблюдать принцип срочности и целевого назначения кредитов. Проведенные мероприятия благоприятно сказывались на развитии экономики в целом. Общий объем кредитных вложений банков в народное хозяйство только за период первой пятилетки увеличился более чем в два раза. При этом краткосрочные кредитные вложения возросли в 2,4 раза, что соответствовало темпам роста промышленности и товарооборота. [4.25.]

В 1939 году председателем Госбанка был назначен Н. Булганин. По мнению известного финансиста В. Ситнина, «он слабо разбирался в вопросах экономики и совсем не знал особенностей кредитной работы». [4.26.] Но Булганин пользовался доверием Сталина, был заместителем председателя Совнаркома, который курировал Минфин. Возглавив Центральный банк страны, он должен был «оправдать доверие» – разработать новую реформу кредитной системы. С этой целью Булганин создал комиссию, в которые вошли крупные ученые в области кредита и денежного обращения М. Боголепов, Ф, Михалевский, Ю. Шенгер, В. Ситнин и другие. Поскольку Сталин в то время серьезно думал над тем, как расширить сферу и действенность товарно-денежных отношений, вновь созданная группа экспертов разработала проект восстановления вексельного обращения. По мнению специалистов, входивших в эту группу, такое решение должно было расширить экономическую самостоятельность предприятий и одновременно повысить ответственность за коммерческие результаты их деятельности в условиях активизации рыночных отношений. «Булганин серьезно заинтересовался разработкой этого проекта. Неоднократно возвращался к его рассмотрению и занимался им даже в первые месяцы Отечественной войны». [4.27.]

Но, война – не время для кредитной реформы.

4.2. Торговля переживает не лучшие времена

В тридцатые годы в развитии торговли четко выделяются два периода: первый – охватывает 1928–1934 годы, когда хлеб и основные продукты питания, а также некоторые промышленные товары распределялись-продавались по карточкам. При этом товарно-денежные отношения были настолько деформированы и разрушены, что по существу потеряли объективный характер и в весьма ограниченной степени могли выполнять свои основные функции. Второй – включает в себя 1935–1940 годы. Это время, когда сельское хозяйство начало приходить в себя от шока, вызванного неумелой коллективизацией. Одновременно заметно возросли темпы развития пищевой промышленности, то есть главной материальной базы торговли в тот период. Немалое значение имело также обновление и расширение рыночной инфраструктуры: быстро увеличивалась сеть магазинов, в том числе в сельской местности, строились складские помещения и первые крупные холодильники, формировалась собственная транспортная база. Число магазинов и палаток к началу 1941 года увеличилось до 407 тысяч. Особенно быстро торговая сеть развивалась в сельской местности, иногда буквально на пустом месте.

Появились первые представители нового поколения квалифицированных торговых работников. Если в 1932 году численность работников торговли составляла 1 488 тысяч человек, в том числе 834 тысячи работников потребительской кооперации, то в 1940 году их число возросло до 2 202 тысяч, из них – лишь 674 тысячи кооператоров.[4.28] Эти изменения происходили на фоне устойчивого и, к сожалению, опережающего роста платежеспособного спроса населения на товары, особенно на продовольственные.

На первом этапе созданный с большим трудом в 1922–1925 гг. эффективно действовавший рыночный механизм был почти полностью разрушен, сначала теоретически, а затем и на практике. Тон в этом деле задал И. Сталин в полемике с А. Рыковым и Н. Бухариным. Выступая в апреле 1929 года с докладом «О правом уклоне в партии», он сузил сущность НЭПа до вопросов частной торговли. «Мы считали и считаем, что нэп означает **известную** свободу частной торговли...Но, нэп вовсе не означает **полной** свободы частной торговли, **свободной** игры цен на рынке. Нэп есть свобода частной торговли в **известных** пределах, в **известных** рамках, **при обеспечении регулирующей роли государства на рынке.** В этом именно и состоит вторая сторона нэпа. Причем эта сторона НЭПа более важна для нас,

чем первая ее сторона».[4.29] В декабре того же года он добавил в порядке разъяснения: «Если мы придерживаемся НЭПа, то потому, что он служит делу социализма. А когда она перестанет служить делу социализма, мы ее отбросим *к черту* (выделено мною – *Р.Б.*).[4.30]

Часть ученых-экономистов, которая дано уже высказывала мнение о том, что в условиях социалистических отношений ни рынок, ни деньги не нужны, оперативно отреагировали на выступления Сталина. В 1930 году вышел сборник «На новом этапе социалистического строительства», где Л. Гатовский утверждал: «Переход к социалистическому продуктообмену означает процесс плановой, социалистической «натурализации» хозяйства...Тем самым осуществляется процесс поглощения плановым производством сферы обращения, а отсюда и слияния последней со сферой распределения на основе ее плановой организации. Сфера обращения растворяется в *организованном* процессе воспроизводства...Естественно, что процесс плановой «натурализации» усиливается в связи с товарным голодом... План социалистического общества является «натуральным» планом. Это, конечно, не исключает, а наоборот, предполагает необходимость ...всеобщих единиц учета. Несомненно, что такой единицей будет единица затрат общественного труда».[4.31]

Таким образом, группа видных в то время экономистов откатилась на теоретические позиции, которые занимала десять лет назад, отбрасывая в сторону («к черту») все то позитивное, что было накоплено за эти годы. По существу, она пыталась с «научной» точки зрения оправдать кризисные явления, которые появились в советской экономике в 1928–1929 годах. Уже в тот период производство промышленных товаров для населения, а также продовольствия стало все больше отставать от растущего платежеспособного спроса как в городе, так и в деревне. Сохранение такой конъюнктуры в течение нескольких лет при завышенных ценах на продукцию промышленности размыло товарообмен между городом и деревней. В процессе заготовок хлеба пришлось вернуться к продразверстке. На местных базарах свободные цены подскочили в «разы». В торговле зерном и мукой появились перекупщики и спекулянты. Ответные шаги властей состояли в первую очередь в том, чтобы закрыть базары и преследовать спекулянтов как уголовных преступников. Городские предприятия и организации создавали собственные подсобные хозяйства, огороды, продукция которых поступала, в основном, в заводские столовые. Наиболее значимые из них добивались дополнительных фондов продовольствия из «внерыночных» запасов.

С каждым годом дефицит хлеба и других продуктов питания обострялся больше и больше. Уже в 1928 и 1929 годах по инициативе местных властей вводится карточная система снабжения городского населения хлебом, затем другими продовольственными, а также промышленными товарами. С января 1931 года карточки распространяются на всей территории Союза. Однако их выдают лишь работникам государственного сектора: рабочим и служащим промышленных предприятий и учреждений, включая учебные заведения и научно-исследовательские институты, военнослужащим, работникам совхозов, а также их иждивенцам. Вне этого круга оказались колхозники и лица, лишенные политических прав.

Нормы распределения продуктов и промышленных товаров по карточкам были дифференцированы по отдельным категориям населения. Наибольшие преимущества имели работники ведущих промышленных предприятий, ученые, преподаватели вузов, командный состав армии и флота, руководящие работники партийных и советских органов.

Вторую группу составляли рабочие других отраслей промышленности, кооперированные кустари, заслуженные ветераны. Третью – служащие, пенсионеры, инвалиды. Четвертую – дети до 14 лет.

Нормы снабжения на месяц по карточкам 1931 года [4.32]

кг на человека

Продукт	Рабочие, первая группа	Рабочие, вторая группа	Интеллигенция*	Дети
Хлеб	24	24	24	12
Мука	–	–	2,0	0,5
Крупа	2,5	1,5	3,0	1,5
Мясо	2,2	1,0	3,0	1,3
Рыба	2,0	1,0	2,0	1,4
Масло животное	0,2	–	0,5**	0,2
Сахар	1,5	1,0	2,0	1,5

* 1932, профессора и доценты, старшие научные сотрудники, директора музеев и библиотек,

** масло растительное

Если сравнить эти нормы торговли по карточкам с условиями снабжения населения в годы Гражданской войны, то они выше, чем были тогда. [4.33] К концу восстановительного периода питание рабочих и интеллигенция значительно улучшилось.[4.34] Если добавить к продуктам, получаемым по карточкам в 1931 году, дополнительное

питание в столовых (обед, а иногда и ужин), суммарное потребление продовольствия, получаемое этими категориями горожан, примерно соответствовало уровню 1926 года.

Параллельно с карточной системой снабжения населения продовольствием и промышленными товарами с начала тридцатых годов открылись так называемые коммерческие магазины. Здесь можно было свободно купить продукты питания и другие товары по высоким ценам. Например, в Москве и Ленинграде в январе 1933 г. коммерческие цены на ржаной хлеб были в 20 раз выше карточных. Начали торговлю дефицитными товарами за твердую валюту, а также за золото специальные торговые учреждения Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами – «Торгсин». Первоначально имелось в виду через эту систему обслуживать только зарубежных специалистов, а также иностранных туристов. Торговали здесь картинами и другими произведениями искусства, продовольствием, импортными промышленными товарами. Через пару лет доступ в торгсины получили и советские граждане. Их привлекала сюда возможность сдать обручальное кольцо или золотое перо от «вечной» пишущей ручки, получить боны и купить для себя или в подарок близким импортную, хорошо сделанную вещь. Тем самым создавалась видимость «свободной торговли». Одновременно торгсины служили дополнительным источником поступления твердой валюты. За несколько лет их деятельности общая сумма «привлеченных ценностей» составила 287 млн рублей. Это покрывало расходы на импортное оборудование для таких крупнейших объектов индустриализации, как Горьковский и Московский автозаводы, Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные, Днепрогэс, ГПЗ, Уралмаш, Магнитка и Кузнецкстрой. [4.35]

Введение карточек и коммерческой торговли не решило и не могло решить продовольственной проблемы. Больше того – она обострялась. Нормы распределения хлеба и других продуктов по карточкам снижались. В ряде областей в 1932 году на ребенка отпускали всего 100 граммов муки на день. В некоторых городах возникали стихийные антиправительственные выступления. Деревня активно сопротивлялась насильственной продразверстке. В 1932 и 1933 годах голод, как уже отмечалось, охватывает регионы, где проживали десятки миллионов людей. Розничная торговля в таких условиях функционировать не могла. Ее заменило нормированное распределение дефицитных товаров. Стихийно возродился прямой продуктообмен – горожане обменивали свои «вещи», главным образом, одежду и обувь

на муку, масло, другие продукты. Одновременно появилась нелегальная торговля по спекулятивным ценам.

Надо отдать должное Сталину – он «заварил кашу», но расхлебывать ее до конца не стал. Практика «натурализации» распределения предметов потребления среди населения в очередной раз показала ему губительные последствия нарушения сбалансированного по интересам товарообмена, особенно в области рыночных отношений между городом и деревней. Без устойчивой, экономически обоснованной системы торговли и ценообразования невозможно было организовать и действенный хозрасчет в промышленности. Поэтому волей-неволей пришлось возвращаться к хозяйственному механизму времен НЭПа с учетом изменившихся условий в экономике. Но разрушать всегда легче и быстрее, чем восстанавливать разрушенное.

В ноябре 1930 года на заседании Политбюро Сталин предложил создать специальную комиссию для разработки «вопросов торговли на новой базе».[4.36] Образование такой комиссии – важная веха поворота экономической политики к реалиям хозяйственной жизни страны. Подражая концепции восстановления равновесия между интересами крестьянства и горожан в двадцатые годы, комиссия разработала целый ряд мероприятий, направленных на расширение производства промышленных товаров, в том числе для села, стабилизации денежной системы и цен, отмены карточек. Конечная цель таких мероприятий, – восстановление и расширение свободной торговли на всей территории страны. В напряженный период подготовки к войне не все из этих планов удалось завершить, но и то, что было сделано, заметно стабилизировало и укрепило устойчивость народного хозяйства накануне новых трудных испытаний.

Практически, чтобы восстановить рыночные отношения до уровня, обеспечивающего скоординированное движение и обмен товарной массы на всем протяжении постоянно расширяющего воспроизводства, нужно было заново создать и постоянно поддерживать, по крайней мере, четыре условия:

- воспроизводить товарную массу в объеме, ассортименте и структуре, обеспечивающих удовлетворение разнообразных и растущих потребностей как городского, так и сельского населения;
- укрепить устойчивость денежной системы, которая зашаталось под ударами растущего неудовлетворенного платежеспособного спроса;

- расширить сеть торговых организаций и соответствующую ей инфраструктуру, в том числе транспортную;
- упорядочить, но все же сохранить емкий платежеспособный спрос со стороны потребителей.

К сожалению, в начале тридцатых годов из этого краткого перечня в наличии были только высокий платежеспособный спрос и денежная система, уже частично потерявшая свою прежнюю покупательную способность.

Самой трудной была проблема увеличения товарной массы. Поскольку свыше половины ее объема (до 2/3) составляло продовольствие, главная роль в преодолении этого противоречия пришлась на долю сельского хозяйства. Поэтому для ликвидации прорыва на этом участке хозяйственного строительства выделялись большие деньги. В деревню хлынул поток тракторов, автомобилей, комбайнов, других сельскохозяйственных машин, удобрений, строительных материалов. Но одна техника без умельцев и действенной мотивации их труда дела не сделает. Поэтому в ускоренном и массовом порядке стали готовить для села трактористов, инженеров, агрономов, бригадиров, руководителей хозяйств.

Чтобы заинтересовать рядовых колхозников в высоких конечных результатах своего хозяйствования, специальным постановлением Совнаркома и ЦК осенью 1932 года было указано на необходимость уже в период уборки урожая выдавать колхозникам в виде аванса на трудодни 10–15 % фактически обмолоченного хлеба. До этого постановления действовала «заповедь» – в первую очередь надо *полностью рассчитаться* по обязательным поставкам и оплатить натурой за работы МТС. [4.37.]

Через год Совнарком разрешил выдачу колхозникам и денежных авансов в счет выработанных трудодней в размере 20–30 % сумм, полученных колхозом за реализуемую продукцию. [4.38.] Тем самым была гарантирована более высокая оплата труда на коллективных полях.

Новое в аграрной политике состояло также в том, что «наступило время, когда от *роста хозяйства вширь* путем увеличения посевных площадей, необходимо *повернуть* к борьбе за лучшую обработку земли, к борьбе за *повышение урожайности* как главной и центральной задаче в области сельского хозяйства на данной стадии». [4.39.]

Эти меры могли положительно сказаться на конечных результатах работы крупных коллективных хозяйств, относительно инертных по своим масштабам, лишь через несколько лет. Поэтому,

чтобы выиграть время в наращивании товарной массы, много внимания со стороны руководства уделялось восстановлению так называемой базарной торговле.

Так, в мае 1932 года было принято постановление ЦИК и Совнаркома о свободной торговле сельскохозяйственными продуктами, согласно которому:

- отменялись «*все* существующие как республиканские, так и местные налоги и сборы с торговли колхозов, колхозников и единоличных трудящихся крестьян продуктами *своего* сельскохозяйственного производства на базарах, площадях, станциях железных дорог, пристанях (хлеб, мясо, птица, яйца, молочные продукты, овощи, фрукты и т. п.);
- ограничивался размер разовых сборов, взимаемых для содержания базаров в чистоте. При этом указывалось, что торговля колхозниками и единоличными трудящимися крестьянами с рук птицей, яйцами, молоком, маслом, сыром собственного производства освобождается от местного разового сбора;
- ларьки, палатки и лавки, открываемые колхозами для торговли своего производства, облагались пониженной ставкой налога с оборота в размере 3 % валовой выручки;
- колхозы, колхозники и трудящиеся крестьяне получили право свободной торговли по ценам, складывающимся на рынке;
- местным органам власти вменялось в обязанность «всячески искоренять перекупщиков и спекулянтов». [4.40]

Видимо, нет надобности говорить, что это постановление ЦИК и Совнаркома стимулировало развитие товарного производства как в колхозном секторе, так и на приусадебных участках. В то время в городах, в самых разных местах можно было видеть не только небольшие, стихийно возникшие торжки, но и встретить женщину-крестьянку с двумя сумками на плече, которая разносила по квартирам постоянным покупателям молоко, сметану, творог, яички...

В этом отношении весьма характерен и документ, в котором ЦК «разъяснял, что практика принудительного отбора коров и мелкого скота не имеет ничего общего с политикой партии. Задача состоит в том, чтобы у каждого колхозника были своя корова, мелкий скот, птица. Дальнейшее расширение и развитие колхозных ферм должно идти лишь путем выращивания фермами молодняка или покупки ими скота». [4.41] Больше того, осенью 1933 года, в порядке помощи «бескоровным колхозникам» на льготных условиях было выделен один миллион телок.

Неожиданно для многих свободная торговля росла как на дрожжах. Чуть медленнее, но тоже довольно быстро росли цены на колхозных рынках и базарах. Чтобы сдерживать такие нежелательные процессы, перед государственной коммерческой торговлей и Центросоюзом была выдвинута задача – сдержать рост рыночных цен и по возможности снизить их уровень.

Стоит особо отметить, что Наркомснаб летом 1934 года разделили на два руководящих учреждения: Наркомат внутренней торговли и Наркомат пищевой промышленности. До этой реорганизации центрального органа управления торговлей не было, поскольку отсутствовал сам объект управления. Наркомснаб распределял ограниченные ресурсы зерна и муки по твердым ценам между 330 городами страны. Всего в начале 1934 года под его началом действовали 600 магазинов, в то числе 100 хлебных, 63 – мясных, 93 – молочных, 65 – гастрономов. Центросоюз открыл подобные магазины в 179 районных центрах. Их открытие обычно вдвое снижало цены на хлеб и другие продукты, реализуемые в данной местности через колхозную и базарную торговлю. Кроме того, такие магазины позволили повысить качество товаров и обслуживания покупателей, требования которых к порядку во всех магазинах сразу же возросли. Постепенно стала развертываться сеть универмагов, которые торговали по коммерческим ценам промтоварами.

Весьма характерно, что коммерческие магазины создали свою производственную базу по выращиванию овощей и картофеля, а также по производству мясных и молочных продуктов. В 1933 году хозяйства государственных торговых организаций, кооперация и отделы рабочего снабжения промышленных предприятий (ОРСы) собрали на своих полях 2,5 млн тонн овощей и картофеля. Из таких хозяйств было получено более 2 млн пудов товарного мяса и свыше 176 млн тонн молока. За счет этих источников почти все работники промышленных предприятий, и в меньшей степени, других организаций имели возможность приобрести дополнительно по низким ценам нужные продукты питания.

Все это способствовало постепенному восстановлению обычных функций сферы обращения, которые были грубо нарушены в начале тридцатых годов. В свою очередь, оживление торговли способствовало стабилизации и некоторому увеличению валового сбора зерна и изменению тенденции в производстве продукции животноводства от падения к росту.

Одновременно принимались меры по расширению выпуска промышленных товаров широкого потребления. Вторым пятилетним

планом предусматривалось даже опережающее развитие группы «Б» по сравнению с отраслями тяжелой промышленности. Опережения все же не получилось, но выпуск промышленных товаров для населения увеличился за пять лет в два раза. Все это создавало более благоприятные условия для соответствующего увеличения товарооборота и расширения его ассортимента.

В начале октября 1932 года вопрос «О развитии советской торговли» рассматривался на Пленуме ЦК. Отметив ряд положительных изменений в этой области (прежде всего, быстрое развитие сети розничной торговли, а также оптовых баз в городах и сельской местности), участники Пленума сосредоточили свое внимание на недостатках и конструктивных предложениях по их устранению. Среди недостатков преобладали хронические болезни государственных и кооперативных торговых организаций: затоваривание в одних местах при нехватке этих же товаров в других, замедленное продвижение товаров от производителей к потребителям, применение принудительного ассортимента (включение неходовых товаров в договор о поставках), завышение цен, разбухание торговых издержек, случаи хищений, злоупотреблений и другие.

Требуя устранения недостатков, Пленум обратил особое внимание на необходимость дальнейшего расширения рыночных фондов для села, улучшения качества промышленных товаров, повышения доли предварительных заказов торговли не менее, чем до 50 % товарооборота, развертывания торговой сети в рабочих районах и новостройках, ускорения продвижения товаров ширпотреба по железнодорожным и водным путям. Считалось совершенно недопустимым отношение отдельных партийных и комсомольских организаций к работе в торговле, как к работе второстепенной и менее важной, чем в других организациях.

В этой связи И. Сталин в своем докладе на XVII съезде партии не мог не напомнить «о левацкой болтовне, имеющей хождение среди одной части работников, о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились в простые счетные знаки...Эта левацко-мелкобуржуазная болтовня... имеет хождение не только среди одной части красных профессоров, но и среди некоторых работников торговли... Эти люди не понимают, что продуктообмен может прийти лишь на смену и в результате идеально налаженной советской торговли, чего у нас нет и в помине и что не скоро будет у нас».[4.42]

По существу, Сталин открыто заявил о своем принципиальном возвращении к НЭПу, то есть речь шла о новой серьезной реформе хозяйствования. Спустя год, на ноябрьском (1935 г.) пленуме ЦК, он вновь вернулся к этой теме: «Нам нужно развернуть во всю товарооборот, во всей хозяйственной деятельности, во всей ее сфере через денежное хозяйство. Товарооборот это не есть просто товарообмен. Нам нужно укреплять денежное хозяйство.

Денежное хозяйство – это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна. Он далеко еще не используется, этот аппарат. Он очень гибкий, он нам нужен, и мы его по-своему повернем, чтобы он лил воду на нашу мельницу... Развернуть товарооборот, развернуть советскую торговлю, укрепить денежное хозяйство – вот основной смысл предложенной нами реформы...

Мы, прежде всего, уничтожим карточную систему по хлебу, по этому основному товару, потому что хлеб тянет за собой все остальное. Именно с этого звена надо начать. Вот первое и основное значение реформы.

Во-вторых, значение реформы, которую мы проводим, состоит в том, чтобы поставить на реальную базу, на настоящую реальную базу политику снижения цен по всем товарам и на всю продукцию». [4.43.]

Первым шагом такой реформы стала отмена карточной системы в снабжении населения хлебом. С 1 января 1935 года, согласно постановлению Совнаркома, «в целях дальнейшего улучшения снабжения рабочих и развертывания товарооборота между городом и деревней» отменялась карточная система по печеному хлебу, муке и крупе. На каждый из этих продуктов вводились единые розничные цены, обязательные для государственной и кооперативной торговли. Их уровень устанавливался выше карточных и ниже коммерческих цен, разрыв между которыми к этому времени был 1:4. Иными словами единые цены повышались по сравнению с карточными примерно в два раза. В этой связи соответственно повышалась заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих. [4.44.]

Осенью того же года была отменена карточная система на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель. Одновременно были снижены единые цены на хлеб и хлебопродукты, установленные в январе.

Таким образом, речь шла о возвращении к свободной торговле по единым и твердым ценам всеми важнейшими продуктами питания для городского населения. Тем самым устранялись элементы уравниловки в системе заработной платы основной массы работников промышленности, и сделан заметный шаг к экономически

более обоснованному распределению по конечным результатам труда каждого. При этом, по экспертной оценке специалистов, потребители выиграли от общего снижения розничных цен (в том числе и на колхозных рынках) только за 1935 и 1936 годы свыше 10 млрд рублей. [4.45]

Повышение реальной покупательной способности рубля в результате отмены карточной системы активизировало роль денег в товарообороте между городом и деревней. Вскоре (с 1 января 1936 г.) были отменены карточки и на промышленные товары, ликвидирована коммерческая торговля как уже устаревшая система, а также торгсины. В таких условиях повысилась заинтересованность крестьян в увеличении своей товарной продукции, поскольку они имели теперь возможность приобрести почти все необходимые для них промышленные товары по доступным ценам.

Все это укрепило экономическую основу хозяйственного расчета и в промышленности. Рабочие были заинтересованы в том, чтобы производить не только больше товаров, но и повышать их потребительские свойства, то есть качество. Покупатель получил возможность выбирать из более широкого набора взаимозаменяемых товаров, которые предлагала торговля, а производитель, который не считался с изменившейся рыночной конъюнктурой, много проигрывал.

Расширение сети магазинов, лавок и других «торговых точек», особенно динамичное в сельской местности, а также двукратное увеличение выпуска промышленной продукции широкого потребления только за одно пятилетие, позволило в короткие сроки ощутимо увеличить розничный товарооборот, расширить ассортимент и улучшить качество товаров.

Среднегодовые темпы прироста розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли [4.46]
включая общественное питание, %

Годы	Весь объем товарооборота	Составляющие товарооборот		
		продовольственные товары	продукты питания	промышленные товары
1929–1932	7,5	10,7	10,7	4,3
1933–1937	8,3	5,6	5,7	11,4
1938–1940	5,3	6,7	6,2	7,3

Из этих данных видно, что наиболее динамично розничная торговля развивалась в период 1933–1937 годов. Ее объем за это время увеличился в 1,5 раза, в основном за счет промышленных товаров

широкого потребления. В первой пятилетке наибольшим спросом пользовались продукты питания, а также алкогольные напитки и табачные изделия. В годы, непосредственно предшествовшие войне темпы роста продажи продуктов питания опять возросли, а динамика торговли промышленными товарами замедлилась. При этом доля продовольственных товаров в объеме розничной торговли устойчиво держалась на отметке более 60 %. В 1937 и 1940 годах этот важный показатель составлял 63,1 %, что характеризовало уровень жизни населения, как невысокий.[4.47]

План третьей пятилетки намечал высокие темпы развития всех видов торговли. Объем государственно-кооперативного товарооборота в 1942 году должен был достигнуть 206 млрд рублей против 126 млрд рублей в 1937 г., с увеличением оборота столовых, ресторанов, кафе и буфетов – в два раза. В. Молотов в своем докладе о новой пятилетке конкретизировал это плановое задание следующим образом:

Рост рыночных фондов розничной торговли в третьей пятилетке [4.48]
1942 в % к 1937

Мясо	202
Масло животное	173
Рыба и сельдь	161
Яйца	250
Сахар	149
Крупа	194
Ткани хлопчатобумажные	160
Ткани шерстяные	236
Трикотаж	182
Швейные изделия	163
Обувь	160

Показательно, что темпы роста розничного товарооборота по промышленным товарам (172,5 %) были несколько выше, чем по продовольственным товарам (153 %). Это означало, что удовлетворение спроса крестьянства выдвигалось на первое место. В то же время рыночные фонды по мясу, яйцам и крупе увеличивались в 2–2,5 раза, то есть значительно быстрее намечаемого роста розничного товарооборота в целом. Эти товары были дефицитными и в тоже время крайне необходимыми для улучшения питания населения.

Можно предположить, что руководство страны считало, что военные действия на Западе затянутся, пакт о ненападении с Германией подписан, и у России есть еще немного времени, чтобы

«подтянуть» отставшие в период интенсивной индустриализации весьма важные отрасли экономики – промышленность группы «Б», сельское хозяйство и торговлю. Но таким ожиданиям не суждено было сбыться. Франция быстро капитулировала. Вторжение в Англию было отложено. Немецкие войска начали перебрасывать на Восток.

В связи с быстро меняющейся военной обстановкой в Европе России пришлось радикально изменить свои планы и максимально использовать имеющиеся ресурсы для подготовки к неизбежной войне. Такие перемены существенно сказались и на развитии торговли. Так, централизованные рыночные фонды основных продовольственных товаров (в сопоставимых ценах) увеличились по сравнению с 1937 годом всего на 2,5 %. При этом запасы муки возросли на 10 %, масла растительного – на 27,5 %: сказался результат высокого урожая. Рыночные фонды молока и молочных продуктов также расширились на 20 %. Фонды мяса и мясных продуктов остались на уровне конца второй пятилетки. В то же время ресурсы рыбы и рыбопродуктов снизились на 24 %, сахара – на 37 %. В расчете на душу населения рыночные фонды основных продовольственных продуктов уменьшились в среднем на 12 %.

Примерно также сложилась конъюнктура на рынке промышленных товаров для населения. Например, рыночные фонды хлопчатобумажных тканей в 1940 году увеличились на 7 %, шерстяных – на 18 %, шелковых – на 11 %, трикотажа – на 16 %, кожаной обуви – на 8,5 %. Всего фонды этой группы товаров возросли на 9,4 %. [4.49.] Однако денежные доходы населения за этот период повысились еще в большей степени, то есть превышение спроса над предложением товаров на розничном рынке не только не снизилось, но еще больше возросло.

Все это не могло не вызвать перебои в торговле и очереди, особенно за хлебом и другими продовольственными товарами.

Преодоление возникших трудностей переложили в основном на местные органы власти и предприятия, рассчитывая на их инициативу, находчивость и неиспользованные резервы. В некоторой степени это помогло. Так, в 1940 году поступление продовольствия в розничную торговлю из местных источников превысил уровень 1937 года: по молоку и молочным продуктам на 24 %, рыбы – на 15 %, яиц – в 3,7 раза. Однако доля местных ресурсов в общей массе продовольственных товаров, поступавших в розничный товарооборот, оставалась небольшой.[4.50.]

В 1935 году в связи с отменой карточек и развертыванием свободной торговли заводские ОРСы были переданы в систему Наркомснаба, то есть по существу ликвидированы. В сентябре 1940 года правительство вновь обязало директоров предприятий и местные органы власти создать подсобные хозяйства огородно-овощного и животноводческого направления для улучшения продовольственного снабжения рабочих и служащих. [4.51]

Показательно также, что начиная с 1932 года крестьянская торговля развивалась ускоренными темпами, хотя господствующее место на нем оставалось за государственной торговлей. Вместе они потеснили кооперацию.

Структура розничного товарооборота в 1940 году [4.52]
доля отдельных видов торговли к общему итогу, %

Государственная	Кооперативная	Колхозный рынок
62,7	23,0	14,3

Возросла относительно высокая доля в розничной торговле колхозного рынка. По торговле продуктами питания он не уступал кооперации, а в торговле картофелем, овощами и фруктами, а также молоком и яйцами опережал и государственную торговлю. [4.53]

Формы такой торговли были довольно разнообразные. На крупных городских рынках были специальные ряды или павильоны, где реализовывали «излишки» своей продукции, как правило, сильные колхозы. В районных центрах и крупных селах, расположенных среди сельскохозяйственных территорий, в выходные или другие, определенные дни шестидневки происходили торговые ярмарки, куда съезжались продавцы и покупатели со всей округи. Функционировали и небольшие базары, так сказать, местного значения, особенно на железнодорожных станциях, около речных пристаней и в других местах, где по тем или иным причинам собирались люди. Иногда, чтобы попасть на базар, колхознику с товаром приходилось пешком одолевать не один десяток километров. «Скот своим ходом гоняли». О том, как это происходило, вспоминает колхозница Антонина Семенова из Старого села, от которого до Саратова более 60 км:

«Я раза три–четыре ходила туда пешком со скотиной: с утра выйдем и уже к ночи придем в Саратов. Ну, уж нам и доставалось – все-таки далеко.

Помню, в 1934 и в 1935 годах гоняли мы своих овец и телок. Придем в Саратов, – а там у меня была двоюродная сестра с мужем.

Придем, загоним – а у нее самой были коровы, хлева... Переночуем. А утром рано муж сестрин зарежет наш скот, и на себе тащим по полтушки на Верхний базар, – торговать...

У меня был муж, Леня. Это уже второй муж, первый-то помер. Леня не ходил. Говорил: «Ступай сама». Я сама и ходила. Мы один раз взяли его в Саратов мясом торговать. Так веришь, – проклялись! Он все говорит: «Дешевле пускайте, дешевле пускайте – не берут». А моя сестра двоюродная говорит ему: «Уйди, Леня отселе, ступай куда-нибудь!» Он ушел и заблудился. Не знал Саратова».[4.54]

Другой пример: в селе Покрово-Алексино жила Мария Шилкина. Летом она весь день на огороде – это ее страсть. С самого утра: поливает рассаду, выпалывает сорняки, вспушивает землю. «С него же она всегда умудряется иметь доходы – выносит на продажу свою продукцию к магазину. И, как правило, легко продает все это, особенно тем, кто едет в Тамбов. «И как же у меня не купят, – говорит она, – я же не несу туда лишь бы что. Выбираю хорошие качаны капусты, да и всю грязь очищу. У меня помидоры – так выглядят все на подбор. Другие же выносят, что себе не гоже. Вот у них и не хотят покупать».[4.55]

У рыночных отношений есть и теневая сторона. Здесь, как сорняки, появляются, не известно откуда, мелкие и крупные спекулянты. Нередко по дешёвке продают краденное. За примерами далеко ходить не надо.

«Огород вспахать – неси бутылку трактористу. Он приезжает к тому, кто поставит быстрее. При нынешней неупорядоченности первыми пашут у наиболее влиятельных, инициативных, богатых. Они могут лучше рассчитаться с трактористом. А те, что беднее, слабее – те дождутся своей очереди... Так стихийно идет перераспределение преимуществ в пользу влиятельных хозяев».[4.56]

«Разживаться стала, как в столовую пошла работать. Меня здорово выручила моя подруга – диспетчер водителей из Котовска. Она с ними была, за нормами следила. Заработную плату им выдавала.

А в совхозе порядка не было тогда. Привезут (в столовую – *Р.Б.*) тушу говяжью или свиную, а никто ее не взвешивал там. Вот ребята привезут ее мне и за магарыч запишут вес на 30–40 кг меньше. А бутылка тогда недорого стоила. Им надо похмелиться, и мне хорошо. Я и себе возьму, и к этой, диспетчеру понесу. Она берет с радостью. А то еще котлет из этого мяса наделаю, и «тихонько» продавала... Один раз привезли с совхоза шесть туш, а седьмую мне отдали за 1 литр водки. Вот так за 10 рублей (1 литр водки) я купила 60 кг мяса. (Судя по весу – это была тушка молодой свиньи – *Р.Б.*)...

Я быстрее к Вальке (диспетчеру) и говорю ей об этом. Она вызвала шофера, погрузили мясо и отправили в Котовск». [4.57.]

Что это? Уголовное преступление или способ выживания? Не торопитесь с ответом, и не собирайте камни, чтобы бросить их в преступников. По существу в этой операции с мясом, как и в эпизоде с трактористом, можно выделить элементы как преступления, так и самозащиты. В голодное время мелкие кражи государственного и колхозного имущества приобрели массовый характер. Конечно, в таких случаях судья объявлял виновным непосредственного исполнителя – рабочего или колхозника, который унес с поля несколько колосков с зерном, чтобы хоть что-нибудь дать пожевать оставшимся дома голодным детям. А может быть, виноваты руководители, которые довели крестьянские семьи до такого состояния?

Эти как положительные, так и отрицательные факты свидетельствуют о возросшей роли в сельской экономике денег, доходов и товарности приусадебных хозяйств колхозников.

В то же время сузилось место потребительской кооперации, как в товарообороте, так и в повседневной жизни деревни. «Наверху» считали, что там укрылось много «правых» – врагов советской власти. В деревне кооперацию теснили колхозы и МТС. В городах ее торговая сеть была передана в систему наркомата внутренней торговли, что, естественно, не способствовало укреплению экономического потенциала и авторитета кооперации. Таким образом, потребительская кооперация после 1932 года потеряла прежнее значение как основная торгующая система в городе и на селе. Напротив, если раньше государственная торговля играла ведущую роль только в оптовом товарообороте, то после отмены карточек в городах она заняла ведущее место и в розничной торговле. [4.58.]

В постановлении Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 29 сентября 1935 г. положение, сложившееся в потребительской кооперации, было подвергнуто острой критике: «Работа потребительской кооперации в деревне страдает крупными недостатками. Сеть сельпо и сельских лавок излишне измельчена. Поступающие в деревню такие промтовары как одежда, обувь, мануфактура и др. распыляются по мелким, неприспособленных для этого лавкам, не имеющим необходимого ассортимента для выбора потребителя. Вместе с тем во многих сельских лавках отсутствует соль, мыло, сахар, табак и другие товары повседневного спроса. Многие лавки существуют только на бумаге, фактически не производят торговых операций.

Наличие крупных хищений и растрат, убыточность многих сельпо подрывают финансовое положение кооперативов...Совершенно недостаточно участие пайщиков в разрешении основных вопросов работы сельпо».

Было решено «сосредоточить организационную и хозяйственную работу Центросоюза, областных и краевых потребсоюзов исключительно на организации сельской торговли и заготовок». [4.59]

Чтобы помочь потребкооперации коренным образом перестроить свою работу, Госбанк выделил ей крупные кредиты. Наркомфин выкупил у нее досрочно облигации государственного займа на сумму 125 млн рублей. Для потребкооперации выделили 5 тыс. грузовых автомобилей с тем, чтобы каждая районная организация имела в своем распоряжении транспорт для перевозок необходимых товаров.

Много внимания уделялось также быстрому развитию *системы общественного питания*. Она стала главным объектом инициативы дирекций промышленных предприятий и местных органов власти по расширению собственной базы производства разнообразных видов продовольствия..

Развитие общественного питания [4.60]
в текущих ценах

Общественное питание	1928	1932	1937	1940
Годовой оборот, млрд рублей	0,4	4,9	10,1	22,9
Доля в общем товарообороте, %	4	12	8	13

Система общественного питания в городах и промышленных центрах развивалась в предвоенные годы опережающими темпами. Она выросла в значимый фактор адресной помощи продуктами питания рабочим и служащим в трудное время, когда не хватало не только мяса и молочных продуктов, но и хлеба, картофеля, овощей. Заводские столовые и буфеты в большинстве случаев снабжались за счет собственных подсобных хозяйств, а также самозаготовок отделов рабочего снабжения, созданных на заводах и фабриках. Обед, а, если дело было поставлено хорошо, то еще и завтрак дополняли карточное снабжение продовольствием рабочих семей. По существу, это была форма коллективного выживания городского населения, организатором которой выступали дирекция и профсоюзы предприятия. О ее масштабах свидетельствуют конкретные факты: в 1933 году, например, в общественных столовых питались более 70 % рабочих основных отраслей промышленности.

Довольно часто туда ходили всей семьей. По данным бюджетных обследований рационов питания разных слоев населения, рабочие получали через системы общественного питания примерно треть потребляемой крупы, картофеля, овощей, 30–40 % мяса, рыбы, молочных продуктов, половину жиров.[4.61]

Наиболее высокая доля общественного питания в товарообороте всей торговли приходится на кризисный период в сельском хозяйстве и предвоенные годы, когда вновь возникли трудности в торговле продуктами питания.

Заводские предприятия общественного питания в 1932–1934 гг. [4.62]
количество на 1 января соответствующего года

	1932	1934
Фабрики-кухни	30	60
Столовые	2 765	4 592
Буфеты	4 185	5 445
Открытая сеть	108	807

Отмена карточек и оживление свободной торговли снизили роль общественного питания как дополнительного источника продовольствия для семей рабочих и служащих, но не надолго. Начало мировой войны, общее обострение международной обстановки обусловили необходимость принять дополнительные меры по укреплению обороноспособности страны, в том числе за счет переброски материальных и трудовых ресурсов из гражданских отраслей производства. К сожалению, к этому времени так и не удалось преодолеть отставание сельского хозяйства от быстро растущих потребностей других отраслей и населения в продовольствии и растительном сырье. Как уже отмечалось, централизованные рыночные фонды основных продовольственных товаров (в сопоставимых ценах) увеличились в 1940 году по сравнению с 1937 годом всего на 2,5 %.[4.63] Таким образом, внутренняя торговля до начала Отечественной войны так и не успела войти в нормальную колею, без дефицитов и очередей.

Внешняя торговля, хотя и не достигшая больших объемов, в период первых пятилеток сыграла важную роль в технологическом обновлении России. По импорту новостройки получали из-за рубежа современное оборудование, что позволило в короткие сроки осваивать новые технологии, эффективность которых проявилась не только количественно, но и качественно.

Оборот внешней торговли СССР в 1929–1940 гг. [4.64]
млн рублей*

Год	Оборот	Экспорт	Импорт	Сальдо
1929	1 805	924	881	+ 43
1930	2 095	1 036	1 059	– 23
1931	1 946	811	1 105	– 294
1932	1 279	575	704	– 129
1933	843	495	348	+ 147
1934	650	418	232	+ 186
1935	608	367	241	+ 116
1936	2 711	1359	1 352	+ 7
1937	3 070	1 729	1 341	+ 388
1938	2 797	1 353	1 444	– 91
1939	1 598	611	987	– 376
1940	2 857	1 412	1 445	– 33

* Пересчет инвалюты в рубли по курсу: 1929–1932 гг. – 1,94 рубля за доллар; 1933 г. – 1,57; 1934 г. – 1,16; 1935 г. – 1,15; 1936 г. – 5,03; 1937–1940 гг. – 5,50 рубля за доллар

В этих данных, как в зеркале, находят свои отражения, во-первых, сверхнапряжения, возникшие в первой пятилетке в народном хозяйстве в связи с необходимостью гигантского объема импорта машин, оборудования, металлоконструкций и других изделий для строящихся промышленных и других предприятий, количество которых измерялось тысячами.

Доля машин и оборудования в стоимости импорта всех товаров [4.65]
% общего объема импорта

1925/26	1930	1933	1938	1939	1940
20,6	46,8	43,0	34,5	38,7	32,4

Хотя доля машин и технологического оборудования в объеме импорта перед войной снизилась примерно до одной трети, возможности экспорта не поспевали за ростом расходов валюты за импортные поставки. В этой связи увеличивалась задолженность за покупаемую иностранную технику.

Кредитная блокада России стала ослабевать только во второй половине двадцатых годов. В частности, в 1926 году был получен значительный фирменный кредит в Германии для оплаты закупленных машин и оборудования под гарантию государства. В 1927 году такие кредиты советские внешнеторговые организации стали получать и в Австрии. Еще через два года, убедившись в том, что

русские аккуратно выполняют свои обязательства по платежам, английские, а за ними и итальянские фирмы также начали поставлять технологическое оборудование для строящихся заводов с рассрочкой по платежам.

Хороший пример заразителен, особенно в условиях мирового кризиса перепроизводства. В начале тридцатых годов гарантии по фирменным кредитам, представляемым при выполнении заказов советских внешнеторговых организаций, стали давать также правительства Дании, Бельгии, Финляндии, Франции, Японии и других стран. Дело в том, что такие заказы позволяли сократить в странах-экспортерах безработицу и загрузить производственные мощности, простаивавшие из-за отсутствия заказов. К концу 1931 года внешний долг СССР возрос до максимальной отметки, зафиксированной в тридцатые годы – 1,4 млрд рублей. [4.66.]

Эти суммы на фоне тех колоссальных объемов капитальных вложений, которые производились в довоенный период в нашей стране, выглядят сравнительно небольшими. Стоит добавить также, что Сталин лично контролировал и управлял использованием валютных ресурсов. Он добился того, что уже к концу 1933 года задолженность по внешним долгам уменьшились более чем в три раза. [4.67.] Такая политика объяснялась рядом причин.

Во-первых, после преодоления кризиса западные кредиторы повысили кредитные ставки и одновременно сократили сроки погашения платежей. Изменившиеся условия делали зарубежные кредиты не всегда выгодными для России. Кроме того, отечественное машиностроение освоило выпуск многих видов современной для того времени техники, которые заменяли импортное оборудование.

Во-вторых, возникшие трудности с заготовками зерна и других сельскохозяйственных продуктов, доля которых в наполнения экспорта была все же замета, заставили вдвое снизить объем внешнеторгового оборота в 1933–1935 гг.

В-третьих, реальная угроза войны вынудила вновь резко увеличить закупки за рубежом для оборонной промышленности образцов сложного технологического оборудования, производство которого еще не было освоено в СССР, а также судов, отдельных видов вооружения, дефицитных видов сырья. Еще в 1939 году Сталин поручил Микояну закупить на случай войны стратегические материалы, которых в стране было мало, и создать запас, о котором абсолютно никто не должен был знать. «За короткий срок за границей было закуплено значительное количество высококачественного остродефицитного сырья: каучук, олово, медь, цинк,

свинец, алюминий, никель, кобальт, висмут, кадмий, магний, ртуть, алмазы, ферровольфрам, феррованадий, титан, ферромолибден, феррохром, ферромарганец, ферросилиций, молибденовый концентрат и др... Сталин очень интересовался всем этим делом. Я ему регулярно докладывал о ходе закупок и образовании запасов, об организации их хранения». [4.68.] Эти запасы весьма помогли во время войны наладить многотоннажное производство высококачественных сталей и сплавов, используемых в производстве военной техники.

Продовольствие, прежде всего зерно, тоже относилось к числу дефицитных продуктов, но его все же приходилось отправлять за рубеж, хотя и в относительно небольших объемах.

Экспорт зерна из СССР [4.69]

	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
млн т.	0,18	4,7	5,1	1,7	1,7	0,8	1,5	0,3	1,3	2,1	0,28	1,2
млн р.	34	702	523	181	139	64	128	28	194	217	23	228

От некоторых историков приходилось слышать, что индустриализация в СССР в тридцатые годы была оплачена за счет экспорта зерна. Иными словами, импорт технологического оборудования был оплачен крестьянами. Подобные утверждения не подтверждаются фактами – удельный вес выручки, полученный за счет вывоза зерна за рубеж на протяжении тридцатых годов колебался от 5 до 21,4 % общего объема стоимости экспорта, в то время как в 1913 году стоимость зерна составляла 33,3 %, то есть треть всего экспорта. [4.70.]

Удельный вес отдельных товаров в объеме всего экспорта России [4.71]

в %

	1925/26	1930	1933	1938	1939	1940
Нефть и нефтепродукты	10,8	15,2	14,5	7,3	6,8	13,1
Лес и пиломатериалы	7,8	15,9	15,0	20,1	13,3	6,3
Пушнина	9,9	7,4	7,8	9,4	17,6	7,7
Зерно	21,5	19,4	8,0	21,2	5,0	21,4
Ткани хлопчатобумажные	2,1	4,5	6,0	3,9	3,7	3,0

Из таблицы видно, что в трудные годы индустриализации нефтяники Баку, охотники Севера, лесорубы и деревообработчики европейской части России зарабатывали примерно в два раза больше валюты для закупки машин и оборудования, чем крестьяне. Доля селян в экспортной выручке снизилась с 19,4 % в 1930 году до 18,5 % в 1931 г., 9 % – в 1932 г., 8 % – в 1933 г., до 4,4 % – в 1934 г. В 1935 году происходит резкий, трудно объяснимый скачек вверх

до 44 % (видимо, возникла необходимость закупить какое-то оборудование или дефицитное сырье и, чтобы получить валюту, пришлось срочно «выбросить» на мировой рынок зерно из стратегических запасов). В 1936 году опять падение до 2,3 %, в следующем году – увеличение до 14,7 %. В таких колебаниях, с общей тенденцией вниз, отражается не вина, а большая беда российского крестьянства тридцатых годов.

Что касается торговых партнеров СССР в этот период, то круг их был весьма небольшой, что определялось как экономическими, так и политическими причинами. Капиталистический мир основательно потрясло небывало глубоким и обширным экономическим кризисом. Финансы и кредитные системы многих стран не могли уже выполнять свои обычные функции. Германия была не в состоянии выплачивать репарации. Великобритания, а за ней и другие европейские страны отказались от золотого стандарта. Конгресс США в 1930 году принял сверхпротекционистский таможенный тариф, а в экспортных операциях без стеснения применял демпинг. В 1933 году и США отказались от золотого стандарта. Но даже в такой обстановке некоторые политики продолжали строить планы торговой и кредитной изоляции СССР. Нужно было проявлять немало гибкости и изобретательности, чтобы на выгодных условиях закупать за рубежом товары, необходимые для реализации пятилетних планов. Поскольку больше всего нужны были современные технологии и соответствующее оборудование, выбор, естественно, пришелся на страны с развитым машиностроением: Великобританию, Германию и США. На их долю приходилось более половины внешнеторгового оборота и более двух третей импорта машин и оборудования. Остальные два-три десятка партнеров играли, можно сказать, вспомогательную роль. Доля Франции и Италии, например, составляла всего 3–4 % внешнеторгового оборота Советского Союза – меньше, чем доля Монголии.

Удельный вес основных внешнеторговых партнеров в товарообороте СССР [4 72]

в %

Год	1925/26	1930	1933	1938	1939	1940
Великобритания	24,0	17,2	13,9	19,6	15,5	0,5
Германия	19,7	21,8	27,7	5,5	7,4	40,1
США	10,5	14,6	3,6	17,8	24,3	19,7
Иран	5,4	5,0	2,4	4,3	0,3	1,4
Китай	3,3	2,5	4,7	4,6	8,7	5,4
Монголия	0,5	1,8	6,6	3,8	7,8	6,0

Доля этих стран во внешней торговле России резко колебалась во времени, в том числе из-за колебаний политической конъюнктуры в Европе и мире. В начале тридцатых годов первое место в этом списке занимала Германия. Затем вперед вышли Великобритания и США. В 1940 году – опять Германия. В импорте СССР из этих стран преобладали машины и оборудование, стальной прокат и металлоконструкции, кабель, цветные металлы. Экспорт отличался большим многообразием. Все покупали марганцевую руду, асбест, удобрения, пушнину, лен и хлопок, коровье масло, зеленый горошек и другие консервы. Германия, кроме того, вывозила из СССР нефтепродукты и сырую нефть, пшеницу, ячмень и овес, руды и концентраты цветных металлов, некоторые химикаты, продовольственные товары и сырье для их производства. Великобритания импортировала, примерно, те же товары, но в других пропорциях. Для США было характерно вывозить из России рыбу, икру, консервы, ткани и одежду, щетину, а также большое количество натуральных мехов.

Иран, Китай и Монголия вошли в эту таблицу в качестве традиционных торговых партнеров России в Азии. В тридцатые годы Иран импортировал из России машины и оборудование, нефть и нефтепродукты, прокат черных металлов, химические продукты, цемент, пиломатериалы, сахар, соль, ткани, другие товары. Расплачивался за это поставками рыбы и рыбопродуктов, рисом, фруктами, орехами, хлопком, шерстью, кожами и кожевенным сырьем, мехами.

Экспорт в Китай составляли автомобили, трактора, сельскохозяйственные машины, электротехническое, лабораторное и медицинское оборудование, автомобили и трактора, нефть и нефтепродукты, прокат черных и цветных металлов, химические продукты, продовольствие, в том числе сахар, табачные изделия, ткани, одежда, белье, обувь.

В Китае Советский Союз закупал хлопок, шерсть, меха, шелковые ткани, кожсырье и кожи, скот, масла растительные, чай, руду вольфрамовую, олово, сурьму, другие товары.

Монголия импортировала из России в тридцатые годы в основном станки, электротехническое и другое оборудование, автомобили, нефтепродукты, прокат черных металлов, химические продукты, кожи выделанные, муку, крупу, сахар, кондитерские и табачные изделия, чай, ткани, одежду, белье и головные уборы, обувь, посуду фарфоровую и металлическую, столовые приборы, мыло, спички. Ее экспорт в тот период состоял главным образом из сырья растительного и животного происхождения, а также живого скота.

Нельзя не упомянуть два исторических факта, имевших место накануне войны.

Первый – Советский Союз в 1940 году вывез в Германию товаров на 556 млн рублей, а импортировал – только на 214 млн руб.

О втором факте А. Микоян пишет следующее: «За два дня до нападения немцев, часов в 7–8 вечера мне звонит начальник Рижского порта: «Здесь стоит около 25 немецких судов, одни под загрузкой, другие под разгрузкой. Нам стало известно, что они готовятся завтра, 21 июня, все покинуть порт, несмотря на то, что не будут закончены ни разгрузка, ни погрузка. Прошу указаний, как быть: задержать суда или выпустить?» ...Сразу же пошел к Сталину, там были и другие члены Политбюро. Рассказал о звонке начальника Рижского порта, предложил задержать немецкие суда. Сталин рассердился на меня, сказав: «Это будет провокация. Этого делать нельзя. Надо дать указание не препятствовать, пусть суда уходят». [4.6] Наши же суда, находившиеся в портах Германии, были захвачены в первый же день войны.

Практика еще раз подтвердила старую истину: выигрывает тот, кто думает вперед и действует решительно.

4.3. Движение цен, как результат взаимодействия политики и экономики

Известно, что в цене, как в фокусе, пересекаются и концентрируются все основные межхозяйственные и социальные отношения. При этом в условиях рыночной экономики движение цены на конкретный товар, подчиняясь многим требованиям, колеблется в рамках объективных ограничителей сверху и снизу. *Верхним пределом,* который, в свою очередь, обуславливается двумя факторами: со стороны производителя – качеством, то есть полезными свойствами товара, и со стороны рыночных покупателей – денежным спросом, то есть платежеспособностью потребителей. *Нижний предел* цены определяют издержки производства данного товара, поскольку никто не может сколько-нибудь длительное время выпускать продукцию себе в убыток. Конкретная рыночная цена движется между этими пределами. В практике случается, что нижний предел цены на определенный товар поднимается выше верхнего. В такой ситуации возникают трудности с его сбытом. В другом варианте, наоборот, верхний предел цены опускается за черту нижнего. В таком случае производство товара становится нерентабельным.

Одна из особенностей межхозяйственных отношений в начале тридцатых годов состояла в том, что издержки производства товарной

продукции большинства предприятий тяжелой промышленности превышали верхний предел отпускной цены. Это был тот случай, когда оптовые цены промышленности не возмещали всех затрат при реализации основной массы продукции группы «А». В то же время заработная плата производственного персонала таких предприятий держалась на уровне прожиточного минимума, и довольно часто опускалась ниже этого уровня. В таких условиях большинство межхозяйственных и других экономических связей группы «А» и ее работников не могли использовать денежные, в том числе ценовые формы, поскольку ключевые пропорции и другие атрибуты рынка были нарушены стихийно или сознательно.

На помощь приходила плановая система. Предприятия выражали свои потребности в форме завышенных заявок на конкретные материальные ресурсы в натуре: тоннах, штуках, метрах и т. д. Вышестоящие плановые органы, зная такую «слабость» первичных звеньев производства, решительно (читай: волюнтаристски) урезали их запросы. Возникали споры, и даже конфликты. Достигнутый, в конце концов, компромисс называли плановым балансом. Он весьма отдаленно напоминал рыночное равновесие. Денежные эквиваленты за обязательные поставки зерна и некоторых других продуктов, как и цены, используемые в снабжении по карточкам, также не вписывались в параметры рыночных отношений.

Но и в таких условиях объективные экономические законы проявляли себя в практике ценообразования. Однако только как общие тенденции, слабо проявлявшиеся в хозяйственной практике.

Значение объективного фактора в формировании народнохозяйственных пропорций, в том числе в области ценообразования, стала признавать и советская экономическая наука. Напомню, что в учебнике политической экономии, вышедшем в 1930 году, И. Лапидус и К. Островитянов писали: «Всякое общество может существовать только при условии, если в нем поддерживается известное равновесие между производством и потреблением... В советском хозяйстве пропорциональность в распределении труда по отдельным отраслям производства в соответствии с переходным характером этого хозяйства достигается *сочетанием планового руководства с законом стоимости. При этом ведущая роль находится на стороне планового руководства*».[4.74]

Действие закона стоимости в хозяйственной практике довоенных пятилеток проявлялось, прежде всего, в том, что стихийно разрушались те денежные формы, в том числе, цены которые не отвечали его условиям и требованиям. Так, нарушение равновесия

между товарной массой и количеством денег, находившихся в обращении, вызвало саморазрушение системы рыночного (базарного) и кооперативного ценообразования – начался их инфляционный рост.

Динамика розничного товарооборота, массы денег в обращении и цен [4.75]
(Уровень 1928 года принят за 100 %)

Показатель	1928	1932	1937	1940
Товарооборот, физический объем	100	134	199	233
Количество денег в обращении	100	335	659	–
Товарооборот, в текущих ценах	100	342	1 067	1 484
Индекс розничных цен	100	255	536	637

Эта таблица построена на материалах монографического исследования Алексея Малафеева. В его уникальной работе, вышедшей в свет в 1964 г., собраны многочисленные фактические данные и материалы, которые полнее и четче отражают движение цен, как целостной системы, чем любые официальные сборники государственной статистики. Данный раздел книги подготовлен в значительной степени на материалах, введенных А. Малафеевым в научный оборот. Если в последующих таблицах нет специальной сноски, то они взяты из приложения к его монографии «История ценообразования в СССР (1917–1963)».

Однако вернемся к нашей теме. К концу второй пятилетки по сравнению с 1928 годом количество денег в обращении увеличилось в 6,6 раза, в то время как физический объем товарооборота, главным образом из-за отставания сельского хозяйства и легкой промышленности, – только в два раза. В этой связи больше двух третей наличных денег оказалось излишними, то есть денежный спрос не балансировался с товарной массой. Но когда денег много, а товаров не хватает, они быстро обесцениваются, то есть снижается их платежеспособность. При этом обесценивается не только излишек, но и вся масса денег. В практической реализации этого процесса активно участвует механизм ценообразования: верхний предел розничных цен начинает стремительно набирать высоту. За ним устремляются текущие розничные цены – индекс этих цен едва поспевал за ростом денежной массы в обращении. В начале тридцатых годов скорость подъема уровня розничных цен приобрела характер инфляции, что грозило деформировать планы по финансированию капитального строительства, а также эскизные проекты восстановления свободной торговли и рыночного механизма.

К тому же пошел вверх и нижний предел цены. Дело в том, что в ходе выполнения первых двух пятилетках был нарушен важный экономический закон: рост производительности труда в расчете на одного работника должен опережать повышение средней заработной платы персонала данного предприятия или отрасли. Только при соблюдении этого условия открывается возможность снижения себестоимости единицы продукции, а, следовательно, и соответствующей цены. Работники, занятые в сфере ценообразования и планирования, давно открыли для себя этот закон – одно из основных правил расчета твердых плановых цен.

Еще в 1930 году Ш. Турецкий указывал на тесную зависимость и взаимодействие между динамикой производительности, средней номинальной зарплаты и себестоимостью.

Темпы прироста производительности труда, номинальной зарплаты и изменения себестоимости в начальный период индустриализации [4.76]

в % к предыдущему году

Показатель	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
Производительность труда	11,6	12,2	13,6	16,2	11,5
Номинальная зарплата	25,1	12,1	10,2	9,7	5,0
Себестоимость	+1,7	– 1,8	– 6,2	– 4,5	– 6,0

В то время заработная плата составляла примерно третью часть издержек в промышленности. Поэтому ее опережающий рост по сравнению с динамикой производительности труда, как правило, вызывал удорожание себестоимости – на единицу изделия приходилось большее количество рублей начисленной зарплаты. Это хорошо видно из приведенных данных. Конечно, на уровень и движение себестоимости продукции активное воздействие оказывает большое число различных факторов. Но исходным и обобщающим можно считать все же взаимодействие между производительностью труда и оплатой труда.

Позитивное соотношение в этой связке сложилось вскоре после введения в обращение твердого червонца, что послужило основой для внедрения в хозяйственную деятельность реального коммерческого расчета и заставило производственников внимательно следить за ростом производительности труда всего производственного коллектива. В 1925/26 году произошел некоторый сбой, но вскоре положение в этой сфере вновь стабилизировалось. На этом этапе массовое строительство новых промышленных предприятий только разворачивалось. Оно не влияло на себестоимость изделий,

выпускаемых на ранее освоенных производственных мощностях. Соответственно, то есть независимо от перерасходов смет в капитальном строительстве вели себя и цены на изделия, выпущенные промышленностью.

Это был *первый, самый спокойный этап развития ценообразования* в России после денежной реформы 1924 года. Закончился он в 1928–1929 годах.

Динамика различных видов цен в 1924–1929 годах [477]
на 1 января соответствующего года
(Уровень 1913 года принят за 1,0)

Индекс цен	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Оптовый индекс Госплана	1,96	1,72	1,83	1,72	1,71	1,77
Розничный индекс КИ*	–	1,96	2,07	2,08	2,01	2,18
Розничный индекс КИ**	1,80	2,05	2,26	2,35	2,34	2,73

* Обобществленный сектор
** Частный сектор торговли

Таблица, составленная на базе расчетов Госплана и Конъюнктурного института, отражает устойчивый характер обращения денег и движения оптовых и розничных цен после реформы 1924 года на протяжении периода восстановления хозяйства и начала индустриализации. Некоторую нервозность в последние два–три года стали проявлять частники, особенно в торговле хлебом. Государственная и кооперативная торговля, можно сказать, удержала оптовые и розничные цены на уровне 1924 года. Тем не менее, частные торговцы, используя благоприятную для себя конъюнктуру рынка, подняли за этот период розничные цены в полтора раза. Особенно заметно подорожали продукты питания.

В роли частного торговца в конце двадцатых годов выступали не только и не столько перекупщик и спекулянт, сколько рядовые сельские жители. Как показывала практика, на местных базарах чаще всего реализовали свою товарную продукцию ее непосредственные производители – крестьяне и кустари. Поэтому такие рынки в наибольшей степени носили черты «свободной» торговли, когда соотношение спроса и предложения определяли верхний предел розничной цены в наиболее чистом виде. Поэтому оставшиеся следы от рынка в России в конце двадцатых годов следует искать на крестьянских базарах, которые именовали «частной» торговлей. До 1931 года включительно такую торговлю стремились вытеснить и, по возможности, ликвидировать вообще. В 1932 году ей дали

«зеленый свет», и она стала быстро развиваться, но уже в форме «колхозной торговли».

Как видно из таблицы, неудовлетворенный спрос на продоволь-

Динамика розничных цен в частной торговле
(Уровень1913 года принят за 1,0)

Розничная цена в частной торговле	1923/24	1924/25	1925/26	1926/27	1297/28	1928/29
Сельскохозяйственная	1,68	187	2,02	2,07	2,47	3,67
Промышленная	2,43	2,25	2,42	2,42	2,42	2,69

ствие в тот период был значительно выше дефицита промышленных товаров. Частник оперативно отреагировал на изменение конъюнктуры, повысив розничные цены на сельскохозяйственные товары больше, чем в два раза. Одновременно была решена и другая задача – уже в 1928 году «ножницы цен» в частной торговле сомкнулись, а на следующий год они уже были в пользу сельского хозяйства, что, конечно, не устраивало руководство страны. Как уже отмечалось, в категорию «частника» попадали, в основном, крестьяне, участвовавшие в «базарной» торговле. Если говорить точнее, именно они составляли большинство среди других торговцев. Но, как говорят: нет худа без добра. Опережающий рост розничных цен на сельскохозяйственные товары в 1928–1929 годах стихийно сбалансировал интересы города и деревни. Об этом достаточно ясно свидетельствуют следующие данные:

Индексы розничных цен в обобществленной (*а*) и частной (*б*) торговле [4.78]
(Уровень1913 года принят за 100)

Товары		Октябрь 1926 г.	Январь 1929 г.
Хлебные	*а*	168	178
	б	211	399
Овощные	*а*	180	219
	б	225	326
Мясные	*а*	202	185
	б	212	217
Молочные	*а*	193	260
	б	203	353
Ткани	*а*	230	202
	б	278	291
Обувь	*а*	225	204
	б	243	254
Железо	*а*	202	171
	б	253	228
Пиломатериалы	*а*	288	204
	б	271	255
Керосин	*а*	108	103
	б	119	119

Из анализа приведенных данных можно сделать ряд интересных выводов. Во-первых, частная торговля, в том числе, крестьянская, в 1926 году, если сравнивать цены реализации с их довоенным уровнем, торговала дороже, чем государственная и кооперативная. Во-вторых, цены на промышленные товары, которые в 1926 году были выше, чем на продовольствие, в 1929 году, стали относительно дешевыми. В-третьих, цены на промышленные товары в обобществленной торговле, чтобы расширить товарооборот с крестьянством, понизились. В это же время в частной торговле произошло повышение цен как на продовольствие, так и на промышленные товары, кроме керосина, спичек, табака, чая и некоторых других товаров. Характерно также, что если в 1926–1927 гг. общий уровень цен в частной торговле оставался практически стабильным (при их незначительном колебании вверх и вниз на отдельные товары), то уже весной 1928 года на «вольном» крестьянском рынке появились первые признаки приближающейся бури.

Начинался *второй этап развития ценообразования:* 1929–1935 гг. – этап административного насилия над рынком и превращения цен в пассивный инструмент учета и контроля при распределении так называемых дефицитных товаров. В этот период использовалось несколько моделей закупочных, оптовых и розничных цен как на промышленные, так и сельскохозяйственные товары, которые нередко существенно отличались друг от друга.

Так, продукты питания в то время можно было купить по низким карточным (пайковым) ценам, высоким ценам в коммерческих государственных магазинах и на базаре – свободном крестьянском рынке. Здесь нередко встречались и спекулянты – мелкие перекупщики. Заготовительно-закупочные цены сохранили тенденцию к повышению.

Цены, по которым отпускались товары по карточкам, разнились друг от друга в зависимости от того, к какой категории относился владелец карточки. О том, насколько такие цены отличались своим «весом» от рыночных, можно судить по следующим, достаточно представительным данным:

Средние цены на продукты питания в первой половине 1932 года [4.79]
рублей за 1 кг

Продукт	По рабочей карточке	Цена на рынке	Соотношение цен, раз
Мука пшеничная	0,25–0,28	3–5	10–15
Мясо	1,5–2,1	4,7–6,8	3–4
Рыба	1,2–1,4	2,7–3,1	2–3
Молоко	0,4–05	1,5–1,6	3–4
Масло сливочное	6,4–8,5	19–20	2,5–3
Сахар	1,0–1,1	4–9	4–8
Яйцо, десяток	8	9–10	1–1,2

Рыночные цены на основные продовольственные товары в большинстве случаев в три-четыре раза превышали цены закрытых распределителей, где отоваривали свои карточки промышленные рабочие, интеллигенция, служащие. Уровень цен в государственных коммерческих магазинах держался, обычно, немного ниже базарных, но выше карточных. Это, с одной стороны, ограничивало сферу действий спекулянтов, а, с другой, давало заметный доход в государственный бюджет. Весной 1933 года в разгар хлебного кризиса базарные цены на муку и зерно подскочили вверх еще в несколько раз.

Существенные изменения в предвоенные годы претерпели цены производителей сельскохозяйственных продуктов и сырья. К началу первой пятилетки раствор «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные товары в государственной и кооперативной торговле составлял ~ 10 % в пользу промышленности. Можно утверждать, что такое расхождение цен на практике было незаметным, то есть не выходило за рамки точности счета. Это говорит о том, что в конце двадцатых годов рыночное равновесие интересов города и деревни еще не было нарушено. В это же время сохранялось, – невыгодное для крестьян, выращивающих зерновые, – соотношение цен на хлеб и технические культуры. Производство товарного зерна давало прибыли на 30–40 % меньше.

Реализация сельскохозяйственных продуктов осуществлялась в основном по двум каналам: первый – государственные заготовительные организации и кооперация, второй – частник. С 1928 года организованные заготовители начали заключать договора контрактации о закупках хлеба на взаимовыгодных условиях. Первый раз был законтрактован урожай всего на 2 % посевов зерновых. На следующий год – на 20 %. Еще через год этот показатель поднялся

до 51 %. Урожай 1931 года был заранее закуплен на 74 % посевных площадей зерновых. Несмотря на такую, казалось бы, положительную динамику, заготовители все чаще сталкивались с фактами, когда крестьяне отказывались заключать договор на продажу зерна будущего урожая. Дело в том, что частник предлагал значительно более высокие цены. По этому поводу А. Малафеев приводит следующие сопоставления:

Количество ситца, которое можно купить у кооператоров при реализации продукции по контрактации и на базаре [4.80]

метр ситца

При реализации за:	По цене контрактации			По цене базара		
	1929	1930	1931	1929	1930	1931
1 центнер ржи	14,7	17,3	11,7	78,5	119,7	126,9
1 кг топленого масла	5,1	5,4	5,1	9,8	29,5	35,4
10 штук яиц	1,0	1,3	0,9	2,0	4,9	6,3

Вариант продажи продовольственных товаров по цене, которая в 5–10 раз выше, чем предлагает кооператор или государственный заготовитель, для крестьянина не просто предпочтителен. Он сделает все возможное, а, может быть, и невозможное, чтобы продать свою продукцию в несколько раз дороже на базаре. Поэтому практически безрезультатно закончились попытки сломать «вольную» торговлю сельскохозяйственными продуктами с помощью административных запретов и милиции. Властям пришлось пойти по другому пути: начиная с 1932 года вместо системы контрактации стали внедрять систему обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству. Попробовали с мяса. Затем отменили контрактационную систему заготовок молока, масла и сыра, заменив ее обязательными поставками государству молока. В январе 1933 года ввели обязательные поставки зерна, а еще через месяц–два – картофеля, подсолнечника, риса и шерсти. При этом устанавливалась определенная норма поставки, которая оплачивалась деньгами. Цены на зерно, поставляемое в счет обязательных поставок в 1933 и 1934 годах, сохранили на уровне прежних контрактационных. Например, рожь стоила 5,5 копеек за 1 кг, пшеница – 7,7 коп., овес – 4,3 коп., ячмень – 5,4 коп., гречка – 6 копеек за 1 кг. Считалось, что такие цены возмещали издержки производства зерновых и давали небольшую прибыль, хотя расчеты были весьма приближенными. Практически они зависели от того, как оценивать оплату труда колхозника в рублях. На трудодень он чаще всего получал 15–30 копеек.

В 1935 году закупочные цены на зерновые были повышены на 10 %

Зерновые, поступавшие по обязательным поставкам, концентрировались в системе «Заготзерно». Здесь к закупочной цене прибавляли налог с оборота, который отчислялся в бюджет, а отпускная цена для следующей группы покупателей соответствующим образом повышалась. С 1 января 1935 года были установлены новые (повышенные) отпускные цены на зерно, муку и отруби, то есть на «продукцию» «Заготзерна», которую приобретали организации розничной торговли, хлебозаводы, предприятия общественного питания, Наркомат обороны и другие учреждения. Налог с оборота устанавливался в рублях и копейках на центнер продукции заготовленной продукции. Его удельный вес в отпускной цене с 1935 года стал доминирующим, то есть превышал все издержки заготовок, включая цену за продукцию, полученную в форме обязательных поставок. Например, по 1-у поясу отпускная цена за 1 центнер ржи составляла 84 рубля, в том числе затраты и прибыль «Заготзерна» – 18 рублей (21,4 %). Налог с оборота – 66 рублей (78,6 %). На пшеницу мягкую по 2-у поясу – цена 104 рубля, в том числе выручка «Заготзерна» – 15 рублей и налог с оборота – 89 рублей. Цена на муку пшеничную была установлена на уровне 216 рублей за центнер, в том числе доля заготовителей – 20,5 рубля, налог с оборота – 195 рублей и 50 копеек (90,5 %). Отпускная цена на овес – 58,5 рубля за центнер. Доля «Заготзерна» – 12 рублей. Налог с оборота – 48,5 рубля (79,5 %).[4.81.] В таких условиях Всесоюзное объединение «Заготзерно» превратилось в крупнейшего плательщика налога с оборота в государственный бюджет.

Общий индекс отпускных цен на промышленные товары для населения также повысился в связи с установлением довольно высоких налогов с оборота на кожу, табак, спирт и сахар.

Но в промышленности дело было не только в налоге с оборота. Плановые органы переоценили возможности реального сектора в повышения производительности труда. Главными факторами ее роста в те годы выступали: механизация трудовых операций, повышение энерговооруженности работников, а также их квалификации. При этом большое значение имело накопление необходимого минимума практических знаний и опыта работы. Направляющим, организующим и стимулирующим механизмом взаимодействия всех этих факторов выступала еще только формирующаяся новая система управления. Однако ни один из этих факторов не мог действовать в полную силу, поскольку каждый из них

сам еще находился в стадии становления и обкатки. Отсюда многочисленные ошибки, сбои, отказы, поломки, то есть слишком высокая доля технологического и управленческого брака в работе большинства предприятий.

Все это вызвало повышение нижнего предела цен – издержек производства. Вместо запланированного снижения себестоимости выпускаемой продукции почти повсеместно отмечалось ее довольно значительное повышение.

Изменение себестоимости товарной продукции промышленности
% снижения (прироста) к предыдущему году

1928/29	1929/30	1931	1932	1933	1934	1935
– 5,2	– 6,9	+ 6,8	+8,1	+ 0,7	– 3,6	–3,9

Только в 1929 и 1930 годах, когда доля новых заводов в товарной продукции промышленности была еще относительно невысокой, а среди ее производственного персонала преобладали опытные, квалифицированные кадры, в том числе среди руководящего и инженерно-технического состава (время А. Рыкова), – отмечаются высокие темпы снижения себестоимости выпускаемой продукции. Затем последовали три года освоения новых производственных мощностей и технологий на вступивших в строй промышленных предприятиях. По существу, это был период массового обучения новых промышленных кадров непосредственно на рабочих местах. Естественно, качество труда и готовой продукции было невысокое.

К тому же начиная с 1931 года ситуация в промышленности меняется: безработица ликвидирована. Она уже не довлеет на рынке труда и не сдерживает рост заработной платы. Напротив, повсеместно требуется рабочая сила. Ее можно привлечь на стройки и пускаемые в эксплуатацию предприятия, где преобладают низкая организация труда, необустроенное жилье, не налажено нормальное общественное питание, – только за счет энтузиазма молодости и высокой зарплатой для тех, у кого уже есть семья и дети. В таких условиях приходиться повышать оплату труда даже неквалифицированным рабочим, не увязывая ее с динамикой производительности труда. Доля неопытных работников, чаще всего по разным причинам приехавших из деревни, быстро растет. Им нужно время, чтобы освоить новые для них инструменты, привыкнуть к совершенно новым требованиям, научиться читать чертежи и делать, причем качественно, ранее незнакомые предметы. Для учебы нужно время, а его нет. Отсюда неизбежна невысокая производительность

труда. А это, в свою очередь, ведет к увеличению издержек производства, а затем и к росту цен.

Динамика важнейших индикаторов работы промышленности [4.82]
(Уровень 1928 года принят за 100 %)

Индикатор работы промышленности	1928	1932	1937	1940
Среднегодовая зарплата	100	226	482	641
Производительность труда	100	141	258	343
Мощность рабочих машин	100	183	410	563
Продукция промышленности	100	202	446	646

В этой таблице зафиксировано, что в тридцатые годы повышение производительности труда существенно отставало от увеличения мощности производственного аппарата и, еще в большей степени, – от роста средней заработной платы. Приходилось увеличивать общую численность производственного персонала и фонд оплаты его труда. Количество занятых в промышленности в 1940 году достигло 13,1 млн человек против 4,3 млн в 1928 году. [4.83] Практика показывала, что используемое у нас импортное технологическое оборудование обслуживали в два-три раза больше работников, чем было занято на таких же машинах за рубежом – недостающее качество персонала приходилось, хотя бы частично, компенсировать количеством.

Таким образом, в этот период, в силу объективных причин и верхний, и нижний пределы цены упрямо поднимались вверх. Средний уровень всех цен вынужден был следовать за ними, хотя правительственные органы предпринимали различные меры, чтобы, если не остановить, то хотя бы затормозить такой процесс.

Анализируя поведение отпускных цен в первой половине тридцатых годов, следует иметь в виду, что в этот период легкая и пищевая промышленность находились в одной хозяйственной группе, а тяжелая, – в другой. В области ценообразования они развивались обособленно. Каждая пошла своим путем. В группе «Б» после налоговой реформы начала тридцатых годов к отпускным ценам промышленности добавили весомый налог с оборота, что повысило среднюю стоимость товаров, поступавших в розничную торговлю из этих отраслей примерно на 30–40 %.

В тяжелой промышленности, чтобы не добавлять сумятицы в финансовые отношения между предприятиями внутри государственного сектора, решили «заморозить» отпускные цены, а возникающие у них убытки возмещать в форме крупных субсидий за счет

государственного бюджета. В результате общий уровень отпускных цен на продукцию тяжелой промышленности в первой пятилетке оставался относительно стабильным. За 1929 и 1930 гг. он понизился примерно на 2 %. В начале 1931 года произошел перелом – кривая индекса цен поползла вверх. Общий итог за пятилетку: рост отпускных цен в тяжелой промышленности составил почти 6 %, хотя по плану предполагалось их снижение. В 1933 и 1934 годах индекс отпускных цен, при значительных перегруппировках внутри тяжелой промышленности, вернулся к исходному уровню даже с небольшим итоговым снижением. [4.84]

Этот исторический факт еще раз наглядно показывает, что экономика, особенно рыночная, много сложнее и сильнее, чем полагают политики.

Динамика отпускных цен тяжелой промышленности
на 1 января соответствующего года, %
(Уровень 1913 года принят за 100%)

Отрасль промышленности	1929	1930	1931	1932
Топливная	159	157	153	176
Электроэнергетика	105	104	104	108
Машиностроение	169	165	157	161
Электротехническая	151	133	129	119
Химическая	161	154	147	147
Стройматериалов	223	214	210	237
Вся группа «А»	163	160	154	163

Приведенные данные свидетельствуют о том, что государственному комитету цен удалось с помощью системы прейскурантов на продукцию тяжелой промышленности нейтрализовать действия закона стоимости практически на протяжении всей первой пятилетки. Такие результаты были достигнуты весьма простым приемом – утвержденные в конце двадцатых годов прейскуранты не пересматривались до конца пятилетки. Подобные приемы были возможны, поскольку денежные формы и расчеты играли в системе межхозяйственных связях подсобную, учетную роль. Планирование производства, распределения, обмена и потребления продукции тяжелой промышленности осуществлялось в большинстве случаев в натуральной форме или в так называемых неизменных ценах. Денежные расчеты между предприятиями производились только через банки, без использования наличных денег. Налоговые платежи и отчисления от прибыли в бюджет перечислялись банками со счетов

заводов и фабрик на счета Наркомата финансов также методом безналичных расчетов. Реальные рубли в сфере денежных отношений появлялись на свет только при выплатах заработной платы. При этом строго соблюдался заранее установленный плановый норматив: определенное количество копеек заработной платы в расчете на рубль выпущенной валовой или товарной продукции. При невыполнении месячного планового задания по выпуску продукции банк автоматически сокращал выплаты фонда заработной платы за тот же период времени.

Более сложные расчеты приходилось производить при невыполнении плановых заданий по снижению себестоимости. В условиях рыночного хозяйства предприятия, по тем или другим причинам увеличившие издержки, стремятся поднять и цены. Если же покупатели отказываются оплачивать товар прежнего качества за повышенную цену, то не справившийся с условиями рынка руководитель вынужден объявить себя, а вместе с тем и свою фирму банкротами. В этом собственно и состоит позитивная сторона рыночной конкуренции. Относительно устойчивые цены на основную массу товара среднего качества служат жестким инструментом для материального поощрения (увеличения прибыли) тех производителей, которые первыми снижают себестоимость или улучшают потребительские свойства товара. В то же время они безжалостно наказывают – доводят до банкротства тех, кто хозяйствует вяло, нерасчетливо, не умея заранее правильно подсчитать текущие затраты и будущую выручку.

В первой пятилетке такого рыночного механизма в народном хозяйстве России не было. Это – одна из причин, почему повсеместно в промышленности росли себестоимость и цены. В рыночном хозяйстве эти две родные сестры, как специфические денежные формы товара, ведут себя относительно самостоятельно. В большинстве случаев они движутся в одном направлении – вместе в гору, держась за руку, за одно – и с горы. Но бывают случаи, когда под воздействием административного вмешательства цену крепко держат на одном уровне, а себестоимость сама по себе ползет вверх или (что случается реже) спускается вниз. Возможно изменение себестоимости продукции и под влиянием сдвигов в сортаменте выпускаемых изделий, а также при переходе с одного вида топлива на другой или при использовании относительно дешевых (дорогих) видов взаимозаменяемого сырья и материалов. [4.85.]

Все эти исключения только подчеркивают тот факт, что основным фактором, определяющим движение нижнего предела цены,

выступает изменение среднего уровня затрат на разработку, производство и реализацию конкретного вида изделия. В то же время уровень и динамика издержек в свою очередь зависит от роста номинальной заработной платы работников, занятых в создании этого изделия, изменения цен используемых для этого топлива, сырья и материалов. Это внешняя, денежная сторона проблемы. Но важное значение имеет и ее натуральная, сущностная сторона – снижения (увеличения) удельных затрат (нормативов) живого и овеществленного труда в расчете на единицу готовой продукции. Иными словами: повышение производительности труда и эффективности использования материальной составляющей чаще всего выступают главными факторами, влияющими на динамику издержек производства.

Если проанализировать под таким углом зрения движение себестоимости продукции промышленности на протяжении всего третьего десятилетия, то выясняется, что в этот период росла и производительность живого труда, и эффективность производственного процесса в целом, хотя и разными темпами в отдельных отраслях. Медленнее, чем на других участках, это происходило в угольной и металлургической промышленности. В то же время повышение оплаты труда здесь существенно опережало другие отрасли. Поэтому логично, что основной очаг повышения издержек производства в то время находился в угольной промышленности, то есть в главной энергетической базе страны.

Как подсказывала практика, удорожание топлива весьма опасное явление. Оно может вызвать спираль роста цен по всей взаимосвязанной цепочке межхозяйственных связей. Так, повышение отпускной цены на уголь на 5 % в тех условиях вызвало удорожание всей промышленной продукции примерно на 1 %. Поскольку в период первых довоенных пятилеток и без того почти все отрасли тяжелой промышленности были убыточны или, в лучшем случае, малорентабельны, вначале, как уже отмечалось, было решено никаких крупных повышений отпускных цен на топливо не проводить.

Стоит напомнить, что в 1921–1922 гг. цены на уголь были ниже себестоимости, то есть отрасль в целом была убыточна. Это было сделано сознательно, чтобы помочь обрабатывающим отраслям промышленности и крестьянству поднять на ноги полуразрушенные за семь лет войны предприятия и хозяйства, к тому же сильно пострадавшие от голода.

Весной 1922 года подошла очередь и угольной промышленности переходить на режим хозяйственного расчета с использованием гибкой системы цен. Вплоть до 1926 года при реализации ее продукции

железнодорожному транспорту и некоторым отраслям промышленности применялись льготные, то есть заниженные цены. Другие покупатели оплачивали уголь по более высоким ценам. Поскольку топливо относилось к числу дефицитных товаров, таких клиентов было достаточно, чтобы объединение Донуголь и Кузбассуголь в 1922–1926 гг. получали прибыль, при этом себестоимость угля снизилась с 12,6 руб./т в 1923/24 году до 10,8 руб. в 1926/27 году.

С началом индустриализации конъюнктура резко изменилась: основными потребителями угля стали электростанции, тяжелая промышленность, строительство и транспорт. На всех топлива не хватало. Поэтому на первый план выдвинулась задача резко увеличить добычу угля. Хотя в слух этого не говорили, но имелось в виду – любой ценой. С задачей – многократно расширить главный источник пополнения топливного баланса страны, шахтеры справились. Добыча угля возросла в 1940 году до 165,9 млн тонн против 35,5 млн в 1928 году, то есть в 4,7 раза. Но такие результаты дались нелегко. Несмотря на то, что основные, наиболее трудоемкие операции в шахтах были механизированы (мощность двигателей, обслуживавших рабочие машины в угольной промышленности, увеличилась за этот же период в 5,2 раза) добыча угля на одного рабочего этой отрасли повысилась только в 2,4 раза.

Этот индикатор зафиксировал существенное отставание производительности труда от темпов роста как мощности рабочих машин, так и объемов добычи угля. Поэтому пришлось в больших масштабах увеличивать количество занятых, в том числе под землей. Но такой маневр потребовал преодоления ряда дополнительных трудностей. Известно, что труд шахтера связан с высоким напряжением как физических, так и духовных сил: аварии под землей случаются, к сожалению, слишком часто. Поэтому работники, занятые на подземных работах, обычно долго не задерживаются. Чтобы сократить текучесть, – а это одна из важных предпосылок повышения производительности, – необходимо было заметно улучшить качество жизни шахтеров: прежде всего, повысить оплату труда, улучшить жилищные условия, продовольственное снабжение, создать благоприятные условия для отдыха и др. Все это требовало крупных затрат. Только зарплата шахтеров за годы довоенных пятилеток возросла более, чем в семь раз. На долю этой статьи расходов приходилось почти две трети всей себестоимости тонны угля.[4.86.] Так как производительность труда больше чем в два раза отставала от повышения зарплаты, уголь стал одним из лидеров по увеличению затрат на единицу продукции, что в свою очередь подстегивало рост

цен на продукт, который закладывался в фундамент для формирования всей пирамиды отпускных цен.

Само понятие *«отпускная цена»* было официально введено постановлением Совнаркома от 28 октября 1931 года. К такой категории относились цены, по которым товаропроизводители и заготовители отпускали свою продукцию «на сторону». Реализация продукции внутри треста или объединения осуществлялась по расчетным ценам. (Впоследствии отпускные цены стали называть ценами промышленности, а расчетные – ценами предприятий.)

Отказ от повышения отпускных цен до уровня, превышающего хотя бы на немного издержки производства, имел свои минусы. Из двух зол пришлось выбрать наименьшее –регулярно выплачивать убыточным отраслям дотации из бюджета.

Одновременно началась подготовка к новой реформе цен, необходимость которой назрела объективно. Так, за период первой пятилетки себестоимость угля увеличилась на 66 % и металла – на 33 %. Однако общий пересмотр цен – всегда громоздкое и противоречивое дело, требующее тщательной подготовки, немалых затрат денег и опытных кадров. Таких условий тогда не было, и в 1932 году в сфере ценообразования ограничились проведением текущего, «косметического» ремонта отдельных прейскурантов: незначительно подняли отпускные цены на уголь, лес, строительные материалы и некоторые другие изделия. Это не позволило решить проблемы рентабельной работы тяжелой промышленности, тем более, что рост себестоимости ее продукции продолжался. В это же время во всю развернулась подготовка к отмене карточек на хлеб и другие продовольственные товары. Предварительные расчеты показывали, что реализация этой программы связана с некоторым повышением средних цен в государственной розничной торговле, что в свою очередь потребует, в качестве компенсации, увеличения заработной платы у основной массы рабочих и служащих. Но такая компенсация вызовет внеочередной скачек вверх уровня себестоимости продукции, а значит и увеличение убытков в промышленности.

Третий этап развития ценообразования – вторая половина тридцатых годов. В это время в руководстве страны зреет идея преобразования директивно-планового хозяйственного механизма в планово-рыночный, по аналогии с той комбинированной системой, которая довольно эффективно функционировала в период 1922–1926 годов. Важными элементами такого механизма должны были стать не только всесторонне обоснованный план, но и сбалансированные рыночные отношения, хозяйственный расчет, кредит. Конечная цель создания

и развития такого механизма – обеспечение крутого подъема производительности труда и качества жизни населения.

Реформа ценообразования выступала как часть формировавшейся тогда общей концепции создания качественно нового хозяйственного механизма. При этом опять возникла необходимость массового повышения цен, прежде всего, в тяжелой промышленности. Неизбежность такой болезненной операции стала очевидной не только для специалистов, накопивших уже довольно большой опыт работы с плановыми ценами.

Первым шагом в этом направлении стало введение с 1 апреля 1936 года в хозяйственный оборот новых, повышенных отпускных цены на продукцию тяжелой и лесной промышленности. Одновременно отменялись государственные дотации.

Несколько по-иному решался вопрос с отпускными ценами в легкой промышленности. Они были более тесно связаны с розничными ценами, а значит и с рыночными отношениями, а также с обращением наличных денег. Здесь уже роль закона стоимости была более значимой, чем директивы плана, то есть политики. Поэтому уже в первой пятилетке на продукцию легкой и пищевой промышленности стали формироваться два уровня, точнее сказать, две системы цен, относительно самостоятельные по своим функциям и характеру.

Динамика отпускных цен в группе «Б» [4.87]
без пищевой промышленности, на 1 января соответствующего года, %
(Уровень 1913 года принят за 100 %)

Отрасль группы «Б»	1929	1930	1931	1932
Текстильная	194	193	209	373
Трикотажная	212	211	258	309
Обувная	158	183	191	242
Резиновая	153	163	151	221
Фарфоро-фаянсовая	226	226	246	372
Группа «Б», без пищевой	190	191	208	284

В легкой промышленности удержать стабильный уровень отпускных цен удалось только два первых года. Поскольку бюджетных средств для дотаций всем отраслям не хватало, эти цены, проглотив солидный налог с оборота, начали двигаться вверх уже с конца 1930 года. Розничные цены на промышленные товары широкого потребления, реализуемые по карточкам, остались стабильными. Но магазины коммерческой торговли покупали на оптовых базах и продавали населению такие товары по повышенным ценам.

В 1936 г. была проведена реформа отпускных цен на промышленную продукцию, значительно повысившая их уровень. Убыточность и система государственных дотаций на короткий отрезок времени были ликвидированы. В основу расчетов уровня новых цен был положен принцип: цена реализации продукции должна возмещать издержки ее производства. Иными словами: речь шла о том, чтобы подтянуть уровень отпускных цен хотя бы немного выше их нижнего предела. Это было минимальное исходное требование внедрения рыночных элементов в механизм управления экономикой, в том числе реально действующей системы хозяйственного (коммерческого) расчета. Рентабельность устанавливалась в размере 3–5 % к себестоимости. Налог с оборота, который до этого момента предприятия тяжелой промышленности, получая дотации от государства, уплачивали в бюджет в размере ~ 5 %, был сведен до минимума (0,5–2 %). В результате проведенной реформы общий уровень отпускных цен в промышленности повысился на 87 %.

Цены на каменный уголь были установлены на таком уровне, чтобы Донбасс и Кузбасс могли работать, получая небольшую прибыль, причем новые цены учитывали и качество углей – их калорийность и зольность. Чтобы не обременять шахты расходами, связанными с дальними перевозками топлива, были сохранены или введены вновь льготные транспортные тарифы для подмосковных, кузнецких и карагандинских углей.

В целях снижения транспортных расходов машиностроителей и других крупных потребителей металла на него были установлены единые цены франко-станция отправления. То есть потребители должны были выбирать для себя ближайших поставщиков проката, стальных конструкций и других металлоизделий. Цены на высококачественные стали, – легированные, быстрорежущие и электростали, – были повышены в большей степени, чем на рядовые сорта металла. Такой подход стимулировал производителей расширять выпуск качественных сталей, а потребителей – использовать их там, где они давали наибольший эффект.

В цены на лес была включена попенная плата, за счет которой возмещались расходы, связанные с выращиванием и охраной лесов.

Качественный эффект от проведения в жизнь принципа – отпускная цена должна возмещать издержки производства – заключался в том, что тяжелая промышленность стала рентабельной. В 1935 году ее прибыль достигла 1,8 млрд рублей. Еще через год – 3,2 млрд руб. [4.89.] Однако, как показала дальнейшая практика, такой результат был получен в основном за счет повышения общего

уровня отпускных цен на ее продукцию. Эффективность функционирования хозяйственного механизма отрасли в целом изменилась незначительно.

В тесной взаимосвязи с отпускными ценами развивались *железнодорожные тарифы* на грузовые перевозки. В конце двадцатых годов, то есть накануне начала интенсивной индустриализации, железнодорожный транспорт работал рентабельно, хотя действовавшие в то время льготные тарифы на перевозки миллионов тонн угля, руды и некоторых других грузов не возмещали всех расходов, связанных с их перемещением на многие тысячи километров. Поскольку ускоренный рост тяжелой промышленности сопровождался быстрым увеличением удельного веса грузоотправителей, пользующихся льготами, а также существенным повышением средней заработной платы железнодорожников, суммарные доходы транспортных организаций стали недостаточными, чтобы возмещать их увеличивающиеся расходы. Пришлось осторожно повышать тарифы за перевозки грузов, сознавая, что транспортная составляющая входит в себестоимость всех отраслей народного хозяйства, и ее даже незначительное повышение усугубляет трудности убыточных и малорентабельных предприятий.

На радикальное повышение транспортных тарифов решились только в 1935–1936 годах, накануне общего пересмотра отпускных цен в промышленности. Новые тарифы позволили преодолеть убыточность грузовых перевозок в целом. Оплата транспортирования угля, дров, минеральных удобрений и сахарной свеклы и после реформы оставалась ниже уровня затрат на их перевозку. Тарифы на водные перевозки также остались заниженными, так как опасались, что их повышение может вызвать переключение многих грузовых потоков на железные дороги, которые и без того были перегружены. [4.90.]

Несколько в иной плоскости происходило развитие отпускных цен на товары широкого потребления. Прежде всего, нужно было ликвидировать большой разнобой в ценах на одинаковые товары, которые устанавливали разные организации, руководствуясь разными инструкциями и, довольно часто, – только своими интересами. В этой связи потребовалось упорядочить и централизовать практику установления цен на основную массу промышленных и продовольственных товаров, предназначенных для реализации населению. С этой целью в 1937–1938 гг. был принят ряд постановлений правительства, согласно которым розничные цены на такие товары объединялись в три группы. Первая группа – единые общесоюзные цены, применявшиеся на всей территории страны.

В основном, в эту группу входили промышленные товары. Вторая группа – поясные цены, уровень которых учитывал неодинаковые транспортные расходы при доставке конкретных товаров до потребителей. Сюда входили, главным образом, хлеб, сахар, мясо, овощи и другие виды продовольствия. Третья группа объединяла товары, производимые республиканской и местной промышленностью с учетом особенностей региональных, в том числе национальных рынков.

Вместе с тем система цен была перестроена таким образом, чтобы более гибко отражать соотношения спроса и предложения, а также стимулировать повышение качества товаров. Чтобы добиться большей подвижности цен под воздействием меняющейся конъюнктуры на рынке, были введены два прейскуранта. Прейскурант оптовых цен промышленности без налога с оборота обеспечивал примерно равную выгодность производства всего ассортимента товаров, намеченного планом. Прейскурант розничных цен в большей степени ориентировался на условия реализации товаров, учитывая соотношение цен на взаимозаменяемые изделия. Разница в ценах первого и второго прейскурантов (за вычетом торговой скидки) составляла налог с оборота.

При этом учитывались не только себестоимость товаров, но и их качество, рыночная конъюнктура, а также социальная значимость конкретных товаров. Так, относительно дешевыми были детские товары, школьные принадлежности, лекарства, рабочая одежда, мыло и другие предметы ухода за здоровьем.

Стоит отметить, что проведенная в 1936–1937 гг. корректировка цен не устранила, да и не могла устранить экономические и организационные причины, вызывавшие хронический рост себестоимости продукции в тяжелой промышленности. Уже через пару лет после проведения реформы многие предприятия этой отрасли вновь стали нерентабельными и просили субсидий из государственного бюджета. Лишь машиностроители и металлисты сумели сломать негативную тенденцию и добиться снижения себестоимости производства машин и других изделий в 1938 году на 5,3 % и в следующем году – на 6,9 %.[4.91] Просьбы других отраслей о прямой финансовой помощи (субсидиях) не получили полной поддержки в правительстве, поскольку здоровая экономика не может все время ходить на костылях.

Нужно было научиться хозяйствовать так, чтобы, как минимум, остановить рост себестоимости выпускаемой продукции. Но виноваты в этом были не только и не столько работники предприятий, но и общие перекосы между накоплением и потреблением,

развитием промышленности и сельского хозяйства, группы «А» и группы «Б». За это отвечали работники верхних этажей власти, поэтому им пришлось мириться с создавшимся положением. Уступка сверху состояла в том, что нижний предел цен на продукцию промышленности в 1939 и 1940 гг. вновь пришлось поднимать вверх. Таким образом, индекс отпускных цен промышленности группы «Б» перед войной превышал уровень 1926/27 года в 2,2 раза. Но это позволило распространить более жесткий режим хозрасчета практически на все промышленные предприятия.

Разрыв в относительных к 1926/7 году уровнях отпускных цен промышленности и заготовительных цен на продукцию сельского хозяйства в предвоенные годы увеличился в пользу крестьянства. Это не мешало перераспределять с помощью системы ценообразования основную массу прибавочного продукта, созданного в сельском хозяйстве, на общегосударственные нужды. Главным инструментом такой операции служил налог с оборота, который включался в розничную цену на муку, сахар, кожу, алкогольные напитки, табачные изделия, парфюмерию и некоторые другие товары. При этом в конце тридцатых годов на долю налога с оборота приходилось почти 80 % всех доходов государственного бюджета.

Отпускные (оптовые) и заготовительные (закупочные) цены, как известно, служат каркасом для движения розничных цен. Поэтому трехкратное повышение их уровня, не могло не сказаться на динамике цен товаров широкого потребления, реализуемых в розничной торговле. В начале первой пятилетки их рост еще как-то тормозили с помощью карточной системы:

Динамика розничных цен, % [4.92]
(Уровень 1927/28 принят за 100 %)

Сектор экономики	1928/29	1930	1931	1932
Общественный сектор	104,3	108,7	137,0	176,6
Частный рынок	126,2	231,1	409,0	769,3
Общеторговый индекс	106,6	132,0	179,7	251,8

Государственная и кооперативная торговля упорно и не без успеха противостояли стихии базаров. Хотя доля колхозника в общем объеме розничного товарооборота была небольшой, его влияние на конъюнктуру рынка продовольствия, особенно продуктов животноводства, было весьма заметным, поскольку он умело опирался на внутренние силы рыночных отношений. В последующий период перед войной хозяйственная практика еще раз показала, что

административными методами противостоять объективным законам ценообразования невозможно, и рост цен, в том числе утверждаемых государственными органами, ускорился.

Индексы розничных цен в государственной и кооперативной торговле, % [4.93]
(Уровень 1932 года принят за 100 %)

Продукция	1940
Мясо и мясопродукты	573
Рыбопродукты	380
Молоко и молочные продукты	223
Масло животное	503
Сахар	336
Швейные изделия	273
Кожаная обувь	233

В ценах на сахар, швейные изделия и кожаную обувь «скрывался» налог с оборота. Это, конечно, объясняет относительно высокий рост розничных цен на эти продукты. Но как понять пятикратное удорожание таких товаров, как мясопродукты и масло животное? Видимо, за счет этих продуктов крестьяне возмещали часть тех потерь, которые возникали при реализации зерновых по заниженным заготовительным ценам. Другим источником возмещения таких потерь служила так называемая базарная торговля. Здесь по сравнению с «голодным» 1932 годом цены снизились на 30–40 % и больше. Но они все же оставались выше государственных розничных цен, что и стимулировало крестьян нести продукты своего подсобного хозяйства на базар.

Государственные розничные цены на некоторые товары [4.94]
на 1 января соответствующего года, рублей за килограмм

Товар	1928	1937	1939
Мука ржаная	0,11	1,6	1,6
Мука пшеничная	0,27	4,6	4,6
Хлеб ржаной	0,08	0,85	0,85
Хлеб пшеничный	0,26	2,8	2,8
Говядина	0,87	7,6	7,6
Масло сливочное	2,43	17,5	17,5
Масло растительное	0,53	13,0	13,0
Сахарный песок	0,62	3,80	3,80
Ситец, метр	0,34	2,3–3,3	2,1–2,7
Ботинки мужские, пара	10,8	45–100	42–90
Мыло хозяйственное	0,44	2,30	2,30

Из приведенных данных следует, что в первые два года третьей пятилетки розничные цены оставались стабильными. Их скачек произошел раньше, при отмене карточной системы снабжения. При этом наиболее значительно (в 10 и более раз) за годы индустриализации выросли цены на хлеб – основной продукт питания для большинства населения как в городе, так и в деревне. Крестьяне здесь ни при чем. Цена хлеба несла в себе тяжелый груз – налог с оборота. Его вносили в бюджет заготовительные организации, отгружая зерно различным потребителям по отпускным ценам.

Обобщающую характеристику довольно трудного становления и развития системы планового ценообразования в условиях интенсивной индустриализации и мучительной коллективизации сельского хозяйства дает следующие итоговые данные:

Повышение уровня цен за период 1928–1940 гг. [4.95]
(Уровень 1926/27 года принят за 1,0)

Отпускные на продукцию группы «А»	1,4 раза
Отпускные* на продукцию группы «Б»	2,2 раза
Закупочные (заготовительные) в сельском хозяйстве	3,3 раза
Розничные	6,4 раза

* С налогом с оборота

Из этих сведений следует, что за весь период интенсивной индустриализации среднегодовой темп прироста отпускных цен на изделия тяжелой промышленности составил всего 2,5 %, легкой и пищевой, включая налог с оборота, – 6,3 %. Динамика закупочных (заготовительных) цен на продукцию сельского хозяйства была выше – 9,6 %. Наиболее быстро росли розничные цены, нейтрализуя тем самым ошибки, допущенные при повышении номинальной заработной платы опережающими темпами по сравнению с динамикой производительности труда. Их среднегодовые темпы роста за этот период достигли 15,3 %.

Оценивая эти итоги в целом, их следует признать удачными. Органы управления в условиях огромных экономических и финансовых перегрузок не потеряли контроль над движением цен, способствуя тем самым сохранению устойчивости всей махины народного хозяйства, совершавшей крутой, а потому опасный поворот в своей истории.

Не следует забывать, что цены в своей совокупности – это своеобразная нервная система экономики. В период первых пятилеток производственный сектор развивался весьма стремительно,

но не всегда сбалансировано. На некоторых направлениях недостаточно эффективно использовались ограниченные ресурсы. Поэтому проблемы дефицита, то есть нервные стрессы, возникали то на одном, то на другом участке, а то и сразу в нескольких местах, особенно на стыках ключевых отраслей. В таких условиях невозможно было сформировать и ввести в эксплуатацию комплексный, нормально действующий рыночный механизм, в том числе его рабочий инструмент – цены. Как у больного человека обычно поднимается температура, так в несбалансированной экономике начинается быстрый рост цен. И в том, и в другом случае – это сигналы о нарушении функционального равновесия в организме. В тридцатые годы новый хозяйственный и управленческий организм России еще недостаточно созрел и окреп для того, чтобы быстро преодолеть возникшие «детские» болезни. Не было и профессионально подготовленных врачей, которые могли бы поставить правильный диагноз и предложить оптимальный курс лечения. Тем большего уважения заслуживают те управленцы, которые накануне войны сумели все же преодолеть главные болезненные явления, вызванные интенсивной индустриализацией в области ценообразования. Сохранение при этом относительно устойчивой и работающей системы цен во всех сегментах хозяйства – убедительное доказательство их успеха.

Глава 5. Россия становится индустриальной державой, но с трещинами в социальном каркасе

Первые четыре главы этой книги освещали с различных сторон диалектику третьего этапа интенсивной индустриализации и коллективизацию крестьянства в России. С большими трудностями и напряжением, но в короткий срок был создан ряд новых отраслей промышленности, в том числе производство современного технологического оборудования, освоен массовый выпуск самолетов, автомобилей, тракторов, шарикоподшипников, турбин и генераторов для крупных электростанций, мощных прессов, металлорежущих станков, сельскохозяйственных машин, налажено изготовление синтетического каучука и других химических продуктов. Все это отражало многократно возросшую производительную силу страны. С меньшим успехом шло продвижение машинной техники и передовых технологий в сельском хозяйстве. Но и в этой отрасли новые структуры постепенно вытесняли ручной труд и устаревшие орудия производства. Теперь наступила очередь оценить главное – как эти обширные преобразования в производственной базе сказались на социальном развитии России, то есть на качестве жизни людей.

Известно, что на самочувствие и поведение человека наиболее сильное воздействие оказывают два фактора: во-первых, материальное благосостояние, то есть уровень удовлетворения его жизненно важных потребностей, и, во-вторых, собственное, субъективное восприятие окружающих реальностей. Этот фактор можно назвать также мировоззрением, мотивацией жизни, надеждой и верой, что если не нынешнее поколение, то дети доживут до светлых дней добра и изобилия.

Уровень потребления материальных благ в России тридцатых годов, особенно во второй половине десятилетия, в среднем для всего населения примерно соответствовал достигнутому уровню конца

НЭПа, то есть уровня 1926–1928 годов. Ресурсов продовольствия было несколько меньше, но распределялись они более равномерно. Душевое потребление промышленных товаров увеличилось. Следует иметь в виду также, что к этому времени потребности людей возросли, стали разнообразнее и динамичнее в своих изменениях. В городах, например, самой острой стала жилищная проблема. Численность городского населения в 1939 году возросла по сравнению с 1926 годом на 30 млн человек, то есть больше, чем удвоилась. На каждого городского жителя в 1940 году приходилось 7,5 кв. метров общей площади жилых помещений. [5.1] При этом качество жилого фонда почти не изменилось, разве только, что стало еще больше признаков его износа и разрушений. Большинство семей ютилось в коммунальных квартирах, где на человека приходилось всего 4–5 кв. метров жилой площади. Казалось бы, радоваться было нечему.

Но, как это не парадоксально, большинство населения было удовлетворено своим положением и поддерживало сложившуюся, точнее сказать, строящуюся в России новую социально-экономическую систему. Это означало, что второй фактор – мировоззрение людей, внутренняя духовная мотивация их действий и социальных отношений, при относительно скромном уровне потребления, имел большее, то есть определяющее значение по сравнению с материальными факторами. Этот вывод не следует абсолютизировать. Он верен для конкретной обстановки, сложившейся в России в крайне напряженный период первых пятилеток, когда определенный набор продуктов питания и необходимых промышленных товаров, удовлетворявший первостепенные потребности людей, был доступным для рабочей и крестьянской семьи.

Господствующим был стиль поведения людей, в котором преобладали черты аскетизма и здорового образа жизни. На стадион ходили не для того, чтобы посмотреть со стороны на футбольный матч профессиональных команд, а самим погонять мяч, поиграть в волейбол или городки. Часто устраивались массовые соревнования между предприятиями, учреждениями, городами и поселками, в которых участвовали рабочие и служащие, гражданская интеллигенция и военные, студенты и школьники. Дети после уроков не сидели у телевизоров, а затевали на улице бесконечные игры, развивая свой характер и мускулы. Не обходилось без драк. Трудно сказать было ли это минусом или частью программы по воспитанию будущих мужчин, способных в сложных ситуациях постоять за себя.

Исчезла из употребления поговорка: «людей встречают по одёжке...». Считалось, что одежда должна быть чистой, выглаженной, опрятной. О моде подавляющее большинство населения имело самое смутное представление, а поэтому о ней много не думали даже молодые женщины. Пальто нередко после небольшой переделки от отца переходило к старшему сыну, от матери – к дочери. Ношенные, но еще годные вещи после стирки, чистки, покраски обычно переходили к новому хозяину. К лучшей обуви относились те туфли или ботинки, которые можно было долго носить. На концерт или в театр одевали, что поновее, но не обязательно только новое. Золотых украшений не носили. У большинства их просто не было. Но и лишних забот по этому поводу не возникало. В этом отношении люди были более свободными, и им можно только позавидовать.

Семилетним мальчишкой мне пришлось жить с родителями в общежитии слушателей военной академии. Кухня на весь длинный коридор одна, общая. 30 хозяек. 30 керосиновых примусов. Утром все горят, «работают». В углу место для стирки белья. Всегда занято, но по очереди. В помещении воздух, в котором, как многие были убеждены, давно уже выгорел весь кислород. Летом окна открыты, но жара, как в Сахаре. Со стороны могло показаться, что кухня – это небольшой филиал ада на земле. По законам формальной логики женщины на такой кухне должны были перессориться на второй же день (в первый день они приходили в себя после шока, вызванного «сюрпризом» знакомства с новой средой проживания, а может быть, точнее сказать: выживания). Ничего подобного. Жили дружно и даже весело, с шутками, розыгрышами. Был четкий порядок. Как он поддерживался? Секрет был простой: каждая хозяйка понимала, что выжить в таких условиях можно только в коллективе. *Поэтому она уважала интересы всех других не в меньшей степени, чем свои.* Каждая всегда была готова помочь соседке «посмотреть за чайником»...Если вышел из строя примус, дать возможность пользоваться своим. Таким был общий стиль жизни, который помогал без больших потерь и нервных стрессов переживать бытовые трудности и невзгоды, которые в тот период встречались, пожалуй, излишне часто.

Этот пример из повседневного быта молодой городской интеллигенции типичен для большинства населения, которое поддерживало курс на строительство новой социально-экономической модели в России. Ее отличительной чертой были: социальная справедливость,

а значит и равенство при распределении материальных благ и дефицитов. Культурные ценности получали по потребностям и способностям их воспринять.

Практически абсолютного равенства между людьми не бывает и быть не может. Но, тенденции развития, опирающиеся на принципы равенства, необходимы и потому обязательны для соблюдения устойчивости и порядка в строящемся обществе. Конкретно имелось в виду следующее:

- равенство в распределении и присвоении материальных и духовных благ по конечным результатам труда каждого;
- равенство исходных возможностей для развития личности: бесплатное среднее и высшее образование, бесплатное здравоохранение и медицинское обслуживание;
- равенство всех перед законом.

Первое условие существенно ограничивал круг претендентов на присвоение доходов, исключив из него собственников капиталов, крупных землевладельцев, спекулянтов товарами, услугами и ценными бумагами. Эта группа населения, составляющая в капиталистических странах 10–15, максимум 20 % населения, присваивает себе от половины до двух третей и более всей суммы полученных доходов в стране. Таким образом, только переход на принцип распределения благ по труду позволял удвоить его оплату.

Такое же радикальное влияние на улучшение социального и материального положения основной массы населения имела третья революция в народном образовании Россия, интенсивно развивавшаяся в тридцатые годы. Благодаря ее воздействию, произошел качественный скачек в квалификации не только специалистов, но и рабочих массовых профессий, что, безусловно, повысило уровень качества их жизни.

Третий принцип – равенство всех перед законом – служил барьером против коррупции и криминала в верхних этажах власти и управления.

Насколько последовательно и полно эти фундаментальные принципы еще только формирующегося нового социально-экономического строя использовались на практике, можно спорить. Но они действовали, укрепляя надежду и веру людей в успех начатого дела, вызывая соответствующую обратную связь – встречную поддержку и помощь, хотя и в разной степени. Такая поддержка имела решающее значение для выполнения напряженных заданий довоенных пятилеток.

Конечно, многое зависело от положения и мировоззрения каждого конкретного человека и той прослойки, в которую он входил. В этой связи можно сделать несколько социальных срезов из жизни тех лет. Прежде всего, сохранялись существенные различия в образе жизни горожан и селян. Каждая из этих групп, в свою очередь, включала в себя городских рабочих, государственных служащих и творческую интеллигенцию, и крестьян, сельскохозяйственных рабочих, а также сельских учителей, врачей, агрономов и других работников умственного труда. В целом горожане жили материально лучше и с точки зрения культуры разнообразнее, чем сельское население. Поэтому главный поток миграции сохранял устойчивое направление – из деревни в город.

Для понимания характера происходящих в тот период перемен большое значение имеет возрастной срез структуры населения: молодежь – это третья часть городского населения и четвертая – сельского. Везде она выступала как самая инициативная, энергичная и бесстрашная часть общества. Юноши и девушки мобильны, надежны и увлечены романтикой обновления и технологической реконструкцией страны. Мужчины и женщины средних лет в своей совокупности формировали основу и общие черты будущего нового среднего класса. Среди них было много руководителей различных рангов и мастей, хозяйственников, преподавателей, врачей и других специалистов, а также квалифицированных рабочих. Они уже получили высшее или специальное образование, успели накопить практический опыт работы в экстремальных условиях. Именно на них легла главная ответственность за организацию производства и мотивацию людей. Большинство создали семьи, у многих росли дети. И третий слой – работоспособные «старики», преимущество которых – многолетний опыт, который у многих кристаллизуется в мудрость. В трудной и опасной ситуации они сохраняют спокойствие и часто первыми находят правильный выход. Некоторые представлены в верхнем эшелоне руководства. Они стремятся уменьшить риски и предотвратить перегибы. Но такие – в меньшинстве.

Еще один срез – место во власти, руководстве и управлении. Верхний эшелон – кадровая элита центральных партийных и советских органов власти, которая в тридцатые годы формировалась, главным образом, по принципу личной преданности «хозяину» Затем, ступеньками вниз, располагаются вожди и руководители республиканского, областного и местного масштаба. Параллельно им, но чуть ниже, построена иерархия руководства народным хо-

зяйством, профсоюзами, комсомолом, другими организациями. Чем выше должность, тем, за небольшим исключением, больше цинизма, интриг и карьеризма. Не является редкостью и бюрократизм.

И наоборот, чем ближе руководители к людям и производству, тем больше они заняты делом, заботами о судьбах коллектива и конкретных работников, тем больше в их поступках здравого смысла, искренности и простых человеческих чувств.

Материально элитная прослойка еще не обогатилась. Ее главные привилегии: продуктовый паек, «конверт» с денежным «пособием», хорошая квартира, специальные поликлиника, больницы и путевки в санаторий.

По оценкам специалистов соотношение доходов 10 % наиболее обеспеченной части населения и доходами такой же доли наименее обеспеченных, составляло в советское время 5:1.[5.2.] Думается, что в тридцатые годы этот разрыв был не более четырех раз.

5.1. Социальные итоги трудных лет

В конечном итоге главная стратегическая задача всех трех довоенных пятилеток сводилась к тому, чтобы улучшить качество жизни всех слоев населения. Эта категория, как и понятия «уровень жизни», «благосостояние», не имеет четко очерченного содержания и общепризнанных критериев для их количественной оценки. Более или менее ясно, что это – многогранные, развивающиеся и гибкие категории, включающие в себя материальные, духовные и культурные составляющие. Значимость их для отдельного человека, семьи и общества постоянно меняется. Но относительно устойчивым остается главный критерий для их обобщающей характеристики – физическое и душевное здоровье людей.

Исходной предпосылкой высокого качества жизни выступает здоровый образ жизни в условиях благосостояния, достаточного для удовлетворения всех разумных потребностей членов семьи. При этом большие деньги сами по себе не делают людей здоровыми и счастливыми. Кто-то из мудрецов заметил: на свете нет ничего хуже денег, разве только, когда их совсем нет. Бесспорно, определенный уровень денежных доходов необходим для удовлетворения потребностей, обеспечивающих воспроизводство, укрепление здоровья и всестороннее развитие человека, семьи и общества, в целом. В свою очередь, основными источниками, откуда люди ежедневно черпают средства для достижения своих целей, выступают накопленное

национальное богатство и ежегодный народный доход как денежная форма вновь созданной стоимости при производстве материальных и нематериальных благ. Поэтому представляется логичным начать анализ социальных итогов довоенных пятилеток именно с макроиндикаторов, характеризующих общие социально-экономические возможности для улучшения условий и повышения уровня жизни населения страны.

Весьма интересные международные сопоставления в этой области провел известный российский ученый С.Г. Струмилин на основе данных, полученных еще накануне Первой мировой войны:

Национальное богатство и народный доход в 1894 и 1914 годах [5.3]
в золотых рублях, в расчете на одного жителя

	Национальное богатство		Народный доход	
	1894	**1914**	**1894**	**1914**
США	2 264	4 010	432	680
Великобритания	2 861	3 008	344	473
Франция	2 393	2 808	297	360
Германия	1 542	2 305	246	284
Россия	491	805	76	94

Эта таблица весьма поучительна во многих отношениях, в том числе для понимания социально-экономических процессов, имевших место в России в тридцатых годах. Во-первых, США как относительно молодая страна в 1894 году заметно отставала от Великобритании и Франции по размеру накопленного национального богатства в расчете на душу населения. В течение двадцатилетия перед Первой мировой войной, опираясь на опережающие темпы роста народного дохода и более высокую долю инвестиций в основные фонды, США сумели и по объему наколенного богатства обогнать своих ближайших соперников – Великобританию и Францию. Во-вторых, Россия, как догоняющая страна, в те же два десятилетия по темпам роста народного дохода на душу населения опередила только Германию. Но она все еще не поспевала за ней по приросту его абсолютного объема. В то время Россия отставала от США по этому показателю в семь раз и в три раза – от Германии.

Уровень 1914 года по основным экономическим параметрам Россия достигла лишь в 1926–1927 годах. Объем ее народного дохода увеличился в 1940 году по сравнению с 1928 годом в примерно в пять раз при значительном росте численности населения.

Получается, что накануне Отечественной войны СССР еще не достиг уровня душевого производства народного дохода США 1914 года.

Хотелось бы обратить внимание на сам подход С. Струмилина к поиску обобщающих показателей для характеристики *достигнутого уровня* и *динамики* экономического развития России в начале XX столетия. Для получения объемного эффекта он выбирает, с одной стороны, *национальное богатство*, которое включает в себя и природные ресурсы, и весь комплекс инфраструктур: производственную, транспортную, торговую, финансовую, научную, социальную. Последняя, в свою очередь, охватывает жилищно-коммунальное хозяйство, материальную базу народного образования, культуры, здравоохранения и других отраслей сферы услуг. Таким образом, национальное богатство действительно очень емкий сводный показатель, который характеризует итоги экономического развития страны за многие десятилетия и, даже, столетия. *Народный доход* (позже его стали называть «национальным доходом») – главный источник накопления национального богатства. Это – суммарный доход, полученный в течение конкретного года. В хозяйственной практике он реализуется в ценах различных товаров и услуг, распределяется, перераспределяется и присваивается в форме зарплаты, прибыли, дивидендов, ссудных процентов, прямых и косвенных налогов, займов, других простых и «хитрых» денежных инструментов.

К сожалению, в тридцатые годы и последующие десятилетия категория «национальное богатство» России в научных исследованиях, экономической политике и практике как-то незаметно потерялась. Статистики ее заменили категорией «основные фонды», которая неполно отражает содержание своей предшественницы. Все же стоит отметить, что стоимость основных производственных фондов во всех отраслях народного хозяйства России возросла в 1940 году к уровню 1928 года в 4,4 раза. [5.4.]

Один из последних могикан, который стойко защищал необходимость мониторинга и анализа движения национального богатства, был Альберт Вайнштейн. Он писал: «Из сравнений синтетических показателей едва ли не самое важное – сравнение народного богатства, ибо последнее представляет собой главнейший фактор, от которого зависит народный доход, уровень производительности труда и, в конечном счете, благосостояние народа.

...Сопоставление таких обобщающих показателей, как народное богатство, общественный продукт, народный доход...дает наиболее значительные результаты, предельно сжатое представление

о сравниваемых странах, но зато выдвигает наибольшие требования к проникновению в экономическую сущность этих показателей и к статистической методологии. Перефразируя известное положение механики («что выигрывается в силе, то проигрывается в скорости».), мы можем сказать, что, выигрывая в значимости полученных результатов, мы увеличиваем трудности задачи и, естественно, проигрываем в скорости – легкости достижения этих результатов». [5.5.]

Учитывая все эти обстоятельства, итоговый анализ социально-экономического развития России в тридцатые годы целесообразно начать с динамики народного дохода.

Динамика народного дохода СССР [5.6]
произведенного

	1929	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Народный доход, млрд рублей*	29,0	47,6	50,2	58,2	71,4	90,0	103,1	111,0	124,3	134,8
Народный доход, 1928=1	1,2	1,8	1,9	2,2	2,7	3,4	3,9	4,2	4,7	5,1
Народный доход на душу населения**	1,2	1,7	1,8	2,1	2,5	3,1	3,5	3,7	4,1	4,0
Доля потребления в народном доходе, %	82	72	–	–	75,6	–	76,1	–	–	67,0

* В ценах 1928 года.
** 1928=1

Приведенные в таблице данные не претендуют на абсолютную точность. Некоторые авторы приводят другие цифры, но тоже не бесспорные. Дело в том, что ни один специалист не может построить динамический ряд показателей движения народного (национального) дохода во времени, не пользуясь дефлятором – специальным коэффициентом для пересчета его денежного объема в сопоставимые цены. Обоснование методики и сам расчет такого коэффициента сопоставим с трудностями определения квадратуры круга. Поэтому в таких случаях приходиться доверять исследователям, которые, опираясь на свои многолетние анализы различных источников и выявления ошибок (отклонений) прелагают свой вариант дефлятора. Если у кого-нибудь есть другой, более обоснованный расчет, его можно рассмотреть и применить в работе.

Учитывая эти обстоятельства, для периода 1894-1914 гг. целесообразно воспользоваться динамическими рядами народного дохода, построенными академиком С. Струмилиным. Для периода

довоенных пятилеток наиболее обоснованными и достоверными представляются числовые модели народного дохода в сопоставимых ценах, разработанные А. Вайнштейном. Сопоставление итоговых результатов исследований этих специалистов позволяет сделать ряд интересных выводов: во-первых, в течение двадцатилетия перед первой мировой войной Россия, опираясь на два начальных цикла индустриализации, увеличила объем своего народного дохода в 1,75 раза, что в расчете на душу населения давало его рост в 1,43 раза.

Советская Россия в период первых пятилеток, то есть за двенадцать лет (1929–1940), опираясь на третий цикл интенсивной индустриализации, умножила физический объем народного дохода в 5,1 раза. В расчете на одного жителя это означало рост в четыре раза.

Во-вторых, Советская Россия, располагая значительно меньшим ресурсом времени, достигла примерно в три раза больший результат, чем царская Россия за двадцать лет (1894–1914). Такой исход стал возможным только за счет резкого увеличения скорости, то есть темпов экономического роста, что, в свою очередь, сопровождалось перерасходом «горючего» – производственных накоплений, перегревом экономического механизма и серьезным обострением обстановки в социальной сфере.

Все отрицательные последствия превышения скорости взаимосвязаны между собой. Увеличение производственных накоплений (инвестиций) потребовало соответственного сокращения доли фонда потребления в народном доходе с 82 % в 1929 году до 67 в 1940 году. За этот же период времени удельный вес накоплений в распределяемом народном доходе увеличился почти до одной трети. Такая пропорция была необычной для мировой практики. В большинстве стран размер этого фонда колеблется между 15 и 20 %.

В этой связи нельзя не отметить также, что, несмотря на снижение доли фонда потребления при распределении народного дохода, его абсолютный (физический) объем в расчете на душу населения увеличился в течение двенадцати лет в 2,5–3 раза. Это означает, что, не отвергая вероятности погрешностей в расчетах, в тридцатые годы были созданы реальные предпосылки для того, чтобы материальное благосостояние и потребление населения России существенно возросло, и его реальный уровень жизни повысился. Но, этот процесс происходил в разных формах и с рядом конкретных особенностей.

Прежде всего и, к сожалению, приходиться отмечать, что произошедший рост народного дохода не нашел своего отражения в

динамике реальной заработной платы. Видимо поэтому советские официальные юбилейные статистические сборники начинают ее отсчет с 1940 года.

Повышение среднегодовой зарплаты в промышленности и розничных цен в государственной и кооперативной торговле [5.7]
1928 г. = 100

	1928	1932	1937	1940
Заработная плата, рублей	870	1473	3047	4054
Индекс роста зарплаты	100	170	350	455
Индекс роста цен	100	257	537	633

Из таблицы следует, что за годы довоенных пятилеток покупательная способность заработной платы рабочих и служащих в промышленности из-за опережающего роста розничных цен снизилась примерно на одну четверть. Видимо, поэтому у многих пожилых людей период НЭПа хранился в памяти, как идеальное время изобилия на рынке всех товаров, которое больше уже не повторилось.

В действительности все происходило сложнее. Физический объем фонда потребления как важная доля народного дохода реально увеличился к 1940 году в расчете на душу населения примерно в 2,5—3 раза. Но это в стоимостной, абстрактной форме. В конкретной форме часть фонда потребления представляла собой нефть, металл, машины и запчасти к ним. Они не могли прямо попасть на стол населения. А доля продовольствия в этом фонде была недостаточной для того, чтобы удовлетворить все запросы потребителей. Возникшие потери в реальной оплате труда рабочих и служащих компенсировались в других формах. В частности, за счет дотаций из государственного бюджета финансировалось строительство и эксплуатация жилья, детских учреждений. Сознательно сохранялись низкие транспортные тарифы при пассажирских перевозках. В короткий срок была создана разветвленная сеть домов отдыха и санаториев, доступных для широкой массы рабочих и служащих. Быстро расширилась сфера бесплатного народного образования и медицинского обслуживания населения. Увеличилась сеть культурных учреждений. Население получило крупный реальный выигрыш в результате ликвидации безработицы.

В 1940 году выплаты и льготы, полученные населением из общественных фондов потребления, то есть дополнительно к зарплате, составили 4,6 млрд рублей. Еще столько же было израсходовано

из государственного бюджета на социально культурные мероприятия, в том числе на развитие физической культуры.

Все это позволяет утверждать, что общий объем материальных благ и услуг, полученных населением в 1940 году для удовлетворения своих личных потребностей и оплаченных за счет фонда потребления, примерно соответствовал или даже немного превышал уровень 1928 года. При этом в семейных бюджетах увеличились расходы на промышленные товары, образование, удовлетворение культурных потребностей, услуги медицины. В то же время незначительно снизилось потребление отдельных продуктов питания.

Эти изменения косвенно подтверждаются данными о производстве товаров для населения и динамике розничного товарооборота.

Производство некоторых продуктов потребления [5.8]
в расчете на душу населения

	1928	1937	1940	1940:1928, %
Мука, кг	160	169	149	93
Сахарный песок, кг	8,4	14,6	11,2	133
Масло растительное, кг	3,0	4,2	4,1	137
Молоко и молочные продукты, кг	200	157	173	87
Мясо, кг	33	20	24	73
Улов рыбы, кг	5,6	9,7	7,2	129
Ткани хлопчатобумажные, м	18	21	21	116
Ткани шерстяные, м	0,6	0,7	0,6	100
Обувь кожаная, пар	0,4	1,1	1,1	275

Таблица свидетельствует о том, что производство таких важных продуктов питания, как мука (хлеб печенный), молоко и молочные изделия, а также мяса в расчете на одного жителя накануне войны было ниже, чем в 1928 году. Первичным источником этих продуктов выступало сельское хозяйство. Промышленное производство товаров для населения дало прирост: за это же время в 2,8 раза увеличился выпуск кожаной обуви, в 1,2 раза – хлопчатобумажных тканей, в 1,3 раза улов рыбы.

Нельзя не учитывать, что не все изготовленные продукты и промышленные изделия попадали в пользование населения – за счет весьма небогатых ресурсов приходилось срочно накапливать стратегические резервы и выделять фонды для экспорта: тем самым создавалась возможность закупить за рубежом сложное оборудование, некоторые цветные металлы и другое сырье, необходимое для оборонной промышленности.

Дефицит товарных фондов – главная причина медленного увеличения объема розничного товарооборота и его отставания от роста платежеспособного спроса со стороны населения. Но винить в этом торговых работников было бы неправильно. Корни возникших трудностей уходят в сферу производства, что достаточно хорошо видно из следующих сопоставлений:

Движение экономических параметров в 1928–1940 гг. [5.9]

1928 г. = 1

	1932	1937	1940
Национальный доход	1,8	3,9	5,1
Продукция промышленности	2,0	4,5	6,5
в том числе группы «Б»	1,6	3,1	4,2
Продукция сельского хозяйства	0,9	1,1	1,3
Розничный товарооборот,* млрд рублей	40,4	125,9	175,1
Розничный товарооборот, 1928 = 1	1,3	2,0	2,3
Зарплата рабочих и служащих, млрд руб.	6,8	32,3	126,5

* Государственная и кооперативная торговля, текущие цены

При увеличении объемов народного дохода в 5,1 раза и производства промышленных товаров для населения – в 4,2 раза, розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли увеличился всего в 2,3 раза, то есть социальный эффект индустриализации был значительно ниже, чем технологический и экономический. При этом соотношение годового фонда заработной платы к розничному товарообороту в 1928 году составлял 57,6 %, а в 1940 году – уже 72,2 %. Это означало, что, несмотря на шестикратный скачек розничных цен за двенадцатилетний период, динамика платежеспособного спроса на формирующемся рынке товаров для населения опережала темпы роста предложения товаров. В приведенной таблице указана исходная причина возникших перекосов в рыночной конъюнктуре – значительное отставание сельского хозяйства, возникшее в связи с грубыми ошибками и перегибами в ходе ускоренной, неподготовленной, излишне политизированной коллективизации.

Как уже отмечалось, в 1932–1933 годах объем продукции сельского хозяйства опустился ниже уровня 1928 года – в ряде регионов начался голод. Потребовалось пять лет, чтобы крестьянство смогло выбраться из провала. В 1940 году наше сельское хозяйство по валовому производству продукции превысило соответствующий

показатель 1928 года всего на 30 % (более подробно противоречия социального положении и развития деревни раскрываются в следующем параграфе).

Почти две трети розничного товарооборота и в городах, и в селах приходилось на долю продуктов питания. Поэтому почти повсеместно торговля продовольственными товарами проходила с напряжением и перебоями, часто – с колес. В конце 1940 года, за шесть месяцев до начала Отечественной войны запасов товаров в розничной торговле хватало на 34 дня удовлетворения обычного спроса, в том числе продовольственных – на 20 дней. [5.10.]

Социально важным успехом первой пятилетки выступает ликвидация безработицы. Еще в апреле 1928 года на учете бирж труда числилось свыше 1,5 млн человек, которые искали работу. Для многих из них это была единственная надежда вернуться к полноценной жизни. Некоторые ждали удачи на бирже в течение нескольких лет.

Весной 1929 года среди зарегистрированных на биржах труда безработных можно выделить три группы. Первая – по опыту работы: большинство из тех, кто вынужден был встать на учет на таких биржах, ранее уже работал по найму, в том числе в промышленности и строительстве – примерно 450 тысяч. Еще более 300 тысяч – работники интеллектуального труда, в том числе врачи и учителя, но преобладающая часть – бывшие служащие государственного аппарата управления

Вторая группа – по уровню квалификации. В этой группе, особенно с начала 1930 года, когда безработица стала быстро сокращаться, преобладали люди, не имевшие квалификации – так называемые «разнорабочие». Мужчины и женщины, имевшие опыт работы по найму на промышленных предприятиях и стройках, а также специалисты со средним и высшим образованием уже к лету 1930 года не числились в списках резервной армии труда.

Третья группа – по половому признаку: среди лиц, зарегистрировавшихся на биржах труда в 1929 году, преобладали женщины, не имевшие ни опыта работы, ни квалификации. Во многих семьях, где был уже ребенок, условия жизни заставляли отдать его в ясли или, чаще, в детский сад, а мать вынуждена была искать работу по найму. В такое же положение попадали девушки, достигшие совершеннолетия. Но и тех, и других в отделах кадров встречали не очень любезно и на работу, как правило, брали в последнюю очередь.

Однако число строек быстро росло, объемы работ увеличивались, все большее количество новых предприятий вступало в строй. Спрос на рабочую силу стал превышать предложение. Уже осенью 1930 года на 100 зарегистрированных безработных поступило 160 заявок. [5.11] Вскоре без работы оказались сами биржи труда. Индустриализация быстро поборола страшное чудовище — безработицу.

В этом деле важную роль сыграли крупные наборы молодежи, а также взрослых женщин на краткосрочные курсы и стационарные училища по обучению конкретным профессиям. Так, в январе—феврале 1930 года был объявлен «первый набор индустриализации» в ФЗУ и школы массовых профессий. Осенью последовал второй такой набор...

Следует подчеркнуть, что решение проблемы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров стало одним из стратегических направлений не только индустриализации, но и обширных преобразований социальной структуры страны. Начинать пришлось со значительного расширения системы общего образования подрастающего поколения.

Развитие общеобразовательных школ [5.12]

Показатель	1914/15*	1927/28	1940/41
Число школ, тыс.	105,5	118,6	191,5
Число учителей, тыс.	231	347	1 216
Число учащихся, млн в том числе:	7,9	11,5	34,8
в начальных школах	7,1	8,4	9,8
в семилетних школах	0,2	2,1	12,5
в средних школах	0,6	0,9	12,2

Данные свидетельствуют, что настоящий скачек в развитии системы народного образования произошел именно в период довоенных пятилеток. За тринадцать лет количество учителей в этой системе увеличилось почти в четыре раза, число учащихся — в три раза, причем количественный рост сопровождался качественными, структурными сдвигами. Почти весь прирост произошел за счет увеличения учащихся семилетних (рост в шесть раз) и средних (рост в 13 раз) школ. Тем самым создавалась широкая основа для динамичного развития техникумов и высших учебных заведений.

Прием в высшие учебные заведения, техникумы и другие специальные средние школы [5.13]
очное отделение, тысячи человек

Прием:	1928	1932	1937	1940
студентов в вузы	42,8	245,8	158,3	263,4
учащихся в техникумы и спецшколы	56,2	424,0	368,7	382,9

Из таблицы видно, что наибольший прием студентов в вузы и техникумы отмечен в первой пятилетке, после крупного скандала со «старыми специалистами» («шахтинское дело»). После заключения с ними своеобразного перемирия подготовка молодого поколения в высших и средних специальных заведениях вошла в свое нормальное русло. Кроме того, в 1940 году в этих учебных заведениях открылись заочные отделения, на которые приняли в вузы 102 тысячи человек и в техникумы – 52 тысячи человек.

Таким образом, подготовку высококвалифицированных специалистов удалось наладить быстро и масштабно. Однако, чтобы получить качественный прирост интеллектуального потенциала в современном производстве, нужно много времени. В институте голову будущего специалиста чаще всего заполняют чужими знаниями, постоянно контролируя этот процесс соответствующей системой зачетов и экзаменов. Но специалист, особенно если он станет руководителем, должен еще уметь самостоятельно думать, анализировать незнакомую обстановку, принимать рискованные решения. Без практического опыта этому научиться нельзя. Поэтому специалисту после окончания института или техникума нужно еще время (одному – меньше, другому – больше), чтобы он созрел для самостоятельной интеллектуальной работы в условиях, которые не всегда предвидят учебные программы. Но, как уже не раз отмечалось, времени не было. Поэтому многим из выпускников вузов и техникумов пришлось «дозревать» уже в военной обстановке, где день шел за два.

Дополнительные трудности часто возникали в связи с тем, что высокая квалификация должна опираться на достаточно прочную основу общей грамотности работников. Но создать такую основу в предвоенный период еще не удалось. Достаточно высокие показатели грамотности отмечались у молодежи. Согласно переписи 1937 года среди 12–14- и 18–19-летних юношей и девушек грамотными были свыше 90 %. Однако не было ни одной возрастной группы, среди

которой все бы относились к числу грамотных, причем показатель грамотности был весьма снисходительным – уметь читать по слогам и написать свою фамилию. Но и при таких требованиях даже среди молодежи 20 лет от 5 до 8,5 % обследованных лиц не умели ни читать, ни писать. Чем старше возрастная группа, тем больше в ней было неграмотных. Так, в возрасте 30–34 года таковых насчитывалось 20 %. Среди 40–44-летних – одна треть. Среди 50–55-летних неграмотных насчитывали почти половину. Среди женщин эти показатели были еще выше.

Через два года новая перепись показала, что положение существенно не улучшилось, кроме молодежи, которая училась или уже закончила общеобразовательную школу. Так, в 1939 году среди юношей 9–19 лет было 99,2 % грамотных. Это относилось к тем, кто жил в городах. Но и в деревне грамотность среди этой возрастной группы мужчин достигла 96 %. Среди девушек этого возраста и в городе, и в деревне доля грамотных была достаточно высока. Но среди тех женщин, которые родились 20–49 лет назад и в детстве не могли посещать школу, около трети были неграмотными. В возрасте 50 лет и старше среди мужчин грамотой владели 84,5 %, это – в городах, на селе – только 62 %; среди женщин – соответственно 48 и 15 %.[5.14]

Таким образом, как и ожидалось, перестройка системы народного образования, проведенная в тридцатых годах, дала весьма хорошие результаты по распространению грамотности среди молодежи, особенно в городах. Многие люди зрелого и пожилого возраста, не имевшие возможности учиться в детстве, по разным причинам не хотели или стеснялись браться за учебники, хотя во многих местах были открыты специальные школы для взрослых. Но вложенные в напряженные тридцатые годы крупные средства в человеческий капитал не пропали. Они дали свои плоды и в первый период освоения новых технологий, и в годы войны. Но, пожалуй, их главный эффект проявился в послевоенный период...

Еще один важный срез социальных итогов первых пятилеток – *создание новой системы народного здравоохранения*, опирающуюся на бесплатную медицину, дешевые лекарства и комплекс профилактических мер, предупреждающих заболевания людей.

Основные параметры развития здравоохранения [5.15]
на конец года, тыс.

	1913	1928	1940
Число врачей	24	70	155
в том числе: зубных	4	7	14
Всего занято в отрасли	–	399	1 507
Число больничных коек	176	247	791

Как видно из таблицы, динамика здравоохранения в период довоенных пятилеток была весьма высокой: число врачей увеличилось более, чем в два раза, количество медицинского и обслуживающего персонала возросло еще больше – почти в четыре раза. Это связано с тем, что в деревнях по-прежнему главной фигурой от медицины оставался фельдшер. Количество больничных коек, то есть пропускная способность больниц, расширилась в три раза. Конечно, чтобы стать настоящим врачом, еще недостаточно получить диплом об окончании медицинского института. Для того, чтобы успешно бороться с болезнями и завоевать доверие населения, громадное значение имеет опыт и умение, которое дается не всем. Врачевание – это искусство. Значительный и быстрый рост системы здравоохранения помогал миллионам людей сохранять и даже укреплять здоровье в тот напряженный период развития страны. К сожалению, успех был только частичный – болезни продолжали оказывать упорное сопротивление.

Количество инфекционных заболеваний в 1926 и 1940 годах [5.16]
число случаев на 100 тыс. населения

Инфекционное заболевание	1926	1940
Тиф	131	62
Скарлатина	228	129
Дифтерия	31	91
Коклюш	425	232
Полиомиелит	н.д.	0,65
Корь	268	605
Туберкулез	853	Н. д.

Как видно из приведенных данных, расширение и укрепление системы здравоохранения в России в тридцатых годах способствовало достижению заметных успехов в борьбе с инфекционными заболеваниями среди детского и взрослого населения. Число больных тифом, скарлатиной, коклюшем, некоторыми другими болезнями сократилось примерно в два–три раза. Так, сыпной тиф –

широко распространенная в период Гражданской войны, к тому же опасная болезнь, – был сведен в 1929 году к минимуму. Но вскоре опять возродился, дойдя до масштабов эпидемии в 1933 году (850 тыс. больных). К низкому уровню заболеваний этой болезнью вернулись только перед началом новой войны. Практически полностью, но не сразу, удалось одолеть оспу.

Сократилось количество заболеваний туберкулезом. Малярия, наоборот, разгулялась с небывалой силой. В 1934 году ее эпидемия охватила 9,5 млн человек. Борьба с ней затянулась до самой войны.

Рост числа зарегистрированных заболеваний такими распространенными детскими болезнями как дифтерия и корь определяется, прежде всего, тем, что учет больных детей в середине двадцатых годов был поставлен значительно хуже, чем в 1940 году. Не следует забывать, что основная масса населения в ту пору проживала в сельской местности, где почти каждый ребенок «должен» был переболеть определенным набором детских болезней. Дифтерия и корь входили в такой набор. Родители обычно знали, как ухаживать за больным в таких случаях. Поэтому они не считали детские болезни событием, выходящим за рамки обычной жизни, и не всегда обращались к помощи врача (в городе) или фельдшера (в деревне). При анализе динамики распространения кори следует также иметь в виду, что эта болезнь быстро распространяется среди тех, кто ни разу ее не перенес и не имел соответствующего иммунитета. В таких случаях в коллективах детей, где появляется один больной, заболевают 70–80 % детей, имевших хоть какой-нибудь контакт с ним. Поскольку в тридцатые годы молодые матери обычно работали наравне с мужчинами, и дети находились в яслях или в детском саду, а с 8-ми лет – в школе, вспышки эпидемий кори были частыми явлениями. К сожалению, такие вспышки были связаны не только с корью и дифтерией...

Важно отметить также, что здоровье людей зависит не только от количества врачей и числа больничных коек. На показатели, характеризующие его уровень и динамику, одновременно воздействует большое число факторов, иногда весьма противоречивых. Рассмотрим это на показателях продолжительности жизни и динамики численности населения.

Средняя продолжительность жизни в России [5.17]

годы

	Всего населения	в том числе:	
		мужчин	женщин
1896–1897	32	31	33
1926–1927	44	42	47
1940 (оценка)	50	Н. д.	Н. д.

Из таблицы следует, что продолжительность жизни в России за 30 лет, с конца девяностых годов XIX века до 1927 года возросла в 1,4 раза. Насколько тесно связан этот показатель с улучшением качества жизни? Не берусь отвечать на этот вопрос. В деревнях мужчины и женщины нередко доживали до 70–80 лет. Расчетный короткий срок жизни объяснялся высокой детской смертностью. Рождалось почти в каждой семье много детей, но лишь немногие из них доживали до взрослого возраста. Поэтому можно утверждать только одно – в увеличении продолжительности жизни или, что однозначно, в сокращении смертности среди населения страны за этот период главную роль сыграло создание и развитие земской медицины.

Еще более противоречива зависимость уровня рождаемости от качества жизни. Академик С. Струмилин приводит интересные результаты исследований различных авторов по данному вопросу. Так, для проверки взаимовлияния между благосостоянием и рождаемостью в СССР в 1934 году было проведено специальное выборочное обследование с опросом 10 тысяч матерей из семей рабочих, служащих и инженерно-технической интеллигенции. Объединив эти семьи на три группы по среднему доходу на душу населения, были получены следующие зависимости между их благосостоянием и плодовитостью семей:

Группа	Доход на душу, руб.	Число рождений
Первая	До 45	226
Вторая	45–75	192
Третья	Свыше 75	141

Как видно, чем выше благосостояние семей, тем ниже их плодовитость, и наоборот. Такие же результаты показали результаты группировки семей по социальному признаку:

Семья	Число рождений	Число смертей*
рабочих	191	160
служащих	124	143
ИТР	118	118

«И здесь, – отмечает Струмилин, – повышение благосостояния с переходом к высшим группам по квалификации приводит к *снижению рождаемости и смертности*». [5.18.] При этом направленность движения численности населения, – ее прирост или скольжение вниз, – зависит от того, какими темпами сокращается рождаемость и смертность. Чтобы количество населения увеличивалось, рождаемость должна перекрывать потери, связанные остановкой жизни для конкретных людей.

По данным известного специалиста по вопросам народонаселения, такая тенденция преобладала в Европе на протяжении многих столетий. За период с начала XI века до конца XV века прирост населения на континенте ежегодно составлял в среднем всего 0,09 %. Затем (в XVIII столетии) он несколько повысился – до 0,22 % в год. В XIX веке можно говорить о скачке этого показателя до отметки 0,69 %. В прошлом веке, уже к началу Второй мировой войны число родившихся в Европе составило всего 2 % к общему числу ее жителей. Это привело к затуханию прироста количества коренных жителей на этом континенте. [5.19.] Дальнейшее развитие ее народного хозяйства стало возможным только за счет массового притока переселенцев из Турции и других неевропейских стран.

В России, население которой на протяжении веков составляли в основном крестьяне, всегда был высоким уровень как рождаемости, так и смертности. Еще в XVIII веке крестьянка в течение своей непродолжительной жизни («бабий век – 40 лет») рожала 14–18 детей. Из них к совершеннолетию оставалось только 4–5. Большая семья – великое благо. Земельные наделы выделяли с учетом едоков и работников. С 14–15 лет подростки помогали обрабатывать землю и убирать урожай. На их поддержку можно было надеяться и в старости ... Постепенно число рождений сократилось до 8–10. Но одновременно снизилась и детская смертность. В начале прошлого столетия в крестьянской семье оставалось три–четыре ребенка. В городской семье – на одного–двух меньше. Такое положение сохранялось до начала тридцатых годов.

Однако сплошная коллективизация круто изменила обстановку. Оплата трудодня была низкой. В первой половине тридцатых годов многие крестьянские семьи голодали. Приусадебный участок в полгектара выделяли независимо от количества едоков семье. Семьи вынуждены были ограничивать рождаемость. Раньше в деревне понятия не имели об абортах, теперь искусственное прекращение беременности стало массовым явлением и в деревне, и в городе. Остается только удивляться, что и в таких условиях рождаемость превышала смертность, а численность населения продолжала расти на протяжении всего периода довоенных пятилеток (кроме 1933 года). К сожалению, официальная статистика опубликовала лишь лоскутные данные о динамике движения численности населения в тридцатые годы. В выпущенных юбилейных сборниках за четыре, пять, шесть и семь десятилетий Советской власти белыми пятнами остается восстановительный период двадцатых годов и период первых пятилеток. В первом случае не хотят афишировать успехи А. Рыкова, во втором – промахи И. Сталина. Например, в двух опубликованных документах Госплана СССР – «Итоги выполнения первого пятилетнего плана» и «Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР», вышедших с интервалом в один год, приводится одна и та же численность населения страны в 1932 году – 165,7 млн человек. [5.20.] Нынешние специалисты считают эти данные завышенными. Это только один из примеров.

Поскольку официальных данных не хватает, образовавшиеся пробелы вынуждены заполнять исследователи – «кустари», объединенные в «старательные артели». Они тщательно промывают горы песка и из найденных крупинок воссоздают целостную картину. К таким произведениям относится, например, таблица о динамике численности населения, опубликованная в весьма интересном исследовании «Население России в XX веке».

Население СССР в 1928–1940 годах [5.21]
на начало года, млн человек

Год	Население	Родившиеся	Умершие	Прирост	Прирост на 1000 чел.
1928	151,6	6,9	3,9	3,0	20,4
1929	154,7	6,9	4,1	2,8	17,9
1930	157,4	6,7	4,3	2,4	15,4
1931	159,8	6,5	4,5	2,0	12,7
1932	161,9	5,8	4,8	1,0	6,5
1933	162,9	5,5	11,4	– 5,9	– 36,6
1934	156,8	4,8	3,4	1,4	8,6
1935	158,2	5,2	3,2	2,0	12,5
1936	160,1	5,6	3,2	2,4	14,9
1937	162,5	6,5	3,5	3,0	18,5
1938	165,5	6,5	3,5	3,0	18,5
1939	188,8	7,6	3,8	3,8	21,5
1940	192,6	7,0	4,2	2,8	14,7

Из динамических рядов, собранных в таблицу, резко выделяется 1933 год – 11, 4 млн умерших. Такая контрастность вызывает сомнения. Создается впечатление, что авторы поддались моде, которую навязывают сейчас некоторые историки-модернисты: чем больше черной краски для тридцатых годов, тем убедительнее смотрится вся картина. Между тем, сводных обобщающих документов о действительных масштабах трагических последствий голода 1932–1933 гг. нет. На это и рассчитывают авторы таблицы. Никто их опровергнуть не сможет. Но они сами опровергают себя. Посмотрите на динамические ряды, включенные в таблицу. До 1932 года смертность не превышает 4,8 млн в год. В 1933 году скачек – число умерших сразу поднялось до 11,4 млн человек. Такого не было ни в 1891, ни в 1921 году, когда голод приобретал общероссийский характер. Поскольку приведенные данные относятся к началу года, которое одновременно завершает предыдущие 12 месяцев, в действительности речь идет об итогах 1932 года. В следующем году по версии авторов ситуация резко изменилась к лучшему – число умерших резко сократилось до 3,4 млн человек. Но на самом деле пик голодного времени пришелся на весну 1933 года при прочих примерно равных условиях. Поэтому смертность среди населения, если сравнить эти два смежных года, никак не могла различаться в разы. Авторы таблицы довольно примитивно завысили соответствующий показатель за 1932 год и занизили – за 1933 год. Их «подпирали» результаты переписей

населения в 1937 и 1939 годах. Отсюда рекордные приросты в расчете на 1000 жителей в 1934–1937 гг. прежде всего за счет снижения показателей числа умерших. В России родившихся всегда учитывали более полно, чем умерших. В этой связи можно напомнить, что еще Чичиков пытался использовать «мертвые души» в своих корыстных интересах.

Кстати, в этой же интересной и полезной книге, но уже другими авторами приводится иной динамический ряд, характеризующий динамику численности населения СССР в тридцатые годы по материалам ЦУНХУ:

Динамика населения СССР в 1928–1937 гг. [5.22]
на начало года, млн человек

1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937
150,0	153,2	156,0	158,4	160,4	162,0	160,5	161,3	163,5	165,9

Думается, что эта таблица ближе к истине, чем предыдущая. Почему? Во-первых, она более естественна. У авторов предыдущей таблицы среднегодовая смертность в стране за пять лет до 1933 года составила 4,3 млн человек и за пять лет после – 3,4 млн человек. В 1933 году – 11,4 млн человек. Для такого скачка в России не было не объективных, не субъективных причин.

В пользу более низкой оценки масштабов трагедии свидетельствуют также следующие данные, опубликованные в «Народно-хозяйственном плане на 1936 год». [5.23.]

Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве

1932 год – 22,9 млн человек,
1933 год – нет данных,
1934 год – 23, 7 млн человек,
1935 год – 24,7 млн человек.

Видимо, в этом ряду в 1933 году был зафиксирован провал. Чтобы не вызывать лишних разговоров, данные о нем решили засекретить, Но, судя по соседним цифрам, провал не был глубоким. Всего эта категория работников в народном хозяйстве увеличилась в 1935 году по сравнению с 1932 на 1,8 млн человек или на 9 %. И здесь же есть весьма важная фраза: «континент занятых в сельском хозяйстве остался стабильным». Если бы действительно

число умерших достигло названных размеров – 11,4 млн человек, то волны от катастрофы таких масштабов скрыть бы не удалось.

Поэтому автор считает, что таблица, составленная по материалам ЦУНХУ, более правильно воспроизводит реальную динамику движения численности населения СССР в трудный период первых двух пятилеток. В 1939 году (по переписи на 17 января) его численность возросла до 170,6 млн человек, а в 1940 году (в новых границах) – до 194,1 млн человек.

В динамике численности населения пересекаются и взаимодействуют три главных фактора: рождаемость, продолжительность жизни и смертность. В каждом из них, в свою очередь, отражается большое число конкретных и противоречивых условий жизнедеятельности. Поэтому приведенные таблицы динамических рядов численности населения России можно рассматривать как обобщающую характеристику качества его жизни в очень сложный период ее истории. При этом были серьезные трудности, напряжения, сбои, но в целом социально-экономические условия были достаточно благоприятными для создания семей и воспитания нового поколения. А это говорит о многом без лишних слов.

5.2. Деформация общества

«При управлении людьми, – как еще в начале XVI века учил Макиавелли своих правителей, – их необходимо или ласкать, или угнетать. Мстят люди только за легкие обиды и оскорбления. Сильный гнет лишает их возможности мести. Поэтому, если уж приходится подданных угнетать, то делать это следует таким образом, чтобы отнимать у них всякую возможность отмщения».[5.25] Был ли знаком И. Сталин с наставлениями великого циника, остается неизвестным. Но многие факты свидетельствуют о том, что его действия не только согласуются с основными положениями флорентийской политической школы, но развивают их с учетом сложившейся напряженной ситуации в России в тридцатые годы.

Для того, чтобы иметь хотя бы видимые основания для «угнетения» людей и «отнять у них всякую способность отмщения» (сопротивления), потребовалось выявить среди них «врагов» и «противников» социализма. Эта задача решилась довольно просто – непримиримых «врагов» Сталин нашел в деревне в лице зажиточных крестьян – «кулаков». В городе – среди остатков «буржуазной» интеллигенции (специалистов). Первые якобы

ежечасно рождали капитализм, а вторые – не хотели работать на социализм.

Он не забыл и своих бывших союзников в борьбе с «левой», «новой» и «объединенной» оппозицией – Н. Бухарина и А. Рыкова. Сталин легко и быстро перекрасил их в представителей «правого уклона», то есть защитников кулачества. В действительности, дело обстояло гораздо проще – оба «соперника» пользовались в партии, среди хозяйственников и интеллигенции значительно большим авторитетом, чем Сталин. Бухарин выступал как теоретик НЭПа, то есть сотрудничества с крестьянством на основе взаимной выгоды и для города, и для деревни. Такая позиция опиралась на ленинскую концепцию новой экономической политики. Вокруг Бухарина сформировалась целая научная школа, в основном, молодых ученых. Рыков, как способный организатор и экономист-практик, с конца 1922 года, то есть после того, как Ленин из-за тяжелой болезни отошел от руководства страной, успешно воплощал в жизнь его концепцию новой модели социализма, опирающуюся на все отрасли народного хозяйства. Именно поэтому он стал преемником Ленина на посту председателя Совнаркома, что, в свою очередь, помогло ему результативно завершить первый этап НЭПа – восстановить довоенный уровень производства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. К концу двадцатых годов логически следовало, что кто-то из них станет, без особой борьбы, наследником Ленина в партии и правительстве, а, может быть, они мирно разделят эти ответственные посты между собой.

Оба варианта не устраивали Сталина. Прежде всего, ему нужно было не допустить, чтобы фактически уже сложившаяся ситуация не приобрела статуса де-юре. Решение задачи не было простым.

В то время среди руководства страны были распространены два основополагающих тезиса: «политика есть концентрированное выражение экономики, то есть материальных потребностей и интересов людей». Это означало, что экономика первична, то есть она служит (точнее – должна служить) исходной основой при разработке различных концепций и программ целевого воздействия государства на развитие народного хозяйства. При этом социально-экономическая политика выступает только одной из форм выражения и реализации материальных потребностей общества. Но, как и любая другая форма, она может отклоняться и даже отрываться от своей объективной основы.

Второй тезис предусматривал, что в определенных условиях политическая форма может играть главную роль в истории. Причина и следствие при этом меняются местами. «В конкретной обстановке политика способна выступать, – и таких случаев немало, – как направляющая, движущая, а иногда и деформирующая сила по отношению к экономике». Для достижения позитивного результата она не должна выходить слишком далеко за объективные рамки необходимого. При нарушении этого условия вместо ускорения происходит торможение экономического роста, теряется устойчивость народного хозяйства, снижается эффективность объекта, на который воздействует политика.

Парадокс периода довоенных пятилеток состоял в том, что политика государства одновременно выступала и в роли движителя – в промышленности, и как тормозящая система, прежде всего, – в сельском хозяйстве. Логично, что двойственный характер политики давал двойственные результаты. Технологическая, организационная и кадровая революции в промышленности сопровождалась энергичным ростом ее количественных и большинства качественных показателей. Перегибы в аграрном секторе спровоцировали кризисные явления не только в его производственной, но и в социальной сфере. Деревня раскололась, начались острые кровопролитные конфликты.

Решающее значение имел тот факт, что политика ускоренной индустриализации, которая позволила на деле сократить, а на некоторых участках ликвидировать отставание России от развитых стран, получала активную поддержку со стороны, прежде всего, *рабочих*. Такая поддержка, в свою очередь, служила едва ли не главным фактором успеха масштабного обновления и реконструкции народного хозяйства. Практика показала: если рядовые работники безразличны к замыслу плана как основному инструменту политики или считают, что его задания противоречат их интересам, то даже самый энергичный руководитель не может добиться высоких конечных результатов. Дело в том, что реальный потенциал рабочего (как и крестьянина или любого другого человека) зависит не только от уровня их физических и умственных способностей, но и от мотивов отношения к труду. Мало знать и уметь, нужно еще и хотеть. Давно замечено, что, когда человек работает «с огоньком», результативность и качество его труда существенно возрастают. И, что самое замечательное, устает он при этом меньше, чем, казалось бы, на более легкой, но малоинтересной работе.

Природа такого удивительного явления связана с тем, что созидательные возможности человека – в отличие от мощности машины – включают в себя и социальные, и эмоциональные факторы.

Конечно, период был очень нелегкий, временами – драматичный. Не хватало самого необходимого. Многие строители ходили в лаптях, в домотканой одежде. Продукты питания до середины тридцатых годов распределялись по карточкам. На большинстве строек основным видом жилья служили бараки, землянки, палатки. Но, хорошо была поставлена работа по мотивации людей. Вся окружающая обстановка убеждала в том, что они не только хозяева заводов и фабрик, земли и других национальных богатств, но и от них самих зависит качество жизни настоящего и будущих поколений, что они в процессе производственного строительства и формирования нового общественного строя сами развиваются и растут как личности.

«Научные разработки отмечают глубокие изменения, происходящие в характере труда и производства. Среди них – широкое распространение и использование передовых и совершенных технологий, требующих квалификации и профессионализма, растущие нагрузки на интеллект, принуждение человека к более совершенному восприятию, анализу и творческой переработке информации, снижение отчужденности труда, характеризующееся ростом его индивидуальности. Все это ведет к тому, что движущейся силой труда становится не только и не столько результаты производства, сколько интересы и потребности самого работника в совершенствовании своей деятельности. Последнее находит свое выражение в изменении интересов и потребностей людей в их целевой деятельности: мотивы труда все больше ориентированы на новую систему ценностей, отвечающую перспективным тенденциям наибольшего личного роста». [5.26.] Хотя этот вывод взят из современной работы, но он обобщает тенденции, которые зарождались в России еще в тридцатые годы.

В этой связи немалое значение имело и то обстоятельство, что после глубокого провала в 1932–1933 годах начиная с середины десятилетия благосостояние рабочих, как и других слоев населения, начало повышаться.

Рядовые труженики, которые вынесли на своих плечах главный груз индустриализации, понимали значимость пятилеток для судьбы народа. И они с исключительной стойкостью и мужеством прошли через годы суровых испытаний не только без горечи и жалоб, но,

напротив, с чувством удовлетворения от свершенного. «Задора, желания работать у нас – хоть отбавляй, – вспоминает строитель Горьковского автозавода Екатерина Воронина, приехавшая сюда из деревни по комсомольской путевке. – Крепкие плечи да мозолистые руки – вот и вся наша «механизация». После работы шли в барак, надо бы отдохнуть. Вдруг призыв прораба: все в гавань, пришли баржи с материалами, надо немедленно разгружать. Выходили всей бригадой. Темная осенняя ночь, дождь, слякоть. Но все – нипочем. Работа кипит с шутками да прибаутками. Поздно ночью возвращаемся. Короткий отдых, а утром опять на работу. Всем нам хотелось скорее построить завод, увидеть свои советские автомобили!»[5.27].

Нет ничего удивительного в том, что, когда в конце января 1932 г. на заводе был включен конвейер и с него под звуки заводской сирены сошли первые полуторатонные грузовики, это был праздник не только для коллектива, но и для всего города, для всей страны. Украшенная транспарантами первая колонна автомобилей проехала по Нижнему Новгороду, вызывая заслуженный энтузиазм жителей. Другая часть грузовиков была отправлена в Москву. Сверкающие свежим лаком грузовики были символом трудовой победы всего народа.

Первый собранный в Сталинграде трактор тоже был направлен в столицу. Его встречали колонны москвичей со знаменами и оркестром. Возможно, кому-то это могло показаться странным: так встречают только героев, а здесь – трактор. Но в том-то и дело, что за ним виделись люди, тысячи и даже миллионы людей, которые достигли своей цели...

Конечно, события первых пятилеток не следует ни упрощать, ни идеализировать. Когда в 1932 г. на таежном берегу Амура высадились первые две тысячи юношей и девушек, суровая обстановка многих испугала. Некоторые не выдержали. Более трехсот человек пришлось отправить домой. Но большинство осталось. Они довели стройку до конца, и подарили стране не только молодой и культурный город, но и крупный центр металлургии и машиностроения на Дальнем Востоке.

Два важных обстоятельства способствовали высокой социальной активности масс. Во-первых, динамизм движения по всему фронту хозяйственного строительства. Индустриальные гиганты один за другим вступали в строй. В 1931 г. были сданы в эксплуатацию Харьковский тракторный, Московский автомобильный заводы,

«Уралмаш». В начале 1932 г. вступил в строй Саратовский комбайновый завод. Через месяц дала чугун первая домна Магнитогорска, в апреле – первая домна Кузнецка. В ноябре 1932 г. на Ярославском шинном заводе были изготовлены первые автопокрышки. В Ярославле был построен также завод синтетического каучука – первый в мире. На Западе не верили. Как это так? Синтетический каучук, да еще в России?!

Всего за годы первой пятилетки в действие вступили 1500 новых промышленных предприятий. Все переплелось в тугом узле: трудности и романтика, жертвы и победы. Учащенный пульс всей жизни, высокие темпы экономического роста, быстрые структурные сдвиги, которые происходили на глазах, захватывали людей, рождали дополнительную энергию и уверенность в будущем.

Второе обстоятельство, способствовавшее высокой активности рабочих, – это взаимопонимание и поддержка между хозяйственными руководителями и трудовыми коллективами. Для простого работника государственная власть обычно персонифицируется в лице его непосредственных и ближайших руководителей. Как уже отмечалось, в 1933 г. свыше половины директоров промышленных предприятий и их заместителей, после ускоренной подготовки, были выдвинуты из рабочей среды. Наука управления различает формальных и неформальных лидеров коллектива. В данном случае эти понятия чаще всего совпадали.

На должность директора выдвигались, как правило, наиболее энергичные организаторы, пользующиеся авторитетом среди коллектива. Они были требовательны к себе, скромны в личной жизни. Учились не только на своих, но и на чужих ошибках. Старались следить за специальной литературой, что не всегда получалось. Их отличительная черта – развитое чувство ответственности и полная отдача всех сил делу. Принципиальность и честность в повседневных поступках воздействовали на рабочий коллектив сильнее слов.

Вот портрет одного из известных хозяйственных руководителей И. Тевосяна, прошедшего путь от рабочего до наркома: «Себя он не жалел и даже в самые трудные дни неизменно думал и заботился о других.

Таков уж был его характер. Люди, с которыми он сталкивался, хорошо это понимали и чувствовали. Он никогда не понуждал их к работе, он умел заразить их собственной жаждой деятельности. Он никого не поучал — он советовал; никого не одергивал, не оскорблял — он только доказывал» [5.28].

Конечно, не все хозяйственные руководители были такими, как Тевосян. Было немало примеров, когда человек не справлялся с руководящей должностью или, получив власть, деформировался морально: превращался в зазнавшегося бюрократа или в другую разновидность «начальника», злоупотреблявшего своим положением. В таких случаях трудовой коллектив использовал имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы, как говорится, поставить все на свои места. Нередко применялись жесткие меры. Партийные организации всячески поддерживала заинтересованное отношение работников к общему делу и настойчиво расширяли их участие в подготовке, обсуждении и реализации как текущих, так и перспективных планов. Еще в 1928 г. Центральный Комитет в своем обращении ко всем рабочим особо подчеркнул, что *«задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самого смелого, самого решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионных масс всего аппарата, его очищения от негодных элементов»*. [5.29.]

В то время возросла организованность рабочих. Многократно увеличилось число членов профсоюзов и активизировалась их роль во всех сферах жизнедеятельности масс, в том числе в управлении народным хозяйством. ВЦСПС получил право издания инструкций, правил и разъяснений действующего законодательства о труде. Возникающие споры и трудовые конфликты, как правило, решались при активном участии представителей профсоюзной организации.

В жизни, однако, не все подчинялось законам и инструкциям. Случалось, что рабочие коллективы объявляли забастовки. Часто это были ивановские ткачи. Основные причины таких крайних форм протеста – остановка фабрик из-за перебоев в поставках сырья и топлива или нехватка хлеба в торговле для населения.

Таким образом, целый ряд мероприятий вопреки многочисленным сбоям и ошибкам способствовал активизации социальных факторов в экономическом росте страны. Одной из форм такой активизации стало массовое соревнование, возникшее одновременно с началом первой пятилетки.

В январе 1929 г. в газете «Правда» впервые была опубликована ленинская статья «Как организовать соревнование?», в которой дано теоретическое обоснование этого социального феномена, возбуждающего дополнительную энергию участников совместного труда, особенно интенсивно в условиях новых экономических отношений.

Надо сказать, что рабочий класс по сравнению с крестьянством находился в привилегированном положении. Его даже называли «правящим классом» – в каждом звене Советской власти была своя квота для представителей рабочих. Их номинальная заработная плата систематически повышалась. В столовых системы общественного питания они могли относительно дешево пообедать за счет продуктов, полученных из подсобных хозяйств. Бесплатно пользовались заводскими поликлиниками, домами отдыха, реже – санаториями. Получали пенсию по старости и инвалидности. Крестьяне таких возможностей не имели.

Крестьянство во многих отношениях находилось в положении изгоев. Напомню, что еще в конце декабря 1927 года, выступая на конференции аграрников-марксистов, Сталин объявил о развернутом наступлении против капиталистических элементов деревни. «Наступать на кулачество, – разъяснил он, – это значит подготовиться к делу и ударить по нему так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги». [5.30] Неправда ли, эти слова очень напоминают установку Макиавелли: «Если уж приходится подданных угнетать, то делать это следует таким образом, чтобы отнимать у них всякую возможность отмщения».

Выше уже много говорилось о методах и формах насильственной коллективизации крестьянства в 1929–1932 гг. Здесь приведу только два воспоминания очевидцев тех событий:

«Кулаков помню, а как же! Меня самою кулачили... У нас отец-то был пролетарий. Бедно жили, плохо. А почему плохо? Ведь раньше давали землю только на мужиков. А на баб не давали. А нас в семье было четыре надолбы, – баб-то. Нас дочерей было три, да мать. А отец один... Он по работникам ходил.

Ну, раскулачивали меня так. Я не по своей воле замуж пошла. Меня просватали к богатым. Не доросла я, а все равно отдали. Не откажешься – ведь к богатым... Не списана я была с мужем более года: не хватало мне годов. Обвенчать-то обвенчали, а не списана. Меня и просватали-то – в прислуги. Я – то в няньках была, то в прислугах у одного старика: захворала его старушка, я за ней и ухаживала...

Они жили, – у которых я в прислугах была, – богато. У них была лошадь, две пары быков. Они богато жили. Две коровы были, овец пятнадцать или двадцать голов было. Скотины много – а ходили в лаптях. Валенки на печке лежали. В валенках на двор не ходили – берегли.

Года два я у них прожила, ни побольше ли? Тут какими-то «кратниками» объявили их, богатых-то. Это кулаков «кратниками»

называли. Ну, вызывают в бригаду – нынче в бригаду, завтра в бригаду. Постановляют: «Вывезти столько-то хлеба...» Ну, вывезет дедушка. А свекра со свекровью уже не было – померли. Я сама и у печки была, и со скотиной управлялась. Ну, у меня был муж мой и деверь, и все. И старик был 70 лет.

Ну и что же? Вывезет дедушка, все вывезет. Потом, на другой день опять чем-нибудь наложат. Опять все вези – хлеб или что другое. Амбар весь очистили. А тут в колхоз стали съединять. Ну, вызовут дедушку: он не идет никак в колхоз. Боялись его, колхоза-то. Их посадили – эдаких противников колхоза. Был у нас, – сейчас клуб, а тогда – нардом. Насажали их туда как селедок в бочку. Они там некоторые и померли...

Потом приехали, наложили дедушку каким-то дидуальным налогом, и все подмели под метелку. Скотину забрали, всю дочиста. Все погнали – и лошадь, и корову, и овец. И все из избы забрали – сундук, зеркало и другое... Остались в голом дому». [5.31.]

Когда слушаешь эту крестьянку из Старого села, что в Поволжье, на глазах которой произошла великая трагедия российского крестьянства XX века, все таки не верится, что такое могло произойти. Причем, непосредственными исполнителями таких надругательств и насилия над крестьянами были тоже крестьяне...В этом состояла одна из особенностей аграрной политики периода коллективизации: расколоть деревню на два лагеря. В одном бедняки и середняки. Их большинство. В другом – зажиточная часть деревни, в которую нередко попадали не только так называемые кулаки, но и крепкие середняцкие хозяйства. Процесс раскулачивания часто на практике сводился к конфискации в таких хозяйствах зерна, разными, иногда садистскими методами при пассивном, реже, активном участии представителей бедноты.

В качестве примера можно привести достаточно характерный случай, зафиксированный М. Шолоховым в условиях, когда период коллективизации уже заканчивался. Весной 1933 года он решился написать Сталину о нетерпимой обстановке, сложившейся у него на родине. В поисках тайников с хлебов, – сообщал Шолохов, – против подозреваемых, теперь уже колхозников, нередко применяли самые жестокие приемы.

«Выселение из дома и распродажа имущества производились очень просто: колхозник получал контрольную цифру сдачи хлеба, допустим 10 ц. За несдачу его исключали из колхоза, учитывали всю задолженность, включая и произвольно установленную убыточность,

понесенную колхозом за прошлые годы, и предъявляли все платежи как к единоличнику. Причем, соответственно сумме платежей расценивалось имущество колхозника...Его в аккурат хватало на погашение задолженности. Дом, например, можно было купить за 60–80 рублей, а всякую мелочь, как шуба или валенки, покупали буквально за гроши...

Семья оставалась без крыши над головой и своего небогатого домашнего скарба. Местные жители были предупреждены: кто пустит выселенную семью – будет сам выселен с семьей. И выселяли только за то, что какой-нибудь колхозник, тронутый ревом замерзающих детишек, пускал своего соседа погреться. 1090 семей при 20-градусном морозе изо дня в день круглые сутки жили на улице. Днем, как тени, они слонялись около своих замкнутых домов, а по ночам искали убежища от холода в сараях и мякинниках...

Первый вопрос, который задал руководителю местной партийной организации приехавший в район секретарь крайкома Зимин: «Сколько у тебя выселенных из домов?». «Сорок восемь хозяйств». «Где они ночуют?». Секретарь ячейки засмеялся, потом ответил, что ночуют, мол, где придется. Зимин ему на это сказал: «Должны ночевать не у родственников, не в помещениях, а на улице!»

После этого по району взяли линию еще круче. Выселенные стали замерзать. В Базковском колхозе выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери. Сама мать обморозилась...Но выселение – это еще не главное». И Шолохов приводит 16 приемов: массовое избиение людей, закапывание живыми в землю, пытки с каленым железом, «ложные расстрелы», издевательства и надругательства над женщинами и др., – с помощью которых было добыто 583 т хлеба. [5.32.]

Весьма показателен ответ Сталина (от 6 мая 1933 года):

«Дорогой тов. Шолохов!

Оба Ваши письма получены, как Вам известно. Помощь, какую требовали, оказана (Зимина освободили от должности секретаря крайкома, многим ответственным работникам объявили выговор – *Р.Б.*).

Это так. Но это не все, т. Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление...

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши

работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всем согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите неплохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма – не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо уметь видеть и другую сторону. А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж!) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, дорогой тов. Шолохов...

Всего хорошего и жму Вашу руку.

Ваш И. Сталин». [5.33.]

Получалось, что первопричина возникших трудностей и бедствий с хлебом – «тихий саботаж» колхозников. На этот раз Главный руководитель не упоминает о коварных происках озлобленного кулачества, так как пострадавшие были колхозниками, а кулаков в колхозы не принимали.

Логически возникает вопрос: как же выживали люди в таких условиях? Ведь горожане получали карточки, которые обеспечивали какой-то минимум питания. Рабочие и служащие, связанные с производством, получали солидную добавку продовольствия за счет подсобных хозяйств. Крестьяне были лишены карточек. Основной источник продовольствия для них – приусадебное хозяйство. К сожалению, не все выживали, особенно дети.

Иногда воровали «что плохо лежало» в колхозе. Многих кормил лес. «В те годы лес хорошо выручал: грибы, ягоды – у всех в запасе были. Волнушки, рыжики солили. А белый гриб, подберезовик, подосиновик, маслушку – это сушили. На зиму много грибов заготовляли. Например, наша семья состояла из десяти человек, так мы на зиму кадку на десять ведер – соленых грибов. Там груздь, волнушка. Сушеных грибов готовили мешок почти с человеческий рост. Хватало на всю зиму.

Малину тоже заготавливали на зиму. Сейчас мы что делаем? Мы варим варенье. А раньше малину сушили. Чернику сушили обязательно. Зимой сушеные ягоды распаривали, пекли с малиной и черникой пироги. Бруснику, как правило, парили. В печке, в горшке, в чугуне. Кладут одни ягоды. Ни воды, ничего не надо. Она

сама сок даст. Ставят с утра в печку, и до вечера она там стоит. Чем хороша брусника, что ее очень хорошо хранить. Прямо пареную сливают в бочку, и не надо ни гнета, ничего. Ее ели и так, и пекли пирог, и с молочком пареная брусника хороша. А то оладьи запекут на бруснике, со сметаной. Хорошо было! Бруснику тоже заготовляли кадочку ведер на восемь...».[5.34] Вот так, по-разному крестьянство сводило концы с концами.

По-своему трагично было положение *интеллигенции*. Ее уязвимое место заключалось в том, что работники умственного труда, как правило, умеют и любят самостоятельно думать, анализировать события, обобщать повторяющиеся характерные черты и давать им оценку, которая далеко не всегда совпадала с официальными установками вышестоящего руководства. При этом «заразные» мысли быстро распространялись среди окружающих «здоровых» людей. Очагов подобных «эпидемий» было много, и успешно бороться с ними властям не всегда удавалось.

Между тем разворачивающаяся технологическая революция требовала все большего количества ученых, инженеров, техников, а также учителей, врачей, других специалистов. В своем докладе о третьем пятилетнем плане В. Молотов проиллюстрировал такой процесс на примере Курской области. В 1913 году здесь работало всего 3 тысячи учителей начальных и средних школ. В 1937 году их число увеличилось до 24 тысяч. Врачей было, соответственно, 274 и 941, агрономов 70 и 2 279.

Общее количество интеллигенции в СССР [5.35]
на начало 1937 года, тыс. человек

Руководители предприятий, колхозов, совхозов, учреждений	1 751
Инженеры, конструкторы, архитекторы	250
Средний технический персонал	810
Агрономы и агротехнический персонал	176
Преподаватели вузов и ученые	80
Учителя	969
Работники искусства и культуры	456
Врачи	132
Средний медицинский персонал	382
Экономисты, статистики	822
Бухгалтера, счетоводы	1 617
Судьи, прокуроры, следователи и другие судебные работники	46
Студенты вузов	550
Военная интеллигенция и др.	1 550

Общее количество работников умственного труда во всем народном хозяйстве к началу 1937 года составило 9,5 млн человек. Вместе с семьями на их долю приходилось 13–14 % населения страны. Это был крупный интеллектуальный потенциал, способный решать сложные задачи современных для тех лет науки, техники, экономики, культуры и организации.

Прямое централизованное управление производством и распределением основной массы промышленной и другой продукции в масштабе всей страны потребовало создания специального аппарата планирования (Госплана), снабжения (Госснаба), и учета (Госкомстата), не говоря уже о многих других, в том числе контрольных органах государственной службы. Поэтому неудивительно, что на первом месте по численности работающей интеллигенции оказались управленцы. Если к ним добавить еще рядовых специалистов из этих органов – экономистов и статистиков, а также бухгалтеров и счетоводов (на каждого «начальника» – свой бухгалтер), то получается, что почти половина интеллигенции страны решала большие и малые проблемы управления. На втором месте – командный и инженерно-технический состав армии. На третьем – учителя. В то же время их деятельность направлял и контролировал многочисленный партийный аппарат.

Более конкретно о структуре руководящих кадров в народном хозяйстве в конце второй пятилетки можно судить на основе данных следующей таблицы:

Кадры государственного и кооперативного управления [5.36]
на начало 1937 года, тыс. человек

Руководители учреждений, в том числе медицины и культуры	450
Директора предприятий и их заместители	350
Председатели колхозов, их заместители, заведующие фермами	582
Директора МТС, совхозов, заведующие фермами	19
Руководители промкооперации	40
Руководители торговых организаций	310

На первый взгляд, вызывает недоумение слишком большая численность управленцев в колхозном секторе – почти 600 тысяч руководящих работников, которые, судя по конечным результатам, неудовлетворительно выполняли свои функции. Но главная причина их многочисленности заключалась в том, что большинство колхозов были небольшими, если не сказать – мелкими. На втором месте по численности – руководящие работники государственных

учреждений, в том числе центральных. Они вынуждены были брать в свои руки все рычаги управления, поскольку рыночный механизм саморегулирования был сломан, а местные органы власти находились еще в стадии формирования.

Относительно небольшую часть интеллигенции составляли научные и инженерно-технические работники, занятые на производстве и в научно-исследовательских учреждениях. Однако задачи, стоявшие перед ними, были по-настоящему крупными и весьма непростыми. Прежде всего, необходимо было в совершенстве освоить импортную технику и новые технологии, чтобы выйти на проектную мощность веденных в эксплуатацию предприятий. Вторая, не менее сложная задача – сконструировать и освоить производство новых видов вооружения, а также высококачественных сталей и других видов специальных материалов. Третья – наработка заделов для достижения в будущем стратегических целей, связанных с созданием нового поколения летательных аппаратов, емких источников энергии, радиолокаторов и других изделий.

Все эти задачи были решены в крайне сжатые сроки и относительно небольшими силами. Что касается первой задачи, то советские инженеры и конструкторы не только быстро освоили эффективную эксплуатацию импортной техники, но и создали соответствующие отечественные аналоги, что позволило отказаться в третьей пятилетке от импорта большинства машин и оборудования, которые еще пять-семь лет назад приходилось покупать за рубежом. О качественных изменениях, произошедших в промышленности за напряженные 12 лет, наглядно свидетельствует следующая таблица.

Качественные изменения в промышленности в 1929–1940 гг. [5.37]

Показатель	1928	1932	1937	1940	1940:1928
Мощность двигателей, млн кВт	3,0	5,5	12,3	16,9	5,6 раза
Потребление электрической энергии, млрд кВт-ч	3,3	8,7	24,4	32,1	9,7 раза
Производительность труда, (уровень 1928 года принят за 100)	100	141	258	343	3,4 раза

Конечно, такую динамику качественного роста промышленности без активного участия науки и инженерно-технических работников обеспечить было невозможно.

Что касается второй задачи, то и она была решена. К началу войны нашими конструкторскими бюро были созданы и освоены

производством новые образцы самолетов, танков и артиллеристских орудий, которые по своим боевым характеристикам не уступали, а по некоторым показателям превосходили военную технику вермахта.

На третьем направлении работала самая небольшая группа ученых, конструкторов и инженеров, но все они, за самым малым исключением, были истинными энтузиастами, можно даже сказать – фанатиками своего дела. В результате уже в 1932 году были запущены в небо первые ракеты с новыми двигателями, которые после соответствующих доработок и усовершенствований позволили россиянам первыми прорваться в космос. К началу войны были разработаны и созданы первые образцы радиолокаторных установок.

Ученые-физики продолжали исследования в области ядерной физики.

В этой связи нельзя не напомнить предсказание академика В. Вернадского, сделанное еще в 1922 году: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться все им ранее пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет. Это может случиться в ближайшие годы, может случиться через столетие. Но ясно, что это должно быть. Сумеет ли человек воспользоваться этой силой, направить ее на добро, а не на самоуничтожение? Дорос ли он до умения использовать ту силу, которую неизбежно должна дать ему наука?».[5.38.]

Во второй книге из серии «Экономическая история России: XX век» уже освещалось рождение и становление отечественной науки в области ядерных исследований. В годы первых пятилеток процесс ускорился и расширился. Весьма показательно, что именно в этот период в России состоялись пять Всесоюзных конференции по проблемам ядерной физики (1933, 1936, 1938, 1939 и 1940 гг.). Последняя конференция состоялась в конце ноября 1940 года. В ней приняли участие более 200 специалистов. На ее заседаниях было заслушано более сорока докладов, в том числе доклад И. Курчатова. Они показали, что советская школа физиков уже к тому времени успешно провела целый цикл важных исследований и способна самостоятельно решать многие сложные задачи фундаментальной и прикладной науки в области ядерной физики.[5.39.]

Ниже указаны только отдельные вехи, которые обозначают тот большой путь, который сумели пройти за это время советские ученые.

1931. В Ленинграде создан Институт химической физики во главе с будущим Нобелевским лауреатом Н. Семеновым.

1932. В Харьковском физико-техническом институте повторили ядерную реакцию с искусственно ускоренными протонами.

1933. Л. Мандельштам и М. Леонтович разработали теорию радиоактивного распада, природа которого была не совсем ясна.

1934. П. Черенков и С. Вавилов открыли новое явление – свечение, оставляемое быстрыми электронами в веществах (излучение Вавилова–Черенкова), что послужило основой для разработки принципиально новых методов исследования микромира.

1934. В Москве создан Институт физических проблем, который возглавил П. Капица. В свое время он учился в Петроградском политехническом институте. В 1920 году, во время эпидемии гриппа он потерял жену и дочь. Сам тяжело болел. В 1921 году его включили в делегации Академии наук, которую направили за рубеж для восстановления связей с иностранными научными центрами. Он остался в Кембридже, где быстро стал ученым с мировым именем. В 1929 году его избирают действительным членом Лондонского королевского общества (Британская академия наук) и член-корреспондентом Академии наук СССР. Вскоре он становится директором Мондовской физической лаборатории при Кембриджском университете, тесно сотрудничает с Резерфордом. Помогает советским молодым ученым попасть на стажировку в научные центры Великобритании. С 1934 года начались непростые для него годы непосредственного участия в развитии российской ядерной физики.

1935. И. Курчатов с группой сотрудников открыли явление ядерной изометрии, то есть существование долгоживущих возбужденных атомных ядер, и разработали теорию этого явления.

1936. Л. Арцимович, А. Алиханов, А. Алиханьян осуществили эксперимент, доказавший принципиальную применимость закона сохранения энергии к каждому индивидуальному столкновению электрона и позитрона.

1937. В Радиевом институте на первом в Европе циклотроне получен первый пучок ускоренных протонов.

1938. В ХФТИ пущен большой электростатический генератор.

1938. При Президиуме АН образована комиссия для координации работ в области ядерной физики. В нее вошли С. Вавилов (председатель), А. Алиханов, А. Иоффе, И. Курчатов и другие ученые.

1939. Я. Зельдович, Ю. Харитон, А. Лейпунский обосновали возможность протекания в уране цепной ядерной реакции деления.

1940. Создан государственный фонд по урану. В Центральной Азии начаты целенаправленные поиски месторождений урановых руд.

Группа ученых во главе с И. Курчатовым обратилась в Президиум АН с письмом «Об использовании энергии урана в цепной реакции». В письме изложена программа конкретных действий по организации промышленного производства металлического урана». По существу, в этом письме изложены основы будущего «Уранового проекта СССР». [5.40.]

Одна из особенностей российской интеллигенции в период тридцатых годов состояла в том, что в ее рядах было много представителей старых специалистов, которые после Февральской революции и в годы Гражданской войны старались держаться «вне политики». Среди них были бывшие члены партии кадетов, эсеров, других организаций, выступавших в свое время против большевиков. За истекшие полтора–два десятилетия многие из них изменили свои взгляды и активно на деле поддерживали советскую власть. Кто-то сохранил прежние взгляды, но смирился с произошедшими переменами и с большим или меньшим успехом адаптировался к новой обстановке.

Третья группа интеллигенции пострадала материально, ее доходы заметно сократились. Она категорически отвергала новые порядки и культуру, особенно грубость и невежество представителей новой власти. Непроизвольно возникало желание бороться против нее, но так, чтобы самому не пострадать. Такие противники предпочитали действовать втихую, с высокой гарантией безнаказанности. Постепенно, за игрой в преферанс, на юбилеях, при других встречах формировались устойчивые компании единомышленников, недовольных тем, что происходит вокруг, тем более, поводов для такого недовольства было достаточно. На базе таких компаний создавались небольшие группы активных действий, которые коллективно анализировали последние события, выпускали антиправительственные листовки, распространяли различные слухи, например, о том, что Великобритания и Франция готовятся к войне против большевиков. Логично, что такие группы готовы были помешать процессам индустриализации, использовать в своих целях грубые ошибки коллективизации. Они помогали также «оставшимся в живых» после разгрома «левой» и других разновидностей оппозиции.

Известно, что опасное действие рождает противодействие, причем в этом клубке противоречий трудно разобраться – кто, где и когда начал конфликт. Известный историк Р. Медведев в поисках

ответов на такие вопросы много лет собирал и исследовал многочисленные документы и факты. «В начале 30-х годов, – писал он, подводя итоги своих поисков, – не только в эмиграции, но и в СССР возникло несколько контрреволюционных организаций и групп (некоторые группы в провокационных целях создавало само ГПУ, как это было с организацией «Трест»). Но, подобных людей среди старой интеллигенции и специалистов было ничтожное меньшинство. Подавляющее большинство работало честно, стараясь помочь партийным деятелям, стоявшим во главе хозяйственных организаций, советом и делом. Многие специалисты были искренне захвачены громадным размахом пятилетних планов». [5.41.]

Логично, что органы госбезопасности стремились пресечь антисоветскую деятельность таких групп. Но, поскольку они находились в подполье, «стрелять» приходилось не по конкретным целям, а по всему полю, поражая и калеча при этом тысячи и тысячи ни в чем невиновных людей. Активную роль в борьбе с остатками «буржуазных» специалистов играл Сталин. В 1928–1929 гг. в его пользу закончилась многолетняя, напряженная борьба за власть внутри самой партии. Не случайно именно в это время было проведено несколько судебных процессов, где рассматривались «дела» технической интеллигенцией, а также ряда видных экономистов из аппарата управления.

Первым из них было «шахтинское дело». Из 53 обвиняемых большинство составляли инженеры и техники Донбасса, а также некоторые руководители угольной промышленности Украины. На скамью подсудимых попали и «представители Москвы». Все они обвинялись во вредительстве, организации взрывов на шахтах и, конечно же, в тесных связях с зарубежными капиталистами. Суд оправдал только четверых. Большинство было осуждено на длительные сроки заключения, пятерых – расстреляли.

Комментарий по итогам процесса сделал Сталин на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК: «Нельзя считать случайностью так называемое шахтинское дело. «Шахтинцы» сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности. Многие из них выловлены, но далеко еще не все выловлены. Вредительство буржуазной интеллигенции есть одна из опасных форм сопротивления против развивающего социализма». [5.42.]

Это был сигнал к широкому поиску виновных в возникших трудностях при выполнении заданий пятилетки и снабжения населения хлебом. Их быстро обнаружили, и после усиленной обработки следователями, включая самые изощренные пытки, арестованные

вынуждены были сознаваться во всем, что от них требовали. Судебные процессы следовали один за другим: Промпартии, Союзного бюро, авиационных конструкторов, иных специалистов. [5.43]

Неожиданно на этом пути возникло одно непредвиденное препятствие: опытных и способных конструкторов в стране было не так уж много. Проведенные среди них массовые аресты парализовали мозговые центры промышленности. Конкретные задания пятилетки по созданию новых образцов военной и гражданской техники некому стало выполнять. Пришлось трубить отбой. Аресты среди технической интеллигенции почти прекратились. Кто уже сидел, ему дали задание: докажи, что ты не вредитель – разработай новую модель продукции, которая не уступала бы лучшим зарубежным образцам.

Известно, что после окончания Гражданской войны Сталин был назначен командующим одной из трудовых армий. Полученный опыт пригодился в новых условиях. Трудовые армии создавались из творческой интеллигенции, и размещались они за тюремной решеткой.

Н. Поликарпов создал в таких условиях новый истребитель. Профессор Л. Рамзин, он же бывший директор Теплотехнического института, – новую модель крупного парового котла.

Относительное затишье на участке борьбы с «буржуазной интеллигенцией» продолжалось до конца 1934 года, когда в Смольном был застрелен С. Киров. Это убийство окружено таинственностью и многими легендами. Но в последние годы таинственность рассеялась, а легенды заметно поблекли. Один из руководителей советских органов безопасности, генерал-лейтенант П. Судоплатов ясно и четко пишет об этом трагическом событии: «Киров был убит Николаевым. Жена Николаева, Мильда Драуле, работала официанткой при секретариате Кирова в Смольном. Естественно, охрана пропускала Николаева в Смольный по партбилету... Сергей Миронович очень любил женщин, и у него было много любовниц как в Большом театре, так и в Ленинградском. Мильда Драуле прислуживала на некоторых кировских вечеринках. Эта молодая привлекательная женщина также была одной из его «подружек»... Мильда собиралась подать на развод, и ревнивый супруг убил «соперника».[5.44] Таковы кратко дела житейские. При этом одни осуждают Кирова, другие – завидуют...

Сталин использовал этот случай в своих интересах для окончательной расправы с мнимыми и реальными соперниками. Его испугала та легкость, с которой убийца проник в охраняемое

спецслужбами здание и без каких-либо затруднений реализовал свой замысел. Мастер интриг почувствовал себя беззащитным перед ненавистью многочисленных своих жертв. Большинство из них оставались живыми и в любой момент могло повторить «подвиг» Николаева. Страх заставил его запустить в ход адскую машину, которой управляли его бездушные марионетки: Ягода, Ежов, затем Берия.

Уже в январе 1935 года, то есть два месяца спустя, как прогремели выстрелы в Смольном, после ускоренного формального следствия открылся судебный процесс над группой «новой» оппозиции, которую возглавляли Г. Зиновьев и Л. Каменев. Всего на скамье подсудимых оказалось 19 человек. Их связи с Николаевым установить не удалось. Поэтому приговор был «мягким»: Зиновьев получил 10 лет тюрьмы, Каменев – 5 лет.

Сталин такими результатами был явно не доволен. И осенью 1936 года состоялся новый, на этот раз открытый процесс – «процесс 16». Его хорошо подготовили под непосредственным руководством нового заместителя наркома – Н.Ежова. Все обвиняемые, в том числе Зиновьев и Каменев, признали свое участие в убийстве Кирова и подготовке покушений на других партийных руководителей. Некоторые еще до начала процесса выражали свою готовность дать ложные показания в обмен на жизнь. Так, Г. Зиновьев в одном из писем Сталину заверял его: «В моей душе горит одно желание: доказать Вам, что я больше не враг. Нет того требования, которого я не исполнил бы, чтобы доказать это...Я Ваш душой и телом... Я готов сделать все, чтобы заслужить прощение, снисхождение». [5.45.]

Лишь один И. Смирнов пытался сопротивляться, но его «уличили» другие подсудимые. Кроме того, обвиняемые в своих показаниях по заказу следователей назвали имена будущих жертв: Г. Пятакова, Г. Сокольникова, Л. Серебрякова, Н. Муралова, а также Н. Бухарина, А. Рыкова и других.

24 августа 1936 года газеты опубликовали сообщение, что все 16 человек приговорены к расстрелу, и на следующий день – приговор приведен в исполнение.

Сразу же после окончания процесса началось следствие, и в январе 1937 года открылся очередной спектакль с трагическим концом – рассматривалось дело о «Правом центре». Его основные участники: Сокольников, Пятаков, Радек, Серебряков, Богуславский и другие – всего 17 человек. Их по накатанному сценарию обвиняли в подготовке террористических актов, шпионаже, сознательном ослаблении экономики страны и тому подобном. Приговор

также не отличался новизной: 13 человек – к расстрелу, остальным – 8–10 лет тюрьмы.

С Рыковым и Бухариным было сложнее: оба пользовались авторитетом и в народе, и в партии, Так, во время массовых выступлений крестьян в начале тридцатых годов часто выдвигалось требование: вернуть Рыкова в правительство. У Бухарина – «любимца партии» были сторонники во всех слоях населения. Поэтому Сталин решил вынести вопрос об их наказании на пленум ЦК.

Первый такой пленум состоялся в начале декабря 1936 года. На нем с докладом «Об антисоветских троцкистских и правых организациях» выступил Ежов. Однако, несмотря на явную предвзятость докладчика, неприкрытый нажим на участников пленума, переходящий иногда в откровенную грубость и угрозы, сломить Рыкова и Бухарина не удалось. Решение об их судьбе пришлось отложить до следующего пленума ЦК. Он собрался в конце февраля 1937 года, то есть после «успешного» завершения дела о «Правом центре». Однако партийный суд и на этот раз оказался не таким послушным, как Военная коллегия Верховного суда. [5.46.]

Вначале с докладом выступил Ежов, который утверждал, что «правые» создали подпольную организацию с целью захватить власть, образовав для этого блок с троцкистами, меньшевиками и другими антисоветскими партиями. Затем, фактически с содокладом, содержащим резкие политические оценки и обвинения против Бухарина и Рыкова, выступил А. Микоян. Однако выступления других членов ЦК не носили характера общего единодушия. Для подготовки решения создали комиссию из 35 человек под председательством Микояна. На ее заседании выступило 20 человек. Все высказались за исключение Бухарина и Рыкова из кандидатов в члены ЦК и из рядов партии. Расхождения возникли по вопросу о мере наказания. Ежов предложил обоих предать суду военного трибунала с применением расстрела. Его поддержали: Буденный, Мануильский, Шверник, Косарев и Якир. Вторым было предложение Постышева – предать суду без применения расстрела. За это предложение высказались Шкирятов, Антипов, Хрущев, Николаева, Косиор, Петровский и Литвинов. Быстро сообразив, что предложение Ежова может не получить поддержки на заседании пленума, Сталин внес третье предложение: суду не предавать, а направить дело Бухарина-Рыкова на дополнительное расследование в НКВД, то есть тому же Ежову. Так и решили. [5.47.]

Суд состоялся только через год – весной 1938. Все прошло, как хотелось высокому начальству. Следственный и судебный механизмы сработали без сбоев. Вскоре в газетах в разделе «Хроника» появилось краткое сообщение: «Вчера, 15 марта 1938 года, приведен в исполнение приговор о расстреле...» Далее следовали 18 фамилий, среди которых Н. Бухарин и А. Рыков были названы первыми.

Таким образом были ликвидированы три группы, которые в прошлом в той или иной степени были политическими противниками или соперниками нового вождя. Теперь их можно было не опасаться. Далеко в Мексике оставался Л. Троцкий. Он серьезно беспокоил Сталина. Согласно его прямому указанию, в 1940 году была проведена операция «Утка» по ликвидации «старика» – так называли Троцкого российские разведорганы. [5.48.]

Особое направление предвоенных репрессий – сильный удар по командному составу Красной Армии. Они начались с ареста в мае 1937 года группы М. Тухачевского из восьми человек. Наскоро проведенное следствие при отсутствии каких-либо реальных доказательств обвинило их в государственной измене, шпионаже и тайном военном заговоре с целью свержения правительства. Всего через две недели по решению закрытого военного суда все восемь были расстреляны.

Однако, бездушные роботы в «ежовых рукавицах» продолжали свою гнусную работу – всего от их стараний пострадало тридцать пять тысяч командиров-профессионалов из всех родов войск. «Накануне войны, – писал маршал Г. Жуков, - в Красной Армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием. Более того, многие из них даже не кончали военных училищ, а основная их масса была подготовлена в объеме курсов командного состава. Нельзя не считаться и с нанесенными моральными травмами». [5.49.]

Как и почему такое могло случиться?

Наиболее распространенная, довольно путаная версия гласит: германская разведка сфабриковала документы, согласно которым Тухачевский являлся их агентом. Затем документы были подсунуты чехам, и уже Бенеш передал их Сталину. Генерал П. Судоплатов пишет в своих воспоминаниях: «Для меня это – миф... Уголовное дело против Тухачевского целиком основывалось на его собственных признаниях, и какие бы то ни были ссылки на конкретные инкриминирующие факты, полученные из-за рубежа, начисто отсутствуют. Если бы такие факты существовали, то я, как

заместитель начальника разведки, курировавший накануне войны и немецкое направление, наверняка видел бы их или знал об их существовании». [5.50.]

В действительности, в качестве наиболее вероятных причин расправы над Тухачевским послужили два обстоятельства: во-первых, между ним и Сталиным еще в конце Гражданской войны, а затем в начале тридцатых годов возникали конфликты. Известно, что Сталин такие вещи не забывал, хотя уже в его «правление» Тухачевский был награжден орденом Ленина и стал маршалом в числе первой пятерки. Во-вторых, он почти открыто выступал против Ворошилова как человека, который не может быть наркомом обороны, поскольку новая война не будет похожа на Гражданскую: главную ударную силу будут представлять танковые соединения, а не кавалерия. Этот вопрос маршал не раз откровенно обсуждал со Сталиным, очевидно, ссылаясь при этом на мнение других высоких военных. Для Сталина это выглядело как заговор против Ворошилова. Но где гарантия, что заговорщики на следующем этапе не выступят против него? А если Троцкий воспользуется их услугами? Такой вариант был бы очень опасным. Не лучше ли его предупредить?

К сожалению, трагические последствия сфабрикованного дела Тухачевского непосредственно коснулись не только руководящих кадров армии, но и значительного числа талантливых конструкторов и разработчиков новой военной техники. Дело в том, что маршал как заместитель наркома обороны курировал и активно поддерживал многие исследовательские группы, институты и КБ, которые находились на острие конкурентной борьбы интеллектуальной мысли за первенство в мире в деле создания вооружений нового поколения.

Так, в 1932 году инженер одного из управлений ПВО П. Ощепков предложил использовать радиомагнитные волны для обнаружения самолетов в воздухе. Тухачевский не только поддержал новую идею, но и подключил группу институтов и конструкторских для теоретической доработки конкретных проблем и создания опытного образца. В 1934 году такая экперементальная установка была собрана и опробована. Она позволяла обнаруживать самолеты в условиях плохой видимости на высоте до 10 тыс. метров и удалении до 200 км. Такие обнадеживающие результаты послужили основанием для заказа еще пяти опытных станций радиообнаружения. Гибель замнаркома затормозила все дело. Первые радиолокационные

станции в небольшом количестве стали поступать в войска ПВО лишь незадолго до начала войны. [5.51.]

Большую поддержку оказал Тухачевский и конструкторскому бюро талантливого инженера В. Бекаури, создавшего системы радиоуправления сложными машинами и механизмами на расстоянии. Эти разработки очень пригодились после войны при создании баллистических ракет.

По инициативе маршала-новатора в 1933 году на базе двух лабораторий (московской и ленинградской) был образован Реактивный научно-исследовательский институт – единый ракетный центр, где были собраны ведущие ученые-энтузиасты, превратившие Россию через два десятилетия в мирового лидера освоения космоса. Решающее значение в этом деле сыграло тесное сотрудничество разработчиков новых пороховых и жидкостных двигателей с конструкторами различных моделей ракет. Их имена занесены в Большую книгу истории мировой цивилизации: Ф. Цандер, М. Тихонравов, Ю. Победоносцев, С. Королев, В. Глушко, М. Янгель и другие. Именно здесь еще до войны были разработаны и созданы реактивные ускорители, которые устанавливались на самолетах, а также наземная установка для пуска реактивных снарядов («Катюша»), сыгравшая важную роль на путях, которые привели к Победе.

Велики заслуги Тухачевского в развитии бомбардировочной и истребительной авиации, а также авиадесантных войск, оснащенных танками и артиллерией.

До какой же степени глупости и варварства нужно опуститься, чтобы арестовать и расстрелять «за антисоветскую деятельность» такого руководителя. Затем начались погромы исследовательских и конструкторских центров мирового значения, по существу, только на том основании, что, в силу установленных государственных правил, они находились в подчинении именно этого, а не другого заместителя наркома.

Так, в 1938 году был арестован, подвергался пыткам и был осужден на длительный срок заключения С.П. Королев – будущий главный конструктор баллистических ракет дальнего действия, ракетно-космических систем, автоматических межпланетных станций и специальных спутников земли. Перед войной он отбывал свой срок заключения на Колыме. Затем попадает в КБ особого тюремного режима, в 1944 году досрочно освобожден из заключения. Уже после смерти Сталина, ему дважды присваивают звание Героя Социалистического Труда, присуждают Ленинскую премию, дают другие награды...

5.3. «Оригинальные» подходы к интеллигенции

Многие (если не большинство) философов Советской России долгое время пытались обосновать и защитить одно из ключевых положений господствовавшего тогда мировоззрения: «борьба противоположностей есть движущая сила развития». Так, И. Сталин в своей основной работе о диалектике писал: «Процесс развития от низшего к высшему протекает не в порядке гармонического развертывания явлений, а в порядке раскрытия противоречий, свойственных предметам, явлениям, в порядке «борьбы» противоположных тенденций, действующих на основе этих противоречий».[5.52.]

Отсюда следовал вывод: чем выше скорость развития, тем масштабнее и острее противоречия. Если же обновление происходит замедленно, низкими темпами, то не нужно бояться подогревать противоречивую обстановку, создавать новые конфликты и столкновения противоположных тенденций и сил. Опираясь на эти положения, Сталин, выступая в апреле 1929 года на пленуме ЦК, выдвинул тезис о неизбежности обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма.[5.53.] Этот тезис послужил одним из теоретических обоснований начавшихся массовых политических репрессий, в том числе против интеллигенции.

Сталин отказался не только от ленинской установки на укрепление союза с крестьянством на основе взаимной выгоды и заинтересованности, но и от делового сотрудничества с старыми специалистами, к которым он все время относился с недоверием, как к буржуазной интеллигенции. Выше уже говорилось, что для крестьянских хозяйств он выделил место основного источника финансирования социалистических преобразований.[5.54.]

Не менее сложным и запутанным оказалось положение тех многочисленных представителей интеллигенции, которые получили специальность еще до революции, учились за границей или имели контакты с «врагами народа», то есть с оппозицией. Для лучшего понимания тех условий, в которых оказались многие ученые, инженеры, учителя, врачи и другие работники умственного труда, целесообразно вновь воспользоваться воспоминаниями знакомого уже по 2-й книге физика С. Фриша, перед войной стал директором Оптического института в Ленинграде.

Тридцатые годы во многом напоминали период Гражданской войны, однако не следует забывать, что они имели ряд существенных особенностей. Прежде всего, несколько улучшилось благосостояние

интеллигенции, особенно в области продовольственного обеспечения, хотя, полностью решить эту ключевую проблему пока не удалось. «С какими трудностями приходилось встречаться в быту, – пишет С. Фриш, – напоминает эпизод, относящийся к нашей с Гулей семейной жизни. Весной 1933 года у нас родилась дочь Марианна. В день ее рождения утром я пошел в больницу отнести передачу. По пути перебегал от одного магазина к другому, но нигде, кроме суррогатного чая и ячменного кофе, ничего без карточек не отпускалось. Наконец, на толкучке около Обуховского моста и в буквальном смысле слова «из-под полы» купил несколько кусков сахара. Но затем, у самой больницы, мне повезло. В маленьком магазинчике я нашел банку сливового варенья. Этот неожиданный подарок – банку варенья, принесенную в больницу, Гуля запомнила на много лет».[5.54]

В научных исследованиях в тот период преобладали темы конкретного, практического характера. В этой связи возникли жаркие споры о роли фундаментальной и прикладной теории в условиях, когда страна вынуждена в сжатые сроки преодолевать свое техническое отставание от развитых стран. Какое направление выбрать в такой обстановке? Разрабатывать свои научные основы технических нововведений или, со значительно меньшими затратами материальных средств и времени, осваивать лучшие достижения зарубежных ученых?

В Оптическом институте стремились найти оптимальное решение данной проблемы. Здесь понимали, что «наука имеет свою собственную внутреннюю логику, свой особый путь развития. Только следуя своим путем, наука приходит к крупным открытиям, практическое применение которых, вначале совсем не очевидное, ведут в конечном счете к самым коренным преобразованиям техники...Поэтому невозможно по-настоящему двигать технику вперед, если не создавать научного задела, не вести поисковых тем, практическая ценность которых пока остается неясной. Но одновременно необходим тесный контакт между наукой и техникой, контакт, обеспечивающий быстрое внедрение научных достижений в практику».[5.55]

Первая задача Оптического института заключалась в том, чтобы пустить и наладить устойчивую работу завода оптического стекла. При этом пришлось преодолевать многочисленные технические трудности, которые всегда сопровождают рождение нового. Например, как избежать возникновения в твердеющем стекле образования

«мошки» – мелких пузырьков воздуха, которые делают стекло непригодным для изготовления линз и призм оптических приборов? Чтобы разрешить подобные задачки, сотрудникам института иногда приходилось ночевать на заводе. Но уже после того, как производство высококачественного стекла было налажено, у руководства завода выработалась привычка: чуть что заело – просить помощи у института. Это уже другая крайность – перекладывать функции инженерно-технического персонала на плечи ученых.

Спорным был и вопрос о возможности планировать развитие науки. В период первых пятилеток, план выступал в роли той волшебной палочки, с помощью которой можно сделать все: срывать горы и создавать искусственные моря, летать быстрее, выше и дальше всех, в короткий срок догнать и перегнать наиболее развитые страны мира и многое, многое другое, в том числе управлять научными открытиями. Ученые сомневались в такой возможности. «Научная работа, понимаемая в широком смысле слова, – считал С. Фриш, – складывается из трех этапов: поиска нового, разработки наметившихся направлений и внедрения в практику достигнутых результатов. Главная цель плана – обеспечить рациональное взаимоотношение этих трех этапов. Таким образом, план лишь организует работу в уже известном, выкристаллизовавшемся направлении. Но он не может обеспечить открытие чего-либо нового...Несколько утрируя, можно сказать: планирование становится полезным, когда наука превращается в технику. Сама же научная работа, как и всякая иная творческая работа людей, сложна и, если угодно, капризна...Я не думаю, что в развитии науки случайность играет решающую роль. Каждый факт, случайно найденный, все равно несколько позже был бы открыт. Но на каждом данном этапе развития науки нередко роль случая велика...

Мне кажется, что за годы развития советской физики новых, в полном смысле этого слова, открытий сделано мало. Во всяком случае, гораздо меньше, чем могло бы быть сделано при имеющемся объеме научных учреждений и существующих кадров. А в тех случаях, когда открытия делались, их нередко не умели развить и использовать. Люди недостаточно серьезно задумывались над тем, каков должен быть путь развития науки, а больше занимались формальным планированием и писанием формальных отчетов. В результате мы скорее подхватывали и развивали открытия, сделанные за границей, чем создавали новые, самостоятельные направления».

В марте 1936 года в Москве проходила сессия Академии наук, посвященная связи науки с техникой. Вопрос рассматривался на примере двух ленинградских институтов: Физико-технического и Оптического. Дискуссия была острой и конкретной. «Между прочим интересно отметить, – пишет С. Фриш, – что рекомендации, включенные в резолюцию сессии, можно было бы почти без изменений повторить сейчас, через 25 лет. То же относится и к отмеченным недостаткам: они остаются все прежние». [5.56.]

Эти несколько отрывков из воспоминаний Сергея Эдуардовича Фриша воспроизводят общие контуры и характер той атмосферы, в которой работали физики – одна, не самая большая часть творческой интеллигенции России в начальный период довоенных пятилеток.

К этому времени, уже после шахтинского дела, высшее руководство страны, кажется, поняло, что преследовать ученых, инженеров, конструкторов, учителей, других представителей творчески думающей части общества – более опасное дело, чем рубить сук, на котором сидишь. Эти люди выступают в роли емкого источника обновления и развития производительной и духовной силы страны. Их можно и нужно растить, всячески поддерживать, совершенствовать качественно.

Поэтому на какое-то время творческую интеллигенцию оставили в покое, поддержали материально и создали, в рамках возможностей тех лет, относительно благоприятные условия для научных исследований, прежде всего прикладного, технического характера.

Больше того, руководство страны попыталось вернуть некоторых ученых, покинувших СССР в начале двадцатых годов и за короткий срок занявших ключевые позиции в мировой науке. Одним из них был Петр Леонидович Капица. Он считается основателем физики низких температур и сильных магнитных полей. Поскольку в России наиболее убедительны слова, которые звучат из-за рубежа, и в данном случае целесообразно воспользоваться следующим историческим фактом: в феврале 1933 года при Кембриджском университете открылась Мондовская лаборатория, созданная специально для исследовательской деятельности П. Капицы. На торжественной церемонии по случаю ее открытия видный государственный деятель Великобритании С. Болдуин отметил: «Это событие чрезвычайной важности. В наше время положение страны зависит не только от ее вооруженных сил и развития ее промышленности, но и завоеваний ее науки. Мы счастливы, что у нас

директором лаборатории работает профессор Капица, так блестяще сочетающий в своем лице и физика, и инженера». [5.57.]

О подобных событиях в Москве было принято информировать первых лиц. Реакция была нетривиальная – «наверху», видимо, не без участия Сталина, было решено: вернуть Капицу для работы в Союзе. Осуществлять это задание должны были «органы» и, по гражданской линии – председатель Госплана, заместитель председателя Совнаркома В. Межлаук.

Осенью 1934 года Капица вместе со своей второй женой Анной Алексеевной (дочерью ведущего теоретика отечественного кораблестроения, академика А.Н. Крылова) приехали в Ленинград. Анна Алексеевна надеялась увидеться с отцом, Петр Леонидович – с матерью, которая жила в Ленинграде. Деловая цель поездки – участие в конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. Менделеева. Имелось в виду также встретиться с рядом советских ученых, с которыми Капица давно уже поддерживал деловые связи. Это была пятая или шестая поездка на родину, где его всегда встречали очень тепло.

Совершенно неожиданно для Капицы в сентябре 1934 года ему официально сообщили, что он не должен возвращаться в Великобританию: Капица нужен для работы здесь, в России. Молодому ученому пообещали создать для его исследований специальный Институт физических проблем. И действительно, уже в декабре 1934 года это обещание было реализовано специальным постановлением правительства. Место для Института было выбрано прекрасное – на Воробьевых горах, в излучине Москвы-реки, откуда открывалась широкая панорама всего города. Соблазн был большой. Капица заколебался. Благоприятное впечатление произвела на него встреча с В. Межлауком.

Анна Алексеевна вынуждена была вернуться в Кембридж, где оставались два малолетних сына: Сергей и Андрей. О состоявшейся встрече в правительстве П.Л. писал жене: «За эти дни произошло много интересного. Вчера я был у В.И. (Межлаука), мы беседовали с ним без малого три часа, и это одни из самых отрадно проведенных часов за все эти последние дни и недели. В.И. умный человек, понимает тебя с полуслова, хотя, конечно, иной раз говорит не то, что думает, но это вменяется в обязанность человеку, должно быть, ежели он занимает известное положение...

Вообще с В.И., несомненно, можно прийти к полному пониманию, и так как у нас у обоих одно и то же желание – создание

мощной науки – то я был бы очень счастлив, если бы мне с ним удалось работать вместе в будущем...

Академия переносится сюда, в Москву, не только территориально. Этот переезд связан с реконструкцией. Оздоровить старую телегу, конечно, надо – поставить на нее бензиновый мотор и пр. Конечно, неправильно, как делает твой папаша, чихать на такие дела. Дескать, Академия такая дыра, что и связываться с ней не надо. Надо попытаться оживить ее, это ведь не невозможно...» [5.58].

Из этих слов видно, что Капица категорически не отказался от варианта возглавить Институт физических проблем в Москве и заодно попытаться оживить всю систему Академии наук. Но его больше беспокоили два вопроса: во-первых, каким образом оснастить новый институт самым современным оборудованием для сложных физических исследований, и, во-вторых, где найти квалифицированные кадры для работы на таком оборудовании. В Великобритании на решение этих двух вопросов он затратил почти десять лет, прежде чем его лаборатория смогла работать с высокой научной отдачей. В Союзе он таким временем, не располагал, а реальных трудностей было больше.

В правительстве предлагали закупить нужное оборудование через торгпредство в Лондоне. Но ведь речь шла об уникальных приборах и установках, выполненных по индивидуальным чертежам, когда английская промышленность переживала глубокий кризис и технологические мощности были не загружены, а высококвалифицированные специалисты были рады любому заказу. В середине тридцатых годов обстановка в экономике резко изменилась, и торгпредство вряд ли могло справиться с такой задачей. Поэтому Капица считал целесообразным, чтобы он сам поехал в Великобританию и договорился бы там о выполнении его заказов на те установки и приборы, которые отечественная промышленность изготовить пока не может. Но такой вариант был неприемлем для специалистов из «органов»: а если не вернется? Семья-то там собралась почти вся. Прямо об этом Капице не говорили, а «тянули волынку». В мае 1935 года, то есть спустя год после насильственного задержания в Союзе, Капица решил обратиться с письмом к В. Молотову: « Я бы хотел все, что пишу Вам, сказать лично. Но, к сожалению, Вы не хотите меня видеть...

Товарищ Межлаук просил меня выступить с заявлением, что я предпочитаю научную работу здесь, в Союзе. Этого я, к сожалению, в данный момент сделать не могу. Главная причина в том,

что меня поставили в такие условия, в которых я чувствую себя очень плохо. Я не говорю о материальных условиях, они меня никогда в жизни особо не интересовали, а при данных обстоятельствах я о них совсем мало думаю. Но исключительно я говорю о моральных условиях и об условиях моей научной работы. Естественно, в их оценке мы все время придерживаемся сравнения с теми условиями, которые у меня были в Кембриджском университете.

В то время как в Кембридже наука свободно развивается, и ученые свободно ездят за границу, тут в Союзе все это находится под непосредственным наблюдением правительства. Это, конечно, правильно, и принципиально это надо приветствовать... Но так как наука есть высшая ступень интеллектуального труда, требующая очень внимательного отношения к себе, то она может быть исковеркана в руках сановника, милостиво снисходящего до разговора с ученым...

На письма не только не отвечают, но даже не подтверждают их получение. Я не вижу, как при таких условиях может развиваться нормальная научная работа и у ученого появится уважение к себе.

После моего оставления все было сделано, чтобы я потерял это уважение к себе. Первые четыре месяца на меня не обращали внимания и не дали даже хлебной карточки, и только, видно, чтобы напугать меня, три месяца за мной рядом на улице ходили два агента НКВД, которые изрядно развлекались тем, что дергали меня за пальто.

Далее, некоторые ответственные лица пугали меня самым разнообразным образом, и еще продолжают это делать по сей день в связи с требующимся от меня ответом. Я до сих пор не могу понять — с какой целью это делается, так как на практике это привело к тому, что распугало от меня большинство ученых и знакомых, а на меня имело только эффект угнетения моей нервной системы». [5.59.]

Петр Леонидович многого не знал, а поэтому не мог понять и объяснить для себя логику быстро меняющихся вокруг него сцен и актеров театра абсурда. Вряд ли он мог представить себе, что Межлаук, у которого он искал защиту, сам находился под подозрением. Член РСДРП с 1907 года, активный участник революции и хозяйственного строительства в мирное время, он имел темное пятно в своей биографии — из-за раскола рабочей партии он оказался в рядах меньшевиков (до 1917 г.). После убийства Кирова об этом вспомнили, и вскоре Межлаук попал под расстрел.

Капица не знал, что советские ученые и знакомые, с которыми он общался, каждый год заполняли анкеты, где надо было ответить

на вопрос: «Есть ли у Вас родственники или знакомые за границей? Какие связи Вы с ними поддерживаете?». Для многих людей П.Л. стал таким «зарубежным знакомым», что в те времена могло повлечь за собой крайне нежелательные последствия. Поэтому вокруг него и образовался искусственный вакуум.

Дело в том, что у Сталина, который хорошо знал теорию и практику классовой борьбы, всегда оставались опасения относительно надежности так называемой «старой» интеллигенции. Он иногда называл ее «буржуазной», но на самом деле речь шла о той части научных и инженерно-технических работников, а также учителях, врачах, писателях, которые в большей или меньшей степени находились под влиянием Троцкого и продолжали поддерживать Рыкова и Бухарина. Переубедить их словами и разборками на пленумах ЦК не удавалось. Тогда ставка была сделана на насилие и запугивание. Выстрел Николаева в Смольном послужил стартовым сигналом начала нового этапа таких действий.

После небольшой подготовки, в марте 1935 года в Ленинграде начались многочисленные аресты, преимущественно среди интеллигенции. «Публика была ошеломлена: арестовывали людей, с политикой не связанных. Во многих случаях старых, проживавших в качестве иждивенцев. За что их арестовывали? В чем обвиняли? Потом выяснилось, что никаких обвинений им не предъявлялось. Аресты, по-видимому, велись по спискам, заранее составленным на основании довольно случайных признаков. Например, арестовывали всех мужчин, бывших в 1917 году в юнкерских училищах. Арестовывали людей, которых можно было заподозрить в принадлежности к аристократии царских времен, людей, имевших родственников за границей или знакомых среди иностранцев. Из одной и той же семьи арестовывали одних и оставляли других. Так, арестовали сестру Всеволода Фредерикса – немолодую больную женщину, в то время как его самого не тронули. Он продолжал работать в университете и в Физико-техническом институте.

Арестованных задерживали недолго. Некоторых отпускали, другим предписывали в трехдневный срок покинуть Ленинград.

Эта полоса арестов оборвалась так же внезапно, как и началась. Если человек, которого хотели арестовать, не был найден, то теперь его больше никто не трогал». [5.60.]

Но, перерыв продолжался недолго. «ОГПУ, – продолжает Фриш, – превратилась в самодовлеющую организацию, вышедшую из-под контроля тех, кто ее создал. Она должна была оправдывать

свое существование, обеспечивать «работой» свой чудовищно разбухший штат. И она создавала несуществующие дела, втягивая в свой страшный водоворот все возрастающее число людей...

В то время каждый человек хотел найти «причину» любого ареста, «причину», которая его лично не касалась бы и, следовательно, позволяла надеяться, что ему самому ничего не угрожает. Это была естественная психологическая защита против страха, зарождающегося всякий раз, как «пропадал» кто-либо из сослуживцев или знакомых...Мы жили тогда в исключительно напряженном состоянии. Я помню, как позже, во время войны, когда город подвергался бомбежкам, я спросил одну знакомую, очень ли она боится? «Да, конечно, – ответила она. Но разве это идет в сравнение с тем, что я переживала каждую ночь в тридцать седьмом году».

Тогда был арестован ее муж. Она осталась одна с двумя маленькими детьми и каждую ночь ожидала, что придут «забирать» и ее. И так ждали все. Мне лично показалось, что беда подошла к порогу нашего дома, когда арестовали В.А. Фока. Он был моим близким другом.

Помог случай. Об аресте Владимира Александровича узнал в Москве Петр Леонидович Капица. Капица незадолго до того вернулся в Советский Союз из Англии, из Кембриджа, где он длительное время работал в лаборатории Резерфорда. Он успел приобрести мировую славу, и советское правительство шло ему навстречу... В данном случае Капица дал гарантию о невиновности Фока.

Владимир Александрович был отправлен под конвоем из Ленинграда в Москву. Там его препроводили в какой-то огромный служебный кабинет, где за столом сидел маленький человек с узким бледным лицом, в военной форме. Маленький человек задал несколько ничего не значащих вопросов. Потом начал говорить о том, что ученые, оторванные от широкой жизни, может быть, не знают, какими многочисленными врагами окружен Советский Союз, какое количество предательства встречается повседневно, каким надо быть бдительным. Не удивительно, что иногда могут по ошибке пострадать невиновные. Но если ошибка вскрывается, то ее немедленно исправляют.

После этого он объявил, что Владимир Александрович свободен. На вопрос, с кем была беседа, В. Фок к своему удивлению узнал, что разговаривал с Ежовым». [5.61.]

В 1938 году Капица помог освобождению из тюрьмы Л. Ландау – талантливого физика-теоретика в области магнетизма, сверхтекучести и сверхпроводимости, атомного ядра и плазмы, будущего лауреата Ленинской и Нобелевской премии. [5.62.]

Выступая в защиту В. Фока и Л. Ландау, Капица обращался с личными письмами к Сталину, критикуя заодно органы внутренних дел. Когда его спросили, не испытывал ли он страха, когда писал эти письма, и не казалось ли ему, что он входит в клетку с тигром, он ответил: «Я об этом не думал. Я только знал, что это нужно сделать». [5.63.]

Письма П. Капицы послужили одним из факторов, почему ученые-физики, проводившие исследования в области ядерной физики, относительно спокойнее пережили период довоенных репрессий. Конечно, сказались и другие обстоятельства: во-первых, физики не были напрямую связаны с М. Тухачевским. Замнаркома обороны еще не понимал военного значения таких исследований. Во-вторых, имена А. Иоффе, И. Курчатова, И. Тамма, С. Вавилова, Ю. Харитона, А. Алиханова и других уже получили мировую известность. Как уже отмечалось, до войны в России состоялось пять научных конференций по проблемам ядерной физики, на которых присутствовали видные ученые из многих стран. Арест и вынужденное освобождение В. Фока, а позже Л. Ландау послужили уроком для НКВД. Его работники предпочитали не заводить новых дел с такими людьми.

Стоит подчеркнуть, что по своей натуре П. Капица был человеком с чистой совестью, в чем-то наивным и потому оптимистом. В ноябре 1935 года он писал в Великобританию своему учителю Э. Резерфорду: «Жизнь – непостижимая штука. Мы сталкиваемся с трудностями даже тогда, когда пытаемся исследовать какое-нибудь физическое явление. Я думаю, люди никогда не смогут разобраться в человеческой судьбе, особенно такой сложной, как моя. Она представляет такую сложную запутанную комбинацию всякого рода явлений, что лучше не задаваться вопросами о ее логической согласованности. В конце концов, мы все лишь крошечные частицы, плывущие в потоке, который мы называем судьбой. Единственное, что мы можем сделать, – это лишь слегка изменить наш путь и удержаться на поверхности. Поток ведет нас. Поток, который несет русского, – это свежий, могучий, даже завораживающий поток, и потому он груб. Он поразительно подходит для преобразователя, экономиста, но подходит ли он такому ученому как я? Будущее покажет. Во всяком случае, страна серьезно рассчитывает на то, что наука будет развиваться и займет важное место в социальной структуре. Но все здесь новое, и положение науки должно быть заново определено. В таких условиях ошибки неизбежны. Мы не должны

быть слишком строгими судьями, и никогда не забывать, что объект нашей критики – тот, кто прокладывает новые пути...

К своему удивлению, я обнаружил, что в силах вынести даже больше того, что я ожидал, как это было в этом году. Я не мог себе представить, что быть лишенным возможности заниматься научной работой окажется для меня таким испытанием. Но сейчас это позади, во всяком случае самое худшее». [5.64.]

Строительство здания Института физических проблем продвигалось быстро, и его директор постепенно налаживал деловые отношения со своими отечественными коллегами.

О высоком уровне и характере разработок советских физиков в те годы свидетельствуют следующие три факта, число которых при желании можно намного увеличить:

- примерно за год до начала войны, в своем письме в Совнарком, В. Вернадский, А. Ферсман, В. Хлопин указывали на «...огромное количество энергии, выделяющейся при радиоактивном распаде», а также на то, что «в Англии, Соединенных Штатов и Германии лихорадочно ведутся работы, стремящиеся разрешить этот вопрос, и на эти работы ассигнуются крупные средства». Авторы письма утверждали, что «уже сейчас назрело время, чтобы Правительство, учитывая важность вопроса о техническом использовании внутриатомной энергии, приняло ряд мер, которые обеспечили бы Советскому Союзу возможность не отстать в таких разработках от зарубежных стран»;
- в августе 1940 года И. Курчатов, Л. Русинов, Г. Флеров, Ю. Харитон внесли в президиум Академии наук программу научных исследований под общим названием: «Об использовании энергии урана в цепной реакции». Она предусматривала основные направления работы: определение условий разветвления цепи в массе металлического урана. Выяснение влияния нейтронов, возникающих при расщеплении урана-238, на ход цепной реакции в смеси урана и воды. Определение условий осуществления цепной реакции в смеси уран – тяжелая вода. Выяснения вопроса о получении тяжелой воды в больших количествах. Обогащение урана-235 и другие;
- спустя два месяца группа ученых Харьковского физико-технического института (В. Маслов, В. Шпинель, Ф. Ланге) подала заявку на изобретение «Об использовании урана в качестве взрывчатого и отравляющего вещества». [5.65.]

Война резко ограничила возможности проведения в России научных исследований в области использования ядерной энергии, но они продолжались. В ноябре 1942 года ГКО принимает специальное постановление о разведке, добыче и переработке урановых руд. Ученные-ядерщики, находившиеся в эвакуации, возобновили и на некоторых направлениях расширили разработки по использованию атомной энергии как в военных, так и в мирных целях.

В более сложной, иногда трагической обстановке, оказались исследователи и конструкторы, которые непосредственно занимались созданием новых видов вооружения. В предыдущем разделе уже говорилось, что в соответствии со своими прямыми обязанностями и полномочиями замнаркома обороны по вооружению армии длительный период времени ведал М. Тухачевский. Он часто бывал на заводах, в НИИ и конструкторских бюро, лично знал и поддерживал многих руководителей и наиболее талантливых сотрудников таких учреждений. Теперь связи с «врагом народа» обернулись для них арестами, жесткими допросами, иногда расстрелами. Некоторым из них повезло – они остались живы, и даже получили возможность работать по специальности, но за тюремной решеткой.

Сталин и Берия оказались еще и рационализаторами: зачем расстреливать способных конструкторов и разработчиков? Пускай они создают новые самолеты, танки, ракетные установки! В тюрьме можно для этого создать все необходимые условия. Здесь легче следить за тем, чтобы они не занимались антисоветской деятельностью.

Как такой оригинальный подход к творческой интеллигенции осуществлялся на практике, можно проследить на примере конструкторского бюро А. Туполева.

Этот ученый-конструктор был одним из основоположников российской школы авиастроения. Создатель первого в мире цельнометаллического многомоторного самолета со свободнонесущим крылом и расположенными в нем двигателями. Под руководством Туполева создано более 50 оригинальных моделей и десятки модификаций самолетов различного назначения, с помощью которых было установлено свыше 100 мировых рекордов дальности, скорости, грузоподъемности. Особенно «урожайным» выдался 1937 год. В мае АНТ-7 первым из советских самолетов пролетел над Северным полюсом. Через несколько дней здесь высадились участники дрейфующей станции «Северный полюс-1» во главе с И. Папаниным. Вскоре над ними, на знаменитом АНТ-25, пролетели экипажи

Чкалова и Громова. Тем самым был проложен самый короткий путь между СССР и США.

Поэтому просто не верилось, что 21 октября 1937 года, после всех этих успехов, (но, нельзя забывать и другое – спустя полгода после ареста Тухачевского) был взят под стражу Главный авиационный конструктор страны по обвинению в «антисоветской деятельности». Вскоре в тюрьме оказалась почти вся творческая элита авиационной промышленности. Абсурд? Да, абсурд, причем замешанный на кошмарах и мучительных драмах.

Туполев провел в печально известной Бутырке около года. После того, как он стал давать нужные показания и «чистосердечно» признался в том, что никогда не делал, ему предложили отбывать заключение, работая над созданием новых моделей самолетов, но в спецтюрьме. Учитывая, что у него были больные легкие, для которых атмосфера исправительно-трудового лагеря была бы губительной, зная, что для авиаконструктора Поликарпова подобный «эксперимент» закончился удачно, Туполев решил согласиться. Однако он выдвинул при этом одно обязательное условие: его жена Юлия Николаевна, а также дочь и сын останутся на свободе, и никаким репрессиям подвергаться не будут. Выдающийся конструктор приступит к работе только тогда, когда получит от жены соответствующую записку. (Туполев попал в точку – жена была уже арестована, и ее пришлось освобождать).

Осенью 1938 года «черный ворон» доставил его в бывшую Болшевскую трудовую колонию, наскоро переоборудованную в спецтюрьму ЦКБ-29. Здесь ранее уже работали конструкторские бригады его бывших сотрудников В. Петлякова и В. Мясищева. Их перевели в Москву, поскольку проекты будущего Пе-2 и дальнего бомбардировщика Мясищева в чертежах были готовы. Теперь предстояло реализовать их в металле. На освободившиеся места прибыла группа Р. Бартини и часть специалистов, которые должны были работать с Туполевым. Слухи обогнали авторитетного конструктора. Его бывшие и будущие коллеги сделали для него, что могли – подготовили койку у печки. Староста барака Алимов – бывший летчик познакомился с Андреем Николаевичем еще на свободе. Так что «новичок» сразу же оказался среди «своих».

М. Саукке, оказавшийся по воле НКВД в этой же кампании, писал: «Встретив Туполева, одетого в макинтош, с сидором в руке, Алимов повел его в «спальню». Андрей Николаевич достал из сидора пайку черного хлеба. В ней было сделано углубление, в котором

лежали кусочки сахара и маргарин. Андрей Николаевич разрешил выбросить свои бутырские запасы только после заверений Алимова, что «здесь кормят не в пример лучше, чем в Бутырках, и такого есть никто не станет». [5.66.]

Вскоре работы по проекту Бартини были прекращены, и все 17 специалистов подключились к выполнению задания, полученного лично от Берии – создать четырехмоторный пикирующий бомбардировщик «для уничтожения врага в его логове». Само задание было составлено неграмотно. Дальний, а значит тяжелый бомбардировщик, войдя в пике, увеличив скорость, не сможет выйти из него...Но как убедить в этом грозного заказчика, который легко может еще раз обвинить конструкторов в саботаже и вредительстве? Туполев запросил чертежи своего четырехмоторного ТБ-7. Убедился в том, что его можно модернизировать, улучшить все основные параметры, но пикирующего бомбардировщика из него сделать нельзя.

В подготовке докладной записки своему новому «шефу» участвовал весь «мозговой центр» группы. Специалисты собрали, кажется, все аргументы, которые доказывали не только сложность выполнения и практической реализации заданного проекта, но и низкую эффективность, а также уязвимость такой машины в боевой обстановке. Лучше, быстрее и дешевле реконструировать ТБ-7 как новую боевую машину. Одновременно создать двухмоторный, фронтовой, скоростной бомбардировщик, который очень нужен в предстоящей войне и которого у нас пока нет.

Как проходила встреча Туполева и Берии при рассмотрении этой докладной записки, никто рассказать не может. Но конечный результат был в пользу конструкторов. Работа над выполнением нового задания закипела. Трудились шесть дней в неделю, ежедневно по 10 часов, поэтому дело двигалось быстро.

«Жизнь везде пробивает себе дорогу, даже в тюрьме. Арестанты попросили у администрации патефон и домино. Затем возникла мысль своими силами изготовить струнные музыкальные инструменты. Разрешение было получено. Вскоре зазвучали гитары, балалайки, мандолина. Андрей Николаевич любил выступления тюремного оркестра, иногда слушал патефон, в домино не играл. Один раз в два месяца разрешалось свидание с родными, на которые можно было пригласить двух человек...

При очередной встрече с шефом НКВД, после доклада, Туполев стал укладывать в свои карманы папиросы, в изобилии лежавшие на столе. Берия удивился, так как знал, что Туполев не курит,

и спросил, зачем он это делает. Андрей Николаевич сказал, что с куревом у его работников затруднения, да и кормить стали плохо. Тут же был вызван «чин», которому приказали всех обеспечить папиросами по выбору и «кормить как в ресторане»...

Физических движений в полутюремной обстановке было мало, питание хорошее – все стали полнеть. Алимов предложил делать физзарядку. Подъем был в 8 часов для всех. Затем вольные упражнения во дворе, на свежем воздухе. Заканчивались они бегом. Иногда в зарядке принимал участие и Андрей Николаевич. Но бег он заменял ходьбой». [5.67.]

В апреле 1939 года группа Туполева была переведена в Москву, в здание, где над созданием опытных образцов своих новых машин уже сравнительно давно работали коллективы арестантов во главе с В. Петляковым и В. Мясищевым. Этим же делом предстояло заняться и вновь прибывшим. Первым, в апреле 1940 года поднялся в воздух скоростной трехместный истребитель-перехватчик Петлякова-100. Буквально через несколько дней он уже участвовал в первомайском воздушном параде. Все были довольны, и тут же последовало указание «сверху» – сделать из этого истребителя пикирующий бомбардировщик. Так появился на свет ставший широко известным в годы войны Пе-2. – самый массовый фронтовой бомбардировщик. Его создатель Владимир Михайлович Петляков, видимо с учетом последних заслуг, в это же время, то есть в мае 1940 года, постановлением военной коллегии Верховного суда («тройки») под председательством В. Ульриха, был приговорен за антисоветскую деятельность к лишению свободы на 10 лет. Ну, чем не классический театр абсурда?

Самолет Мясищева – дальний высотный бомбардировщик ДВБ-102 был утвержден для опытного строительства в январе 1940 года. Практически его постройка началась только через полгода. У него не было высоких покровителей. Более того – он выступал конкурентом А. Яковлева, который в это время, будучи заместителем наркома авиационной промышленности, проталкивал свой (неудачный) ближний бомбардировщик – ББ-22. Поэтому рождение ДВБ-102 происходило в замедленном темпе. Его опытный образец вывезли на аэродром только зимой 1942 года. Это не значит, что Яковлев специально мешал конструктору из «шарашки». Началась война. Затем эвакуация. Барьеры и ямы попадались на каждом шагу. Вскоре, при перелете в Москву, в воздушной катастрофе погиб В. Петляков. Мясищеву поручили как

конструктору сопровождать осиротевшую машину в процессе освоения ее серийного производства. Его собственный «птенец» – ДВБ, по независящим от «отца» причинам, до конца войны так и не «встал на крыло».

Туполев в конце января 1940 года направил на имя Берии заявление с просьбой о пересмотре его дела, в котором сообщал: «Все сказанное в подписанных мною протоколах допроса в действительности ничему не соответствует и является полнейшим вымыслом... я никакой антисоветской организации не создавал, никаких антисоветских настроений не имел, никогда никакого вредительства не вел».

Его заявление было подшито к делу. Может быть, потому, что Ту-2 еще не поднялся в воздух, та же тройка под председательством Ульриха решением от 28 мая 1940 года заочно присудила Туполева к 15 годам ИТЛ. Как свидетельствуют документы, осужденный был ознакомлен с решением коллегии.

В. Мясищев получил всего 10 лет.

Вся эта плохо пахнущая «игра» с объявлением необоснованных приговоров выдающимся конструкторам в 1940 году никак не согласуется с Постановлением Совнаркома и ЦК от 17 ноября 1938 года «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Оно было подписано Молотовым и Сталиным и должно было бы означать конец произволу и беззаконию в действиях правоохранительных органов. Официально на высшем уровне было заявлено, что «крупнейшим недостатком работы органов НКВД является глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины... Нередки случаи, когда в протокол допроса не записываются показания обвиняемого, опровергающие те или другие данные обвинения. Следственные дела оформляются неряшливо, в дело помещаются черновые, неизвестно кем исправленные и перечеркнутые карандашные записи показаний... Органы прокуратуры со своей стороны не принимают необходимых мер к устранению этих недостатков, сводя, как правило, свое участие в расследовании к простой регистрации и штампованию следственных материалов.

Такого рода безответственным отношением к следственному производству и грубым нарушением установленных законом процессуальных правил нередко умело пользовались пробравшиеся в органы НКВД и Прокуратуры – как в центре, так и на местах – враги народа. Они сознательно извращали советские законы, совершали

подлоги, фальсифицировали следственные документы, привлекая к уголовной ответственности и подвергая аресту по пустяковым основаниям и даже вовсе без всяких оснований, создавали с провокационной целью «дела» против невинных людей...».[5.68.]

Если это было сказано искренне, с целью исправить грубые ошибки, то дело А. Туполева и других специалистов нужно было направить хотя бы на доследование. Но Россия всегда относилась к числу тех стран, где действует два правовых стандарта: один – для простых граждан, которые при нарушении закона подвергаются наказанию, другой – для государственных органов и лиц, которые обладают властью или большими деньгами. Для них, как говорится, «законы не писаны». К таким людям относились и тогдашние руководители страны: в ноябре 1938 года они публично осудили практику наказания невиновных людей, а в мае 1940 года – дали согласие на приговор, который предусматривал для Туполева 15 лет заключения безо всякой вины. Он получил свободу лишь 27 июня 1941 года – «помогло» начало войны.[5.69.] Между тем строительство опытного образца его машины продолжалось. Ее первый вылет состоялся в январе 1941 года. Самолет «103» (так его временно «окрестили») быстро и успешно прошел испытания в НИИ ВВС. В официальном заключении отмечалось: «Самолеты 103 и 103У (модификация) по своим летным данным превосходят все известные самолеты этого типа и полностью разрешают задачу вооружения ВВС фронтовыми пикирующими бомбардировщиками...

Самолет 103, имеющий скорость современного истребительного самолета и прошедший первый этап государственных испытаний, рекомендовать к постройке в качестве многоцелевого самолета, который может выполнять задачи бомбардировщика и истребителя».[5.70.]

Начался новый трудный этап освоения серийного производства Ту-2, уже в условиях войны. Теперь судьба машины мало зависела от А. Туполева.

Вот так на практике выглядела «борьба противоположностей», которая резко затормозила развитие советской авиации и, если говорить конкретно, на два-три года задержала появление на фронтах Отечественной войны Пе-2 и Ту-2, дальнего бомбардировщика В. Мясищева, а также новых истребителей. Это была одна из причин, почему СССР уступил немцам господство в воздухе в 1941–1942 годах...

Двойственная политика в верхах вызывала подражание у тех, кто стоял на ступеньку ниже, в том числе в руководстве авиационной промышленностью. Сталин повернулся спиной к конструкторам – представителям «старой» интеллигенции» и всячески поддерживал «молодежь»: А. Яковлева, А. Микояна, С. Лавочкина. Те, в свою очередь, не стеснялись лишний раз ударить по «старикам», в том числе ниже пояса. Показательна в этом отношении доверительная беседа Сталина с Яковлевым, состоявшаяся в конце марта 1941 года. На вопрос «хозяина»: «Вы считаете, что основная масса наших истребителей не может противостоять немецким?» замнаркома авиационной промышленности отвечает: «Им могут противостоять лишь наши новые истребители «МиГ», «Як» и «Лагг», которые появились в образцах лишь в 1940 году, но сейчас запущены в серийное производство. К сожалению, товарищ Сталин, сравнение наших бомбардировщиков с немецким «Юнкерсом-88» тоже не в нашу пользу. По скорости, по бомбовой нагрузке немцы имеют преимущество и в бомбардировочной авиации...Самолета же для взаимодействия с сухопутными войсками, подобного немецкому пикирующему бомбардировщику «Юнкерс-87», у нас нет». [5.71.]

Это заявление Яковлева, мягко говоря, не во всем соответствовало действительности. Говоря об истребителях, он обходит молчанием новые боевые машины Н. Поликарпова. О характере отношений к «старому» конструктору «сверху» свидетельствует и тот факт, что в декабре 1939 года, в то время как Поликарпов находился в командировке в Германии, воспользовавшись его отсутствием, на заводе № 1, где он руководил созданием новых машин, организовали параллельный конструкторский отдел во главе с Артемом Микояном. Во вновь созданное подразделение перевели 80 лучших работников из КБ Поликарпова со всеми чертежами и наработками по новому истребителю. Таким образом, можно сказать: из родильного дома вывезли чужого ребенка и дали ему имя МиГ-1. Справедливости ради, стоит отметить, что после внедрения этой машины в серию, Поликарпову все же дали премию за участие в ее создании. [5.72.]

Но приключения Николая Николаевича на этом не закончились. Имея достаточный запас новых идей и наработок, опытный и талантливый конструктор, вместе с остатками от своего коллектива начал интенсивно работать над перспективным истребителем Его первый вариант был опробован в воздухе уже в январе 1941 года. Но подвели моторостроители. Они запаздывали с созданием мощного двигателя. В связи с этим мотор пришлось менять несколько

раз. Наконец, остановились на М-71. С этим мотором И-185 на высоте 6100 м достиг скорости 680 км/ч. По оценке НИИ ВВС этот самолет превосходил все истребители мира 1942 года: он был одновременно скоростным и маневренным. Важное его преимущество – мощное вооружение: три 20 мм пушки. Он был у нас единственным истребителем, который мог поднять 500 кг бомб. Дальность полета – 1000 км. Истребитель успешно прошел испытания, и его готовили к серийному производству. При контрольном полете на дальность засорился карбюратор, мотор заглох, самолет упал на землю, летчик погиб.

Все это никак не было связано с конструкцией самолета, но было достаточным, чтобы перечеркнуть его дальнейшую судьбу.[5.73.] А. Яковлев как замнаркома по опытному производству при сем присутствовал, но ничем не помог, поскольку И-185 бросал густую тень на его «Яка».

Нельзя согласиться с оценкой Яковлева, что в то время «у нас не было фронтового самолета для взаимодействия с сухопутными войсками, подобного «Юнкерсу-87». Такие самолеты – это Пе-2 и Ту-2. Но им мешали взлететь. Нет оснований утверждать, что это делал непосредственно сам Яковлев. Но и не помогал, хотя это и входили в его служебные обязанности. А без помощи «сверху» практически было почти невозможным пробиться через дефициты моторов, металла, мощностей. Ведь неслучайно Сталин лично обратился к конструктору моторов Климову, чтобы тот выделил четыре экземпляра мотора М-105 специально для конструктора самолетов А. Яковлева.

Одним словом – конкуренция между конструкторами была не всегда честной и открытой. К сожалению, подобные очаги и язвочки опасной болезни – нездоровой конкуренции за «теплое место», за привилегии, за власть над людьми распространялись, в большей или меньшей степени, среди всех слоев, но особенно быстро – в системе партийного руководства и государственного управления, особенно на верхних его этажах. При этом у многих болезнь сопровождалась потерей способности творчески мыслить, ломкой нравственного стержня в человеке, трансформацией его жизненных ценностей, прогрессирующим развитием цинизма. Позже эту элитную прослойку не совсем точно назовут «партийно-советской номенклатурой».

Не случайно в это время появились крылатые фразы и анекдоты: «он всегда имел собственное мнение, но чаще всего был с ним не согласен»; «думает одно, говорит другое, делает третье»; «на вопрос

анкеты, были ли колебания в проведении линии партии, отвечал: нет, не было – колебался вместе с линией».

Н. Хрущев признается в своих воспоминаниях: «Мы смотрели на все глазами Сталина: коллективизация идет, Сталин вовремя повернул руль, все увидел и опубликовал письмо «Головокружение от успехов». Мне неизвестно даже сейчас, какие реальные были у нас успехи. Тогда же, собственно, мы об этом и не задумывались: раз Сталин сказал, значит так и есть. Мы просто не понимали, не замечали фактов». [5.74.]

В качестве иллюстрации поведения таких людей можно привести также отрывок из воспоминаний дочери А. Рыкова – Наташи: в 1935 году они всей семьей присутствовали в театре на юбилейном спектакле. «В одном ряду с нами сидел Ягода с женой. Оба они делали вид, что не видят нас, не здоровались. Отец обратил на это внимание. Когда же в зал при полу погашенном свете, на свои места в первом ряду входили члены Политбюро, из их строя вышел Орджоникидзе, миновал разделявшие нас 7–8 рядов, подойдя, обнял меня, пожал руки родителям, спросил что-то о здоровье, делах. По тому времени это было даже как-то демонстративно». [5.75.]

Сталин сознательно искоренял чувства порядочности, совести, принципиальности в характерах близко стоявших к нему людей. Так он арестовывал жен и братьев членов Политбюро. Снял брата Л. Кагановича с поста наркома и довел его до самоубийства. Все молча терпели, показывая тем самым полную лояльность «хозяину» и невысокую степень порядочности по отношению к своим близким. Неудивительно, что они были готовы подписать любую бумагу, если этого хотел Сталин. Однако в этом была не сила, а слабость системы. Началось ее увядание...

Означает ли это, что Сталин сломил и подчинил себе всех и вся. Нет, не значит. Сначала сопротивление его произволу было массовым и открытым. Но поскольку в распоряжении генсека находился мощный и разветвленный силовой аппарат, который тоже не отличался ни нравственностью, ни порядочностью, он без больших усилий направил каток репрессий против действительных и мнимых противников. В результате масса людей погибла. Многие замкнулись, ушли в себя. Некоторые перебрались в подполье или уехали за границу, и оттуда продолжали вести борьбу с помощью печатных изданий и устных выступлений, других методов.

Длительное время Сталин не мог заручиться общей поддержкой в партии. На мартовском (1937 г.) пленуме ЦК он сам привел

данные о количестве исключенных из партии: начиная с 1922 года, то есть после того как Ленин серьезно заболел, из партии было исключено 1,5 миллиона человек, то есть столько же, сколько состояло в ней весной 1937 г. Из них только за два предыдущих года было исключено 300 тыс. Таким образом, в течение пятнадцати лет из партии был исключен каждый второй. Причем за последние два года этот процесс расширился. [5.76.]

Конечно, не все исключенные из партии были активными антисталинистами. Но их нельзя назвать и его сторонниками. Были и организованные группы, которые выступали против культа личности Генерального секретаря. Из них наибольшую известность получил «Союз марксистов-ленинцев» во главе с М. Рютиным. Сам он сибиряк, из крестьянской семьи. С детства тянулся к знаниям. Стал сельским учителем. Активно участвовал в революции и Гражданской войне. Затем – на партийной работе. Постоянно занимался самообразованием, в том числе философией. Выступал против троцкистской и зиновьевской оппозиции. В конце двадцатых – начале тридцатых годов стал резко критиковать политику Сталина, призывал к активным действиям против него. «В настоящее время недовольна и возмущена политикой Сталина вся страна, – писал он. – Все или почти все рабочие и подавляющее большинство партии. Все возмущены, все фрондируют, но дальше бессильного, беспомощного фрондирования и шушуканья не идут...Пора, однако, покончить с одним беспомощным пересказыванием бесчисленных фактов, иллюстрирующих гибельность сталинского руководства. Надо наряду с этим ставить и разрешать конкретные задач по устранению этого руководства...

Для борьбы за уничтожение диктатуры Сталина надо в основном рассчитывать не на старых вождей, а на новые силы. Эти силы есть, эти силы будут быстро расти. Выдвинутся неизбежно новые вожди, новые организаторы масс, новые авторитеты». [5.77.]

Нашелся предатель, который донес в ЦК о настроениях и высказываниях Рютина. Его арестовали. Сталин на заседании Политбюро предложил Рютина расстрелять. Однако большинство не поддержало такое решение – действовало еще неписаное правило: старых большевиков не расстреливать. Возмутитель спокойствия получил 10 лет тюрьмы. Рютина расстреляли в начале 1937 года, когда вступили в действие другие неписаные правила. При этом власти старались сделать все, чтобы дело и имя Мартемьяна Рютина были вычеркнуты из истории партии и памяти страны.

Следует указать также на существование в тот период движения пассивного сопротивления произволу – защитников бедствующих ученых и других представителей интеллигенции. Среди них уже назывались М. Шолохов, П. Капица, Гризодубова и другие. В этой связи нельзя не отметить активную переписку А. Горького с членами правительства. Во многих случаях в его письмах речь шла об оказании помощи и поддержки конкретным людям, прежде всего из рядов интеллигенции, попавшим в трудную ситуацию. Например, в письме Молотову в сентябре 1934 года он просит рассмотреть вопрос о присуждению Ивану Петровичу Павлову звания Героя труда и тут же просит выделить квартиру Алме Кусургашевой – аспирантке Института мирового хозяйства, которая ютится в одной коморке с сестрой и домработницей. В письме А. Андрееву Горький предлагает объединить Ленинградский институт русской литературы, с вновь создаваемым в столице Литвузом, который, помимо подготовки литературных кадров, будет заниматься и научно-исследовательской работой, но у него нет библиотеки и собрания рукописей. У Ленинградского института есть и то, и другое. [5.78.]

Вместо заключения

Баланс социально-экономического развития России в тридцатые годы по большому счету имеет свои активы и пассивы.

Активы

- *Россия завершила в основном переход в условия новой индустриальной цивилизации, начавшийся в конце XIX века.* В стране были созданы современные производительные силы и освоены соответствующие их характеру организационные формы, а также индустриальные методы труда в сфере промышленности, строительства, транспорта и, частично, сельского хозяйства. На долю промышленности приходилось больше половины созданного национального дохода. Ядро новых производительных сил сформировали современная наука, мощный инженерно-технический персонал, квалифицированные рабочие массовых профессий, а также новое поколение руководителей и организаторов производства.
- В России была *создана, если не лучшая, то во всяком случае одна их лучших в мире систем народного образования*, включая массовую высшую школу. Это позволило сократить культурное, научное и технологическое отставание России от развитых стран мира. В короткий срок была ликвидирована неграмотность среди взрослого населения до 50 лет.
- *Начал формироваться новый средний класс по признаку образованности и культуры.* В структуре населения существенно увеличилась доля интеллигенции, в том числе, ученых, руководителей предприятий, конструкторов, инженеров, учителей, врачей, писателей, артистов, художников, служащих. Взаимовлияние национальных особенностей отдельных народов, входивших в состав СССР, способствовало обогащению их общей культуры и сохранению разнообразия ее конкретных форм.

- Опираясь на широкую научно-исследовательскую базу как фундаментального, так и прикладного характера, *отечественные ученые активно работали во всех сферах мировых знаний, занимая на ряде направлений ведущее место.*
- На базе государственной и кооперативной собственности начал формироваться *новый социально-экономический уклад*, который, даже не в завершенном виде, *позволил выиграть соревнование с развитыми странами по темпам экономического развития, в том числе по темпам повышения производительности труда в промышленности.* Это был главный метод преодоления экономического отставания России от развитых стран. Однако все еще сохранялся существенный разрыв в уровнях *экономической эффективности* (производства национального дохода в расчете на душу населения).
- Решающее значение для финансирования крупномасштабной технологической реконструкции и обновления страны играла *финансовая монополия государства.* Она выиграла соревнование с частными монополиями капиталистических стран по масштабам и эффективности использования финансовых ресурсов страны для достижения напряженных общенациональных целей. Только с ее помощью новая экономическая система и механизм ее управления смогли выдержать чрезмерные перегрузки, возникшие в связи с необычными масштабами капитальных вложений в тяжелую промышленность и резко возросшими расходами на оборону.
- *Улучшилось качество жизни населения*, главным образом за счет структурных сдвигов в обществе: повышении доли городского населения, квалифицированных рабочих, интеллигенции, ликвидации безработицы, динамичного развития образования, здравоохранения, спорта, а также системы доступных для населения пансионатов, домов отдыха, детских учреждений, дешевого транспорта.
- Созданы современные виды вооружений и частично освоен их серийный выпуск. Это позволило *многократно укрепить обороноспособность страны*, в 1941–1942 годах сдержать мощное вторжение германских войск и, в конечном итоге, выиграть Отечественную войну.

Пассивы и потери

- Питание населения как в городах, так и в сельской местности, особенно среди низкооплачиваемых слоев населения, заметно не улучшилось, а в ряде случаев даже ухудшилось в связи с провалами в аграрном секторе
- Были допущены две крупные ошибки в политике по отношению к крестьянству: первая – возврат в деревне к продразверстке, причем в худших ее формах. Вторая – создание перекошенного, малоэффективного хозяйственного механизма на крестьянских землях. Поспешная, непродуманная попытка объединения крестьян на кооперативных основах, без надлежащей оплаты их труда привела к тому, что колхозники под разными предлогами отказывались работать в обобществленном хозяйстве. При этом машинная техника оказалась в собственности государства (МТС), которое интересовалось, прежде всего тем, как в текущем году заготовить зерна побольше и подешевле. Поэтому труд механизаторов также оплачивался невысоко. Таким образом, среди тех, кто работал на коллективном поле, не было людей, заинтересованных в повышении урожайности с каждого гектара и увеличении общих сборов зерна. Колхозник жил за счет приусадебного участка, применяя ручные орудия труда при крайне высоком уровне его интенсивности. В целом хозяйственный механизм, применявшийся в то время в сельском хозяйстве, отличался низкой эффективностью при высокой трудоемкости и крупных финансовых затрат со стороны государства. В результате – стагнация валовых сборов зерна, падение производства продукции животноводства и трудности в снабжении продовольствием.
- Разрушение под влиянием перегрузок денежной системы и рыночных отношений в первой пятилетке. Остался только плановый механизм и административные рычаги управления, которые априори из-за своего низкого качества не могли обеспечить сбалансированного и эффективного развития экономики. В качестве противовеса этого недостатка в управлении народным хозяйством применялись два основных метода: сверхцентрализация распределения основной массы ресурсов и крайне жесткие меры наказания (репрессии) за большие и малые упущения в руководстве конкретными хозяйственными объектами. Это способствовало развитию бюрократизма, уходу от ответственности, сковывало инициативу и порождало массовый обман. Сталин на одном

из пленумов ЦК приводил такой факт: московские власти отрапортовали, что в 1930 году коллективизация охватила 85 % крестьянских хозяйств. Начали проверять – оказалось только 8 %.[5.79] В высших эшелонах партийного руководства и государственного управления стали преобладать карьеристы, циники, люди без принципов, убеждений и элементарной совести. Они молчали, когда нужно было кричать. Делали вид, что ничего не произошло, когда свирепствовал голод. Послушно голосовали за расстрел, хотя знали, что обвиняемый никаких преступлений не совершил. Садистски пытали и расстреливали невиновных людей работники силовых структур. В государственном организме, где такие люди захватили ключевые посты, возникали раковые опухоли и метастазы, которые быстро расползались, парализуя один за другим органы жизнеобеспечения страны.

Сальдо активов и пассивов

В своем докладе «О проекте новой Конституции Союза ССР» в 1936 году И. Сталин торжественно объявил: «Наше советское общество добилось того, что оно уже осуществило в основном социализм, создало социалистический строй».[5.80] (Подчеркнуто мною – *Р.Б.*) С такой оценкой трудно согласиться, если руководствоваться ленинским критерием обоснования победы нового строя, а именно: достижение более высокой производительности в национальном масштабе, то есть более высокой эффективности функционирования всей системы национальной экономики.

К концу тридцатых годов СССР значительно опередил развитые страны в воспроизводственном процессе по ряду важных макропоказателей. Но как уже отмечалось, он все еще существенно отставал *по уровню* эффективности использования имеющихся ресурсов, в том числе производительных сил как в национальном масштабе, так и на конкретных рабочих местах, особенно в сельском хозяйстве. Закономерно поэтому, что и по многим параметрам качества жизни населения, в том числе по душевому потреблению материальных и культурных благ, Россия также отставала от стран, которые хозяйствовали более экономично и результативно. Отсюда следует, что перед войной страна находилась лишь на начальном этапе строительства нового экспериментального социально-экономического уклада, причем обнаружилось, что в конструкции его модели были допущены ошибки принципиального характера.

Примечания

Введение

1. Промышленность СССР, стат. сборник, М. 1957, с. 22.
2. Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР, М. 1939, с. 6 и 59.
3. Ильин И. А. О грядущей России, М. 1993, с. 13.
4. Куманев Г.А. Рядом со Сталиным, М.1999, с. 22.
5. Аллилуева Светлана, Двадцать писем к другу, М. 1989, с. 8 и 9.
6. Патоличев Н. С. Испытание на прочность, М. 1977, с. 109.
7. Грабин В.Г. Оружие победы, М. 2000, с. 260-261.
8. Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина, М. 1998, с. 43-44.

Глава 1

1.1. См. Ленин В.И., ПСС, т. 45, с. 343 и сл.
1.2. См. Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, с. 157.
1.3. См. В. Старцев, Л.Д. Троцкий (страницы политической биографии), М. 1989, с. 26.
1.4. ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 238, л. 2.
1.5. Троцкий Л.Д., К истории русской революции, М. 1990, с. 168, 169, 171.
1.6. Ленин В.И., ПСС, т. 44, с. 364.
1.7. Троцкий Л.Д., К истории русской революции, М. 1990, с. 162, 200–201.
1.8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, М. 1954, ч. 1, с. 785.
1.9. В. Бонч-Бруевич, Смерть и похороны Владимира Ильича, М. 1925, цитирую по ж. Коммунист, 1989, № 1, с. 42–43.
1.10. См. Тринадцатый съезд РКП(б), стенографический отчет, М. 1924, с. 153 и сл.
1.11. Троцкий Л., К истории русской революции, М. 1990, с. 269.
1.12. За ленинизм, М-Л. 1925.
1.13. XIV съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1926, с. 412–413.
1.14. Там же, с. 971.
1.15. КПСС в резолюциях и решениях съездов..., М. 1954, ч. 2, с. 290–291.
1.16. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, 1925–1936 гг. М. 1996, с. 11.
1.17. Известия ЦК КПСС, 1990, № 7, с. 72–75.

1.18. ЦПА, ф. 3, оп. 1, е.х. 2815, л. 4, 32, 62, 98, 101.
1.19. ЦПА, ф. 17, оп. 2, е.х. 128, л. 93 и 94.
1.20. ЦПА, ф. 17, оп. 2, е.х. 397, л. 9.
1.21. Там же, л. 81-91, 93, 245.
1.22. КПСС в резолюциях..., т. 5, с. 48.
1.23. Сталин И.В., соч., т. 12, с. 166.
1.24. ЦПА, ф. 79, оп.1 ед. х. 684, л. 6.
1.25. XIV съезд ВКП(б), стенграф. отчет, М-Л, 1926, с. 516.
1.26. ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 317, л.15.
1.27. Кржижановский Г. Проблемы планирования, М. 1934, с. 361, 362, 363.
1.28. ЦПА, ф. 79, оп. 1, ед.х. 52, л. 17.
1.29. Контрольные цифры народного хозяйства и культурного строительства РСФСР на 1928/29 год, М. 1928, с. 7.
1.30. ЦПА, ф. 79, оп. 1, е.х. 764, л. 6.
1.31. Там же.
1.32. Бухарин Н.И., Избранные произведения, М. 1988, с. 123.
1.33. ЦПА, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 432, л. 1.
1.34. Струмилин С.Г. На плановом фронте, с. 221.
1.35. Лапидус И., Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства, М.-Л. 1930, с. 455–456.
1.36. Там же, с. 464.
1.37. КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 72.
1.38. Там же, с.136 и 137.
1.39. XV съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1962, ч. 2, с. 943.
1.40. Там же, с. 1441 и сл.
1.41. ЦПА, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 680, л. 3,5,6-9.
1.42. XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, М-Л, 1930, с. 27.
1.43. Итоги выполнения первого пятилетнего плана, М. 1933, с, 255.
1.44. ЦПА, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 666, л. 1-2.
1.45. Там же, ед. хр. 660, л. 3–5.
1.46. ЦПА, ф.3,оп.1, л.1.
1.47. ЦПА, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 777.
1.48. ЦПА, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 798, л. 5–6.
1.49. Там же, л. 8.
1.50. ЦПА, ф. 3, оп. 1, ед. хр. 5229, л. 3.
1.51. КЦСС в резолюциях... т. 4. с. 75.
1.52. Ж. «Народное хозяйство», 1918, № 11, с. 53.
1.53. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, т. 2, с. 370.
1.54. История социалистической экономики СССР, т. IV. М., 1978, с. 36.
1.55. Емельянов В. На пороге войны. Годы и люди. М. 1971, с. 54.
1.56. СЗ. 1933. № 58. Ст. 346.
1.57. История государства и права СССР, ч. 2, М., 1981. с. 228.
1.58. Крук Д.М. Развитие теории и практики управления производством в СССР. М., 1974. с. 79.

1.59. КПСС в резолюциях... т. 4. с. 479.
1.60. СЗ, 1935, од. 1, № 29, ст. 154.
1.61. История социалистической экономики СССР, т. 4, с. 40.
1.62. Там же, с. 40–41.
1.63. КПСС в резолюциях... т. 4. с. 199.
1.64. Методика и практика социалистической рационализации, Л, 1932.
1.65. См. ЦИО НКТИ. Организация производства в машиностроении. М., 1937.
1.66. Организация производства и управления на заводах сельскохозяйственного машиностроения. М., 1939.
1.67. См.: Организация машиностроительного производства. М.-Л. 1941.
1.68. Съезды Советов, в постановлениях и резолюциях, М. 1935, с.405, 410, 416.
1.69. Там же, с. 437.
1.70. Там же, с. 477.
1.71. Коржихина Т. История государственных учреждений СССР М. 1986, с. 257.
1.72. Там же, с. 191.
1.73. ЦПА, ф. 17, оп.2, д. 665, л. 35 и 36.
1.74. Патоличев Н. Испытания на зрелость, М. 1977, с. 95–96.
1.75. Ленин В.И. ПСС, т. 36, с. 200.
1.76. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1953. с. 360–361.
1.77. Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. М., 1935, с. 120.
1.78. Там же, с. 121.
1.79. Яковлев А. Цель жизни. Записки авиаконструктора, М. 1974, с. 76–77.
1.80. КПСС в резолюциях... т. 5. с. 387.
1.81. ЦПА, ф. 25, оп. 29, ед. хр. 16, л. 16.
1.82. Новиков В. Накануне и в дни испытаний. М. 1988, с. 12–13.
1.83. Там же, с. 18–19.
1.84. История социалистической экономики СССР. Т. III. М., 1977. с. 132–135.
1.85. Хрущев Н. Воспоминания, время, люди, власть, М. 1999, с. 39 и 40.
1.86. Парамонов И. В. Учиться управлять: Мысли и опыт старого хозяйственника. М., 1983. С. 159–160.
1.87. Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. с. 203.
1.88. Бейлин А. Е. Кадры специалистов СССР, их формирование и рост. с. 216.
1.89. КПСС в резолюциях... т. 5. с. 176.
1.90. ЦПА, ф. 85, оп. 29, .ед. хр. 397, л. 1–2.
1.91. История социалистической экономики СССР, т. III. с. 135.
1.92. Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции. М., 1948. с. 18–19.

1.93. КПСС в резолюциях... т. 4. с. 472.
1.94. КПСС в резолюциях..., т. 7, 1985, с. 87.
1.95. Там же, т. 4. с. 327.
1.96. Там же, с. 473.
1.97. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 36. С. 206.
1.98. Вознесенский Н. А. Избранные произведения. М.,1979, с. 17.
1.99. Колотое В. В. Николаи Алексеевич Вознесенский. М. 1976, с. 196–197.
1.100. Яковлев А. Цель жизни. Записки авиаконструктора, М. 1974, с. 76,77.

Глава 2

2.1. XV съезд ВКП(б), стенографический отчет, М.-Л. 1928, с. 792.
2.2. Кржижановский Г. Проблемы планирования, 1934, М. с. 398.
2.3. См. Багданович И., К теории и методологии планирования, М. 1932, с. 49, Гладков И., Очерки истории социалистического планирования, М.- Л. 1939, Промышленность СССР, М. 1964, с. 36.
2.4. Индустриализация Советского Союза, М. 1999, ч. 2, с. 42 и сл.
2.5. См. КПСС в резолюциях и решениях...М. 1984, т. 4, с. 429 и сл.
2.6. Сталин И. Соч. т. 12, с. 102.
2.7. XVI конференция ВКП(б), стенографический отчет, 1929, М. с. 4–5
2.8. Там же, с. 9–10.
2.9. Там же, с. 15.
2.10. Там же, с. 28.
2.11. Там же, с. 297–298.
2.12. Съезды Советов в постановлениях и резолюциях, М. 1935, с. 410 и сл.
2.13. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, М. 1996, с. 31 и 41.
2.14. Микоян А. М. Так было, М. 1999, с. 289.
2.15. XIV съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1926, с. 506.
2.16. Шелестов Д. Время Алексея Рыкова, М. 1990, с. 383.
2.17. Там же, с. 26–27.
2.18. XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, М.-Л. 1930, с. 292.
2.19. Там же, с. 38.
2.20. Там же, с. 27.
2.21. Там же, с. 44.
2.22. Там же, с. 482 и 483.
2.23. Промышленность СССР, М. 1957, с. 106.
2.24. Промышленность СССР, М. 1957, с. 225, 226, 230.
2.25. Итоги выполнения первого пятилетнего плана...М. 1933, с. 253.
2.26. Там же, с. 254.
2.27. Промышленность СССР, М. 1957, с. 32 и 34; Итоги выполнения первого пятилетнего плана...М. 1933, с. 254.
2.28. Итоги выполнения первого пятилетнего плана...М. 1933, с. 255.
2.29. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности, М. 1929, с. 68 и 70, Итоги выполнения пятилетнего плана.., с. 95.
2.30. История социалистической экономики СССР, М. 1977, т. 3, с. 195.
2.31. Итоги выполнения пятилетнего плана.., с. 99–101.

2.32. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности, М. 1929, с. 62–63, Итоги выполнения пятилетнего плана.., с. 195.
2.33. Съезды Советов, М. 1935, с. 411, Промышленность СССР, М. 1957, с. 106.
2.34. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29 – 1932/33 гг. Доклад В.В. Куйбышева, М. 1929, с. 18.
2.35. Там же, с. 106, 109, 117, 123. Промышленность СССР, М. 1957, с. 199, 328, 351.
2.36. Промышленность СССР, М. 1957, с. 378,381, 392, 399. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29 – 1932/33 гг. Доклад В.В. Куйбышева, М. 1929, с. 18.
2.37. ЦПА, ф. 85, оп. 29, л. 40.
2.38. Молотов, Задачи второй пятилетки, М. 1934, с. 10.
2.39. Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М. 1939, ч. 1, с.71.
2.40. XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1934, с. 356–358 и 661.
2.41. Там же, с. 435.
2.42. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, М.1934, ч.1, с. 29. Промышленность СССР, стат. сборник, М. 1957, с. 34.
2.43. ЦПА, ф. 85, оп. 29, ед. хр. 365, л. 17.
2.44. Там же, ед. хр. 97, л. 7.
2.45. Итоги выполнения второго пятилетнего плана.., с. 21.
2.46. Промышленность СССР, М. 1957, с. 212.
2.47. Там же, с. 214.
2.48. Там же, с. 228 и 230.
2.49. Там же, с. 220, 222, 223.
2.50. Промышленность СССР, М. 1957, с. 171; Итоги выполнения второго пятилетнего плана.., с. 97
2.51. Промышленность СССР, М. 1957, с. 128.
2.52. История социалистической экономики СССР, М. 1977, т. 4, с. 181.
2.53. Промышленность СССР, М. 1957, с. 135.
2.54. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, М.1934, ч.1, с. 124, 430; Промышленность СССР, М. 1957, с. 140, 151, 165.
2.55. XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1934, с. 387 и 388.
2.56. Народное хозяйство СССР, 1922-1972, М. 1972, с. 172; Промышленность СССР, М. 1957, с. 192, 194, 196, 199.
2.57. Первый в мире, Ярославль, 1982, с. 3.
2.58. Макаров А. Полвека Ярославскому каучуку. Ярославль, 1982, с. 20.
2.59. Там же, с. 8 и 21.
2.60. XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1934, с. 386.
2.61. Емельянов В. На пороге войны, годы и люди, М. 1971, с. 109–112.
2.62. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на

1928/29 – 1932/33 гг. Доклад В.В. Куйбышева, М. 1929, с. 90.
2.63. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, М.1934, ч.1, с. 430; Промышленность СССР, М. 1957, с. 196.
2.64. В. Лельчук, Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М. 1984, с.228-229.
2.65. Контрольные цифры пятилетнего плана промышленности на 1928/29 – 1932/33 гг. Доклад В.В. Куйбышева, М. 1929, с. 18.
2.66. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, М.1934, ч.1, с. 150, 431; Промышленность СССР, М. 1957, с. 199. 323.
2.67. Промышленность СССР, М. 1957, с. 3?3, 378, 392, 399; Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР, М.1934, ч.1, с. 185, 431.
2.68. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 18.
2.69. См. Экономическая история России, М. 2000, книга 2, с. 166 и сл.
2.70. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 18.
2.71. Там же, с. 288 и 289.
2.72. Вознесенский Н. Избранные произведения, М. 1979, с. 412.
2.73. Промышленность СССР, М. 1957, с. 34. Маршал Г.К. Жуков, Воспоминания и размышления, М. 1990, т. 1, с. 300.
2.74. Промышленность СССР, М. 1957, с. 40–41.
2.75. Там же, с. 41–42.
2.76. Там же, с. 49.
2.77. Андрей Николаевич Туполев. Грани дерзновенного творчества, М. 1989, с. 23–24.
2.78. Виноградов Р. и Пономарев А., Развитие самолетов мира, М. 1991, с. 119.
2.79. Там же, с. 132.
2.80. Яковлев А. Цель жизни, М. 1987, с. 159.
2.81. Шахурин Крылья победы, М. 1983, с. 5,6 и 7.
2.82. Там же, с. 54.
2.83. Энциклопедия танков, М. 1998, с. 111.
2.84. Дмитриев В.И. Советское подводное кораблестроение, М. 1990, с. 169.
2.85. Энциклопедия танков, М. 1998, с. 275.
2.86. Попель Н. В тяжкую пору. М. 2001, с. 469.
2.87. Оружие победы, М. 1987, с. 8.
2.88. Там же, с. 38.
2.89. Грабин В. Оружие победы, М. 2000, с. 3.
2.90. Там же, с. 110 и 116.
2.91. Там же, с. 208–209 и 213–214.
2.92. Там же, 260.
2.93. Вознесенский Н. Избранные произведения, М. 1979, с. 422.
2.94. Оружие победы, М. 1987, с. 8–9.
2.95. Вернидуб И. Боеприпасы победы, М. 1998, с. 9.
2.96. Яковлев Н. Об артиллерии и немного о себе, М. 1988, с. 65.

2.97. Ванников Б. Записки наркома, ж. «Знамя» 1988, с. 150.
2.98. Маршал Жуков Г.К. Воспоминания и размышления, М. 1990, ч. 1, с 302.

Глава 3

3.1. История советского крестьянства, М. 1986, т. 1, с. 330.
3.2. Население России в XX веке, т. 1, с. 225.
3.3. Там же, с. 346.
3.4. А. Вайнштейн, Избранные труды: советская экономика 20-е годы. М. 2000, кн. 1, с.342.
3.5. XV съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1928, с. 762–763.
3.6. ЦПА, ф. 79, оп. 1, д. 686, л. 11.
3.7. Институт экономических исследований Госплана, На новом этапе социалистического строительства, М. 1934, т.2, с. 101
3.8. Громан В. Народное хозяйство СССР, с. 53.
3.9. Институт экономических исследований Госплана, На новом этапе социалистического строительства, М. 1934, т.2, с. 89.
3.10. Промышленность СССР, М. 1957, с. 34.
3.11. ЦПА, ф. 17, оп. 2, ед. хр.. 397, л. 10.
3.12. См. Трагедия советской деревни.., М. 2000, т.3, с. 549.
3.13. КПСС в решениях и резолюциях... М. 1984, т. 5, с.75.
3.14. Документы свидетельствуют, 1927-1928, 1929-1932, М. 1989, с. 12.
3.15. Ларин Ю. Частный капитал в СССР, М-Л, 1927, с. 66 и сл.
3.16. ЦПА, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 128, л. 85 и 86.
3.17. Там же, л. 93 и 95.
3.18. Правда, 1925, 3 апреля.
3.19. XV съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1928, с. 48; ЦПА, ф. 538, оп. 1, ед. хр.2743, Л. 144.
3.20. Бухарин Н. Избранные произведения, М. 1988, с. 126.
3.21. Институт экономических исследований Госплана, На новом этапе социалистического строительства, М. 1934, т. 2, с. 162.
3.22. Голоса крестьян, сельская Россия в крестьянских мемуарах, М. 1996, с. 51.
3.23. ЦПА, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 395, л. 5.
3.24. Дьяченко В. История финансов, М. 1978, с. 203.
3.25. Там же, с. 202.
3.26. Документы свидетельствуют, 1927-1928, 1929-1932, с.21 и23.
3.27. Голоса крестьян, сельская Россия в крестьянских мемуарах, М. 1996, с. 16.
3.28. Финансы и кредит СССР, М-Л, 1940, с. 202
3.29. XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1930, с. 298.
3.30. Трагедия советской деревни, М. 2001, т. 3, с. 846.
3.31. ЦПА, ф. 17, оп. 2, ед. хр.397, л. 5 и 9.
3.32. КПСС в резолюциях и решениях...М. 1984, т. 4, с. 373.
3.33. ЦПА, ф. 17, оп. 2, ед. хр. 417, л. 81,82.

3.34. Там же, л. 84–85.
3.35. Там же, л. 88–91
3.36. Там же, л. 93.
3.37. Там же, л. 245.
3.38. КПСС в резолюциях и решениях...М. 1984, т. 5, с. 48 и 49.
3.39. Сталин И. Соч. т. 12, с. 166.
3.40. Документы свидетельствуют, 1927–1928, 1929–1932, с. 30–31.
3.41. Там же, с. 312–313.
3.42. Трагедия советской деревни, материалы и документы, М. 2000, т. 2, с. 703.
3.43. Там же, с. 702.
3.44. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, документы и материалы, М. 2000, т.2, с. 796.
3.45. КПСС в резолюциях и решениях...М. 1984, т. 5, с. 72–75.
3.46. История КПСС, с. 185.
3.47. Документы свидетельствуют, 1927–1928, 1929–1932, с. 326.
3.48. ЦПА, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 2910, л. 1–3.
3.49. Сталин И. Соч. т. 12, с. 192.
3.50. ЦПА, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 2913, л. 66 и сл.
3.51. Документы свидетельствуют, 1927–1928, 1929–1932, с. 381.
3.52. Там же, с. 36.
3.53. Там же с. 37.
3.54. XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1930, с. 45.
3.55. Трагедия советской деревни, коллективизация и раскулачивание, документы и материалы, М. 2001, т. 3, с. 851–852.
3.56. Там же, с. 647.
3.57. Там же, с. 669.
3.58. Там же, с. 639.
3.59. XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1930, с. 31 32.
3.60. Там же, с. 733.
3.61. Народное хозяйство СССР в 1956 г. М, с. 105, 20 лет Советской власти, М. 1937, с. 43.
3.62. Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929/30 год, М. 1930, с. 141.
3.63. Трагедия советской деревни, М. 2001, т. 3, с. 440–441.
3.64. Там же, с. 606–607.
3.65. См. Белозерцев А. Зерновое хозяйство России, М. 1998, с. 75.
3.66. Там же, с. 73.
3.67. Народное хозяйство СССР в 1958 г. М, 1959, с. 445.
3.68. XVI съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1930, с. 732.
3.69. Гинзбург С. О прошлом для будущего, М. 1983, с. 80.
3.70. Там же, с. 82.
3.71. Там же, с. 90-92.
3.72. Арсенал степных кораблей. Ростов-на-Дону, 1979, с. 7.
3.73. Там же, 12.

3.74. Социалистическое сельское хозяйство М-Л, 1939, с. 11.
3.75. Промышленность СССР, М. 1964, с. 278, 279,
3.76. СССР – страна социализма, стат. сборник, М. 1936, с. 34.
3.77. Там же, С. 33.
3.78. Народное хозяйство СССР в 1958 году, М. 1959, с. 352.
3.79. Промышленность СССР, М. 1957, с. 192.
3.80. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1988, с.208.
3.81. Народное хозяйство СССР, стат. сборник, М. 1956, с. 144 и др.
3.82. Социалистическое сельское хозяйство М-Л, 1939, с. 23.
3.83. Там же, с. 38.
3.84. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 4, с. 382.
3.85. Голоса крестьян... М. 1996, с. 49.
3.86. Там же, с. 52.
3.87. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 5, с. 114.
3.88. Там же, с. 123.
3.89. Сельское хозяйство СССР, М. 1960, с. 196; Народное хозяйство СССР за 70 лет, с. 208, 210.
3.90. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с.656.
3.91. Сельское хозяйство СССР, М. 1960, с. 196 и Народное хозяйство СССР за 70 лет, стат. сборник, М. 1987, с. 208 и 210.
3.92. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 21, Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 208.
3.93. Трагедия советской деревни, коллективизация и раскулачивание, документы и материалы, М. 2001, т. 3, с. 790, 792–794.
3.94. Там же, с. 687–789.
3.95. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 285.
3.96. Второй пятилетний план.., с. 206.
3.97. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 21.
3.98. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, М. 1967, т. 2, с. 520 и 521.
3.99. Сельское хозяйство СССР, М. 1960, с. 13.
3.100. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 5, с. 114.
3.101. Народное хозяйство СССР в 1956 году, М. 1957, с. 128.
3.102. XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1934, с. 20.
3.103. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 21.
3.104. Социалистическое сельское хозяйство Союза ССР, М-Л, 1939, с. 47.
3.105. Трагедия советской деревни, коллективизация и раскулачивание, документы и материалы, М. 2001, т. 3, с. 823.
3.106. Народное хозяйство СССР, 1922–1972, с. 216.
3.107. Ж. Проблемы экономики, 1939, № 2, с. 81.
3.108. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 5, с. 125.
3.109. Голоса крестьян: сельская Россия XX века...М. 1996, с.46,49–50.
3.110. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 111–112.
3.111. Ж. Проблемы экономики, 1939, № 2, с. 83.
3.112. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 320–321.

3.113. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 258.
3.114. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 208 и 210, Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich, 1931, B. 1931, S. 56, Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich, 1939/40, B. 1940, S. 100–101.
3.115. Народное хозяйство СССР за 70 лет, стат. сборник, М. 1987, с. 208 и 258, Statistisches Jahrbuch fur das Deutsche Reich, 1941/42, B. 1942, S. 151, 435, 436.

Глава 4

4.1. Достижения Советской власти за 40 лет, М. 1957, с. 207.
4,2. Там же, с. 15.
4.3. Дьяченко В.П. История финансов СССР, М. 1978, с. 157.
4.4. КПСС в резолюциях и решениях, М. 1954, часть 2, с. 295.
4.5. Дьяченко В.П. История финансов СССР, М. 1978, с. 8.
4.6. СЗ СССР, 1930, № 28, с. 316.
4.7. Дьяченко В.П. История финансов СССР, М. 1978, с. 176.
4.8. Там же, с. 180–181.
4.9. Там же, с 192.
4,10. Финансы СССР, М. 1933, с. 36.
4.11. ИЭИГ, На новом этапе социалистического строительства, М. 1934, т. 2, с. 162.
4.12. Индустриализация СССР, 1929–1932, М. 1970, с. 33.
4.13. Финансы и кредит СССР, М-Л, 1940, с. 258; История социалистической экономики СССР, М. 1977, т. 3, с. 486.
4.14. Дьяченко В.П. История финансов СССР, М. 1978, с. 302.
4.15. Финансы СССР, М. 1933, с. 52.
4.16. Дьяченко В.П. История финансов СССР, М. 1978, с. 325 и 367.
4.17. Зверев А. Записки министра, М. 1973, с. 173.
4.18. Там же, с. 175.
4.19. Дьяченко В.П. История финансов СССР, М. 1978, с. 367.
4.20. Там же, с. 367.
4.21. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 620.
4.22. СЗ СССР, 1930, № 8, ст. 98.
4.23. СЗ СССР, 1931, № 4, ст. 52.
4.24. Там же.
4.25. Денежное обращение и кредит СССР, М. 1976, с. 91.
4.26. Ситнин В.К. События и люди, записки финансиста, М. 1993, с. 7
4.27. Там же.
4.28. Торговля СССР, стат. сборник, М. 1989, с. 74.
4.29. Сталин И. Соч. т. 12, с. 43.
4.30. Там же, с. 171.
4.31. ИЭИГ, На новом этапе социалистического строительства, М. 1930, т. 2, с. 5, 6, 10 и 11.

4.32. Осокина Ел. За фасадом «сталинского изобилия», М. 1998, с. 251 и сл.
4.33. См. Экономическая история России: XX век, кн. 2, с. 394.
4.34. См, Итоги десятилетия Советской власти, М. 1927, с. 361.
4.35. Осокина Ел. За фасадом «сталинского изобилия», М. 1998, с. 167.
4.36. Хлевнюк О. Политбюро, механизмы политической власти в 1930-е годы, М. 1996, с. 71.
4,37. КПСС в резолюциях и решениях, М. 1984, т. 5, с. 411.
4.38. Решения партии и правительств по хозяйственным вопросам, М. 1967, т. 2, с. 436.
4.39. КПСС в резолюциях и решениях, М. 1984, т. 5, с. 438.
4.40. Решения партии и правительств по хозяйственным вопросам, М. 1967, т.2, с. 388-389.
4.41. КПСС в резолюциях и решениях, М. 1984, т. 5, с. 406.
4.42. XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1934, с. 26.
4.43. ЦПА, ф. 558, оп.1, ед. хр. 5324 (макет 14 т. соч. И. Сталина).
4.44. См. СЗ СССР, 1934, № 61, ст. 445.
4.45. Денежное обращение и кредитная система СССР за 20 лет, М. 1939, с. XCVIII.
4.46. Торговля СССР, стат. сборник, М. 1989, с. 44.
4.47. Народное хозяйство СССР в 1956, М. 1957, с. 229.
4.48. XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 307 и 665.
4.49. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 5, с. 141.
4.50. Там же, с. 142.
4.51. Решения партии и правительств по хозяйственным вопросам, М. 1967, т. 2, с. 773.
4.52. Там же, с. 228.
4.53. Советская социалистическая экономика, 1917-1957, М. 1957, с. 441.
4.54. Голоса крестьян: сельская Россия в крестьянских мемуарах, М. 1996, с.145.
4.55. Там же, с. 78.
4.56. Там же, с. 86.
4.57. Там же, с. 86-87.
4.58. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 4, с. 434.
4.59. Решения партии и правительств по хозяйственным вопросам, М. 1967, т.2, с. 554–558.
4.60. Народное хозяйство СССР в 1956, М. 1957, с. 223.
4.61. Осокина Ел. За фасадом «сталинского изобилия», М. 1998, с. 148.
4.62. XVII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1934, с. 185.
4.63. История социалистической экономики СССР, М. 1978, т. 5, с. 141.
4.64. Народное хозяйство СССР в 1958, М. 1959, с. 798.
4.65. Внешняя торговля СССР, 1918-1966, М. 1967, с. 15.
4.66. Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет, М. 1967, с. 48–49.
4.67. Там же.

4.68. Микоян А. Так было, М. 1999, с. 378–379.
4.69. Внешняя торговля СССР за 1918–1940, М. 1960, с. 58, 110, 144, 178, 199.
4.70. Там же, с. 18, 58, 144.
4.71. Внешняя торговля СССР, 1918–1966, М. 1967, с. 17.
4.72. Там же, с. 14.
4.73. Микоян А. Так было, М. 1999, с. 738.
4.74. Лапидус И. и Островитянов К. Политическая экономия в связи с теорией советского хозяйства, М-Л, 1930, с. 473.
4.75. Малафеев А. История ценообразования в СССР (1917–1963), М. 1964, с. 404 и 407.
4.76. ИЭИГ, На новом этапе социалистического строительства, М. 1930, т. 2, с. 127.
4.77. Вайнштейн А. Избранные труды, народное богатство и народный доход России и СССР, М. 2000, кн. 2, с. 63.
4.78. Там же, с. 71 и 76.
4.79. Осокина Ел. За фасадом «сталинского изобилия», М. 1998, с. 255.
4.80. Малафеев А. История ценообразования в СССР (1917–1963), М. 1964, с. 130.
4.81. Там же, с. 181–182.
4.82. Промышленность СССР, М. 1957, с. 19,25 и 32; Малафеев А. История ценообразования в СССР (1917–1963), М. 1964, с. 407.
4.83. Труд в СССР, М. 1968, с. 81.
4.84. История ценообразования в СССР, 1921–1941, М. 1973, т. 2, с. 770–771.
4.85. Лившиц Р. Себестоимость продукции в тяжелой промышленности, 1961, с. 10 и сл.
4.86. Лир Ю. Проблемы ценообразования и рентабельности в угольной промышленности СССР, М. 1967, с. 13.
4.87. Малафеев А. История ценообразования в СССР (1917–1963), М. 1964, с. 400.
4.88. Столяров С. О ценах и ценообразовании в СССР, М. 1969, с. 57.
4.89. Малафеев А. История ценообразования в СССР (1917-1963), М. 1964, с. 187.
4.90. Там же, с. 187
4.91. Там же.
4.92. Там же, с. 402.
4.93. Там же, с. 404.
4.94. Там же, с.403.
4.95. О совершенствовании работы в области статистики цен, М. 1968, с. 6.

Глава 5

5.1. Народное хозяйство СССР, М. 1956, с. 17 и 162.
5.2. Добреньков В., Кравченко А., Социология, социальная структура и стратификация, М. 2000, т. 2, с. 6.
5.3. Струмилин С. Статистика и экономика, М. 1979, с. 294.
5.4. Народное хозяйство СССР, М. 1956, с. 28.
5.5. Вайнштейн Ал. Избранные труды, народное богатство и Народный доход России и СССР, М. 2000, кн. 2, с. 157.
5.6. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 41; Вайнштейн Ал. Избранные труды, народное богатство и Народный доход России и СССР, М. 2000, кн. 2, с. 334, 342, 351.
5.7. СССР – страна социализма, М. 1936, с. 52; Торговля СССР, М. 1989, с. 74.
5.8. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 258–259; Промышленность СССР, М. 1957, с. 328, 351, 371–373; Промышленность СССР, М. 1964, с. 44.
5.9. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 41; Малафеев А. История ценообразования в СССР (1917–1963), М. 1964, с. 407.
5.10. Торговля СССР, М. 1989, с. 237.
5.11. Население России в XX веке, т.1, с. 263.
5.12. Народное хозяйство СССР в 1956 году, М. 1957, с. 245.
5.13. Там же, с. 251.
5.14. Население России в XX веке, т.1, с. 388.
5.15. Народное хозяйство СССР в 1956 году, М. 1957, с. 271.
5.16. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, М. 1927, с. 91; Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987, с. 593.
5.17. Народное хозяйство СССР в 1956 году, М. 1957, с. 270.
5.18. Струмилин С. Статистика и экономика, М. 1979, с. 121–122.
5.19. Урланис Б. Рост населения Европы, М. с. 380-381.
5.20. Итоги выполнения первой пятилетки... М. 1933, с. 253; Второй пятилетний план... М. 1934, т. 1, с. 42.
5.21. Население России в XX веке, т.1, с. 349–350.
5.22. Там же, с. 346.
5.23. Народнохозяйственный план на 1936 год, М. 1936, с. 292.
5.24. Народное хозяйство СССР, 1922–1982, М. 1982, с. 9.
5.25. Макиавелли Н. Государь. Минск, 1998, с. 24.
5.26. Социум XX1 века: рынок, фирма, человек в информационном обществе, М. 1998, с.171.
5.27. Горьковский автомобильный, М. 1981, с. 23.
5.28. Емельянов В. На пороге войны, годы и люди, М. 1971, с. 5.
5.29. КПСС в резолюциях... т. 4, с. 339.
5.30. Сталин И. Соч. М. 1951, т. 12, с. 167–168.
5.31. Голоса крестьян: сельская Россия XX века...М. 1996, с. 146–148.
5.32. Трагедия советской деревни, М. 2000, т. 3, с. 717–719.

5.33. Там же, с. 720.
5.34. Голоса крестьян: сельская Россия XX века...М. 1996, с. 53–54.
5.35 XVIII съезд ВКП(б), стенографический отчет, М. 1939, с. 310.
5.36 Там же, с. 309.
5.37 Промышленность СССР, М. 1957, с. 19, 22, 25.
5.38 Иойрыш А. Бомба, М. 2000, с. 34.
5.39 Там же, с. 45.
5.40 Атомная отрасль России, М. 1998, с. 37–41.
5.41 Медведев Рой, О Сталине и сталинизме. М., 1990, с. 227.
5.42 Сталин И. Соч. т. 12, с. 14.
5.43 Подробнее см. Рой Медведев. О Сталине и сталинизме; Роговин В. «1937», М. 1996.
5.44 Судоплатов П. Спецоперации, Лубянка и Кремль, М. 1999, с. 83–84.
5.45 Роговин В. «1937», М. 1996, с. 25..
5.46 Вопросы истории КПСС, 1992, № 2–3.
5.47 Шелестов Д. Время Алексея Рыкова, М. 1991, с. 296–297.
5.48 Судоплатов П. Спецоперации, Лубянка и Кремль, М. 1999, с. 102 и сл.
5.49 Маршал Жуков Г. Воспоминания и размышления, М. 1990, т. 1, с. 352.
5.50 Судоплатов П. Спецоперации, Лубянка и Кремль, М. 1999, с. 138.
5.51 Иванов В. Маршал Тухачевский, М. 1990, с. 262–263.
5.52 Сталин И. Соч. М. 1997, т. 14, с. 257.
5.53 Сталин И. Соч. М. 1949, т. с. 34 и сл.
5.54 Фриш С. Сквозь призму времени, воспоминания, М. 1992, с. 201–202.
5.55 Там же, с. 188–189.
5.56 Там же, с. 194–195, 218.
5.57 Капица П. Письма о науке. М. 1989, с.5.
5.58 Там же, с. 34–35.
5.59 Там же, с. 39–40.
5.60 Фриш С. Сквозь призму времени, воспоминания, М. 1992, с. 213–214.
5.61 Там же, с. 224–225.
5.62 Ландау-Дробанцева К. Академик Ландау, воспоминания, М. 1999, с. 40–42.
5.63 Там же, с. 135. Капица П. Письма о науке. М. 1989, с.13.
5.64 Там же, с. 51
5.65 Атомная отрасль России, М. 1998, с. 40–42.
5.66 Саукке М. Неизвестный Туполев, М. 1993, с. 131 и сл.
5.67 Там же, с. 135.
5.68 Сталин И. Соч. М. 1997, т. 14, с. 284.
5.69 Андрей Николаевич Туполев, грани дерзновенного творчества, М. 1989, с. 242.
5.70 Саукке М. Неизвестный Туполев, М. 1993, с. 159 и сл.
5.71 Сталин И. Соч. М. 1997, т. 15, с. 15.
5.72 Ж. Авиация, время, 1996, N 6, с. 61.

5.73 Шавров В. История конструкций самолетостроения в СССР, М. 1988, с. 65-67.
5.74 Хрущев Н. Воспоминания, время, люди, власть. М. 1999, т. 1, с. 70.
5.75 Шелестов Д. Время Рыкова, М. 1990, с. 285.
5.76 Сталин И. Соч. М. 1997, т. 14, с. 205.
5.77 Рютин М. На колени не встану, М. 1992, с. 243 и 245.
5.78 Известия ЦК КПСС, 1990, № 7, из переписки А. Горького.
5.79 Сталин И. Соч. М. 1997, т. 14, с. 195.
5.80 Там же, с. 127.

Приложение

Совет народных комиссаров
Правительство России (СССР), 1929–1940

(по книге: Залесский К. Империя Сталина. – М., 2000)

Председатели СНК: Ленин В.И. (1917–1924),
Рыков А. И. (1924–1930),
Молотов В.М. (1930–1941).

Зам. председателя:

Чубарь В.Я.	(1923–1934),	Вознесенский Н.А.	(1938–1949),
Куйбышев В.В.	(1926–1934),	Каганович Л.М.	(1938–1944),
Рудзутак Я.Э.	(1926–1937),	Булганин Н.А.	(1938–1944),
Орджоникидзе Г.К.	(1926–1930),	Землячка Р.С.	(1939–1943),
Шмидт В.В.	(1928–1930),	Вышинский А.Я.	(1939–1944),
Андреев А.А.	(1930–1931),	Косыгин А.Н.	(1940–1953),
Межлаук В.И.	(1934–1937),	Малышев В.А.	(1940–1944),
Антипов Н.К.	(193–1937),	Первухин М.Г.	(1940–1944),
Микоян А.И.	(1937–1955),	Ворошилов К.Е.	(1940–1953),
Косиор С.В.	(1938)	Мехлис Л.З.	(1940–1944).

Председатели Госплана: Кржижановский Г.М (1921–1930),
Куйбышев В.В. (1931–1934),
Межлаук В.И. (1934–1937),
Смирнов Г.И. (1937),
Вознесенский Н.А. (1938–1941).

Председатели ВСНХ: Куйбышев В.В. (1926–1930),
Орджоникидзе Г.К. (1930–1932).

Наркомы финансов: Брюханов Н.П. (1926–1930),
Гринько Г.Ф. (1930–1937),
Чубарь В.Я. (1937–1938),
Зверев А.Г. (1938–1948).

Председатели Госбанка: Гричманов А.П. (1937–1938), Булганин Н.А. (1938–1940), Соколов Н.К. (1940), Булганин Н.А. (1940–1945).

Руководители органов гос. контроля: Орджоникидзе Г.К. (1926–1930), Андреев А.А. (1930–1931) Рудзутак Я.Э. (1931–1934), Куйбышев В.В. (1934–1935), Антипов Н.К. (1935–1937), Косиор С.В. (1938), Землячка Р.С. (1939–1940).

Наркомы отдельных отраслей промышленности:

Акимов И. – текстильная,
Анцелович Н. – лесная,
Брускин Н. – машиностроение,
Богатырев Б. – электропромыш-ть,
Ванников Б. – вооружений,
Вахрушев В. – угольная,
Гилинский А. – пищевая,
Денисов М. – химическая,
Ефремов А. – машиностроение,
Жемчужина П. – рыбная,
Зотов В. – пищевая,
Иванов В. – лесная,
Ишков А. – рыбная,
Кабанов И. – пищевая,
Каганович Л.М. – тяжелая, нефтяная,
Каганович М.М. – авиационная,
Косыгин А.Н. – текстильная,
Лобов С. – лесная,
Ломако П. – цветная металлургия,
Лукин С. – легкая,
Любимов И. – легкая,
Лотков А. – электростанций,
Лихачев И. – автомобильная,
Львов В. – машиностроение,
Малышев В. – машиностроение,
Межлаук В. – тяжелая, маш-ие,
Микоян А. – пищевая,
Меркулов Ф. – черная металлургия,
Носенко И. – судостроение,
Орджоникидзе Г. – тяжелая,
Паршин П. – машиностроение,
Первухин М, – электростанции,
Пронин Н. – пищевая,
Рахимович М. – оборонная,
Рыжков М. – лесная,
Самохвалов А. – цветная металлургия,
Смирнов Л. – пищевая,
Седин И. – нефтяная,
Сергеев И. – боеприпасов,
Соснин Л. – стройматериалов,
Тевосян И. – судостроение,
Чеботорев Н. – бумажная,
Шахурин А. – авиационная,
Шестаков В. – легкая.

Наркомы земледелия:

Яковлев Я. (1929–1934), Чернов М. (1934–1937), Эйхе Р. (1937–1938), Бенедиктов И. (1938–1943).

Председатели комитета (наркомы) по заготовкам:

Клейнер И. (1934–1937), Скрынников К. (1938–1939),
Кольцов Ф. (1937–1938), Донской В. (1940–1941),
Попов М. (1938)

Наркомы путей сообщения:

Рудзутак Я. (1924–1930), Каганович Л. (1935–1937)
Рухимович М. (1930–1931), Бакулин А. (1937–1938),
Андреев А. (1931–1935), Каганович Л. (1938–1942)

Нарком по строительству: Гинзбург С. (1939–1947)

Наркомы внутренней торговли:

Вейцер И. (1934–1937), Любимов А. (1939–1948).
Смирнов М. (1937–1938)

Наркомы внешней торговли:

Розенгольц А. (1930–1937), Чвялев Е. (1938),
Судьин С. (1937), Микоян А. (1938–1949)

Научное издание

Белоусов Рэм Александрович

Экономическая история России: XX век

Книга III

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ РОСТА И ОБНОВЛЕНИЯ

Книга издается в авторской редакции

Подписано в печать 27.06.02. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25. Тираж 3000 экз.
Заказ № 6488

Издательство по Атомной науке и технике ИздАТ
Международной Ассоциации Союзов «Чернобыль-Атом»
123182, Москва, ул. Живописная, д. 46: тел. 190 9097

Московская типография № 2 РАН
121099, Москва, Г-49, Шубинский пер. 6